

ГРОЗНЫЕ ГОДЫ

сборник

*Перевод
с сербскохорватского
Л. И. Баша,
Т. А. Полянской,
И. Д. Юферева*

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1983

И(Югосл.)
Г86

Грозные годы: Сборник / Пер. с сербскохорв. Л. И. Баша, Т. А. Полянской, И. Д. Юферева. — М.: Воениздат, 1983. — 303 с.

В пер.: 2 р.

В сборник вошли роман «Игманский марш» Д. Лабовича и рассказы М. Гончина и М. Реновевича Невена, посвященные теме антифашистской борьбы в Югославии в годы второй мировой войны. Перед читателем предстают бойцы и командиры народно-освободительной армии, наделенные благородными чертами бесстрашия, готовности к самопожертвованию, верности долгу. Одновременно авторы клеймят позором немецких и итальянских фашистов с их человеконенавистнической идеологией, варварством и жестокостью.

Книга предназначена для массового читателя.

© Перевод на русский язык, Воениздат, 1983

Джурица ЛАБОВИЧ ИГМАНСКИЙ МАРШ

Старинная легенда рассказывает, что однажды поздней осенью молодые влюбленные Азра и Милош, спасая свою жизнь и запретную любовь, после целого года нелегких скитаний добрались до затерявшегося среди скал холодной Боснии голубого родника. Измученные и голодные, они решили положить конец страданиям и умереть. И в ту самую минуту, когда Милош прощался со своим мечом и любимой девушкой, на них набрел, ведя за собой на поводу коня, пожилой однорукий солдат. Он предотвратил гибель Милоша, подарил ему коня и сказал: «Скачите к Игману. Там вы найдете свое спасение... Пусть не пугает вас эта высокая гора. Летом, окутанная голубой дымкой, она красива и величественна. Зимой над нею бушуют ураганы и снежные бури, но она по-прежнему величественна и красива, хотя и сурова...» Молодые люди последовали совету солдата.

Когда в Яхорине стало известно, что эти двое находятся на Игмане, за ними направились два отряда преследователей. Одному отряду едва удалось добраться до половины заснеженной горы, а другому — до Черной вершины. Азру и Милоша преследователи так и не нашли, и сами оттуда живыми не вернулись...

Прошло немного времени... Пока в Гласинце, Романии и Яхорине передавали из уст в уста историю Азры и Милоша, сами они, перейдя через Игман, спустились по его противоположному склону в долину и там, где в Дрину впадает Чехотина, на месте нынешней Фочи, построили себе дом, в котором Азра вскоре родила трех сыновей — трех первых сплавщиков на Дрине, известных в народе как братья Обретенковичи...

Такова легенда об этой любви. А в книге речь пойдет совсем о другой любви и других людях, перешедших через Игман, — о бойцах Первой пролетарской народно-освободительной ударной бригады, героях, которыми будут восхищаться их внуки и правнуки и примеру которых будут следовать...

1

Прибытие в Рудо

В Рудо они пришли в сумерках... Глухо звучали в тишине шаги усталых бойцов, идущих в колонне по деревянному настилу моста через Лим...

День был ясный и холодный. Лужи на дорогах замерзли, в лощинах и над извилистым руслом Лима, в котором заметно прибавилось воды, стоял туман.

Через два дня в Рудо должно было начаться формирование Первой пролетарской народно-освободительной ударной бригады. С окрестных холмов спускались все новые и новые отряды партизан, прибывавшие со всех концов оккупированной фашистами Югославии. Одних тут же размещали по домам, другие сразу уходили на фронт, чтобы защищать город, в котором уже были созданы Народно-освободительный комитет и Комитет КПЮ, третьи помогали в швейных и обувных мастерских, в пекарнях, работавших на пределе.

Один из отрядов, шедших в Рудо, вел Воя Васич, учитель из Нижней Трнавы, что под Прокупле, — крепкий, статный усатый парень с ручным пулеметом на плече, в белой меховой шапке и длиннополой офицерской шинели. Когда люди взбирались по склонам Виярца и Сирова-Горы, он шел первым и, с трудом продвигаясь под тяжестью пулемета и ранца, прокладывая тропу в мокром снегу. Следом за ним шли остальные. Он их подбадривал, повторяя, что идти осталось немного, что Рудо уже совсем близко. Увидев наконец город, Васич что-то не очень внятно запел от радости и вдруг провалился в сугроб. Поднявшись, он обернулся к идущим и воскликнул:

— Рудо, товарищи!.. Это Рудо!

Из середины колонны вышел Гавро Гаврич, двадцатилетний студент из Земуна. Он остановился, удивленный, как будто увидел не ветхие одноэтажные домишки, а огромные строения, широкие улицы и площади. На его худом загорелом лице со множеством мелких веснушек появилось выражение тревоги и озабоченности. Он не сводил взгляда с городка и не двигался, словно у него не было сил идти дальше. С губ его,

казалось, готовы были сорваться слова сожаления. Зачем он, оставив свои родные места, пришел сюда? На нем были гимназическая фуражка с красной пятиконечной звездой и короткий черный полушубок. За ремень с патронташем были заткнуты вальтер и несколько ручных гранат. Одна штанина у него была разорвана и болталась над солдатским башмаком, а другая засунута под белый шерстяной носок, подтянутый почти до колена. Был он высок ростом и худощав. А мятая, изорванная одежда говорила о том, что внешний вид его мало заботит.

Гаврич сошел с тропы и остановился, не вынимая рук из карманов полушубка. Он устремил взгляд туда, где вдали чернели в садах ряды сливовых деревьев. К северо-востоку от садов виднелось с полсотни домов, над крышами которых вился дымок.

— Что с ним? Может, он сомневается, что в городе наши? — спросил Шиля.

— Пошли, Гаврош! Пошли скорей! — крикнул Воя, увидев, что следовавшая за Гавричем часть колонны тоже остановилась.

— Зачем спешить, ведь мы уже почти пришли, — возразил Шиля.

— Дайте человеку спокойно посмотреть, — поддержал его Лека, который, как и Воя, нес ручной пулемет.

— Пошли, ребята! — повторил Воя и взмахнул рукой. — Мы так долго стоим тут, что можем вызвать у наших в Рудо подозрение...

— Мне придется еще немного злоупотребить вашим терпением, — пробормотал Гаврош, все так же задумчиво глядя вдали.

И пока Гаврош стоял, хмурия брови, к нему подошел Мичо Ратинац — пожилой рабочий с седой головой, напоминавший Гаврошу лучшего друга отца майора Владо Ракича, о котором в Шумадии ходили легенды еще со времен первой мировой войны.

— Что с тобой, сынок? — озабоченно спросил он.

— Смотрю, и что-то мне не по себе.

— Все будет как надо! — улыбнувшись сказал Мичо Ратинац.

— Когда, дядя Мичо? — взглянув на него, спросил Гаврош.

— Скоро... Вот соединимся с нашими. Потом первый бой — и все наладится. — Он дружески похлопал Гавроша по плечу.

Однако беспокойство Гавроша все же передалось и ему. Обернувшись и увидев рядом с собой своего сына, веселого и беззаботного, Мичо тяжело вздохнул. Для него Гаврош, как и большинство партизан их отряда, был еще мальчиком, гимназистом, не успевшим распрощаться с детством, но уже бойцом, который стреляет, убивает, видит кровь и страдания ближних. Слишком рано в детство этих юношей ворвались бои, напряженные марши, взрывы и стоны.

В вечерней тишине, когда на западе уже догорал закат, а на востоке голубое небо заволочла сероватая мгла, с холма, который возвышался довольно далеко от теснящихся вокруг площади домишек городка, докатились три приглушенных расстоянием взрыва.

— Все будет как надо! — повторил старший Ратинац, подвязывая ремешком развалившийся левый башмак, и добавил: — Как бы я хотел стать для всех вас вторым отцом: и для тех, чьи отцы далеко, и для тех, у кого их вообще нет!

— Посмотри, как все сразу изменилось! Еще совсем недавно, когда мы вышли из леса, земля была залита солнцем, а теперь?.. Я, правда, уже привык к таким переменам, — задумчиво проговорил Гаврош.

— Что ж, такова жизнь, — сделал вывод старший Ратинац. — Но, как бы там ни было, все будет как надо!

Гаврош только покачал головой.

— Короткий привал! — скомандовал Воя Васич и воткнул приклад своего пулемета в густые ветки куста рядом с собой.

Когда все расположились на отдых, Гаврош подсел к Мичо Ратинацу. Они сидели, прислушиваясь к шуму бурлящей где-то внизу реки.

— Не найдется ли у тебя закурить, Драгослав? — обратился Гаврош к младшему Ратинацу.

Покачав отрицательно головой, Драгослав повернулся к партизану, который сидел, прислонившись к остаткам какой-то деревянной изгороди, и спросил:

— Шиля, и у тебя нет?

— Последнюю с Лекой выкурили.

— А у Вои?

— Если б у него были сигареты, он сам дал бы их нам...

Подошел Воя и сел между Драгославом и Гаврошем.

— Что с тобой? — спросил он Гавроша, озабоченно глядя ему в глаза.

— Не знаю, как тебе и сказать, — ответил тот. — У меня такое предчувствие, что моих и в Рудо нет...

— Но ведь это только предчувствие! — махнув рукой, сказал Воя.

— Я сейчас настолько в этом уверен, что охотнее вернулся бы обратно в Шумадию, даже один... Ведь если они живы, то наверняка там! — мрачно заключил Гаврош.

Они умолкли. Шиля, который все еще неподвижно сидел у изгороди, сказал ему, приподняв брови, что как раз сейчас нелепо горевать и хмуриться.

— Я считаю, что никогда и ничего не следует преувеличивать, — добавил он. — Никто не знает, что будет завтра.

— Все будет как надо! — снова повторил старший Ратинац.

— Если ты, Шилия, не веришь в завтрашний день, то тебе вообще не следовало идти в партизаны, — пошутил Драгослав.

— Гаврош знает, что я имею в виду! — рассердился Шилия.

— Человек всегда должен во что-то верить, — сказал Гаврош. — Я, например, сейчас хотел бы верить, что мои находятся в Рудо...

— А я верю только в свободу и смерть, — перебил его Шилия. — В жизнь, свободу и смерть! — повторил он энергично.

Мичо Ратинац снова посмотрел на Гавроша:

— До этого ты спешил больше всех, а теперь колеблешься!.. Плохо, что тебя мучают какие-то сомнения и предчувствия...

— Вот именно. И я то же самое говорю, — поддержал его Шилия. — А когда мы шли, я едва поспевал за ним...

Понимая, что разговор ни к чему не приведет, Воя встал, чтобы взять свой пулемет.

— Пошли! — заметив это, крикнул дядя Мичо и бодро вскочил на ноги. — Придет день — и все будет как надо! — уже в который раз повторил он.

Гаврош улыбнулся, грустно посмотрев на Шилию большими серо-зелеными глазами.

— Ну что ты раскис, Гаврош? — спросил, подходя к ним Артем. Три месяца назад гитлеровцы расстреляли возле Чачака его отца. Именно поэтому Артем имел право говорить с Гаврошем резче, чем остальные. — Не вешай нос, тем более что наверняка тебе еще ничего не известно!

— Что поделаешь, Артем, вот уже неделю меня гложет эта тревога, — ответил Гаврош.

— У тебя осталась надежда встретить отца в Рудо... Видишь, ты все-таки можешь надеяться!.. Я был бы счастлив, если бы мог надеяться, — добавил он искренне.

Гаврош не только ничего не сказал в ответ, но даже не посмотрел на него. Он отвернулся в другую сторону, будто и не слышал слов товарища. Артем обиделся, смерил его хмурым взглядом и пошел к Вое.

— Когда человек ставит перед собой какую-то цель, он должен набраться сил, прежде чем идти к ней, — снова заговорил Шилия. — Назад, дружок, нельзя! Не разрешается... Революция, как сказал вчера Лека, не отступает...

Воя перебросил пулемет через плечо.

— Вперед! — скомандовал он и взмахнул рукой.

Колонна тронулась.

Артем немного задержался, чтобы подождать Гавроша,

— Что ты сказал своему отцу? — спросил Мичо Ратинац у Гавроша.

— Перед выходом из Земуна я ему пообещал, что вернусь за ним не позже чем через два дня... Я должен был проверить связь, но мне так хотелось увидеть брата Горчина и Хайку! Это и помешало мне вернуться в Земун. С тех пор отца я не видел...

— А их ты нашел? — остановившись, спросил Мичо Ратинац,

— Какое там!.. Горчин скрылся с группой земунских скоевцев¹, а Хайка вернулась, рассчитывая на каких-то родственников на Космае... Когда мы были в Ужице, мне сказали, что она ушла с другой группой земунских подпольщиков к Фрушка-Горе... Мой отец — капитан пехоты... Четники² как раз им заинтересовались, а я бросил его в такую трудную минуту.

Ратинац ускорил шаг, чтобы догнать голову колонны. Может, он поторопился уйти потому, что не знал, как утешить Гавроша.

Артем, который сочувствовал Гаврошу и понимал всю тяжесть мучившей его неизвестности, как только увидел, что старик отошел, догнал Гавроша и стал его успокаивать и ободрять, а потом спросил, что он будет делать, если найдет отца, брата и девушку в Рудо.

Гаврош не знал, что сказать, и хотел промолчать, но потом, не удержавшись, довольно резко все же ответил, что никакие утешения ему не нужны и что, несмотря на все свои личные несчастья, он никогда не нарушит воинскую дисциплину. И добавил, что ему просто вспомнились отец, брат, любимая девушка, дружеские встречи, вечеринки, общие заботы и волнения и что забыть все это его может заставить только смерть.

Его вдруг охватило отчаяние. Он представил себе, как мать получает одно за другим извещения об их гибели с выражением сочувствия, и подумал, что в конце концов она и сама может от горя заболеть и умереть. Война не дала ему продолжать работу и учебу, разлучила с любимой. Один из лучших студентов юридического факультета, убежденный коммунист и верный товарищ, он заслужил любовь и уважение всех, кто его знал. Ему всегда приходилось четко распределять свое время между работой, семьей и Хайкой. Девушка тоже училась. Она на все смотрела такими же ясными глазами, как и он. Вечерами, оставшись один, он часто просиживал в своей комнатке за книгой до самого рассвета. Старался не курить и не пить ракию. Сейчас все переменялось. Чтобы не мучиться от голода, он начал курить, а иногда не отказывался и от предложенной ему рюмки, веря,

1 Члены Союза коммунистической молодежи Югославии. — *Прим. ред.*

2 В годы второй мировой войны так называли себя члены реакционной националистической организации, возглавляемой Дражей Михайловичем, боровшиеся против народно-освободительных сил Югославии. — *Прим. ред.*

что это поможет отогнать тревожные мысли и предчувствия. Теперь ему приходилось испытывать изнуряющее душевное напряжение, страшную усталость и мучительный голод. Он изведal все то, о чем раньше знал только из книг или кинофильмов. Когда казалось, что он, голодный и усталый, уже не может идти, когда во время атак во рту пересыхало и не хватало дыхания, когда не было силы перепрыгнуть даже через самую маленькую канавку, когда он видел, как погибают стоящие рядом с ним товарищи, когда приходилось спать на голом полу или даже просто на земле, он дал себе клятву выдержать. Выдержать и с честью дойти до самого конца, что бы ни случилось с ним или его близкими.

Так, погруженный в свои мысли, шел он в колонне партизан, приближаясь к Рудо.

Послышался нарастающий гул беспокойно бурлящей реки. Прислушиваясь к этому гулу, он вдруг отчетливо вспомнил, как всю прошлую ночь шумел столетний бор, мрачный и бескрайний. В ту ночь он шел первым, прокладывая колонне путь по снежной целине, и вдруг услышал что-то злобещее в завываниях ветра; ему привиделись какие-то улицы, аллеи, замки, темные извилистые коридоры, из-за мрачных стен которых доносились стоны и мольбы. Утром, когда взошло солнце и от голубовато-серебристого блеска снега начало покалывать в глазах, ему стали чудиться гигантские соборы из граненого стекла, в котором преломлялся солнечный свет, распадаясь на множество оттенков и красок.

— Дядя Мичо прав, когда говорит, что все будет как надо! — догнав Гавроша, добродушно заявил Шиля, все время старавшийся поддержать и подбодрить друга.

— ...Хайка оставила Земун, чтобы найти меня, я искал Горчина, а отец пошел искать всех троих, — задумчиво продолжал Гаврош, глядя на Шилю.

— Капитан Гаврич еще пригодится нашей революции, — вставил Артем.

Он вытащил из кармана приготовленную самокрутку, переломил ее пополам и протянул половинку Гаврошу:

— Кури!

Гаврош с благодарностью посмотрел на Артема, коря себя за то, что своим поведением едва не обидел товарища. Этот простодушный смелый партизан, мягкий, одинаково искренний с каждым, не только надежно прикрыл его отход на Кадияче, но и нес его потом, контуженного, больше двух километров; именно Артем, когда Гаврош решил идти в партизаны, познакомил его с нужными людьми и провел на свободную территорию. Артем был среднего роста, но ширококостный и потому казался сильным и крепким; он носил кепку, из-под которой выбивались длинные белокурые волосы. Лицо у него было румяное, немного вытянутое, с сильными челюстями, губы пухлые, нос приплюснутый, под густыми бровями светились голубые глаза. Он ходил твердым, размеренным шагом и никогда не жаловался на усталость. Сейчас Артем стоял, задумчиво глядя на горизонт, и вполголоса, наверное самому себе, что-то говорил, потом обернулся и, заметив, что Гаврош внимательно прислушивается к его словам, произнес громче:

— Советская власть со времени Октябрьской революции привлекла на свою сторону довольно много царских офицеров... Стало быть, если руководствоваться ее опытом, можно сказать, что капитан Гаврич нам просто необходим...

— Так и должно быть, Артем. И наверное, как говорит дядя Мичо, все будет как надо, — согласился Гаврош. — Но что поделаешь, если я в последнее время чувствую себя виноватым?.. А точнее — каким-то бездомным существом, у которого никого и ничего нет...

Артем внимательно посмотрел на него. Он был удивлен, потому что всегда считал Гавроша человеком очень сильным и выдержанным. От всей фигуры Гавроша, от его лица с доброй улыбкой исходила какая-то магическая сила. Возле Гавроша Артем чувствовал себя спокойно и уверенно.

— Как ты можешь так говорить?! — возмутился он. — Насколько мне известно, партия и товарищи от тебя не отвернулись, Хайка — тем паче... Жизнь у тебя шла как по маслу... Возьми себя в руки, братец!

— Да и мы для него, наверное, что-нибудь значим, — вставил Шиля.

— Я вам про Фому, а вы мне про Ерему, — сказал Гаврош и, схватив горсть снега, бросил Шиле в лицо.

— Перестань дурить! — рассердился Шиля. — Я серьезно говорю!

Гаврош швырнул в него еще один снежок.

— Я, конечно, не буду критиковать тебя за это на партсобрании, — продолжал Артем, — однако тебе все же придется признать, что ты вел себя неправильно...

— Неправильно и глупо! — добавил Шиля.

— Отец оставил Земун, чтобы найти нас с Горчином и больше уже с нами не расставаться, — продолжал Гаврош. — Он сказал мне: «Я знаю, что вы оба коммунисты, и вижу, что значит для вас партия... Иди... Там место нам всем троим». А я, дорогой Артем, ушел и не выполнил своего долга по отношению к нему...

— Мы вместе ушли из Земуна, — заметил Артем.

— Мне потому так тяжело, что я привязал отца к дому своим обещанием вернуться... Ведь он обратился ко мне сначала как к коммунисту, а уж потом как к сыну.

— Лека говорит, что капитан Гаврич ушел из Земуна вместе с группой белградцев, — сказал Шиля. — Так что не унывай.

Они спустились на равнину. На берегах пенистого Лима кружилась и свистела метель. Они уже были на окраине городка, когда дневной свет почти совсем померк и в окнах стали загораться огоньки.

Их остановил патруль — два партизана в крестьянских башмаках, черных солдатских шинелях и шапках из заячьего меха.

— Эй, товарищи, откуда вы? — спросили их партизаны. — Кто вы?
— Мы — бойцы народной армии! — ответил Воя, направляясь к ним.
— Добро пожаловать, братья сербы!
— Привет черногорским соколам! — ответил Шиля и, закинув винтовку за плечо, раскрыл объятия. Рукопожатиям, улыбкам, смеху не было конца.

Начальником патруля оказался красивый молодой человек с добрым, но волевым лицом. Приветливая улыбка, было похоже, никогда не сходила с его губ. Бывший студент, родом из Гусине, он получил боевое крещение во время восстания 13 июля — в атаке на Плав и в бою за Плевлю. Увидев Леку Марича, которого знал еще со студенческих лет, он схватил его за плечо и повернул к себе:

— Лека, братишка!..

— Джюра, друг!

Они крепко обнялись.

— Ну как вы? Добрались наконец...

— Да, потихоньку... А как ты?

— Все в порядке, — ответил Джюра.

— Сколько здесь собралось народу? — спросил у Джюры Воя,

— Нас, черногорцев, довольно много, а если еще и вы, сербы, будете продолжать подходить сюда, то в Рудо станет тесновато для такой армии, — ответил Джюра.

Вслед за патрулем все двинулись к центру города. Топая по замерзшей грязи, они шли к зданию, в котором было решено их разместить.

Шиля, Джюра, Воя и Лека затянули партизанскую песню:

Золотятся колосками
Шумадийские поля,
Славится большевиками
Шумадийская земля!..

После обильного и вкусного ужина Гаврош и Шиля вышли на площадь. По дороге они встретили нескольких старых знакомых. Несмотря на то, что уже наступила ночь, многие горожане не спали.

Охваченный неодолимым желанием хоть что-нибудь узнать об отце, брате или Хайке, Гаврош никак не мог избавиться от чувства страха и опустошенности. Проходя по одной из улиц, он вздрогнул от неожиданности, увидев в свете фонаря лицо своего старого знакомого из Земуна, недавнего студента педагогического института, коммуниста, отбывшего каторгу. Гаврош кинулся ему навстречу:

— Кого я вижу!

— Неужто это ты, Гавро Гаврич?!

— Войкан Медич, друг ты мой!..

Шиля остановился чуть поодаль.

— Ну, как живешь? — спросил Гавроша Медич и, не дождавшись ответа, крепко обнял его.

— Я-то живу хорошо, но ничего не знаю об отце и брате, — ответил Гаврош.

— Насколько мне известно, здесь их нет, — уверенно проговорил Медич. — Недавно я составлял в штабе списки личного состава, так вот капитана Гаврича и Горчина в этих списках не было.

— А среди наших раненых в Рудо? — спросил Шиля.

— Там их тоже нет.

— Ну а какие-то отряды ведь находятся на позициях? — не отступал от своего Шиля.

— Это верно. Рудо обороняют небольшие отряды... И учти: еще не все группы прибыли в городок...

— Ну что ж, тогда будь здоров, — простился с другом Гаврош.

До поздней ночи обходили они вдвоем с Шилей дома, в которых разместились партизаны. Вернувшись, они успели еще побывать на заключительной части лекции, которую читал Лека.

Усталый Гаврош вполуха слушал Леку. Когда он задремал, заместитель командира отряда потрянул его за плечо и сказал, что пришел его черед сменить часового у моста через Лим.

2

Встреча так называемых союзников

Те, кто, обладая силой и могуществом, руководствуются в своих действиях негуманной идеологией, рано или поздно встретятся с озлоблением и сопротивлением подвластных им людей...

В тот же вечер, когда в Рудо прибывали отряды партизан, на аэродроме в Земуне за короткий промежуток времени приземлились три военных самолета. Сначала на стоянку неподалеку от здания аэропорта первым подрулил громоздкий транспортный «юнкерс». Чуть позже приземлились два сопровождавших его «мессершмитта». Из «юнкерса» вышел фельдмаршал Вильгельм Лист, командующий оккупационными войсками на Балканах, — поджарый костлявый человек лет шестидесяти, с живыми умными глазами на овальном морщинистом лице, в очках, в длинном кожаном пальто и сапогах. Это был один из немногих

фельдмаршалов вермахта, имевших собственное мнение, человек очень резкий, чья философия основывалась на следующих главных понятиях: уничтожение, разрушение и ненависть. Эти три слова, демонстрирующих общность его взглядов с идеями фюрера, лежали в основе всех его речей, приказов и распоряжений. На них основывалась и его преданность третьему рейху.

Правда, сейчас его неистощимая энергия сменилась лихорадочной суетливостью, а непомерная амбициозность была надломлена. Ему было конфиденциально сообщено, что сражение под Москвой полностью проиграно. От своего старого приятеля он узнал о зашифрованном донесении генерал-полковника Ганса Гудериана, в котором тот сообщал, что положение на фронте сложилось тяжелое и нет возможности даже обороняться, и что реакция Гитлера была лаконичной: никакого отступления. Из этого не только ему, фельдмаршалу, но и любому неискушенному человеку было ясно, что последуют еще большие потери в людях и технике. Ему также было известно, что за три дня до его прибытия в Земун негласно уволен в отставку фельдмаршал фон Браухич, а генерал-полковник Эрих Гёпнер разжалован, и что как раз в эти дни, когда в Рудо формировалась партизанская бригада, тридцать пять командиров дивизий и корпусов, оказавшись в разной степени в немилости, отозваны с Восточного фронта и возвращаются в Германию. Впервые за всю свою долгую военную карьеру фельдмаршал Лист почувствовал, как недолговечны милости и привилегии, как преходяща власть... Так же как и большинство немецких генералов, он хоть и презирал своего фюрера, но в то же время соревновался с ними в подхалимстве и показной верности ему.

Фельдмаршал наконец отчетливо понял, что сдавивший их всех железный обруч не оставляет ни малейшей возможности выбраться из создавшейся ситуации.

Выйдя из самолета, он направился к группе офицеров и принял рапорт генерала Гарольда Турнера — начальника штаба оккупационных войск в Сербии, которыми командовал генерал Бадер. Выслушав его с рассеянным видом, он ответил на приветствия офицеров и вошел в небольшое одноэтажное здание, расположенное поблизости.

— У вас есть сведения о прибытии итальянских генералов? — спросил он, посмотрев на часы.

— Они должны прибыть с минуты на минуту, господин фельдмаршал, — ответил Турнер.

Раздался стук в дверь. В вошедшем фельдмаршал Лист узнал подполковника абвера Отто Майера.

— Рад видеть вас снова, господин фельдмаршал! — с улыбкой произнес Майер.

— Канарис обещал предупредить вас о моем приезде и о том, что меня интересует.

— Я все приготовил, — подтвердил Майер.

Когда они сели, он достал из папки бумаги.

— Итак...

— Прежде всего я хочу охарактеризовать вам генерала Витторио Амброзио, командующего 2-й итальянской армией. Ему шестьдесят лет. Он участник итало-турецкой войны 1911—1912 годов, из-за Ливии, был тогда командиром кавалерийского эскадрона. В первую мировую войну — начальник штаба дивизии. Как союзник он ненадежен, хитер, ловок и очень умен. Установлено, что к нашим противникам он питает непомерное уважение.

Фельдмаршал несколько раз кивнул, как бы соглашаясь или давая понять, что это ему известно.

— А что вы можете сказать о господине Кавальеро? — поинтересовался он.

— Генерал Уго Кавальеро на семь лет моложе генерала Амброзио. Возможно, он уже произведен в маршалы... Во время первой мировой войны был офицером генерального штаба. За верность дуче и нам в 1940 году назначен начальником генерального штаба и командующим 9-й армией, действовавшей в Албании. В войне с Грецией войска, которыми он командовал, потерпели несколько поражений. При нападении на Югославию командовал итальянскими соединениями, наступавшими из Албании. К восстанию в Югославии относится очень серьезно. Это, господин фельдмаршал, человек, преданный третьему рейху больше, чем можно было бы ожидать.

Генерал Турнер, подойдя к окну, сообщил:

— Еще один самолет приземлился!

Все трое вышли наружу. Светлая импозантная «савойя», сверкая в свете прожекторов гладким металлом, выглядела на этом поле чересчур шикарно.

Отто Майер, откозыряв начальству, ушел, а генерал Турнер и фельдмаршал Лист направились к итальянскому самолету.

Из него выдвинулся трап, по которому легко, несмотря на свои шестьдесят лет, спустился генерал Витторио Амброзио. Добродушно улыбаясь, он направился к Листу.

— О, дорогой мой друг! — воскликнул Амброзио по-немецки.

— Ценю вашу пунктуальность, — пожав ему руку, сказал Лист и, обернувшись, представил Турнера: — Начальник наших оккупационных войск в Сербии господин Га...

— Гарольд Турнер, — подсказал тот.

— Мое почтение! — Генерал Амброзио протянул ему руку.

— Добро пожаловать, господин генерал!

По узкой дорожке, усыпанной гравием, они пошли к дому.

— А вот Уго Кавальеро запаздывает! — заметил фельдмаршал Лист.

— По моим сведениям, сюда должен был приехать не он, а генерал Маротти! — удивился Амброзио.

— Во всяком случае, должен прибыть кто-то из 9-й армии... или из генерального штаба...

— О боже! — вырвалось у Амброзио.

— Что такое?! — уставившись на него, спросил Лист.

— Я забыл сообщить вам... Только что в самолете я получил радиogramму из Тираны о том, что генерал Маротти не смог сегодня вылететь из-за погодных условий... Что поделаешь — стихия! — разведа руками, пояснил он.

— Когда вылетал я, погода тоже была далеко не идеальной!.. — съязвил фельдмаршал и взглянул на Турнера, который внимательно слушал их. И фельдмаршалу вдруг показалось, что и этот генерал, может быть, относится к числу тех, кто готов обвинить в чем-то других, чтобы показать себя в выгодном свете. Обращаясь вновь к Амброзио, он сказал, повышая голос:

— Никто меня не принудит выполнять этот сизифов труд... Если я втащу камень на вершину горы, то он там и останется...

— Генерал Маротти определенно не смог вылететь, — повторил Амброзио.

— Ничто не должно было ему помешать! — сердито передернувшись, возразил Лист.

— Я говорю совершенно искренне, — с улыбкой произнес Амброзио. — Древние римляне утверждали, что искренность в жизни — достоинство, а в политике — недостаток... Надеюсь, вам моя искренность придется по душе, — добавил он, коснувшись локтя фельдмаршала.

— Да-да, — рассеянно подтвердил Лист.

— Насколько мне известно, господин фельдмаршал, генерал Маротти весьма предан фюреру...

Они остановились под фонарем, слабо освещавшим вход в здание, над которым развевался нацистский флаг. Лист недоверчиво посмотрел на собеседника, едва удерживаясь от того, чтобы не высказать всего, что он думает о командующем 9-й армией и начальнике итальянского генерального штаба, а может, и о самом Амброзио. На его мрачном лице застыло холодное, презрительное выражение, тогда как на губах итальянца то и дело мелькала лукавая улыбка. Тут Лист подумал, что вместо взаимной подозрительности их должны объединять общая любовь и ненависть, чего, как он был уверен, никогда не будет, и им овладела новая мысль — о собственном шатком положении, обусловленном недавними потрясениями в вермахте, арестами, разжалованиями и отставками его лучших друзей — фельдмаршалов и генерал-полковников. Мысль эта вызвала в нем какое-то брезгливо-неприятное чувство. Ничего не сказав, он махнул рукой и ускорил шаг.

— В данной ситуации, господин фельдмаршал, да и в будущем итальянские вооруженные силы без тесного сотрудничества с третьим рейхом были бы все равно что растение без воды, — нарушил молчание Амброзио, доводя таким образом до сведения своих немецких коллег, что он отчасти понял озабоченность и сомнения как фельдмаршала Листа, так и генерала Турнера. Турнер в знак одобрения слегка кивнул.

Как будто придя к какому-то решению, фельдмаршал улыбнулся. Временами этот рыжеволосый курчавый итальянец казался Листу по-детски наивным, готовым согласиться на любое предложение или компромисс.

В конце аэродрома одна за другой взлетели три ракеты, рассыпав вокруг снопы сверкающих искр и осветив на какое-то мгновение фигуры часовых по краям аэродрома. Небо было чистое, усеянное множеством мерцающих звезд. Иногда какая-нибудь из них отрывалась и стремительно падала, оставляя на небосводе короткий светлый след, который исчезал через мгновение. Там, в космосе, как и на земле, отдельные взлеты и падения значили ничтожно мало и ничего не могли изменить.

— Я надеялся застать здесь генерала Пауля Бадера, — продолжал Амброзио.

— Генерал Бадер вернется только завтра, — пояснил Гарольд Турнер. — Он срочно вызван в Берлин.

Они вошли в старое трехэтажное здание и вскоре оказались в просторном помещении, посередине которого стоял длинный стол. На нем лежала большая географическая карта Югославии с приколотыми к ней красными треугольными флажками. Особенно много флажков было в районе между Плевлей, Нова-Варошем и Рудо.

С бодрыми лицами, словно они отоспались во время полета, фельдмаршал Лист и генерал Амброзио озабоченно склонились над картой.

— Если позволите, прежде чем мы приступим к обсуждению будущих совместных действий, я по поручению генерала Бадера хотел бы доложить вам о ситуации в данном районе, — начал генерал Турнер, показывая на скопление красных флажков.

— С удовольствием выслушаем вас, — улыбувшись, заявил генерал Амброзио.

— Начинайте! — приказал Лист.

— Как здесь обозначено, Шабац и Обреновац, находящиеся на этой территории, были в осадном положении. До начала нашей операции банды...

— Точнее — партизаны! — поправил его генерал Амброзио и, обернувшись к Листу, спросил: — Почему бы не так?

— Вы правы, — согласился фельдмаршал Лист. — Партизанское движение в Югославии — это не отдельные, не связанные между собой группы или лица... Саботажными и террористическими акциями, партизанскими отрядами руководит КПЮ, которая их организует и направляет... Дальше! — обратился он к Турнеру.

Генерал Турнер щелкнул каблуками и продолжал:

— Вот здесь партизаны во время восстания и позднее держали в своих руках Иваницу, Ужице, Пожегу, Гучу, Чачак... Примерно так же обстояло дело и в Черногории. У них были Биело-Поле, Андријевица, Мурино, Мойковац, Колашин, Матешево, Даниловград, Грахово...

Лист укоризненно посмотрел на генерала Амброзио:

— Видите — это же почти вся Черногория!

— Да-да... — смутился Амброзио. — Это территория, которую контролируют части 9-й армии... Я же, как вы знаете, команду 2-й армией...

Фельдмаршал, будто не слыша этих слов итальянца, сердито хмурился.

— Я могу продолжать? — спросил Турнер.

— Пожалуйста! — бросил Лист.

После небольшой паузы, во время которой Турнер пытался что-то найти в своей записной книжке, он провел указкой по территории к югу от Ужице и Чачака и продолжал:

— 1 декабря черногорские партизаны объединенными силами атаковали Плевлю, но были отброшены частями одной из наших дивизий из состава 9-й армии...

— Вот дорога к звездам, к славе!.. — театрально воскликнул Амброзио. — Начальник гарнизона в этом городе мой личный друг. Инвалид, без руки. Слава сопутствует ему еще с времен испанской войны. Между прочим, с некоторыми из тех, против кого он сражался в Испании, ему пришлось столкнуться и под Плевлей!

— Времена меняются, меняются и места действий! — перефразировал известное латинское изречение фельдмаршал,

— Разрешите продолжать? — снова обратился к ним генерал Турнер, которому, видимо, их соперничество и стремление обвести друг друга несколько не мешало.

— Да, да, конечно! — похлопав его по плечу, сказал Амброзио.

— Наша операция началась в Мачве, — продолжал Турнер, — за несколько дней до прибытия 113-й пехотной дивизии с Восточного фронта... Крупными силами мы прошли через Мали-Зворник, в то время как 342-я дивизия, усиленная двумя пехотными полками, наступала по шоссе от Шабаца до Лешницы и на этой линии перерезала противнику путь отступления из Мачвы на юг...

— Какое отступление, если они собрались в Рудо? — вмешался Амброзио. — Покажите, где Рудо?

— Вот здесь! — ответил Турнер.

Лист приблизился к карте, закурил сигарету.

Генерал Гарольд Турнер продолжал описывать ход дальнейших операций. Излагая объективные трудности, он не стеснялся употреблять выражения «боеспособность партизанских частей», «гибкость в обороне, смелость и слаженность в наступлении», «осведомленность о передвижениях и концентрации сил противника» и другие. Он говорил о карательных мероприятиях немецких частей, которые в народе, как правило, вызывали реакцию, прямо противоположную ожидаемой, а в заключение обратил внимание и на неэффективные действия союзников в районе Санджака и междуречье Дрины и Лима.

— Господин Амброзио, подобное поведение ваших частей просто недопустимо! — нахмурился фельдмаршал Лист. — В то время, как наши войска на Восточном фронте...

— Друг мой! — перебил его рыжебородый итальянский генерал. — В этом случае упреки можно адресовать только штабу нашей 9-й армии. Отдавая себе отчет в том, что взаимные обвинения идут скорее во вред делу, чем на пользу, считаю необходимым подчеркнуть тот факт, что наши гарнизоны были застигнуты врасплох. Кроме того, господа, хочу еще раз напомнить вам: я команду 2-й армией...

— А я имел в виду не только вас! — Лист сверлил его взглядом, уже не скрывая своей озлобленности. Потом, повернувшись к Турнеру, дал ему знак продолжать.

— В Черногории находятся три дивизии 9-й армии, — сказал генерал Турнер. — Видимо, партизаны всех их застигли врасплох, исключая гарнизон вашего однорукого приятеля в Плевле.

— В Черногорию направляется еще одна наша дивизия, — дополнил сведения Турнера генерал Амброзио. — Это должно улучшить положение.

— Насколько я осведомлен, причина неудач кроется в вашем офицерском составе, господин генерал! — заметил Лист.

— Вполне вероятно. Но нечто подобное, кстати сказать, проявилось и в ваших войсках на Восточном фронте, — нашелся генерал Амброзио.

— Я говорю сейчас о союзных итальянских войсках...

— И я тоже так считаю, — поддержал Листа Турнер.

Хитрому итальянцу не хотелось спорить ни с тем, ни с другим, особенно с Листом. Фельдмаршала он считал опасным и гадким стариком, угрюмым и пренебрежительным, переполненным высокомерием и самолюбием. Да и этот послушный холерик, который так настойчиво знакомил их с последними наступательными операциями немецко-итальянских сил против партизанских отрядов в Рудо, представлялся ему малопонятым и скользким человеком. Соглашаясь с ними и угодливо улыбаясь им, что вызывало в нем самом отвращение, генерал Амброзио сразу почувствовал их прусскую выучку, смолоду развившую в них стремление к блестящей карьере, развлечениям и богатству. Сейчас же на их пути оказалось серьезное препятствие, которое генералу Амброзио виделось вполне определенным и реальным. Сам он давно уже избавился от иллюзии, что Гитлеру и Муссолини удастся покрыть фашистской свастикой всю континентальную Европу. Его скептическое мнение о сложившейся ситуации, которое он так ловко скрывал, во многом отличалось от мнения большинства итальянских генералов, в том числе тех, что играли значительную роль на Балканском театре военных действий, — Уго Кавальеро, Пирцио Биролли, Маротти. Войска вермахта в войне против Советского Союза представлялись ему слоном, напавшим на огромный муравейник. В этой схватке,

говорил он своим ближайшим друзьям, слон, конечно, нанесет очень большой ущерб муравейнику, раздавив в своем слепом бешенстве сотни тысяч, а может, и миллионы муравьев, но в конце концов он будет свален ими и обглодан до костей.

— У меня создалось плохое мнение о большинстве ваших высших армейских начальников! — проговорил Лист, решив наконец высказать все свои упреки генералу Амброзио прямо в глаза.

— Дорогой мой друг, если бы вы к тому же еще знали, что думают некоторые наши офицеры об офицерах вермахта, то ваше мнение о нас было бы еще хуже.

— И как вы поступаете с такими? — поинтересовался генерал Турнер.

— Отдаем под трибунал! В подобных случаях разбирательство бывает недолгим...

Потом они сели за стол и принялись обсуждать план совместных действий против только что сформированной партизанской бригады и других отрядов, действующих на всей территории Югославии. При этом их мнения и оценки во многом расходились. Надеясь переложить на других часть ответственности в случае неуспеха запланированных операций, они решили письменно оформить свое соглашение, и тут прямолинейности и резкости фельдмаршала были противопоставлены мягкость и лукавство генерала. В этом наглядно проявились не только различия их темпераментов и характеров, но и те качества, которые в конечном счете определяют индивидуальный облик каждого человека.

Когда Турнер закончил составление документа, фельдмаршал Лист открыл свой блокнот и сказал, что познакомит их с директивой Гитлера, которую он получил в конце сентября 1941 года и которая, как он выразился, во многом предопределила эту встречу в Белграде.

— Благодарю вас за оказанное мне доверие, господин фельдмаршал! — отвесив поклон, проговорил генерал Амброзио, уверенный, что его поведение собьет с толку не только Листа, но и Турнера, который, похоже, анализировал каждое его слово и движение, словно получил от руководства такое задание.

— Директива фюрера гласит... — продолжал Лист, будто не слыша Амброзио.

— Да, да, пожалуйста, прочитайте полностью! — оживился Амброзио.

Фельдмаршал Лист надел другие очки.

— Директива фюрера гласит, — повторил он и стал читать: — «Подавить восстание на юго-востоке, а затем обеспечить в сербских областях функционирование коммуникаций и объектов, важных для немецкой промышленности». Вот так, — сняв очки, сказал он. — По этому вопросу нам тоже надо договориться.

— Жаль, что не прибыли генералы Маротти и Кавальеро, — вставил Турнер.

— Что касается штаба 9-й армии и генералов Маротти и Кавальеро... то завтра мне придется вылететь в Тирану, — сказал вдруг, удивив всех, Лист.

Гарольд Турнер, хотя и имел чин генерала, не обладал военным талантом, но зато был опытным политиком. Он относился к числу тех, от кого центральный аппарат вермахта освободился, направив их на фронт и в другие горячие точки. В разное время на него были написаны три совершенно различные характеристики. В первой Турнер был представлен как перспективный, преданный и бескомпромиссный человек, которому место в СС или, возможно, в министерстве иностранных дел. Во второй — как интриган, не способный сотрудничать с другими службами. В третьей же было сказано, что он хитер и ловок, как лиса, напичкан множеством разнообразных сведений, однако ни по одному вопросу не обладает глубокими знаниями. Как бы там ни было, Турнер быстро разобрался в отношениях Листа и Амброзио и с большим вниманием и интересом наблюдал за тем, как эти двое представителей союзников стараются перехитрить друг друга. И чтобы помочь фельдмаршалу, от которого зависела его дальнейшая карьера, он тоже вытащил из своей папки листок и начал:

— Простите, господа, с вашего разрешения, я хотел бы прочитать вам циркулярное письмо генерала Франца Бёме, с которым он в сентябре 1941 года обратился ко всем нашим солдатам и офицерам.

— О, разумеется, читайте! — развея руками, воскликнул генерал Амброзио.

— «Ваша задача — огнем и мечом пройти по этой земле. В 1914-м из-за коварства сербов пролились потоки немецкой крови... Вы — мстители за тех погибших!» — прочитал он.

— Превосходно! Именно так! — воскликнул Амброзио.

— Директива фюрера носит более конкретный характер, но смысл тот же, — заметил Лист,

— Безусловно, я это сразу понял! — уже в который раз поддакнул ему генерал Амброзио.

— И я всегда был за самые решительные меры! — вставил Турнер.

Выждав наиболее подходящий момент, генерал Амброзио с какой-то необычайно неприятной ухмылкой, энергично жестикулируя, как это делает каждый итальянец, когда старается кого-нибудь убедить, пообещал, что коммунистические силы будут полностью уничтожены на территории, которую занимают 2-я и 9-я армии.

— 2-я и 9-я армии, а также местные силы, — добавил Лист.

— Ага, квислинговцы! — воскликнул Амброзио. — Я думаю, мы можем их так называть?

— Коллаборационисты! — усмехнулся генерал Турнер.

— Кстати, что вы можете сказать о тех, что здесь, в Сербии? — поинтересовался Лист.

— Их силы и влияние сейчас растут, и мы, конечно, должны это использовать! — ответил Турнер.

— Добавлю, что мои возможности теперь значительно расширятся. И именно поэтому я сообщу о нашем совещании и принятом плане генералу Маротти и господину маршалу Уго Кавальеро... Думаю, он теперь уже маршал... Конечно, я окажу им необходимую помощь, — заключил генерал Амброзио.

— Вы должны принять самые решительные меры, — подхватил Лист.

— Кроме того, я прикажу генералу Пирцио Биролли в Черногории...

Гарольд Турнер удивленно посмотрел на него.

— Что вы сказали? Что значит «прикажу»?! — возмутился Лист.

— Простите, дорогой друг! — Амброзио улыбнулся, и его улыбка показалась Листу уже не просто неприятной, но даже отвратительной. — Вероятно, я должен был вам сообщить об этом еще в начале нашего разговора.

— Я вас решительно не понимаю! — несколько смягчив тон, заявил Лист.

— Простите, я вас тоже не понял, — поддержал Листа генерал Турнер.

— Через пятнадцать дней я должен ехать в Рим.

— Что вы хотите этим сказать? — Лист выпрямился.

— Я полагал, что вы знаете об этом. Дуче уже должен был известить фюрера... — продолжал Амброзио с улыбкой. — На днях я вступаю на пост начальника штаба сухопутных войск... сухопутных сил, — поправил он себя, позируя, словно перед кинокамерой.

Фельдмаршал Лист, чье терпение, казалось, уже иссякало, сразу успокоился. Махнув рукой, он сказал как бы самому себе:

— В войнах всякое бывает. Случалось, что рядовые, благодаря стечению обстоятельств, становились героями или генералами, а были и такие высшие чины, которые также из-за стечения обстоятельств лишались генеральских погон или обнаруживали свою трусость... Нечто подобное может произойти и в этой войне.

Как будто поняв намек фельдмаршала, генерал Турнер разлил коньяк по рюмкам и подал им. Потом он отошел от стола, с любопытством ожидая, как один союзник будет поздравлять другого с продвижением по службе.

— За ваше здоровье и за ваше повышение в должности, господин генерал! — подняв рюмку, провозгласил Лист.

— Я присоединяюсь к поздравлению господина фельдмаршала и желаю вам всего наилучшего! — сказал Турнер.

— Спасибо, дорогие мои друзья! — воскликнул Амброзио и, поднявшись, чокнулся с обоими.

Они еще долго разговаривали, пили, произносили тосты...

— Мы должны в рекордно короткий срок выполнить наши задачи, — сказал Лист. — И мы их выполним!

— Безусловно! — подтвердил Амброзио и добавил: — Я обязан высказать и свое отношение, хотя мои предки и говорили, что молчание — знак согласия или, по крайней мере, видимость его.

— Вообще-то, этому сообщению о формировании какой-то партизанской бригады я не придаю особого значения, — ни к кому не обращаясь, пробормотал Лист. — Ее надо молниеносно разбить, раздавить, уничтожить.

— Разумеется. Ведь иначе они сформируют еще одну такую же бригаду, — снова поддержал его генерал Амброзио.

Оба немца промолчали и почти с укором поглядели на него.

Потом Виторио Амброзио поблагодарил их за приглашение переночевать в Белграде и сказал, что неотложные дела вынуждают его вылететь немедленно. Четверо сопровождавших его офицеров вместе с пилотами сидели в буфете. Когда Амброзио вошел и, махнув перчаткой, дал им знак готовиться к отлету, они разом щелкнули каблуками и один за другим, не обращая внимания на пилотов Листа, которые смотрели на них довольно пренебрежительно, направились к своему самолету. Лист и Турнер проводили Амброзио до самого трапа «савойи».

— Мне очень жаль расставаться с вами...

— Счастливого пути, господин генерал!.. И больших успехов вам на новом посту! — пожелал Лист.

— Дорогие друзья!..

— Всего наилучшего, господин генерал! — пожелал ему и Турнер.

Амброзио наклонился к Листу:

— Беспощадность по отношению к коммунистам, дорогой друг, — вот мое жизненное кредо. Можете быть уверены, что во мне вы всегда найдете искреннего союзника!.. Будьте здоровы!..

Они пожали друг другу руки. Амброзио быстро взбежал по трапу, и дверь за ним закрылась. Заработали моторы, и «савойя» покатила по рулежной дорожке. Фельдмаршал Лист еще немного постоял, хмурый и задумчивый, а затем пожал руку генералу Турнеру и направился к своему «юнкерсу». Гарольд Турнер приказал убрать с аэродрома дополнительную охрану и поехал к себе в Белград.

3

Пролетарцы в строю

В то время как бойцы партизанской бригады строились в колонну на площади, а жители городка, собравшиеся на небольшом холме, стали свидетелями этого исторического события, противник со всех сторон упорно пробивался к Рудо...

Хотя неожиданно подул холодный южный ветер и принес с собой дождь и мокрый снег, никогда еще на протяжении почти четырехсотлетней истории существования этого восточно-боснийского городка на его улицах

не было так шумно и многолюдно, как в этот день — 21 декабря 1941 года. Здесь собрались сейчас партизаны со всех концов страны. Прибывали все новые отряды, а из домов выходили горожане и с любопытством их разглядывали. Через плетни и заборы смотрели женщины, не решаясь выйти за ворота. Из здания школы неслись звуки веселой песни. С того часа, как в Рудо вошли первые партизанские отряды, песни и смех здесь не умолкали. Даже со стороны мектеба¹ слышались веселые, никогда еще не звучавшие тут мелодии. Мало-помалу на улицах и площадях становилось многолюдно, как бывало до войны в базарные дни.

Горожане собирались на площади у старого фонтана, окруженного оголившимися каштанами. Озорные мальчишки сбивали с фонтана сосульки, но их внимание, как, впрочем, и внимание взрослых, было сосредоточено на вооруженных людях с красными звездами на шапках.

На площади собрались сербы, хорваты, словенцы, черногорцы, албанцы, македонцы, несколько русских, немцев, венгров...

В одном строю плечом к плечу стояли рабочие и студенты, учителя и крестьяне, художники и шахтеры, офицеры и гимназисты... Был этот строй пестрым и по экипировке. Здесь можно было увидеть югославские, немецкие, итальянские шинели, черные, белые и серые телогрейки и полушубки, шаровары, шапки и кепки, солдатские ботинки, сапоги и крестьянские башмаки...

Вооружены бойцы были тоже необычайно разнообразно — югославскими и немецкими карабинами, охотничьими ружьями, итальянскими винтовками, автоматами, ручными пулеметами всех систем и пистолетами различных калибров.

Всех этих людей объединяла идея свободы. Красная звезда на шапке или кепке символизировала единство пролетариев всего Земного шара.

Среди бойцов, выстроившихся на площади, были и участники гражданской войны в Испании, и старые революционеры, многие из которых до войны прошли через тюрьмы и каторгу. Почти все партизаны, собравшиеся здесь, со времени начала восстания получили боевое крещение.

Этот строй составили 1119 бойцов, из них 651 человек — члены КПЮ и Союза коммунистической молодежи Югославии. Сейчас все они спокойно стояли, прислушиваясь к звукам далекого боя, — это сражались с итальянцами храбрые шумадицы, преграждая войскам Муссолини путь к Рудо.

Молодые бойцы народной армии ждали своего Верховного главнокомандующего, чтобы, увидев и поприветствовав его, отправиться в долгий боевой путь, который пройдет через всю страну...

Гаврош тоже стоял в строю. Сейчас он выглядел подтянутым и бодрым. Поеживаясь от холода, он то и дело с любопытством поглядывал на Риту — первую девушку-комиссара партизанского отряда в Югославии. Он знал, что она была арестована, брошена в тюрьму, бежала из нее. Знал, что ее любимая книга — «Как закалялась сталь» Островского. Вероятно, именно потому, что она так восхищалась подругой Корчагина, ее лучшие друзья — Бане, Вучко и Гаврош — стали называть ее Ритой. Штаб бригады еще не назначил командира ее роты, и девушка стояла перед строем, гордая доверием, которое ей оказали товарищи.

Рядом с Гаврошем стоял недавно получивший диплом юриста Александр Мариич, или Лека, родом из-под Крагуеваца. На нем был летный шлем. В руках Лека держал пулемет системы «Брно». Однажды, стремясь отомстить за гибель брата, он без разрешения штаба отряда пробрался в Крагуевац и уничтожил первый же попавшийся ему немецкий патруль. После этого фашисты всю ночь гонялись за ним с собаками-ищейками. К утру, крадучись, как голодный волк, он вернулся в свой отряд. За такое своеволие Лека поплатился временным исключением из партии... У него было необычное, сразу запоминающееся лицо, с крепким, тяжеловатым подбородком и блестящими светло-голубыми глазами. Он был неплохим оратором и смелым бойцом, в его идейной убежденности и преданности революции никто не сомневался. Когда у партизан отряда выпадала свободная минутка, на коротких привалах или перед сном он читал им краткие лекции и всегда заканчивал их выводами о морали и этике партизанской борьбы. Он советовал своим товарищам при встречах с местными жителями говорить с ними просто и ясно, чтобы ни у кого не оставалось сомнений относительно целей совместной борьбы. «Вы — воспитатели, — часто повторял он, — и вам самим придется пожинать плоды того, что посеете». Он разработал для себя методику пропаганды и знал, как разговаривать и с людьми образованными, и с простыми крестьянами. Ему удалось увлечь за собой многих людей, ставших впоследствии преданнейшими бойцами революции.

С Гаврошем Александр Мариич впервые встретился в Ужице. Он сразу полюбил молодого партизана, сочувствовал ему и в то же время твердо верил, что Гаврош будет самоотверженно биться до победного конца, несмотря на то, что его мучила неизвестность о судьбе отца, брата и любимой девушки.

Рядом с Лекой, переступая с ноги на ногу, стоял Шилия, рабочий, настоящего имени которого в первое время никто, кроме комиссара Риты, не знал. Четырнадцатилетним мальчишкой Здравко Шилич лишился родителей и сначала работал батраком в селе, а потом с помощью рабочих-коммунистов устроился на военный завод в Крагуеваце. Здесь его жизнь, его интересы и стремления резко изменились. Он познакомился с новыми людьми, окунувшись в их среду, именно здесь он включился в революционную борьбу. Отсюда ушел в партизанский отряд, где отличился уже в первом бою. Он был одним из тех рабочих, которых партия воспитала и подготовила к активной революционной деятельности. Он сам научился читать и писать, часто выступал перед людьми на собраниях и митингах. Добродушный, заботливый, обаятельный, он покорила всех, кто его знал. Оказавшись в новой среде, он обычно какое-то время приглядывался к людям, прежде чем выбрать того

---

1 Мусульманская школа. — Прим. ред.

единственного, который станет его неразлучным другом. В отряде таким другом для него стал Гаврош. Порой Шилия казался беззаботным, но в минуту серьезных испытаний никто не был таким собранным и смелым, как он.

Веселый и хладнокровный, он в самые тяжелые минуты боя подбадривал своих товарищей. Наверное, никто в бригаде не читал так много и с таким увлечением, как Шилия. В начале декабря Шиле исполнилось двадцать три года. У него было круглое румяное лицо с высоким лбом и густыми черными бровями. Сейчас его большие серые глаза смотрели то на Риту, стоявшую перед ним, то на комиссара бригады, рядом с которым с минуты на минуту должен был появиться Верховный главнокомандующий, чтобы отдать боевой приказ Первой пролетарской бригаде.

— Ты его когда-нибудь видел? — толкнув локтем Леку, спросил Шилия.

— Кого?

— Верховного главнокомандующего. Я даже не знаю, как его зовут.

— Не видел, но говорят, что именно ему я обязан тем, что меня вернули в партию. Он разобрался в моем деле и предложил смягчить наказание. Конечно, тут много сделала и Рита, но ведь были и такие, что проголосовали за расстрел.

— Брось! Как это, тебя — и вдруг расстрелять?..

— Молчи, Шилия! Если бы не Гаврош, ты бы тоже проголосовал за исключение меня из партии...

— О Верховном главнокомандующем могу вам сказать, что это человек железной воли, — прошептал стоявший рядом с ними Артем. — Но вместе с тем в отношении провинившихся он старается поступать гуманно.

— Откуда он? — поинтересовался Шилия.

— А откуда бы тебе хотелось, чтобы он был?

— Из Шумадии.

— Вряд ли... Да это и не так важно, — сказал Лека.

— Я слышал, что он родом, так же как и я, из России, — сказал Артем серьезно. — Или же, по крайней мере, бывал там.

— Почему же именно из России? — спросил Шилия.

— Мои приятели, которые видели его в Ужице, рассказывали, что он иногда вставляет в речь русские слова. В общем, мы скоро сами услышим, как он говорит... — заключил Артем.

— Может быть, — задумчиво произнес Лека.

За ними стоял заместитель командира роты Воя Васич, который вчера вошел в Рудо во главе их отряда. Воя Васич прежде работал учителем. Он был сыном известного революционера, который до войны дважды был арестован. Через два дня после капитуляции Югославии отец умер от разрыва сердца, а Воя, ставший уже членом КПЮ, ушел в партизаны. В отряде сразу оценили его горячую преданность делу и исключительное хладнокровие, храбрость и осторожность. Он всегда старался найти себе настоящих друзей. Возможно, потому, что сближался Воя не с каждым, тем, кто не знал его в достаточной степени, он казался несколько высокомерным и заносчивым. Воя Васич любил повторять, что счастье не выпадает человеку по гороскопам, которые выдумывают бездельники, а добывается упорным трудом, иногда и с оружием в руках. Оно невозможно без доброты по отношению к другим и моральной чистоты, о необходимости которых всегда говорит партия коммунистов. Гаврош полюбил Васича сразу, как и обоих Ратинацев, Артема, Леку и Шиллю. Воя, сухощавый и черноволосый, всегда смотрел своему собеседнику прямо в глаза. Чего он никому не прощал, так это лжи и лицемерия.

Сейчас, глядя на Риту, стоявшую перед ним, Воя с добродушной улыбкой обратился к ней:

— Товарищ Рита!

— Товарищ комиссар! — поправил его Гаврош.

Рита, улыбнувшись, поглядела на него через плечо.

— Смотрите! — сказала она.

— Вот это да! — вырвалось у кого-то.

По улице партизаны вели под конвоем четника и двух итальянских солдат.

В это время вдоль строя легким и упругим шагом, довольно улыбаясь, прошел комиссар бригады Филип Кляич, в свои двадцать восемь лет считавшийся уже старым коммунистом. Партизанам он был известен как Фича. Он был в белых брюках и куртке из домотканого сукна. Недавно Фича получил ранение, и вся шея у него до самого подбородка была забинтована. Когда комиссар проходил мимо Риты, ему показалось, что в строю разговаривают, и он резко обернулся, но, увидев ясную улыбку девушки, не сказал ни слова.

— А комиссар-то наш красавец! — шепнул Шилия.

Гаврош подтолкнул Леку локтем:

— Вон они! Идут!

— Да, это они! — подтвердил Фича, увидев Верховного главнокомандующего, затем еще раз внимательно осмотрел строй, скомандовал: «Смирно!» — и, поднеся к виску в знак приветствия сжатый кулак, доложил:

— Товарищ Верховный главнокомандующий, Первая пролетарская народно-освободительная ударная бригада построена!

Тито, в длинном темном плаще и сапогах, отдал комиссару честь и повернулся к строю:

— Товарищи бойцы и командиры, пролетарии, смерть фашизму!

— Свобода народу! — громко и слаженно ответил строй.

— Товарищи бойцы и командиры, — обратился к строю комиссар бригады Фича, — решением Центрального Комитета и Верховного штаба сегодня здесь сформирована наша первая регулярная часть — Первая пролетарская народно-освободительная ударная бригада, бойцами которой вы с этого момента являетесь! Я зачитаю вам приказ Верховного главнокомандующего.

Замерев, люди слушали комиссара бригады. Притихли даже дети, стоявшие на тротуаре, чувствуя серьезность момента. На площади собралось уже довольно много жителей городка, и все с нескрываемым интересом следили за происходящим.

В эти минуты Гаврош даже забыл об отце и брате, о Хайке и о холоде... Он гордился этим клочком земли, на котором сейчас стояла бригада, гордился словом «пролетарцы», своими товарищами и тем, что им предстояло совершить. Слова комиссара разносились в тишине над площадью, а вдали, за городом, словно в ответ на них, раздавались взрывы снарядов и пулеметные очереди. Легкий ветер принес мелкие хрупкие снежинки. Они медленно опускались на землю и сразу таяли.

Все это время Гаврош не сводил с Тито глаз. Верховный главнокомандующий был среднего роста, бледный, с живым ясным взглядом и военной выправкой. Каштановые волосы его были аккуратно подстрижены и зачесаны назад. Весь день Гаврош слушал рассказы о Верховном главнокомандующем, и сейчас у него сложилось мнение о нем как об энергичном партийном деятеле, который кроме военного и политического таланта обладает также способностью заставить собеседника размышлять самостоятельно, избегая готовых формулировок.

Потом Гаврош перевел взгляд на человека, стоящего во главе 1-го батальона, и узнал в нем Перо Четковича, капитана бывшей югославской армии, лучшего друга своего отца. Гаврош много слышал об этом человеке. О нем говорили как о хорошем товарище и истинном патриоте. В партизанском отряде он быстро снискал славу бесстрашного бойца и одаренного командира, недаром именно ему выпала честь командовать 1-м батальоном Первой пролетарской партизанской бригады. Он был родом из черногорского города Цеклина, жители которого прославили себя, участвуя в войнах с турками. Он любил говорить: «Ночь — покровительница смелых и могила для трусливых». В любых условиях он обучал своих бойцов военному искусству. «Мы должны учиться, и учиться каждый день, каждый час, каждую минуту. Мы должны быть искуснее, опытнее, смелее врага», — часто повторял он. Однажды, еще до формирования бригады, Четкович познакомился с Данило Лекичем — Испанцем и был восхищен его рассказами о боях в горах и о том, как Лекич в свое время оказался в Испании.

Атлетически сложенный, Четкович двигался с необычайной легкостью. У него были черные прямые волосы и густые рыжеватые усы, и выглядел он старше, чем был на самом деле...

— Товарищи пролетарцы! — снова услышал Гаврош голос Тито. — Сегодняшний день, как сказал комиссар товарищ Фича, явится знаменательной датой в истории нашей народно-освободительной армии...

Показав на знамя, которое держал боец, стоявший недалеко от Гавроша, Тито сказал:

— Несите с честью наше знамя!

Послышалась команда: «Вольно», и вскоре на площади зазвучали песни, закружились хороводы.

Гаврош поцеловался с Четковичем, торопливо сообщил ему, что еще ничего не знает об отце и брате, и пошел вместе с Шилей обходить остальные роты и группы бойцов. И каждого он опрашивал, не слышал ли кто о его близких. После долгих безуспешных расспросов он встретил знакомых партизан, которые и сообщили ему, что отец его действительно ушел из Земуна, но что с ним стало потом, они не знали. О Горчине они рассказали, что он вступил в белградский батальон, который в ближайшие дни должен влиться в Первую пролетарскую бригаду.

— Кажется, я своими расспросами уже взбудоражил всех, — заметил Гаврош.

— Да, я тоже думаю, что пора их прекратить, — согласился Шиля.

— Не прекратить, — устало вздохнул Гаврош, — а хотя бы не терзать каждого встречного. В конце концов, если бы мои действительно были в Рудо, то они сами скорее нашли бы меня, чем я их.

— Мы и так уже достаточно узнали. Я временно прекратил бы расспросы, хотя бы до встречи с белградским батальоном или другим каким-нибудь недавно сформированным подразделением, — твердо произнес Шиля.

— Эх, Шиля, это ведь я только так говорю, а мои расспросы прекратятся лишь тогда, когда я точно узнаю, что с ними.

— Что касается меня, то, если хочешь, можем пойти по второму разу, — усмехнулся Шиля.

Гаврош остановился, обхватил Шилю за плечи и, глядя ему прямо в глаза, сказал:

— Успеха, товарищ Шиля, добиваются те, кто настойчив и не отступает после первой неудачи. Имей в виду, что два батальона бригады еще не пришли в Рудо!

Когда они возвращались в здание, где была размещена их рота, на улицах один за другим стали загораться фонари.

4

Совещание немецких генералов на горе Авала

История знает немало имен прославленных генералов. Они, участвуя в битвах и сражениях, во многом

предопределяли их исход. Но были и такие, которые еще смолоду «прославились» не выигранными сражениями, а величайшими преступлениями...

На другой день после ухода из Рудо Первой пролетарской бригады к отелю «Авала», что на горе Авала в предместье Белграда, куда недавно переместилось командование Белградского гарнизона вермахта, с раннего утра по засыпанному снегом тракту один за другим стали подъезжать автомобили в сопровождении мотоциклетного эскорта. Надменного вида генералы в длинных шинелях или черных кожаных пальто, выходя из черных «мерседесов», тут же, как роботы, вскидывали в нацистском приветствии руку.

После аперитива, легкой закуски и взаимных комплиментов все собрались вокруг длинного прямоугольного стола, во главе которого сидел генерал Пауль Бадер — четвертый и, наверное, самый жестокий гитлеровский наместник в оккупированной Сербии. Что-то раздражало его в этой поработанной ими стране: то ли генералы были подобраны не лучшим образом, то ли сербы и другие югославские народы оказались слишком непокорными, не признающими законов оккупации. Самоуверенный, опьяненный славой нацистский фанатик Бадер не только к югославам, но и ко всем остальным народам мира, кроме немцев, относился с высокомерным презрением. У него было мясистое вытянутое лицо и хмурый, неприязненный взгляд, как будто все, кто его окружал, были в чем-то перед ним виноваты. Говорил он резким безапелляционным тоном, характерным для большинства эсэсовцев, выбрасывая из себя короткие фразы. Иногда его тон вдруг смягчался, но уже в следующее мгновение Бадер снова впадал в ярость и переходил на крик. Этот истеричный генерал во многом подражал своему фюреру, полностью усвоив его жестикуляцию и ораторские приемы.

Берлинское начальство да и сам фельдмаршал Лист, чье здоровье после возвращения из Земуна и переезда из Афин в Салоники сильно ухудшилось, возлагали на Бадера, сменившего генерала Франца Бёме, немалые надежды на усмирение «непокорной Сербии», о которой никогда заранее нельзя было сказать, что она готовит и где нанесет следующий удар.

К моменту передачи поста после множества своих письменных докладов генерал Бёме, зная, что его перевод в Зальцбург — дело уже решенное, самоуверенно объявил, что Сербия покорена, что сопротивление ее сломлено и что у Бадера в результате принятых им, Бёме, решительных мер, принесших свои плоды, здесь будет спокойная и безмятежная жизнь. Между тем гестапо, узнав по своим каналам о формировании в Рудо Первой пролетарской бригады, сообщило об этом Гиммлеру.

Генералу Бадеру была хорошо известна судьба его предшественников, и потому сообщение о создании партизанской бригады его изрядно испугало. Несмотря на заверения Бёме о том, что сопротивление югославов сломлено и от него уже не потребуется никаких особых мер, он вдруг почувствовал, что оказался в довольно сложном положении, которое может скомпрометировать его в глазах верхушки вермахта и самого фюрера.

Первым на этом посту был генерал Фёрстер, человек с бычьей шеей и выпученными рыбьими глазами, мастер давать общие оценки. Он был абсолютно убежден в мощи и победе третьего рейха; восстания же в Сербии, Черногории, Боснии, Герцеговине, а потом и во всей Югославии он объяснял исключительно коварством Коминтерна и Советского Союза. Из-за раны, полученной в сороковом году в окрестностях Варшавы, его мозговой речевой центр функционировал недостаточно хорошо и многие слова ему приходилось произносить с большим напряжением. Упрямый и вспыльчивый, Фёрстер не терпел ничьих советов, с ним было совершенно невозможно разговаривать о каких-либо спорных вещах, поскольку он считал, что всегда и во всем прав может быть только он. Известие о новом назначении он встретил со скрытой радостью, пока не узнал, что его переводят не в Берлин, а на Восточный фронт.

На его место был назначен генерал Шредер — старый, матерый нацист, который в своей жизни столько убивал — сначала у себя на родине, а потом в Польше, — что на склоне лет, заигрывая с собственной совестью, стал вдруг изображать из себя человеколюбца. Едва успев вступить на новый пост, он при таинственных обстоятельствах погиб в авиационной катастрофе.

Вскоре на его место прибыл «настоящий генерал» — Дункельман, который, поняв серьезность обстановки, постоянно кланчил у вермахта новые подкрепления «для подавления восстания». Однако в конце августа 1940 года командующий оккупационными войсками на Балканах фельдмаршал Лист, проезжая через Белград, сообщил ему, что никаких подкреплений не будет и что с восстанием в Югославии он должен справиться теми силами, которыми располагает. Дункельман пытался стабилизировать положение и с помощью политических акций. С этой целью было создано «сербское правительство» во главе с Миланом Недичем.

Дункельмана сменил генерал Франц Бёме, до этого командовавший армейским корпусом в Греции, где и приобрел репутацию «стратега несгибаемой воли и железных нервов» и специалиста по оккупированным территориям. Этот смелый и образованный генерал пользовался большим авторитетом в вермахте. Физически сильный и выносливый, он еще в ранней молодости сознательно решил жить и умереть солдатом. Однако Железный крест и генеральский чин, поставив этого человека над другими, сделали его заносчивым, несправедливым и жестоким. Он мог убивать невинных только для того, чтобы получить новый орден, более высокий пост или чин. Заняв место Дункельмана, он должен был объединить под своим началом все силы вермахта в Югославии, с тем чтобы окончательно задушить восстание. Тогда-то Бадер, который прибыл в Югославию в середине мая 1941 года, и оказался у него в подчинении.

Когда они встретились в Белграде, Бёме, будучи слегка навеселе, сказал ему, что он несправедлив во имя справедливости, подозрителен, чтобы искоренить подозрительность, строг только ради того, чтобы его подчиненные не обленились, и закончил, как обычно, заявлением, что он никогда не принадлежал и не будет

принадлежать к числу тех, кто занят единственной мыслью: как бы сохранить свою собственную жизнь.

— Не бояться смерти и в то же время любить жизнь — вот мое кредо, — сообщил ему Бадер во время их первой встречи.

— Я бы не сказал, что одно обязательно соседствует с другим, — возразил Бёме. — Если человек одному клянется, то к другому он должен повернуться спиной, — добавил он, сожалея, что не может подольше задержать Бадера, чтобы составить о нем более полное представление.

— За относительно короткое время в оккупированной Сербии сменились три командующих, — продолжал Бадер в надежде разгадать тайну этих знамен.

— Я четвертый, а потом будет пятый...

— Полагаю, что именно вы больше других соответствуете этому высокому посту.

— Я тоже вначале так думал... Только недавно у меня открылись глаза, — откровенно признался Бёме. — Я понял: когда человек стремится к тому, что для него бесполезно и излишне, то он чаще всего не добивается и того, что для него жизненно важно... Но это долгая история...

— Я потому и говорю... — снова попытался направить разговор в нужное ему русло Бадер.

— Я же сказал: после меня поставят другого генерала и он, вероятно, тоже будет больше других соответствовать... — прервал его Бёме.

— А потом?

— Потом через каждые три месяца будут находить более подходящего.

Услышав это, Бадер с любопытством уставился на Бёме.

— После меня таким более подходящим будете вы, господин Бадер!.. — проговорил Бёме.

— А потом?

— А потом будет следующий... Между нами говоря, господин генерал, все мы, очевидно, не в большой чести в Берлине, если оказались здесь, на Балканах.

Пауль Бадер очень хорошо знал, что делал Франц Бёме в оккупированной Югославии, как он расправлялся с сербами. Бадеру даже на руку было то, что произошло в Рудо, поскольку ему вовсе не хотелось, чтобы в Берлине считали, что генерал Бёме действительно «стабилизировал положение».

Итак, этот сторонник чрезвычайных мер, организатор карательных экспедиций, по приказу которого были проведены массовые расстрелы в Крагуеваце, Валево, Шабаце и Сकेле, основатель лагерей смерти в Сербии оставил пост командующего оккупационными войсками в Сербии в тот самый день, когда Первая пролетарская бригада покинула Рудо...

Слева от генерала Бадера сидел генерал Резенер, шеф местной службы СС и полиции, толстяк, невысокого роста, с толстой шеей и широкими жирными плечами. У него было суровое лицо, вялый, по большей части отсутствующий взгляд, который, правда, в одно мгновение мог вдруг стать твердым и пронзительным. Голос у него был мягкий, приятного тембра, что называется бархатный. Говорил он с баварским акцентом, который приобрел во время учебы в столице Баварии. У окружающих, особенно у подчиненных, он вызывал неприязнь и какую-то брезгливость. Ходил он быстро и неслышно, словно подкрадываясь. На нем был черный мешковатый мундир с Железным крестом. Он был необщительным человеком и в окружении Гимmlера считался туповатым, но безгранично преданным генералом. Подозревали, что в его жилах течет кровь с примесью еврейской, но он опроверг это с помощью подложных документов и старинных метрических записей. Резенер заявлял, что он против любых дискуссий и любой дипломатии с противником, и часто повторял, что никто, кроме него, не смог бы установить такой порядок и такую дисциплину в местных войсках СС и полиции, какие установил он. В Блде, где находилась его резиденция, он был занят в основном заботами, как избежать мести люблянских оmlадинцев¹, и тем, как проникнуть в ядро их подпольной организации, которая, как он знал, непрестанно за ним охотилась.

Резенера очень интересовала та часть территории оккупированной Словении, которая была занята итальянскими войсками. Он просто не мог понять, чем руководствовался его фюрер, отдавая эти земли итальянцам. Всячески оговаривая этих ненадежных союзников Германии и понося их всеми известными ему словами, Резенер всю свою активность направил на Словению, включенную в третий рейх, считая ее одной из политико-административных областей Германии.

Напротив Резенера, справа от Бадера, расплылся на стуле старый откормленный генерал Глейз фон Хорстенау, историк и хитрый дипломат, которого Гитлер, как своего земляка-австрийца, откомандировал в Загреб с официальным предписанием контролировать и направлять соответствующим образом создание и деятельность «Независимого государства Хорватия». Будучи в подпитии, Хорстенау часто хвастался, что входит в число приближенных Гитлера. Между тем было хорошо известно, что, посылая его в Загреб, в Берлине от него попросту хотели избавиться. Клевеща на Павелича, Артуковича, Кватерника и Мошкова, которые возглавляли «Независимое государство Хорватия», и одновременно заигрывая с «представителями» третьего рейха в этом «государстве», особенно с хитрым генералом Каше, Глейз фон Хорстенау пытался осторожно нащупать связи с англо-американскими разведывательными службами в Швейцарии, стремясь обезопасить себя на случай поражения Германии в войне. Наконец ему удалось наладить контакты с американской разведкой в Берне.

Служа фюреру, он в то же время стал придумывать различные комбинации, за которые каждую минуту мог

---

1 Члены прогрессивной молодежной организации Югославии. — Прим. ред.

поплатиться головой. Его идеей было вывести Юго-Восточную Европу из гитлеровского лагеря, чтобы затем заключить с западными союзниками сепаратный мир. Это, по мысли Хорстенау и группы «старых» австрийских офицеров, должно было осуществиться путем выхода Австрии из рейха, присоединения к ней Словении, Истрии и Горицы и создания, таким образом, первоосновы единой Придунайской федерации, в которую потом вошли бы Хорватия, Венгрия, а затем, возможно, и Сербия. Хорстенау считал, что такая концепция будет принята англо-американцами, тем более что с ее реализацией ограничивалось бы дальнейшее усиление влияния Советского Союза. Кроме того, он верил, что таким путем возродится старая Австро-Венгрия, которая, приспособившись к изменившимся условиям, вновь превратит Германию в главную политическую силу Центральной Европы. Фон Хорстенау имел единомышленников в высших кругах вермахта, особенно среди бывших офицеров австро-венгерской армии.

Однако и тайная полиция Гимmlера не бездействовала. Находясь в Загребе, Хорстенау, не смея никому довериться, был совершенно одинок. Точно так же одинок был он и в оценках силы и размаха освободительного движения в Югославии, как и в своих выводах о том, что «Независимое государство Хорватия» вступило уже в стадию агонии.

Сейчас он смотрел на собравшихся во главе с Бадером, довольно успешно скрывая охватившее его чувство отвращения и скуки.

Слева от Резенера, поставив локти на стол, сидел генерал Гарольд Турнер. Его крупная голова на тонкой шее непрестанно вертелась то влево, то вправо, словно он все время опасался внезапного удара. Наверное, никто из немецких генералов в Югославии не умел так быстро и ловко завязывать нужные знакомства, как Турнер. Был он и самым начитанным, и самым интересным собеседником из всех, но в то же время вовсе не был расположен вести с ними какие-либо беседы. Поскольку все они наперебой выставляли свои способности, не говоря уже о чинах, которые, разумеется, были на первом плане, он тоже стал всячески возвеличивать себя, утверждая, что именно он «открыл» многих сербских коллаборационистских лидеров. При этом Турнер забывал о довоенных связях гестапо с большинством из них.

Он был прирожденным артистом и, когда хотел, мог покорить любого. Когда Бёме организовывал в Сербии карательные экспедиции, жертвами которых оказывалось мирное население, в том числе и дети, Турнер в очень тонкой форме выражал своим коллегам несогласие с такими действиями.

Несколькими минутами раньше, за аперитивом и закуской, когда подполковник Майер — известный осведомитель Канариса в Югославии — напомнил Турнеру о некоторых его прошлых «делишках», генерал, не раздумывая, прямо ответил ему:

— Знаете, господин Майер, генерал Бёме, вместо того чтобы отсечь змее голову, бил ее по хвосту.

— В основе всех его мер лежала месть, — заметил подполковник Майер.

— Я исходил из того, что мы — арийцы, а месть свойственна лишь дикарям, — строго взглянув на него, сказал Турнер.

— Да, но это Балканы, господин генерал!

Турнер был высокого мнения об Отто Майере и, поскольку верил, что тот не злоупотребит его откровенностью, ответил:

— Генерал Бёме во сто крат усугубил положение!

— Да-да, сто местных жителей за одного немца... — проговорил Майер.

— Представьте себе, что было бы, если бы я стал ему высказывать свое мнение!

— Но вы все же высказывали его кому-то конфиденциально, — неожиданно сказал Майер.

— В этой стране и в данных условиях все-таки лучше действовать по старинке: кровь за кровь, око за око, зуб за зуб... — пошел на попятную Турнер.

— Тогда бы многие из нас остались беззубыми, слепыми... И потекли бы реки крови...

Турнер смолчал, испытующе глядя на собеседника.

С другой стороны стола, напротив Турнера, сидел коллега Резенера по СС и полиции Август Майснер, грузный, совершенно лысый человек. Очки в золотой оправе закрывали его брови. К своей работе он относился довольно небрежно, однако сумел завоевать расположение большинства офицеров СС, так как всегда щедро раздаривал все, что попадало в его руки по службе.

Почти каждый день он напивался, жалуясь при этом на свою беспутную жену — певицу кабаре, которая, мол, ведет разгульную жизнь в Вуппертале и Бонне, не чувствуя никаких обязанностей по отношению к мужу и сыну, помещенному в интернат для умственно отсталых детей.

Слева от Турнера сидел гладковыбритый и коротко остриженный Бензлер — представитель министерства иностранных дел. Это был расчетливый карьерист, абсолютно убежденный в своих знаниях и способностях, и рьяный нацист, в чьи мысли и намерения никто никогда не мог проникнуть. Хотя по своему служебному положению Бензлер был подчинен генералу Бадеру, он всегда подчеркивал, что только «подключен» к нему для того, чтобы консультировать генерала по политическим вопросам, проводя при этом политику своего министерства. Так формально и фактически Бензлер приобрел большое влияние в штабе Бадера.

— Пришло время триумфа немецкой нации, — говорил он. — Мы можем и будем уничтожать всех, кто станет на нашем пути...

Большинство присутствовавших считали Бензлера образованным и ловким человеком, которому наравне с Турнером во многом принадлежит заслуга вербовки большинства квислинговских вождей в Белграде. Поддержка и рекомендация Риббентропа, который писал Бадеру и Листу, что господин Бензлер для Белграда

просто незаменим, обзывали его делать в оккупированной Сербии гораздо больше, чем делал его коллега Каше в Загребе. На первый взгляд он производил впечатление довольно внимательного и любезного чиновника. Временами его голос неожиданно становился доверительным и проникновенным, но стоило кому-нибудь не согласиться с ним, как он тут же мгновенно менял тон и, подозрительно глядя на собеседника, говорил, что многие превратно понимают политику третьего рейха.

Напротив Бензлера, навалившись грудью на стол, сидел Ганс Гельм, представитель гестапо в оккупированной Сербии, который с первого же дня своего пребывания здесь прилагал все усилия к тому, чтобы его перевели в Загреб или на Восточный фронт. Этого человека постоянно переполняло немое бешенство, во время разговора он обычно подозрительно шурил свои маленькие бегающие глазки. Вследствие угрюмости характера он мало с кем общался и у него почти не было друзей. В своем присутствии он не допускал ни малейших замечаний в адрес гестапо, Гимmlера или фюрера. Именно по его приказу были расстреляны сотни белградцев. Он имел множество наград и самый маленький из всех собравшихся чин, вероятно, поэтому он был озлоблен и полон желчи. Как и генерал Хорстенау, он смотрел на всех со смешанным чувством ревности и презрения, поскольку знал, что все боятся его и только потому любезны и предупредительны с ним.

Слева от Бензлера сидел самый неприметный, но, наверное, наиболее интересный из всех собравшихся — подполковник абвера Отто Майер. Это был известный разведчик, красивый и исключительно одаренный человек, который, чувствуя, подобно многим, неопределенность и шаткость своего положения, нередко впадал в меланхолию. Отличное владение сербскохорватским языком, талант разведчика, любовь к своему делу, чувство ответственности за то, что он делает, и высокая степень риска, которому он постоянно подвергал свою жизнь, отличали этого офицера. Будучи одним из тех немногих немецких офицеров, кто был способен реалистически оценить противника, он долго и мучительно размышлял о политике Гитлера. Принимая во внимание систему тотального шпионажа и зная, что малейшие колебания беспощадно караются, он старался держать при себе и свои мнения. Позднее, когда гестапо добралось и до высших армейских чинов, он был уже совершенно убежден в том, что дни германского нацизма сочтены, как, впрочем, и в том, что никто в вермахте, как и он сам, не попытается предотвратить краха. Ему и остальным присутствующим была известна судьба генералов и фельдмаршалов, отозванных с Восточного фронта, но, как и другие, он делал вид, что ничего не знает.

С другой стороны стола, напротив Майера, сидел печально известный начальник Земунского гарнизона Ганс Майснер, который рассчитывал, что, сделав старостой Земуна усташского подпоручика Мартина Вольфа, бывшего уголовника и эмигранта, он обеспечит в Земуне покой и порядок. Майснер собственноручно убивал заложников из числа мирных жителей, говоря при этом, что мстит за сына, погибшего на Восточном фронте.

В конце стола, задумчиво глядя на деревянную люстру, сидел спиной к окну генерал Рудольф Литерс, только что вернувшийся с Восточного фронта. Кейтель послал его в Сербию для координации действий с усташами и четниками, а также и с другими организациями такого рода. Литерс, как и большинство генералов вермахта, был убежден в неограниченной мощи третьего рейха и часто заявлял, что для немецкого солдата не существует никаких преград.

Выдержав небольшую паузу, Литерс, чтобы привлечь к себе внимание, заметил:

— Сразу же после этого совещания необходимо организовать встречу с итальянскими генералами Роата, Уго Кавальеро и Пирцио Биролли...

— Такая встреча уже назначена. Нужно только выбрать представителей с нашей стороны, — прервал его Бадер.

— Я думаю, это будете вы, господин генерал, и генералы Кунце и Хорстенау. Необходимо учитывать тот факт, что генерал Роата тонкий и ловкий политик, — добавил Литерс, бросив взгляд на Хорстенау, который одобрительно кивнул.

— Переговоры с генералом Витторио Амброзио, как мне кажется и как показывают записи господина генерал-фельдмаршала Листа, ни к чему не привели, — заявил Бадер.

— Зато у нас есть такой испытанный союзник, как генерал Уго Кавальеро! — возразил Литерс.

— Согласен. Этот действует с нами заодно сверх всяких ожиданий, — подтвердил Бадер.

— Может быть, следует шире использовать местные силы? — проговорил Турнер.

— Вы имеете в виду коллаборационистов? Обязательно, господин генерал! — подхватил Литерс. — Их, конечно, надо подтолкнуть к братоубийственной войне... Бензлер и генерал Турнер могли бы поделиться своим опытом в этом отношении.

— С удовольствием! — откликнулся Бензлер.

— Мы с первых дней занимаемся этим вопросом, — подтвердил Турнер.

Генерал Литерс между тем продолжал:

— Генерал Бадер совершенно верно заметил, что восстание в Югославии лишь на первый взгляд напоминает большое ветвистое дерево, которое может устоять перед любыми бурями. На самом же деле его ствол подтачивает множество червей: это Рудник в Словении... Недич, Лётич и Михайлович в Сербии... Павелич, Кватерник, Артукович в Хорватии... Все они, господа, исполнены зависти, карьеризма и ненависти друг к другу... Войска вермахта, разумеется, и без них в состоянии в кратчайшие сроки покончить с этой Первой бригадой и с остальными отрядами. Да только черви нам не помешают — пусть множатся, — заключил Литерс.

— Все эти люди, которых вы назвали, работают под нашим или итальянским руководством и контролем, — снова заговорил Турнер.

Генерал Литерс был твердо убежден, что ему предстоит сыграть выдающуюся роль в усмирении

непокорной Югославии. Именно этим объяснялось его ревнивое и все более критическое отношение к генералу Бадеру, особенно усилившееся теперь, после его доклада.

— И все же положение не следует недооценивать, — заметил генерал Хорстенау.

— Вы, вероятно, обратили внимание на то, что это было отмечено и в моем выступлении, — взглянув на него, сказал Бадер.

— Я считаю, что окончательно разделаться с югославскими коммунистами и партизанами мы можем только в том случае, если полностью их уничтожим, — произнес Литерс. — Должен признаться, что, если бы мне была оказана честь командовать всеми нашими войсками здесь, в Югославии, я бы многое изменил в порядке, установленном вами и вашими предшественниками...

— А вы, господин генерал, хотели бы, чтобы вам оказали подобное доверие? — спросил подполковник Майер.

— Не знаю... — несколько растерявшись, ответил Литерс. — Во всяком случае, я не хотел никого оскорбить.

— Пока что я команду здесь войсками, — вмешался генерал Бадер, — и вся ответственность за проведение политики фюрера лежит на мне. Если же говорить о моих предшественниках, то они, я считаю, добросовестно старались содействовать укреплению третьего рейха!

Литерс с трудом сдержался, чтобы не вспылить.

— Пассивность и командование из кабинета непростительны! — резко бросил он. — Леность — вот самая опасная болезнь наших офицеров!..

Рядом с Литерсом на противоположном от Бадера конце стола сидел командующий войсками Белградского гарнизона фон Кайзерберг, человек с большими, глубоко сидящими глазами, с лицом, покрытым мелкими шрамами, словно изрезанным ножом, — это были следы дорожной катастрофы, в которую он попал еще в тридцать девятом году, сразу после получения чина майора. Он долго лечился, но и по сей день травма все еще давала о себе знать — он редко мог завершить начатую фразу... Поэтому многие думали, что у него не все ладно с головой... Однако, ко всеобщему удивлению, он оказался одним из немногих, кто сумел удержаться на своем посту, несмотря ни на что...

В Белграде мало кто из немцев отваживался выходить на улицу после наступления темноты, и Кайзерберг перевел свой штаб на Авалу, в тот самый отель, где они сейчас собрались, и поставил усиленную охрану, надеясь, что обезопасил себя от неприятностей. Сторонник самых жестких мер, он считал, что в Сербии эти меры осуществлены пока лишь наполовину, и при каждой новой смене военного наместника в Югославии упрекал предыдущего за чрезмерную мягкость по отношению к населению. При неофициальных встречах с Бёме, а позднее и с Бадером, относившимся к нему довольно пренебрежительно, он непрестанно повторял, что легче предотвратить пожар, чем потом его гасить...

— У меня создалось впечатление, что вы недолюбливаете господина Кайзерберга, — вдруг заявил Бадеру Литерс.

На лице Бадера тотчас же появилось презрительное выражение. С трудом преодолев охватившее его чувство неприязни, он все же ответил:

— Он здесь как на острове... Стережит только свой отель,..

— Верно, верно! — улыбаясь, подхватил Кайзерберг. — На моем острове войны нет!

Все рассмеялись.

Сознавая, сколь влиятельны Литерс и Бадер, эти хитрые и недоверчивые люди, остальные генералы и офицеры, обремененные ложными представлениями о человеческих достоинствах, а также отупляющей железной прусской дисциплиной, страхом быть обманутыми и тайно обвиненными в чем-то, пока Бадер делал сообщение, что-то записывали в свои блокноты и ждали подходящего момента, чтобы высказать «мудрые» мысли и оценки относительно какой-то партизанской бригады.

Закончив сообщение, генерал Бадер внимательно оглядел участников совещания и, привычно тряхнув головой, сказал:

— Предлагаю сделать небольшой перерыв...

— Я тоже думаю, что для этого уже пришло время, — поддержал его Литерс.

— Сожалею, что начало оказалось столь продолжительным, — добавил Бадер.

Все поднялись и направились к буфетной стойке.

5

Отец и сын

Боевой путь бригады начался в Рудо. С боями прошла она по захваченной фашистами Сербии, и на освобожденной территории сразу же развертывалась активная политическая работа... Первый бой, победа и первые жертвы... Их бригада никогда не забудет...

День медленно угасал. Берега зеленовато-голубого Лима окутал туман. Рудо погрузился во мрак и замер. От вчерашней оживленности и следа не осталось. С уходом бригады исчезло и окрыляющее ощущение свободы. В городке воцарилась сонная тишина.

Мокрый снег сменился мелким холодным дождем, и тропа, по которой уходила бригада, быстро раскисла.

Бойцы уже долго шли без остановки, в сапогах у каждого хлюпала вода.

Около полуночи из головы колонны передали приказ: сделать короткий привал.

Гаврош, которого не оставляли мысли об отце, брате и Хайке, опустился на поваленный дуб рядом с Лекой и Шилей. Лека снял свой летный шлем и вытер потный лоб.

— Знал бы я, что после института буду пулеметчиком, так мне бы и в голову не пришло столько времени учиться, — проговорил он.

— Если тебе не хочется носить пулемет, я с тобой охотно поменяюсь, — предложил стоявший рядом Драгослав Ратицац.

— С этим пока повременим!

— Почему? Я могу хоть сейчас! — настаивал Драгослав.

Лека посмотрел на него, но промолчал.

— Дело в том, Ратицац, — вмешался Воя Васич, — что пулеметчика могут скорее простить, если он провинится в чем-то.

— Ну что, теперь тебе понятно? — усмехнувшись, спросил Драгослава Гаврош.

— Нет, не совсем, — ответил Драгослав и поинтересовался: — А почему же все-таки такая снисходительность к пулеметчикам?

— А потому, что на войне, как сказал дядя Мичо, нужны не безгрешные люди и не мудрецы, а бесстрашные солдаты... — ответил Воя Васич.

— Но к тебе это не относится, — заметил Гаврош, — ты ведь у нас и герой, и мудрец.

— По крайней мере, я не мучился столько, сдавая экзамены. Пуля-то ведь на диплом не смотрит...

— А вот скажи, Лека, чего бы тебе сейчас больше всего хотелось? — спросил у него Шилея.

— Чего бы мне хотелось, того мне никто из вас дать не сможет, — вздохнув, ответил Лека.

— Надо поставить вопрос на собрании, чтобы пули не трогали тех, что с дипломами, — шутливо предложил Артем и улыбнулся.

— Все будет как надо, ребята! — подойдя к ним, сказал дядя Мичо.

— Может, и будет... Да только пока пулемет мне все плечо оттянул. Когда Драгослав взял мой пулемет, чтобы помочь, его винтовка показалась мне легче перышка, — улыбнулся Лека.

— Это же твой трофей, вот ты и оставил его себе, Лека, — заметил Воя. — Я тоже как раз тогда добыл свой...

— Хоть бы и мне когда повезло... — мечтательно произнес Драгослав.

— Вот провинись в чем-нибудь, тогда тебя в наказание, может, и заставят таскать пулемет, — улыбаясь пошутил Гаврош.

— Это смотря как провиниться! — сказал Воя.

— Увидите, я добуду пулемет в первом же бою! Недаром же я сын Мичо Ратицаца из Грошницы! — сказал Драгослав.

Чтобы отвлечься от своих мыслей, Гаврош поднялся и подсел к Леке. Он, конечно, тоже не прочь стать пулеметчиком, как и всякий другой боец, но сейчас для него главным было не это...

— Только бы нам остаться живыми да здоровыми! — заключил старший Ратицац.

Гаврош тронул Леку за локоть:

— У тебя есть табачок?

— Ты только и знаешь дымить да у меня табак кланчить, — косо глянув на него, сказал Лека.

— Я слышал, что у бывшего владельца твоего пулемета карманы были битком набиты табаком.

— Может быть... Но разве в этом дело? Главное, что табачок есть у меня. А раз он есть — на, крути!

— Спасибо! — поблагодарил Гаврош и, взяв себе немного табаку, остальное протянул ему.

— Отдай его дяде Мичо, — сказал Лека.

— Вот спасибо, сынки, уважили! Соколики вы мои!

Над ними на какое-то мгновение расступились облака, и в просвете их на середине небосвода вдруг появилась серебристая ущербная луна. Гаврошу показалось, что она больше и светлее, чем бывает обычно, и он с грустью следил, как на нее снова наплывает плотная масса облаков. Одно из них, коснувшись луны своим неровным краем, стало постепенно прикрывать ее, и вскоре она исчезла...

От пронизывающего холода не было спасения. Гаврош поднялся и поглубже натянул фуражку. Стояла уже поздняя ночь. Все вокруг погрузилось в темноту, нигде не было видно даже искорки света. Стараясь не стучать зубами, Гаврош закурил. Жадно затягиваясь, он смотрел туда, где расступались окружавшие их холмы и вдали на фоне неба вырисовывались черные верхушки гигантских буков. Сквозь облака снова пробилась луна, и все вокруг залил ее жемчужный свет. Внизу поблескивал Лим. Через несколько минут облака снова закрыли луну и опять в непроглядной тьме утонуло все — холмы, деревья, извилистое русло реки...

Колонна продвигалась дальше. Уже можно было различить очертания окрестных холмов, над которыми вставала голубовато-белесая холодная заря. Где-то далеко впереди послышалось протяжное пение. Облака, такие светлые ночью, начали вдруг темнеть, становясь свинцово-серыми. Все предвещало хмурый день.

Когда они вышли к полю, Гаврош ясно увидел в голове колонны красное знамя, которое ночью ему не удалось разглядеть. На короткой остановке он разговорился со знаменосцем; тот был необычайно горд, что ему доверили Красное знамя. Только храбрейшим из храбрых выпадало такое счастье. А нести знамя Первой пролетарской партизанской бригады — это особая честь.

— Жаль только, что братья еще не подросли. А то бы, даже если бы меня убили, кто-нибудь из братьев Байонетовичей обязательно донес бы его! Ведь наша семья «красная» еще с 1924-го!

— Это обязательно сделает кто-нибудь из вас... Тебя, во всяком случае, история отметит! — сказал Гаврош. Знаменосец испытующе посмотрел на него. Ему хотелось понять, всерьез или в шутку это было сказано.

— Во время балканских войн мой отец тоже был знаменосцем. Тяжело раненный, он уберег зная, — сказал он Гаврошу.

— Значит, наши угадали, кому доверить это дело, — заметил Гаврош.

— Его надо уметь нести, это тоже немало значит! — гордо произнес знаменосец.

Гаврош улыбнулся, похлопал парня по плечу и откровенно признался, что завидует ему.

Бездорожье и утренний туман сильно мешали передвижению колонны. Между тем тропа, по которой шли партизаны, становилась все шире и труднопроходимее. Подталкиваемые ветром в спину, люди стали подниматься на гору, которая возвышалась над окрестными холмами. По колонне передали приказ комиссара бригады командиру горняцкой роты пройти в голову колонны.

Гаврош посмотрел назад и, отыскав взглядом Драгослава и дядю Мичо, остановился и подождал их.

— Ну как, Гаврош? — спросил старший Ратинац.

— Все в порядке, привыкаем.

Тут с ними поравнялся командир горняцкой роты — высокий, худощавый, лет тридцати. Подошел и Шиля, сердитый на Гавроша за то, что тот оставил его одного. Неожиданно Гаврош поскользнулся и, падая, ухватился за шинель командира горняцкой роты.

— В чем дело? — обернувшись, удивленно воскликнул тот.

— Подождите минутку! — попросил Шиля, помогая Гаврошу подняться.

— Я спешу... Ты, Шкрбо, иди, я сейчас! — обратился командир к сопровождавшему его бойцу.

— Есть, товарищ командир! — ответил тот, поправляя на плече пулемет.

— Извините, я хочу спросить вас кое о чем, — сказал командиру Гаврош.

Тот удивленно посмотрел на него.

— Мой отец был пехотным капитаном бывшей югославской армии, его зовут Ратко Гаврич...

— Может, вы слышали что-нибудь о нем? — подхватил Шиля, прервав Гавроша.

— Поверьте, мне очень жаль, но я впервые слышу это имя.

— А о моем брате, Горчине Гавриче, слышали?

— И о нем ничего не знаю... Прости, друг, но я ничем не могу тебе помочь.

— Ладно, спасибо. Ну идите, вас ждут! — сказал Гаврош, уступая ему дорогу.

Командир горняцкой роты торопливо зашагал вперед.

Через полтора часа после этого рота Гавроша атаковала засевших в школе села Соколовичи итальянских солдат и офицеров. Их было человек сто пятьдесят, и они оказывали яростное сопротивление. Надеюсь, что с минуты на минуту к ним подойдут подкрепления четников или немцев, и помня по опыту Плевли, что от партизан можно обороняться лишь под прикрытием прочных стен, эти итальянцы не знали самого главного — того, что перед ними Первая пролетарская бригада, лучшие силы югославских партизан, которые в этом первом бою должны оправдать доверие партии и Верховного главнокомандующего, непосредственно руководившего сейчас их действиями.

Из окон окруженной школы безостановочно вели огонь минометы и пулеметы. Две небольшие мины разорвались в воздухе над Драгославом и Восей.

— Всем залечь! Без команды не подниматься! — приказал Воя.

Еще две мины разорвались перед ними. Взметнулись столбы снега, земли и камней.

— Да пролетарцы мы или нет?! — приподняв голову, недоуменно спросил Драгослав.

— Пролетарцы. И это они вон там, в школе, скоро почувствуют! — ответил Шиля.

Лежа на снегу, Драгослав улыбнулся и подмигнул отцу, который яростно тер кулаками глаза — в них попала земля.

— Ну что, отец, пролетарцы мы или нет?

— Так-то оно так! Да только высовываться незачем. Еще немножко — и они вывесят белые полотенца...

— Потому-то нам и надо показать себя! — сверкнув глазами, заявил Драгослав.

— Без команды — ни с места! — снова повторил Воя.

Старший Ратинац посмотрел на школу. Большую поляну перед ней окружали густые кусты, за которые еще цеплялись редкие ключья тумана.

— Осторожнее, ребята! — сказал он, искоса поглядев на сына.

Несколько пулеметных очередей взметнули снег рядом с их головами. Драгослав отполз к Гаврошу и лег между ним и Шилей.

Гаврош, как и все в бригаде, любил этого молодого партизана, гордого и благородного, верного друга и отважного бойца. Гаврошу особенно приятно было смотреть на него и на дядю Мичо: со стороны казалось, что это не отец и сын, а два заботливых и внимательных друга — молодой и пожилой. Мичо Ратинац ласково называл Драгослава Госой.

— Не высовывайтесь, ребята! — снова предостерег старший Ратинац.

— Ну что, Шиля? — спросил Гаврош.

— Будем ждать команды.

— Но ведь надо поскорее покончить с ними! — нетерпеливо воскликнул Драгослав.

Дядя Мичо отполз к небольшому пригорку, откуда было хорошо видно Гавроша, Драгослава и Шилю. Гаврош понял, что отец не хочет обижать сына чрезмерной опекой на глазах у всей роты. А Драгослав теперь то и дело вопросительно поглядывал на Вою, нетерпеливо ожидая команды, чтобы вскочить и броситься к окруженной школе. Его лицо горело от возбуждения и предчувствия схватки. Гаврош поглядел на обоих Ратинацев и вдруг подумал: как хорошо, что сейчас рядом с ним нет ни его отца, ни брата, ни Хайки. Конечно, отец тоже напоминал бы ему об осторожности и необходимости слушать команду. Однако Гаврош был уверен, что его отец, капитан Ратко Гаврич, наверняка бы совершил не один подвиг, бросаясь в самые опасные места, и обязательно пал бы смертью героя в бою.

— Без команды ни шагу! — снова повторил Воя. — Мы же теперь не просто отряд! Тебе говорю, Ратинац!

Но Драгослав не слышал. Стиснув зубы, так что на щеках проступили желваки, он напряженно смотрел на школу. Не обращал внимания он и на Шилю, который что-то жарко шептал ему в самое ухо.

Ратинац-старший подполз к сыну:

— Ну что? Не терпится?

Гаврошу тоже было уже невтерпеж лежать на снегу. Он посмотрел на Риту, и ему показалось, что она хочет поднять их в атаку. Гаврош подобрался, напряг мышцы, но Рита отдала приказ лежать и ждать команду.

Пулеметная очередь вдруг срезала ветки с куста над головой Артема. Он вскочил, но окрик Вои заставил его залечь за вывороченным с корнем пнем. Позади них разорвалась мина, подняв столб земли.

Утро было холодное, неласковое. Мороз пощипывал лицо и руки. В лесу снег лежал глубокий и сыпучий, как мука, зато в поле снежный наст свободно выдерживал тяжесть человека. По нему можно было осторожно пройти, но не пробежать — ледяная корка с хрустом, как стекло, ломалась под ногами.

Гаврош ни на шаг не отходил от Леки. Этот молодой боец был осторожен и в то же время смел и напорист. Многие партизаны знали его еще с довоенных лет, когда он был гимназистом, а потом студентом. Это был убежденный коммунист и самоотверженный революционер. Никто не мог понять, почему штаб батальона не назначил его хотя бы командиром взвода. Неужели причина кроется в том, что он был временно исключен из партии за то, что тайком пробрался в Крагуевац, чтобы отомстить за брата?

— Лека! — позвала его Рита.

— Слушаю, товарищ комиссар, — серьезно ответил он.

— Давайте-ка со своим отделением вон туда, к ручью! — показала она рукой.

«Со своим отделением», — задумчиво повторил Лека про себя, испытующе посмотрев на Риту, а потом на Вою Васича,

— Что в революции всякое может быть, ты, Лека, знал, но вот что нами будет командовать девушка... — прошептал Шилия.

— Ладно, Шилия, ладно! — ответил Лека. — Мы с дядей Мичо бережем вас, как родных детей, а ты еще подшучиваешь... Хотел бы я знать, что вы станете делать, когда нас не будет.

— Во всяком случае, вспоминать вас не придется, потому что мы просто не сможем забыть вас, — сказал Артем.

Лека поднялся, прячась за стволом толстого дуба, и крикнул:

— Выполняйте приказ комиссара! Короткими перебежками — к ручью! Сначала вы, а я вас прикрою!

— Есть, товарищ командир отделения! — отозвался Гаврош.

Они быстро перебежали открытое пространство и спрыгнули в глубокую канаву, в которой уже было человек десять из другого батальона.

— Теперь надо прикрыть нашего командира, — еще не отдышавшись, сказал Гаврош.

— Для этого достаточно моего пулеметика, — любовно погладил ствол своего пулемета молодой партизан, которого кто-то назвал Тршей.

Послышалась долгая пулеметная очередь, за ней другая... Под прикрытием огня Лека присоединился к своим. Гаврош обнял его.

— Кто у вас командир отделения? — спросил Шилия.

— Я командир взвода, — ответил, выпрямившись, пулеметчик, прикрывавший Леку.

Гаврош приблизился к нему:

— Я хотел спросить, не присоединялся ли к вашему отряду мой отец Ратко Гаврич, капитан бывшей югославской армии?.. Или Горчин, мой брат?

— Не слыхал, — ответил Трша. — Слева от нас крагуевцы, а по ту сторону от школы — кралевцы. Может, они знают...

— Ясно! — вздохнул Гаврош.

— А где тот, кого я прикрывал? — Трша добродушно сощурился.

— Здесь я, — подойдя к ним, сказал Лека. — Только ты зря тратил патроны — я вполне мог добраться и сам...

Гаврош выпрямился и обернулся к Леке.

— Пригнись! — предостерег его тот.

— Слушаюсь, товарищ командир! — сказал Гаврош.

И в эту секунду из окна школы раздался залп. Драгослав выскочил из канавы и, перемахнув через кусты,

бросился к школе.

— Я вас расшевелю! На штурм, ребята! — закричал он звенящим голосом.

Пораженный Гаврош застыл на месте, вытянув шею. Он спрашивал себя, зачем Драгослав так неосмотрительно рискует жизнью, ведь те, кто засел в школе, могут заметить его. Только теперь он понял, почему дядя Мичо, который, конечно, лучше всех знал своего сына, старался быть все время рядом с ним и постоянно напоминал ему об осторожности. И сейчас, с ужасом следя за другом, Гаврош услышал рядом с собой крик Ратинаца-отца:

— Нет! Не надо... Госа! Сынок! Остановись!..

— Ложись, Ратинац! — вскочил Воя. — Ложись, приказываю!

— Сынок! — выпрямившись во весь рост, крикнул дядя Мичо и, не обращая внимания на град пуль, сбивавших кору с деревьев, побежал за сыном.

Лека бросился к своему пулемету и дал длинную очередь по окнам школы. Рита поддержала его своим автоматом. Гаврош швырнул гранату, взрыв которой повредил школьную стену. Но все было напрасно: Драгослав вдруг остановился как вкопанный и, сраженный пулеметной очередью, рухнул навзничь в снег.

Старший Ратинац бежал, цепляясь за кусты, спотыкаясь и задыхаясь. Он, как недавно и его сын, не слышал предостерегающих криков Вои и Риты, приказывавших ему остановиться.

— Дядя Мичо! — крикнул Лека. Он больше не стрелял — диск его пулемета был уже пуст.

— Господи боже! — вырвалось у кого-то.

Гаврош не отрывал глаз от старшего Ратинаца. Ему казалось, что в невнятных криках дяди Мичо он разобрал три слова: «горе», «несчастье», «сердце»... Дядя Мичо бежал так, словно бой уже прекратился, будто никто больше погибнуть не мог; он бежал так, словно чувствовал себя неуязвимым для пуль противника. Добежав до неподвижно лежавшего сына, он вдруг странно взмахнул руками и упал рядом с ним, успев все же коснуться лица Драгослава.

Из школы еще продолжали стрелять по ним, уже мертвым...

— Ну какой черт их понес туда?! — яростно ударив кулаком по снегу, вскричал Шилия.

— Эх, Ратинацы, Ратинацы! — всхлипнув, прошептал Лека. — Погибли в самом начале борьбы!

Гаврош едва сдерживал слезы. Он уже не стрелял, а лежал, опершись на локти, и смотрел куда-то вдаль. Еще никогда в жизни ему не приходилось испытывать такое. Взглянув на Риту, он заметил, что и она вытирает слезы. Что-то оборвалось у него внутри, и он уронил голову на руки. Сейчас он особенно ясно почувствовал, как дороги были ему отец и сын Ратинацы.

— Видели?! — обратился к товарищам Шилия.

Лека вернулся к своему пулемету. Рита встала и подошла к Гаврошу.

— Будь мужчиной! — сказала она ему. — Ты видел?

— Так же, как и ты...

— А что, если бы это был твой отец или Горчин?.. — Она посмотрела ему в глаза. — Или девушка?..

Гаврош молчал. Он перевел взгляд на школу и почти непроизвольно нажал на спусковой крючок винтовки.

— Ты все еще ждешь ее? — продолжала Рита.

— Она должна прийти, — ответил он, передергивая затвор.

— Как ее зовут?

— У нее необычное имя... Хайка...

— Она любит тебя?

— Конечно. Мне кажется, только смерть может разлучить нас. Моя смерть.

— Я думаю иначе, — сказала Рита и, повернувшись, направилась к другим бойцам.

Гаврош переглянулся с Шилей и недоуменно пожал плечами.

— Благодарю судьбу, что вы с Хайкой сейчас далеко друг от друга! — хлопнув Гавроша по плечу, сказал Шилия.

Из школы опять начали стрелять, на этот раз сильнее и слаженнее. Горняцкая рота пошла в атаку.

— Отомстим за дядю Мичо и Драгослава! — ожесточенно проговорил Гаврош и открыл из винтовки огонь по окнам школы. — Первого, кого возьмем в плен, нет, первых двоих...

Лека поставил на землю свой пулемет и приготовился к стрельбе.

— Отставить огонь! — бросила Рита, проходя мимо них.

К ним в канаву, красный от бега, задыхающийся, скатился пулеметчик Шкрбо. Переводя взгляд с одного на другого, он спросил:

— Кто у вас командир?

— Она! И он! — указал на Риту и Вою Гаврош.

— Комиссар роты и заместитель командира, — уточнил Лека.

— Мы получили приказ атаковать школу. Один ваш взвод должен поддержать нас, — сказал Шкрбо.

— Хорошо, мы выделим вам взвод, — ответила Рита.

Шкрбо хмуро посмотрел на нее:

— А зачем вы пустили Ратинацев?

— Они выбежали, нарушив приказ, — сказал Лека.

Гаврош тоже хотел что-то добавить, но в эту секунду послышалась отрывистая команда, застучали пулеметы и раздались взрывы гранат.

— Я пошел, — сказал Шкрбо. — Это поднялись наши горняки.

— Мы должны отомстить за Ратинацев! — сказал Шиля.

Рита приказала 2-му взводу идти за Шкрбо.

— Я надеялся, что эта честь выпадет нам! — разочарованно проговорил Гаврош, взглянув на нее.

Бой длился недолго. Мома Дугалич обошел со своим взводом школу с тыла и ударил по ней там, где никто не ожидал. Это заставило итальянцев сдать. Грохот стрельбы наконец стих.

Враг потерял двадцать семь человек убитыми, сто двадцать были захвачены в плен. Два офицера с группой солдат пытались пробиться к лесу, но им не дали уйти.

Когда все стихло, Гаврош, оставив товарищей, направился к поляне, где лежали на снегу отец и сын Ратинацы. Он уже подошел к тому месту, как вдруг наткнулся на двух безоружных итальянцев. Их черные на фоне снега фигуры были отличной мишенью.

— Руки вверх! — спокойно приказал Гаврош и подумал: «Вот она, идеальная возможность отомстить за Драгослава и дядю Мичо».

Итальянцы послушно подняли руки и что-то испуганно залопотали. Гаврош заметил, что у одного из них то ли от страха, то ли от холода дрожит челюсть. Они упали на колени и с поднятыми руками поползли к нему.

— Видите, что вы сделали? — Гаврош показал стволом винтовки на тела погибших Ратинацев.

Итальянцы умоляюще сложили руки.

— Обоих — отца и сына!.. Понимаете вы это?!

Один из них торопливо полез во внутренний карман и вытащил из конверта фотографии, на которых весело улыбались два толстощеких карапуза в матросских костюмчиках. На одной из фотографий вместе с детьми была мать.

— Миа амика... Пиколо бамбино...¹ — стал он совать фотографии Гаврошу. Тут же выяснилось, что у второго тоже есть дети — трое малышей...

Гаврош глубоко вздохнул и опустил винтовку. Он еще колебался. Ему почудилось вдруг, что с фотографий на него смотрят не дети этого итальянца, а лица дяди Мичо и Драгослава, требуя отмщения. Он нахмурился, закинул винтовку за спину и, не глядя на итальянцев, сердито крикнул:

— Уходите! И чтоб я вас больше не видел! Вон туда идите, в школу! — добавил он.

— Грациа!.. Грациа!.. — одновременно поклонились оба итальянца. — Боно партизано!²

Гаврош подошел к тому месту, где лежали мертвые отец и сын. Ему показалось, что открытые глаза Драгослава неотрывно следят за ним...

Между тем кто-то из 3-го батальона доложил комиссару бригады, что из школы при невыясненных обстоятельствах сбежали двое пленных и что боец Гавро Гаврич, вместо того чтобы задержать или ликвидировать их, позволил им уйти.

К Рите был направлен связной штаба бригады, после короткого разговора с которым она позвала Гавроша к себе.

— Говорят, ты освободил двоих итальянцев? — спросила она его.

— Я их не освобождал, а просто встретил в лесу.

— Где их оружие?

— Они были безоружны.

— И как ты поступил с ними?

— Мне было тошно на них смотреть.

— Где пленные? — повторила Рита.

— Я приказал им вернуться обратно в школу.

Рита смотрела на него с симпатией. Она хотела отчитать его, но вместо этого тихо сказала:

— Комиссар бригады хочет поговорить с тобой.

— Ясно, товарищ комиссар роты! — Он щелкнул каблуками и отдал ей честь.

Она посмотрела ему вслед.

Догадываясь, по какому поводу его вызывают, Гаврош поправил ремень, застегнул все пуговицы на своем полушубке и заправил штанины в носки. Поздоровавшись с командиром 1-го батальона, он подошел к группе командиров, в центре которой стоял комиссар Фича, и доложил, встав по стойке «смирно»:

— Боец Гавро Гаврич по вашему приказанию прибыл! Комиссар взглянул на его смуглое, обветренное лицо.

— Это правда, что ты встретился с двумя итальянцами? — строго спросил он.

— Так точно, товарищ комиссар!

— Мне сообщили, что они были безоружные.

— Так точно, товарищ комиссар!

— А правда ли, что ты ничего не сделал, чтобы помешать им уйти?

— Они плакали и казались такими жалкими. Я приказал им вернуться в школу. Это все...

Комиссар Фича помолчал. Он чувствовал расположение к этому молодому партизану.

— Так ты говоришь, случайно встретил их?

1 Моя подруга... Маленькие детки... (итал.)

2 Спасибо!.. Спасибо!.. Добрый партизан! (итал.)

Гаврош кивнул.

— А если бы они побежали, ты бы стал стрелять?

— Я думаю, нет.

— Почему?

— Потому что они были без оружия. В безоружного и раненого противника я бы никогда не стал стрелять...

После недолгого молчания комиссар серьезно сказал:

— Эх, друг мой Гаврош, если в этой войне мы все будем поступать так, как ты, то вряд ли когда-нибудь победим! — и подмигнул стоявшим рядом с ним командирам батальонов Якшичу, Вукановичу и Четковичу.

— Если бы все люди на земле поступали так, как я, то войн вообще никогда не было бы! — ответил Гаврош улыбаясь.

Комиссар удивленно поднял брови и рассмеялся. Засмеялись и командиры батальонов.

— Как, говоришь, тебя зовут?

Гаврош, чувствуя, что для него сейчас наступил самый благоприятный момент, ответил:

— Я сын капитана Ратко Гаврича. Он ушел из Земуна, чтобы прийти к нам, но до сих пор его нет...

Товарищ командир 1-го батальона его хорошо знает.

— Да, это замечательный человек! — сказал Четкович.

— Есть у меня еще брат Горчин, мы с ним вместе изучали право в институте. Я был бы вам очень благодарен, если бы вы помогли что-нибудь узнать о них...

Комиссар бригады повернулся к своему помощнику Миялко Тодоровичу, вопросительно посмотрел на него.

— Я ничего о них не слышал, — сказал Тодорович.

— И у меня в батальоне их нет, — развел руками Вуканович.

— Я хорошо знал Ратко Гаврича, — проговорил Четкович. — Ведь мы с ним были в одном полку. Жаль, что он не в нашей бригаде.

— Я разужнаю, — пообещал комиссар Фича, — и сообщу товарищу Рите. А ты, хотя ты и очень гуманен, не позволяй больше врагу, даже безоружному, убегать у тебя из-под носа.

Гаврош отдал им честь и вернулся в свою роту.

Вскоре из долины потянулась широкая пестрая колонна. Пленные итальянские солдаты несли своих раненых и раненых партизан...

6

Ревность и соперничество

Те, кто еще до войны вынашивал планы заговоров и готовил путчи, собравшись в отеле «Авала» на горе Авала, кончили плохо. Судьба забросила их далеко от родины... Те, кто совещался здесь сейчас, были в тысячу раз увереннее в себе, в силе своего оружия и идеологии, чем те, которых уже не было...

После обеда в отеле и короткой прогулки по асфальтированному шоссе, которое спиралью обвивало гору, начальник Белградского гарнизона фон Кайзерберг предложил осмотреть памятник Неизвестному герою, окутанный сейчас плотной пеленой тумана.

— Да, это было бы неинтересно, — взглянув на генерала Литерса, сказал Бадер.

Подходя к памятнику, фон Кайзерберг на несколько шагов опередил группу генералов и принялся рассказывать:

— Памятник создан недавно загребским скульптором Иваном Мештровичем, который после нашей победы над Югославией эмигрировал в Швейцарию.

— Об этом человеке я мог бы рассказать немало, — сказал Глейз фон Хорстенау. — Он живет в Берне и все пытается о чем-то договориться с англичанами.

— Итак, господа, — продолжал фон Кайзерберг, — возможно, вы не знаете, что еще в начале пятнадцатого века турки построили здесь городок Хавала, что значит «Крепость на горе». Отсюда хорошо просматривались окрестности. После первой мировой войны здесь был установлен памятник Неизвестному сербскому солдату. Впоследствии памятник был разрушен вместе с крепостью, а в 1938-м, три года назад, поставлен вот этот.

Генерал Пауль Бадер обошел вокруг памятника, разглядывая огромные темно-серые мраморные плиты, с удивительной точностью подогнанные одна к другой, а затем, презрительно поджав губу, сказал:

— А совсем недавно вы назвали его памятником Неизвестному герою!

— Да, так его теперь тут называют.

— Ну, конечно. Комплекс малой нации! — усмехнулся Бадер.

Задыхаясь от кашля, так как он не переносил тумана, Глейз фон Хорстенау неуклюже повернулся к Кайзербергу и, заранее уверенный, что его ехидный вопрос доставит удовольствие генералу Бадеру, спросил:

— Вы, кажется, основательно изучили историю этого народа?

— Полагаю, что знаю ее неплохо...

— А так же ли хорошо знаете и все то, что касается деятельности подпольных коммунистических организаций в вашем Белграде? Насколько мне известно, у них здесь есть свои комитеты, типографии, склады

оружия...

Ничуть не смутившись, Кайзерберг посмотрел на Хорстенау и, заметив заискрившуюся в его глазах хитрую усмешку, холодно ответил:

— Вы затрагиваете то, что относится к компетенции наших уважаемых коллег из абвера и гестапо! Вероятно, господа Майер и Гельм могли бы ответить на ваш вопрос...

— Да, да, вы правы! — Бензлер заторопился перевести разговор на другую тему: — Как только я приехал в Белград, то сразу почувствовал, что нахожусь среди дикарей, балканских дикарей — людей, чей примитивизм только подтверждает известные выводы фюрера о славянской расе.

— А я слышал, что среди сербов были ученые с мировым именем, — неожиданно возразил ему фон Кайзерберг.

— Мы, немцы, господин Кайзерберг, — раса господ, — отрезал генерал Бадер. — И мы должны постоянно помнить о своей великой исторической миссии. Отдельные же представители этого и других народов, жившие к тому же давно, вообще не должны нас интересовать...

Подполковник Майер, Гельм и генерал Литерс незаметно отделились от остальных и оказались с другой стороны памятника. Литерс, пропуская вперед Гельма, спросил его, какого он мнения о фон Кайзерберге.

— Полную информацию о нем мог бы дать вам господин Майер, — отводя взгляд, сказал Гельм.

— Нет, моя информация отнюдь не будет полнее той, что можете дать вы, дорогой Гельм! — проговорил Майер.

— Ну говорите же, я жду! — повторил Литерс.

— Будьте уверены, господин Майер, что мое мнение полностью совпадает с вашим! — снова попытался увильнуть Гельм.

— Не осторожничайте, господа, иначе мне придется поверить слухам о том, что гестапо и абвер не в ладах между собой, — заметил Литерс.

Ганс Гельм нахмурился и, подбирая слова, сказал, что фон Кайзерберг — человек очень своенравный, что непонятно, каким образом ему удастся удерживаться на занимаемой должности. Видимо, он пользуется поддержкой кого-то из высшего командования.

— Он принадлежит к числу тех офицеров, которые оказались удачливее многих даже более образованных и опытных офицеров вермахта, — заключил подполковник Майер.

На гладковыбритых скулах Литерса заиграли желваки. В нем поднималась волна холодного гнева: он ненавидел этих двоих за их умение и возможности безнаказанно делать людям гадости. Забывшись, он сам не заметил, как в его судорожно сжатом кулаке оказалась вырванная с мясом пуговица от шинели.

Подполковник Майер добавил, что господин фон Кайзерберг когда-то в каком-то бою совершил подвиг, действительно достойный восхищения, но с той поры способен на одни только глупости и живет в основном старой славой.

— Он упорно не хочет понять, что наш механизированный век — это реальность. Он, наверное, с большим удовольствием бродил бы по лесам с луком и стрелами, чем занимался своими служебными делами... — заметил Гельм.

— Тогда как наш век требует от человека непрерывной и повседневной учебы, — подхватил Майер.

— Таким образом, — заключил Литерс, — я могу сделать вывод, что это человек крайне отсталый и инертный, не обладающий элементарной любознательностью, которая заставляет даже ребенка разломать игрушку, чтобы узнать, что у нее внутри.

— Совершенно верно! — согласился Майер. — Я уверен, что он никогда в жизни даже не пытался ясно и логично размышлять о своих собственных желаниях и возможностях.

— Это человек, который никогда не знал, что ему нужно делать, — вошел в раж Гельм. — Мне кажется, что с момента нашего прибытия в Белград у него еще ни разу не возникала потребность хоть что-нибудь сделать.

— Почему же вы не сообщили об этом в Берлин? Необходимо было добиться его скорейшей замены! — возмутился Литерс.

— Вам это было бы проще сделать, господин генерал, — ответил Гельм. — Мы до сих пор еще не смогли установить, чьей поддержкой в Берлине он пользуется.

— С ним просто невозможно работать, — заявил Майер. — Он совершенно не признает сотрудничества и координации действий. Иногда для того, чтобы связаться с ним по телефону, вместо нескольких секунд приходится затрачивать по полчаса.

— Да, да! — закивал Литерс. — Гнилому дереву ненужна плодородная почва... Сбежал из Белграда сюда, превратил отель в виллу, окружил себя танками и вооруженной до зубов охраной.

— Он считает, что Белградский гарнизон существует только для того, чтобы охранять его драгоценную жизнь, — съехидничал Майер.

— И чтобы низшие чины обеспечивали его смазливими девчонками! — бросил Гельм.

— Да, да, — снова кивнул Литерс. — Он здесь наслаждается жизнью, пьет первоклассные вина, забавляется с девочками, а наши на Восточном фронте...

Они помолчали. В это время Глейз фон Хорстенау решил было подойти к ним, но поскольку все трое делали вид, будто не замечают его, он понял, что они не хотят, чтобы им мешали, и вернулся к Резенеру и Турнеру, чтобы продолжить начатый им разговор о Литерсе.

— По мнению Литерса, господа, — подытожил Хорстенау, — мы с вами являемся лишь горсткой генералов-склеротиков, от которых вермахт никак не может избавиться. Единственная наша цель, считает он, — это выслужиться перед фюрером, Кейтелем и Гиммлером...

А в это время Гельм продолжал:

— Кайзербергам, несмотря на всю их глупость, ошибки прощаются, так как у них перед фамилией стоит «фон». Если же, например, ошибемся мы, поверив неточной информации, то именно кайзерберги первыми обрушатся на нас, хотя сами они полные невежды, не способные ни к какому делу...

— Он что, инвалид войны? — спросил Литерс.

— Всего лишь жертва дорожной катастрофы под Зальцбургом в 1939 году.

— Что же все-таки сделал! Кайзерберг в Белграде для ликвидации коммунистического подполья? — спросил Литерс.

— Вероятно, вы хотели спросить, каким образом он борется с коммунистами отсюда, с Авалы? — ехидно усмехнулся Гельм.

— Кроме расправ над мирным населением, он не предпринимал ничего, — ответил подполковник Майер. — С вашего разрешения, это просто замшелый бурбон из окружения генерала Хорстенау.

— Он выполнял, правда, кое-какие указания генерала Бёме, — добавил Гельм, укоризненно взглянув на Майера.

Разделившись на отдельные группы, участники «экскурсии» наперебой старались оговорить отсутствующих и даже присутствующих коллег, соревнуясь в обвинениях и упреках по поводу неэффективности предпринимаемых ими действий для подавления коммунистического движения.

Когда все стали спускаться обратно к отелю, к группе Литерса присоединился Бензлер, который в отличие от всех остальных имел свои собственные взгляды на положение в Белграде и во всех занятых немецкими войсками областях Югославии.

— Я не помешаю? — спросил он.

— Нисколько! — ответил Литерс.

— Мне показалось, что вы обсуждали нечто животрепещущее? — поинтересовался Бензлер, с любопытством оглядывая их.

Литерс промолчал, потом резко повернулся к Бензлеру и спросил:

— Каково ваше мнение, господин Бензлер, о деятельности КПЮ? Ну хотя бы в общих чертах...

Зная, как хитер и проницателен Литерс, а также будучи осведомлен о его дружеских отношениях с Кейтелем, Бензлер попробовал уйти от прямого ответа.

— Как вам известно, господин генерал, я здесь занимаюсь иными проблемами. Прошу простить, но на этот вопрос вам лучше всего могли бы ответить эти господа, — указал он на Майера и Гельма.

— И все же я хотел бы услышать и ваше мнение! — сказал Литерс, давая понять, что он уже беседовал с Манером и Гельмом. — Вы ведь, конечно, в курсе событий.

— Разумеется, коммунисты действуют организованно... Внизу, в отеле, у меня есть воззвание Центрального Комитета КПЮ в связи с нашим нападением на Советскую Россию. Оно произошло, как известно, 22 июня, а уже на следующий день они сумели напечатать и распространить листовки по всему Белграду и по многим другим городам...

— Вы мне этого не показывали! — повернулся Литерс к подполковнику Майеру.

— У нас есть много таких листовок, — сказал тот.

— В них содержатся призывы ко всем югославским народам включиться в борьбу против нас вместе с Советским Союзом, — пояснил Бензлер.

— Итак, перед нами стоят две задачи: подавить восстание и после этого осуществлять жесткий контроль за положением в стране, — подвел черту Литерс. — Что же касается оценок умственных способностей населения, его отсталости и лени, то эти оценки не имеют ровно никакого значения для осуществления наших неотложных задач.

Генералы подходили к отелю, не обращая внимания на вытягивавшихся перед ними через каждые пять-шесть шагов солдат охраны.

— Эта территория, господин генерал, по которой протекают Сава, Драва, Тиса и Морава, имеет большое стратегическое и экономическое значение. Здесь издавна проходили важнейшие торговые пути, связывавшие Европу со странами Юга и Юго-Востока. История Белграда и прилегающих к нему районов показывает, сколь важно для третьего рейха владеть им. Находясь в наших руках, Белград служит надежной защитой рейха от азиатских и славянских народов, в руках же этих народов он представлял бы большую опасность для нас, — сказал Бензлер.

— Совершенно верно! — воскликнул Литерс.

— Благодарю вас, господин генерал! В этом плане я и подготовил доклад для нашего совещания, — продолжал Бензлер.

— По-моему, ваши рассуждения логичны и выводы верны, — подчеркнул Литерс.

— Еще раз благодарю вас, господин генерал! Мне особенно приятно было услышать это именно от вас, так как генерал Бадер пытался высмеять мою концепцию. Она, видимо, не совпадала с его оценками...

Оба умолкли. Литерс едва удерживался от того, чтобы не высказать свое мнение и о генерале Бадере.

Вместо того чтобы пройти в отель, они решили сделать еще один круг по шоссе. На опушке леса,

подходившего к самой дороге, Литерс остановился, задумчиво глядя на собравшийся в лесу у самой земли туман, медленно сползавший вниз по склону. Ему вдруг показалось, что он чувствует дыхание леса. Деревья в лесу были высокие, с мощными стволами. Иногда с ветвей срывались снежные комья и, шурша, падали вниз. Только это и нарушало тишину.

— Несмотря на логичность подобных суждений, пока еще наши усилия и решительные меры не увенчались успехом, — нарушил молчание Майер.

— Это так, — согласился, тряхнув головой, Литерс. — После поражения Советской России, когда прозвучат наши победные марши над могилой большевизма, мы не пустим на этот праздник кайзербергов, которые в трудное время отсиживались в своих норах! — несколько театрально произнес он.

— Будьте уверены, господин генерал, что дети и внуки наших врагов проклянут своих отцов и дедов за непокорность. Мероприятия генерала Бёме, хотя господин Турнер тайком и пытался их дискредитировать, необходимо проводить в жизнь и в дальнейшем... — сказал Гельм.

— А может быть, даже расширить их! — вырвалось у Литерса.

Майер покачал головой и спросил:

— А что, если эта бригада в Рудо была сформирована именно как ответ на наши акции возмездия?

Литерс остановился и испытующе посмотрел на подполковника. Тот, однако, невозмутимо продолжал:

— Вероятно, и генерал Недич ожидал от нас другого. У меня в памяти еще свежи его слова, сказанные им на приеме у генерала Дункельмана. Тогда он заявил, что надеется в кратчайшие сроки, проведя необходимые реформы и создав сербскую армию, своими силами обеспечить порядок и спокойствие в стране и таким образом дать возможность нашим войскам заниматься своими непосредственными задачами.

— Однако дело приняло другой оборот! — заметил генерал Литерс.

— Я не знаю, с какими впечатлениями вы уедете из Югославии, господин генерал, — сказал Гельм. — Но в том, что сейчас все наше внимание должно быть сконцентрировано на этой партизанской бригаде, я уверен...

— Бригада должна быть как можно скорее уничтожена! — прервал его Литерс — До последнего человека!..

— Сначала ее нужно найти! — усмехнулся Майер. — Я не удивлюсь, если завтра мы получим сообщение о том, что она уже на Космае, — добавил он.

Не скрывая хитрой усмешки, генерал Литерс нетерпеливо произнес:

— Местонахождение бригады мне будет известно не позже чем завтра!

— Логично было бы ожидать быстрого ее продвижения и неожиданного появления в самых различных местах, — заметил Майер.

— Господа, всякое живое существо, передвигаясь по земле, неизбежно оставляет следы...

— Бригада должна быть беспощадно и немедленно уничтожена! — поддержал Литерса Гельм.

— Эта честь выпадет генералу Бадеру. Мы, господин Гельм, разумеется, будем согласовывать наши действия, — сказал Майер.

— Успех и слава воодушевляют человека, заставляют его мобилизовать все свои силы, — размеренно произнес Литерс. — Однако в любом случае надо уметь оценивать свои возможности. Сейчас, например, я не уверен, что Бадер, чья звезда уже меркнет, найдет в себе достаточно сил, чтобы выполнить эту ответственную задачу...

Вскоре туман окончательно рассеялся, а темные тучи опустились еще ниже. Пошел дождь, и это вынудило генералов вернуться в отель.

В тот день совещание так и не было продолжено. Но в ресторане до позднего вечера не смолкали крики и хохот подгулявших генералов. Единственным человеком, который не веселился, был фон Кайзерберг...

7

О капитане Ратко Гавриче по-прежнему ничего нового...

Основные удары враг наносил по Первой пролетарской бригаде. Верховный штаб непосредственно командовал ею до 1 марта 1942 года, когда в Чайниче была сформирована Вторая пролетарская бригада...

Колонна Первой пролетарской бригады продвигалась все дальше в глубь Восточной Боснии, а по стране из уст в уста передавались рассказы о настоящей народной армии, несущей стране освобождение. Бригада направлялась к Рогатице, где ее уже ожидал Главный партизанский штаб Боснии и Герцеговины и где к ней должен был присоединиться отряд Славиши Вайнера.

Темная, насыщенная влагой ночь обещала снова дождь со снегом, но вместо этого из долины подул холодный пронизывающий ветер. Снежный покров, почти непроходимый еще несколько дней назад, стал подмерзать, покрываясь твердой коркой.

В этой темноте люди уже с трудом различали отдельные предметы. Всю ночь они провели на марше. Утром, когда рассвело, повалили крупные снежные хлопья. Снежинки попадали на брови, ресницы, таяли и холодными каплями стекали по лицу.

Гаврош чувствовал страшную усталость от голода и непрерывного десятидневного марша. Веки его невольно опускались, голова тяжелела. Увидев впереди Риту, Гаврош прибавил шагу.

— Я хотел тебя кое о чем попросить, — обратился он к ней.

— Говори, слушаю тебя.

— Если мы встретим Хайку, сделай так, чтобы она осталась в нашей роте!

Рита усмехнулась и ничего не сказала. У нее были большие темные глаза и полные губы. Гаврош представлялся ей человеком сильной воли и большого мужества. Ей imponировали его дерзкая храбрость, нередко переплетавшаяся с мальчишеским озорством, честность. Ей казалось, что именно он был тем человеком, которого она всегда мечтала встретить.

— Хорошо, я сделаю все, что смогу, — наконец ответила она и поспешила вперед.

Утром они прибыли в Меджедью.

Гаврош стоял в охранении на вокзале вместе с десятью бойцами 2-й роты 1-го батальона, когда к ним подошел Верховный главнокомандующий. Он несколько минут поговорил с партизанами, сообщил им последние сведения о противнике и отошел.

Через какое-то время у платформы со скрежетом остановился поезд из Фочи. Из вагонов стали выходить испуганные пассажиры.

— Вы что, партизаны? — спросил кто-то.

— Как видите! — ответил Гаврош.

Один из пассажиров — мужчина лет тридцати, в шляпе — расплылся в улыбке и, раскрыв объятия, хотел броситься к Гаврошу, но женщина, стоявшая рядом с ним, потянула его за рукав:

— Стой, Гойко, осел!

— В чем дело? — удивленно обернулся он.

— Куда тебя понесло? Усташи ведь тоже могут нацепить красные звезды!..

Гойко как будто ударили чем-то по голове. Он застыл на месте и недоверчиво посмотрел на весело улыбающегося Гавроша.

Пассажиры, среди которых было и несколько перепуганных домобранов¹ уже разошлись, когда на опустевший перрон спрыгнул еще один человек, среднего роста, атлетически сложенный, в длинном черном пальто и мягкой серой шляпе. Он сошел с поезда с другой стороны и быстро направился вдоль вагонов к выходу. Гаврош заметил его и, обежав поезд, преградил дорогу. Мужчина остановился и, посмотрев Гаврошу прямо в глаза, Гаврош прищурился. Незнакомый хотел уже идти дальше, но партизан движением руки задержал его.

— Позвольте мне пройти! — сказал мужчина.

— Мы должны проверять всех приезжающих, — ответил Гаврош.

— Я спешу!

— Мне тоже не хочется терять время попусту.

— Я не знаю, с кем имею дело, — продолжал человек, переведя взгляд на звезду на шапке Гавроша.

— Вы, кажется, бежали от кого-то?

— Может быть...

— Однако вы еще не предъявили никакого документа!

— Но и вы никак не доказали, что являетесь именно тем, за кого себя выдаете.

— Все-таки вы мне подозрительны и пойдете с нами в штаб!

— Именно этого я и хочу.

В это время к ним подошел высокий сухощавый командир взвода Тале Дрплянин.

— Предъявите документы! — настаивал Гаврош.

Незнакомец помолчал, взглянул на серьезное лицо Дрплянина и, поняв, что имеет дело с партизанами, ответил:

— Пусть кто-нибудь из вас отведет меня в Верховный штаб!

— Я как раз получил такой приказ! — неожиданно сказал Тале Дрплянин и слегка поклонился.

— Тем лучше! — улыбнулся Гаврош.

Неизвестный повернулся к Гаврошу и, протянув ему руку, сказал:

— Все в порядке!

— У вас ведь на лбу ничего не написано!

— Я вас ни в чем не упрекаю.

— Еще бы вы меня упрекали, если приехали из Фочи!

— Мне показалось странным, что вы пропускаете сюда домобранов...

— Они, конечно, собаки, но не все собаки кусаются, — ответил Гаврош.

— Вы черногорец? — спросил у незнакомца Дрплянин.

— Далеко Черногория... — ушел тот от прямого ответа.

— Далеко и солнце, да нас греет.

— А где здесь находится Верховный штаб?..

Тале повернулся к Гаврошу:

— Будь здоров, братишка!..

Гаврошу вспоминались марши по промерзшим тропам через горы и овраги. Грязь, бездорожье... Перед

---

1 Солдаты профашистской армии в Хорватии в годы второй мировой войны. — Прим. ред.

глазами его возникла извивающаяся по снегу колонна, которая упорно пробивалась вперед сквозь туманы и метели.

К нему подошла Рита. Кажется, она хотела что-то сказать, но, посмотрев в его отрешенное лицо, прошла мимо. «И хорошо, что не остановилась», — подумал Гаврош, у которого губы замерзли до такой степени, что казалось, он не сможет даже раскрыть рот.

Это было время, когда партизанские батальоны вели боевые действия на довольно большой территории, избегая затяжных боев. С каждым днем увеличивалось число партизан. Одновременно росли и усиливались местные партизанские отряды. Бойцы бригады проводили активную агитационную работу; ни в одном селе, куда прибывала бригада, не обходилось без митингов, политбесед, выступлений партизанской самодеятельности. Почти у каждого бойца бригады в рюкзаке можно было найти книги, многие вели дневники, писали стихи. Каждый батальон был в состоянии за одну ночь подготовить агитпрограмму, чтобы на другой день показать ее местным крестьянам.

Когда колонна подходила к Рогатице, Гавроша догнали трое бойцов из 1-го батальона. Это были Страдо Бойович, Мило Боричич и Хамид Беширевич.

— Давай познакомимся! — протянул ему руку Бойович.

— Вы хотите со мной познакомиться? — удивился Гаврош.

— Ведь ты — Гавро Гаврич? — спросил его другой боец.

— Да, я Гаврош! — улыбнулся он.

— А я Беширевич из 3-й роты 1-го батальона.

Бойович обнял Гавроша за плечи и, весело поблескивая черными глазами, спросил:

— Ты герой?!

— Герой ли — не знаю, но, во всяком случае, не трус!

— Комиссар бригады узнавал о твоём отце и брате. Он просил передать, что здесь, в Рогатице, их нет, но твой брат с остатками белградского батальона должен присоединиться к нам в ближайшие дни.

— Горчин?!

— Поздравляю, Гаврош! — сказал Боричич. Его загорелое лицо с широкими скулами, с которого никогда не сходила улыбка, сейчас светилось радостью за товарища.

— Спасибо вам! — ответил Гаврош.

Бойович взглянул на Беширевича:

— Ну что ж... Я думаю, поручение комиссара мы выполнили.

— Большое вам спасибо! И передайте, пожалуйста, комиссару бригады, что я никогда не забуду его внимания ко мне!

— Счастливо, Гаврош! — поднял сжатый кулак Хамид.

— Мы, наверно, пробудем в Рогатице несколько дней? — поинтересовался Гаврош.

— Об этом еще ничего не известно, — ответил Бойович.

— Я вижу, двое из вас мусульмане... — снова остановил их Гаврош.

— А разве это что-нибудь меняет? — улыбнулся Боричич.

— Наоборот! Мне кажется, это очень хорошо, что наша бригада состоит из людей самых разных национальностей и вероисповеданий.

Хамид вытащил из кармана сверток, развернул его, достал сало и угостил Гавроша. Гаврош поблагодарил его.

— А это придется по вкусу курильщикам! — сказал он, протягивая партизанам кисет...

День, проведенный в маленьком боснийском городке Рогатице, Гаврош, Воя, Лека и Шиля запомнили на всю жизнь. Идя по улице, они встретили группу командиров. Это был Верховный штаб в полном составе. Впервые в жизни партизаны видели Эдварда Карделя, Иво Лолу Рибара, Александра Ранковича, Светозара Вукмановича, Родолюба Чолаковича. Здесь же они познакомились еще с тремя революционерами — Славишей Вайнером (Дядей Романийским), Миланом Иличем (Дядей Шумадийским) и Мошей Пиядой (Дядей Янко). Позднее от связного 1-го батальона Шпиро Негатора они узнали, что из Рогатицы Кардель и Рибар должны выехать в Загреб.

— Отлично! — воскликнул Гаврош.

— Что же тут отличного, когда оба идут прямо в волчье логово? — покосился на него Шиля.

— Отлично! — повторил Гаврош. — Отлично, что борется не только наша бригада!.. Это и есть революция!

— Ты прав, Гаврош, — согласился Лека. — Революция — это когда борются все трудящиеся под руководством Коммунистической партии...

Гаврош улыбнулся другу. С Лекой у них было много общего. Гаврошу нравились его принципиальность и простота.

— Я гляжу, вы так хорошо во всем разбираетесь, что нашему брату, крестьянину, только и остается, что держаться за интеллигенцию, как пьяному за забор, — пошутил Шиля.

Но Лека воспринял его слова неожиданно серьезно.

— Крестьяне — надежные союзники рабочего класса и мощная опора революции. Союз рабочих, крестьян и революционной интеллигенции — это основное условие нашей победы и успешного строительства социализма.

Шиля задумчиво сказал, что он долгое время не мог найти своего места в жизни, пока не встретил революционеров и не пошел за этими людьми, навсегда ставшими для него идеалом добра и справедливости.

— Возможно, моя ошибка в том, — продолжал он, — что я ждал слишком быстрого осуществления всех своих надежд и желаний.

— Эти желания, Шиля, должны исполниться! — серьезно сказал Лека.

— Хорошо бы, товарищ Лека! — произнес Шиля.

Лека улыбнулся.

Быстро опустился ночной мрак, и вскоре Рогатица уже спала.

8

Агент

Гитлеровским оккупантам стало ясно, что борьба будет упорной и что противник не собирается складывать оружие...

Совещание немецких генералов на Авале продолжалось. Шел третий день... Главной его темой было успешное продвижение Первой пролетарской бригады из Восточной Боснии в Центральную, а также обсуждение общего положения в Югославии. Генерал Кайзерберг после некоторых грубых замечаний Литерса на его счет понял, что спокойной жизни на Авале приходит конец. Со смешанным чувством злости и страха он слушал, как генерал Бадер, время от времени бросая на него взгляды, полные ненависти, старался охарактеризовать его Литерсу как беспомощного и никчемного труса.

— Кое-кто считает меня храбрецом именно потому, что я живу на Авале, — довольно спокойно произнес Кайзерберг. — По мнению других, Авала — это рай для такого труса, как я. Однако, как бы там ни было, Авала — это ключ к Белграду...

— Генерал Бадер оценивает наше положение в Белграде как очень плохое, а между тем вы ничего не сказали по этому поводу! — перебил его Литерс.

— Я промолчал только потому, что полностью согласен с генералом Бадером.

— Подобный ответ, господин генерал, необходимо пояснить! — снова сказал Литерс.

— Молчание тоже иногда говорит о многом.

— Достаточно того, что генерал Кайзерберг признает свою вину, — усмехнулся Глейз фон Хорстенау.

— Господин генерал Бадер, господин генерал Литерс! Господа! — поднявшись, обратился к ним Кайзерберг. — Мне всегда казалось, что молчание, подобное моему, не следует осуждать. Я, как вы знаете, вследствие полученных ран говорю с трудом... Однако мне придется напомнить вам, что генерал Кайзерберг — это не тесто, которое каждый может месить, как ему вздумается!..

Многие улыбнулись, а генерал Литерс нахмурился.

— Я, безусловно, считаю для себя высокой честью даже просто присутствовать на этом совещании вместе с вами, господа!

— Старая лиса! — прошептал Турнер на ухо Бадеру.

Генерал Бадер, будто не расслышав его, приступил к анализу общего положения в Югославии. Прежде всего он, повернувшись к Литерсу, сказал, что опасность представляет не сама по себе Первая пролетарская бригада, а общий размах партизанского движения на всей территории Югославии.

— Господа, — продолжал он, — в начале декабря фюрер издал секретную директиву о подавлении коммунистического движения на оккупированных территориях. В ней говорится, что любые выступления против третьего рейха или оккупационных властей должны караться смертной казнью или отправкой на работы в Германию...

— Одно замечание! — перебил его Бензлер. — Директива принята 7 декабря, а эта так называемая Первая пролетарская бригада сформирована 21 числа того же месяца!

— Совершенно верно, — подтвердил Бадер. — И поэтому в отношении Югославии руки у нас развязаны. Правда, генерал Бёме тоже ничем не был связан, но об этом после... Его доклады из Белграда были не совсем точны...

— Почему вы так думаете? — резко спросил Литерс.

Генерал Бадер упрямо вскинул голову, его глаза злобно блеснули.

— Мы все здесь не вчера родились, господа! А о генерале Бёме я упомянул только потому, что сейчас все мы принадлежим не себе, а великой Германии, и поэтому от нас постоянно требуется полная искренность!..

— Итак, мы констатировали, что директива фюрера дает нам возможность применять самые суровые меры, — напомнил генерал Хорстенау.

— Именно. А теперь я хотел бы на конкретных фактах показать активность партизанского движения по всей стране. Для примера я познакомлю вас с тем, что произошло в Югославии с 7 по 20 число текущего месяца, то есть в период, непосредственно предшествовавший формированию бригады.

— Интересно! — подняв глаза, воскликнул Литерс.

— 7 декабря... — начал генерал Бадер. — В этот день на шоссе Подгорица — Даниловград был поврежден участок дороги протяженностью в сто пятьдесят метров и перерезаны телефонные провода. Под Рисаном в бою с партизанами итальянцы потеряли сто двадцать человек убитыми и ранеными. Под Купресом партизаны из

засады совершили нападение на итальянскую роту, уничтожив при этом два грузовика и захватив пять пулеметов. В Белграде были расклеены листовки и плакаты подстрекательского содержания...

8 декабря партизаны напали на усташский полицейский пост в деревне под Коницем. При этом захвачено в плен шестнадцать усташей. В Писаровине — территория «Независимого государства Хорватия» — партизаны разоружили целый гарнизон. Нова-Варош в руках коммунистов. В Белграде коммунисты совершили покушение на Велимира Даниловича, ближайшего помощника Лётича, и ранили его.

9 декабря пущен под откос поезд под Оточацем.

10 декабря произошла ожесточенная перестрелка между усташами и партизанами в районе Плитвицы. К месту боя подоспели подразделения итальянского кавалерийского полка. В бою, продолжавшемся до ночи, усташа и итальянцы потеряли девятнадцать человек. Разрушена в нескольких местах железная дорога Ниш — Лесковац.

11 декабря партизаны заняли деревню Коричане под Травником, захватив при этом пятьдесят винтовок. Никшичский партизанский отряд отбил нападение подразделений одного из полков итальянской дивизии.

12 декабря проведена диверсия на железнодорожной линии Загреб — Сплит, под откос пущены паровоз и один вагон. В Решковице партизаны нанесли большой урон местному гарнизону. В Белграде — листовки подстрекательского содержания.

— Короче, ни дня без инцидента! — привстав со своего места, сказал генерал Литерс.

— Да, ни одного дня! — подтвердил Бадер. — Следует добавить, что я не располагаю еще данными по Македонии.

— Итак, господа, — произнес генерал Литерс, — как видите, каждый день они проводят по несколько операций, а с 21 декабря, когда была сформирована эта бригада, календарь событий стал еще более насыщенным. Кроме того, я хочу предупредить вас: получен приказ высвободить для Восточного фронта как можно больше наших соединений, находящихся в Югославии. В первую очередь 113-ю и 342-ю дивизии.

— 113-я уже была на Восточном фронте, — заметил Гельм.

Бадер встал и, подражая Литерсу, прошелся вдоль стола, потом вытащил из кармана портсигар и сказал:

— Все это понятно... Но каким образом высвободить целых две дивизии?

— Сложный вопрос, — подтвердил генерал Хорстенау.

Генерал Бадер хмурился, обеспокоенный непонятным молчанием Литерса. Он чувствовал, что взгляды присутствующих обращены на него, и все же не мог скрыть раздражения. Повернувшись к Турнеру, он заметил ему, что легко давать приказы, не задумываясь над возможностью их выполнения. Потом вскинул голову и без всякой связи с предыдущим надменно проговорил, что поставит на колени этих югославских авантюристов, и добавил, что регулярным частям немецкой армии, вооруженным первоклассной военной техникой, пора бы справиться с горсткой босоногих, почти безоружных бандитов.

— Будьте уверены, генерал Бадер не станет командовать из своего кабинета! — аффективно закончил он.

— Надо сообщить в Берлин о сложившейся здесь ситуации, — предложил Глейз фон Хорстенау.

— Я хотел бы предложить конкретный план действий, — снова заговорил Бадер. — Вероятно, вам известно, что Бенито Муссолини недавно послал письмо фюреру с предложением объединить усилия немецких и итальянских войск, чтобы еще до начала весны ликвидировать все очаги восстания.

— А каковы результаты вашей первой операции против бригады? — перебил его Литерс — Было бы интересно услышать и о них!

— Можно сказать, что поставленные цели не достигнуты, — смутившись, пробормотал Бадер.

— Да, результаты неудовлетворительны! — заметил Турнер.

— И в чем же причина этого? — покосился на него Литерс, чувствуя, как в нем снова закипает ярость.

— Причин много.

— Объективных?

— В основном — да.

— Наша операция закончена, — сказал Турнер, — однако бои с бригадой продолжаются.

— Сегодня нам необходимо согласовать план нашей второй операции, — продолжал Бадер.

— Когда примерно вы думаете ее начать? — взглянув на него, спросил Литерс.

— Дней через двадцать, — ответил Турнер.

Когда Литерс снова опустился на свой стул, Бадер, у которого несколько поубавилось самоуверенности, развернул на столе большую карту Югославии с нанесенными последними данными о партизанах.

— Наша первая операция закончилась неудачей...

— Почему? — снова перебил его Литерс. — Объясните, почему! — повторил он, вставляя монокль.

В зале наступила тишина. Все со злорадством наблюдали за смутившимся Бадером, которого многие из них считали спесивым выскочкой.

— Хотя бы потому, — ответил Бадер, — что эта партизанская бригада перешла в Восточную Хорватию...

— В Восточную Боснию! — поправил его Литерс.

— Это территория «Независимого государства Хорватия»! — снова обретая уверенность, произнес Бадер. — Уже по тому, что эта бригада перешла туда, можно заключить, что пожар восстания охватывает новые области. Правда, в Ужице его очаг ликвидирован. Под Ужице за три часа мы уничтожили целый батальон партизан.

Генерал Хорстенау, считавший все предложения и планы Бадера совершенно абсурдными, поскольку, по его мнению, Бадер вообще занимал чужое место, бросил:

— Бригаду нельзя было пускать в Хорватию!

— Ее необходимо было уничтожить! — поддержал его Литерс.

Наверное, на этом совещании никто так внимательно не слушал выступавших и не анализировал услышанное, как подполковник Отто Майер. Ему было известно, что все присутствующие здесь или попали в немилость в Берлине вследствие своей недостаточной преданности национал-социалистской партии и фюреру, или же их просто посчитали пригодными лишь для диких Балкан. Глядя сейчас на Литерса, он понимал, что многие и тут не задержатся.

— Господа, — продолжал Бадер, — по плану, согласованному с Берлином, наша следующая операция должна начаться 15 января...

— А каковы сроки проведения операции? — спросил его Литерс.

— Самое позднее — до середины февраля, — ответил Турнер.

— И это будет конец! — воскликнул Бадер.

— Только надо действовать решительно! — вставил Резенер.

— Конечно! Никакой пощады! Огнем и мечом мы сметем их с лица земли! — прошипел Бадер. Взяв указку, он продолжал: — Одновременными концентрическими ударами по сходящимся операционным направлениям Вишеграда, Зворника, Тузлы и Сараева мы уничтожим основное ядро партизанской бригады. Эту задачу выполнят 342-я и 718-я пехотные дивизии и один полк 714-й пехотной дивизии при поддержке семи батальонов домобранов и эскадрильи бомбардировщиков.

Генерал Глейз фон Хорстенау негромко сказал Литерсу:

— На этих домобранов вообще не следует рассчитывать!

— Почему?

— Это не армия!

— Объясните...

— Это подлецы! Когда домобран встречается партизан, он бросает винтовку, поднимает руки и кричит: «Не стреляйте, братья, это снова я!»

— Я вас не понимаю, — нахмурился Литерс.

— Партизаны уже несколько раз разоружали его, и он возвращался домой, там его опять мобилизовали, и все повторялось сначала, — объяснил Хорстенау.

Будто услышав пошлый анекдот, генерал Литерс кисло усмехнулся, а затем обратился к Бадеру:

— Вы слышали о приказе вывести 342-ю дивизию из Югославии?

— Разумеется, — ответил Бадер и посмотрел на Турнера.

— Мы включили ее в наш план, так как в приказе не указана точная дата вывода этой дивизии из Югославии... — объяснил Турнер.

— Вы хотите что-то еще сказать? — обратился к нему Литерс.

— К сожалению, приходится констатировать, что при проведении нашей первой операции партизаны понесли весьма незначительные потери, в то время как нашим, итальянским, уставским, домобранским и четническим частям нанесен серьезный урон.

— Вы хотите сказать, что ваша операция потерпела крах?

— Им необходимо нанести решительный удар! — не дав ответить Турнеру, сказал Бадер, бросив на того яростный взгляд.

Литерс и на этот раз постарался сдерживать бушевавший в нем гнев, решив про себя спокойно выслушать все до конца, а потом представить в Берлин детальный доклад.

— Парадоксально! — язвительно заметил он.

— Что парадоксально, господин генерал? — удивился Турнер.

— Верховное командование требует перебросить две дивизии отсюда на Восточный фронт, а генерал Бёме во время своей встречи с фюрером просит подкрепления.

— Однако мы, господин генерал, получили в качестве подкрепления только несколько батальонов итальянцев и домобранов.

— А единственная заслуга итальянских оккупационных войск — это Плевля! — снова вмешался Майер. — Все остальные сражения они проиграли. Партизаны бьют их, где только могут!

— Где сейчас находится партизанская бригада? Каков ее численный состав? — обратился Литерс к Гансу Гельму.

— Я, наверное, располагаю наиболее свежими данными об этом, — хладнокровно продолжал Майер. — Вчера она ушла из Меджеджи. — Он встал, подошел к Турнеру и показал на карте: — Сегодня они где-то в этом районе, между Романией, Деветаком и Яхориной. Скорее всего, они движутся долиной реки Прачи, а возможно, вошли уже в Рогатицу.

— А ее численный состав?

— В Рудо было около тысячи двухсот человек, сейчас в бригаде, наверное, свыше полутора тысяч. По всей вероятности, в ее состав уже вошел батальон белградских коммунистов.

— У вас есть свои люди в бригаде? — снова обратился к Гельму Литерс. — Гестапо должно принять активное участие в этой операции! — добавил он.

Вопрос Литерса поставил гестаповца в очень щекотливое положение — солгать он не смел, но в то же время знал, что еще опаснее сказать правду. До этого он с удовольствием наблюдал за перепалкой генералов, теперь же все взгляды обратились к нему. Не зная, на что решиться, он почувствовал, как покрывается холодным потом.

— Мы в основном в курсе дела, — осторожно начал он.

— Пожалуйста, конкретнее, господин Гельм! — сказал Бадер.

— У нас есть свой человек в бригаде...

— Вас же попросили быть конкретнее! — резко перебил его Литерс.

— Нам необходимо это знать! — поддержал его Резенер.

— Не смущайтесь, будьте уверены, что мы умеем хранить тайны! — улыбнулся Бензлер.

Гельм слотнул слюну. Ему было не по себе.

— Все же мне не хотелось бы вдаваться в подробности, — пытался он вывернуться. — Я обязан беречь агента и хранить всю операцию в строжайшей тайне... Речь идет о бывшем корреспонденте «Времени» Нусрете Калянаце, который работает на нас еще с 1938 года. Связь с ним нам держать трудно, так как мы не знаем маршрута бригады...

— И это все? — презрительно взглянул на него Бадер.

— Как раз в эти дни мы проводим еще одну операцию по внедрению в бригаду нашего человека. Это бывший партизан, а сейчас наш агент, Алоиз Кочмур. Вероятно, со вчерашнего дня он уже находится в бригаде. Его, как бывшего партизана, не должны заподозрить.

— Способ связи? — спросил Кайзерберг.

— Как я уже сказал, именно это и представляет наибольшую трудность, — вздохнул Гельм.

— Какие задания даны этим людям? — вмешался Бадер.

— Задания самые общие...

— Конкретнее! — нахмурился Литерс.

— Пока им дано задание установить численный состав, вооружение бригады и планы Верховного штаба, который, по нашим сведениям, движется вместе с бригадой. Иными словами, они должны представить нам общие сведения о противнике.

— Спасибо, господин Гельм! — сказал Литерс. — Позднее мы поговорим с вами с глазу на глаз подробнее.

И с вами тоже, господин Майер!

— Слушаюсь, господин генерал! — щелкнул каблуками Майер.

Генерал Бадер посмотрел на часы и, улыбнувшись, сказал:

— А теперь, господа, перейдемте в соседний зал: ужин подан!

9

Встреча с Хайкой

Первые бои, первые потери и первая победа... На примере героев и павших бойцов партизаны учились бороться за свободу... Бригада уже захватила в плен значительное количество вражеских солдат и офицеров, в то время как немцам не удалось взять в плен ни одного партизана...

Жители Рогатицы и окрестных сел тепло и радушно встретили Первую пролетарскую бригаду. Партизаны, отдохнув и пополнив запасы продовольствия, хорошо подготовились к предстоящим боям и трудным маршам. Несколько четников, среди которых были и агенты Дражи Михайловича, пытались вызвать смуту сначала среди населения, а потом и среди рогатицких партизан. Зная, что в памяти крестьян еще живы преступления усташей, совершенные в отношении сербов в первые дни восстания, они стремились разжечь вражду между сербским и мусульманским населением, подчеркивая, что многие мусульмане пошли в партизаны и даже стали коммунистами, а все партизаны, дескать, — пособники немцев и усташей. С одной стороны, это вызвало панику у части мусульманского населения, опасавшегося расправы, а с другой — привело к тому, что кое-где к партизанам стали относиться недоверчиво.

Гаврош, хорошо понимая опасность подобных провокаций четников, на собрании омладинцев роты вместе с Шилей и Воей поставил вопрос о необходимости всеми способами бороться с пропагандой четников.

На том же собрании командир взвода из 1-го батальона Станко Матияш получил задание побывать с четырьмя бойцами на руднике «Кукавица» и набрать добровольцев для пополнения бригады.

Гаврош стоял на пороге дома, задумчиво глядя на расстилавшуюся перед ним снежную равнину, однообразие которой нарушали только редкие одинокие деревья да чернеющие кое-где проталины. Над потемневшими соломенными крышами крестьянских домишек клубился голубоватый дым. Он жался к земле, скапливаясь в лощинах. Издалека доносилась песня о Златиборе и златиборских партизанах. Гаврошу вспомнился родной Земун, берег Дуная, по которому они часто гуляли вдвоем с Хайкой. Его раздумье прервал посыльный, сообщивший, что Гаврош выделен в состав патруля. Им предстоит патрулировать дорогу, по которой должны пройти члены Верховного штаба.

На другой день ясное небо и начавшее пригревать солнце выманили партизан из душных, тесных домов. Под яркими лучами снег начал таять, протоптанные в нем тропинки наполнились талой водой. С соломенных крыш закапало. Влажный воздух был напоен ароматами проснувшейся земли и прелого сена.

Наскоро проглотив завтрак, Гаврош вышел на улицу. Ему встрети­лась Рита, которая возвращалась с заседания партийного бюро парт­организации батальона.

— Как дела, Гаврош?

— Хорошо. Товарищ комиссар... с вашего разрешения... — Гаврош запнулся, и по щекам Риты разлился румянец. — Я бы хотел прогуляться до Рогатицы.

— Я бы тоже не прочь, да нельзя. Мы ведь все-таки армия, и у нас должна быть дисциплина...

— Но мне очень надо...

— Ты же знаешь, что мы можем двинуться дальше в любую минуту.

— И все же я прошу тебя разрешить мне отлучиться.

— Ты слишком часто обращаешься ко мне с подобными просьбами, — сказала Рита.

— Однако, я думаю, меня можно понять.

— У меня в роте ни один боец не отпрашивается так часто, как ты, — проговорила она после небольшой паузы, глядя ему в глаза.

— Может быть, но...

— Здесь не должно быть никаких «но»!

— Но я сознательный боец Первой пролетарской, товарищ комиссар, и если я у вас отпрашиваюсь, значит, мне это очень надо! — вспыхнул Гаврош.

Она, видимо, тоже рассердилась и уже повернулась, чтобы уйти, но потом вдруг остановилась. Ей всегда нравились в Гавроше его прямота и искренность, она понимала его постоянную тревогу за отца и брата, и, когда видела, как он расспрашивает о них каждого встречного, сердце ее наполнялось жалостью и глубоким сочувствием. И сейчас Рита неожиданно заколебалась. Ей уже казалось невозможным упрекать Гавроша и отказывать ему в такой естественной просьбе.

Она еще раз взглянула в его погрустневшие глаза и почувствовала, что у нее просто не хватит сил отказать ему.

— Это в последний раз! — торопливо проговорил Гаврош. — Мне сказали, что в Рогатицу должен прибыть белградский батальон. И разреши, пожалуйста, Шиле пойти со мной, — добавил он после короткой паузы.

Ничего не ответив, Рита бросила взгляд на часы и прошла в дом.

Гаврош позвал Шилю и спросил:

— Пойдешь со мной?

— Ну куда же мы друг без друга? — ответил тот.

В Рогатице они встретили оmlадинцев, горячо обсуждавших приход Первой пролетарской бригады.

— С ними и главный партизанский командир! — говорил невысокий парнишка.

— И они не заигрывают ни с немцами, ни с четниками, — добавил другой, постарше.

— Среди них есть и черногорцы, и словенцы. Есть там и боснийцы.

— Неужто и боснийцы?

— Да, но больше всего среди них сербов.

— Скоро вся Рoмания опять будет партизанской, — заверил их Шиля.

От группы отделился паренек в красной феске и направился к Гаврошу.

— Здравствуй, товарищ! — Он протянул Гаврошу руку.

— Привет будущим партизанам!

— Привет Первой пролетарской!

Шиля подал Гаврошу знак идти дальше. Но не сделали они и нескольких шагов, как их внимание привлекли двое четников, которые шли навстречу по другой стороне улицы. Гаврош перешел туда и преградил им путь:

— А ну стойте!

— В чем дело? — спросил тот, что был повыше.

Шиля растерялся. Хотя на собрании комиссар роты и предупреждала партизан о возможности подобных встреч, Шиля сейчас не знал, как себя вести. Перед ним были четники, а ведь именно четники, по всей вероятности, убили его отца...

— Вы кто такие? — спросил он, сильно побледнев.

— Мы четники.

— Это я вижу, — сказал Шиля, — только вот не могу понять, почему вы здесь... Ведь в Рогатицу вступила Первая пролетарская!

— Мы не имеем ничего против Первой пролетарской.

— А все-таки почему вы не ушли к немцам или итальянцам? — поинтересовался Гаврош.

— Потому что у нас с ними нет ничего общего! — рассердился высокий.

— За кого же вы воюете?

— За короля и отечество.

— А мы — только за отечество! — усмехнулся Гаврош.

— А против кого? — продолжал допытываться у четников Шиля.

— Да как сказать... Против усташей. Вернее, против мусульман, которые стали усташами.

Гаврош нахмурился и презрительно сжал губы. Ему и раньше доводилось слышать рассказы об этих

волях, которые, несмотря ни на что, упорно стоят на своем. Вот, пожалуйста: они за короля, а король, прихватив государственный золотой запас, удрал из своей страны, бросив ее в тяжелую минуту, и припеваючи живет за границей. Они за генералов, а эти генералы позорно предали свою родину, многие из них стали прислужниками фашистов. Они за бывшее правительство, а министры его сейчас наслаждаются жизнью в аристократических кварталах Лондона, устраивая пышные приемы.

Гаврош знал о тактике штаба бригады по отношению к четникам и тем не менее сейчас с трудом сдерживался, чтобы не начать ссору. Вот если бы ему точно было известно, что его отец погиб, и погиб от рук четников, тогда он ни секунды бы не раздумывал, как поступить... Ему вспомнились слова Риты о том, что Первой пролетарской просто необходима поддержка народа, который уже успел на себе почувствовать «новый порядок» немцев, и потому штаб бригады решительно отрицает всякое насилие, разумеется, если оно направлено против мирного населения и обманутых жителей, вступивших в отряды четников.

— Чем же вас так привлекает этот слюнтяй Перица Карагеоргиевич? — насмешливо спросил Шилия.

— Для всех четников он — воплощение веры в высшие ценности, — ответил высокий четник.

— А до народа вам и дела нет? Да вы просто фанатики! — воскликнул Гаврош.

— Это уже похоже на оскорбление! — бросил высокий.

— Неужели вы не понимаете, что основная масса народа вас не поддерживает? — Пристально взглянув на него, спросил Гаврош.

— А у вас какая цель? — наконец решился вступить в разговор второй четник.

— Борьба за свободу. Потому-то наша бригада и называется пролетарской, народно-освободительной, — ответил Шилия. — А потом, после освобождения, вместо того чтобы служить вашему дармоеду-королю, мы будем строить новое общество — социалистическое.

— А что для вас самое главное? — спросил Гаврош.

— Мы же сказали: защита короля и отечества, борьба за свободу и справедливость, — ответил высокий четник.

— Почему же не деретесь с оккупантами? — насмешливо поинтересовался Гаврош.

— Верно, чего вы ждете? — поддержал его Шилия.

— Еще не пришло время, — не очень уверенно сказал второй четник.

— Ну что ж, — улыбнулся Шилия, — когда надумаете схватиться с фашистами, милости просим в Первую пролетарскую.

Высокий четник тоже улыбнулся. У него было добродушное лицо и приветливый взгляд.

— Как тебя зовут? — спросил он Гавроша.

— Гавро Гаврич, я студент из Земуна.

— А меня — Васа, я два года назад окончил гимназию.

— А я — Шилия, рабочий.

— Мы слышали, что вы уже здорово выпали итальянцам. Верно? — спросил Васа.

— Точно, и это только начало.

Васа поднял брови и в раздумье поглядел на партизан. Потом, кивнув на приоткрытую дверь трактира, напротив которого они стояли, несмело предложил:

— Может, опрокинем по рюмочке?

— С четниками мы не пьем! — ответил Гаврош. — Мы же люди противоположных убеждений.

— Вот когда снимете свои четнические кокарды, тогда и выпьем вместе! — добавил Шилия.

— Да какие мы четники?! Если вы нам подробно объясните, что такое Первая пролетарская, мы еще подумаем, что нам делать дальше...

— В самом деле, давайте выпьем! — предложил второй четник.

Шилия вопросительно взглянул на Гавроша.

— Ладно, пошли! — вдруг решился Гаврош, и вся компания направилась к трактиру.

Едва они сели за стол, как к ним подошла молодая черноглазая трактирщица с озорной улыбкой на лице.

— Кто платит? — спросила она.

— Первая пролетарская! — ответил Гаврош.

— Так вы из Первой пролетарской? Ну, тогда угощает сама хозяйка! — улыбнулась девушка.

— Четыре ракии, — заказал Васа. Девушка ушла и тут же принесла ракию.

— Так что же такое эта ваша Первая пролетарская? — продолжал допытываться Васа.

Гаврош поставил винтовку между коленями и стал неторопливо объяснять:

— Название «пролетарская» означает классовую принадлежность ее бойцов. Действительно, большинство их — рабочие и беднейшие крестьяне. И цели она преследует в конечном счете революционные. Сначала освободить страну от фашистских захватчиков, а потом установить народную власть. Скоро будут сформированы новые такие же бригады...

Васа поднял рюмку и чокнулся со всеми:

— За Первую пролетарскую!

Неожиданно Гаврош с беспокойством взглянул на Шилию. Тот сразу понял, в чем дело: ведь у них нет денег.

— Эй, получите с нас! — позвал Васа трактирщицу.

— За все уже заплачено, — сказала она и улыбнулась.

Они поднялись и поблагодарили эту симпатичную черноглазую девушку. Потом Гаврош пожал новым друзьям руки:

— Когда вы наконец поймете, что нужно нашему народу, и перестанете превозносить этого слюнтяя, что драпанул в Лондон, бросив свою страну, тогда вы присоединитесь к нам...

— И станете нашими товарищами, — добавил Шия.

— А ну-ка, Мара, принеси нам еще по одной! Мы с Васой идем в штаб Первой пролетарской, — сказал второй четник, который до сих пор почти ничего не говорил.

— Не забудьте захватить кусок красной материи, — предупредил Шия.

Гаврош и Шия, прощаясь, подняли вверх сжатые кулаки.

Возвращались они лесом. Неожиданно из-за деревьев на тропинку вышли трое партизан. Гаврош замедлил шаги, а присмотревшись к ним, совсем остановился и проговорил:

— Вот так встреча! Бывший гимназист и его старый учитель...

Один из трех партизан, с командирскими знаками отличия, отделился от своих спутников. Это был бывший учитель математики, у которого учился Гаврош.

— Гавро Гаврич! — воскликнул он, подходя к Гаврошу.

— Неужели это вы, господин... то есть... товарищ учитель?

Они обнялись.

— Кто бы мог подумать, что мы здесь встретимся?! — вырвалось у Гавроша.

Он смотрел на учителя, который выглядел сейчас старше своих лет. Гаврош помнил его всегда подтянутым, очень педантичным, он мог рассердиться, вспылить, но никогда не был злопамятным, несправедливым; удивительное обаяние этого человека заключалось в его внутренней силе, добродушно-ироническом отношении ко всему на свете, и прежде всего к самому себе, в его непоколебимой вере в лучшее будущее.

— Бывший гимназист и его старый учитель идут к одной цели! — сказал учитель.

— Вы ничего не слышали о моих? — спросил Гаврош.

— С Горчином мы вместе были под Нова-Варошем. Он оказался великолепным пулеметчиком, второго такого я еще не встречал...

В эту минуту на пролежавшей ниже по склону холма тропе появилась колонна партизан. Их было человек сто. Они шли пошатываясь, с трудом переставляя ноги. Что-то вдруг заставило Гавроша на полуслове прервать разговор с учителем и сделать несколько шагов навстречу колонне. Какая-то неведомая сила, словно магнит, притягивала его к ней. Он шел все быстрее и увереннее, напряженно всматриваясь в усталые лица партизан.

Шия, обиженный тем, что Гаврош, не сказав ни слова, оставил его одного, пошел следом за ним.

— Что с ним? — удивленно спросил учитель.

— Видно, заметил кого-то, кто для него поважнее нас, — не оборачиваясь, бросил Шия.

— Вот такие все мои ученики... Даже не простился...

— Может быть, вы были слишком строгим учителем, товарищ командир? — улыбнувшись, спросил один из сопровождавших его партизан.

Гаврош подошел к колонне почти вплотную и остановился.

— Хайка! — вдруг восторженно крикнул он.

Красивая черноглазая девушка, невысокая, полная, но стройная, с коротко стриженными волосами, веселым румяным лицом и с родинкой на левой щеке, отделилась от колонны и бросилась к нему. Она была в длинной темной куртке, сшитой из одеяла, и в сапогах, побелевших от постоянного хождения по снегу и воде.

— Гаврош, родной! — воскликнула она и обняла его.

У подошедшего Шии посветлело лицо. В этот миг ему показалось, что он никогда не видел такой красивой, да что там красивой — просто необыкновенной девушки. У нее были светлые, несколько удлиненные глаза, чуть хрипловатый голос, что имело какую-то свою, особую прелесть... Шия был счастлив, что оказался свидетелем их встречи. Он очень хорошо знал, как сильно тосковал Гаврош по Хайке, как упорно искал любимую.

— Хайка, дорогая! — снова воскликнул Гаврош.

— Какое счастье, что ты жив! — Хайка повернулась к колонне и радостно крикнула: — Вот он, мой Гаврош!

Гаврош, вскинув вверх сжатый кулак, проговорил:

— Смерть фашизму, товарищи!

— Свобода народу! — ответили из колонны.

Гаврош заметил стоявшего рядом Шию и, схватив его за руку, подтащил к Хайке.

— Это мой лучший друг в бригаде! — сказал он.

— Меня зовут Шия. Гаврош мне много о вас рассказывал...

А она все смотрела на своего Гавроша и, казалось, трепетала от счастья. В ее глазах читалась гордость — ведь она тоже была партизанкой, как и он.

— Как живешь, Гаврош?

— Да ничего... Все время пытался что-нибудь узнать о тебе, и только недавно мне сообщили, что тебе удалось выбраться из Земуна.

Они отошли в сторону.

Хайка никак не могла прийти в себя, ей не верилось, что они снова вместе. Она молча смотрела на Гавроша, боясь расплакаться на глазах у всех. А ему она еще никогда не казалась такой красивой и такой родной, как сейчас.

— А ведь эта девушка тоже была моей ученицей, — словно про себя сказал учитель и зашагал дальше по тропе.

За ним двинулись сопровождавшие его партизаны. Одного из них звали Нусрет Калянац или Нино; это о нем докладывал Ганс Гельм на совещании в отеле «Авала».

Вечером Рита встретила с Хайкой и после короткого разговора согласилась принять ее в свою роту.

Гаврош и Шиля вместе с Хайкой вернулись в роту. Проходя мимо здания штаба, Гаврош заметил во дворе заместителя командира роты Вою Васича, который о чем-то разговаривал с помощником комиссара батальона. Воя был бледен и, видимо, чем-то очень взволнован. Гавроша это удивило. Он вошел во двор, поздоровался с обоими за руку и спросил, что случилось. Помощник комиссара батальона, невысокий худощавый человек, с обвисшими усами и необыкновенно подвижными маленькими глазками, ничего не ответив, отвернулся.

— Ну говори, говори! — произнес Воя. — Рота должна узнать об этом.

— Что ж, повторяю: согласно решению батальонного бюро ты, Воя, освобожден от должности заместителя командира роты.

— Но почему, черт возьми?! — воскликнул Воя.

Пораженный, Гаврош, широко раскрыв глаза, смотрел на помощника комиссара батальона.

Воя опустил голову. С потухшим взглядом, сгорбившись, он зашагал прочь. Пройдя несколько шагов, он вдруг резко обернулся и бросил:

— Партия этого не допустит!

Помощник комиссара только пожал плечами.

10

В отеле «Авала»

Договоренность была достигнута, план операции против партизанской бригады разработан... Казалось, оставался только вопрос времени, когда немецкая военная машина будет пущена в ход и уничтожит непокорных... Однако немцам и не снилось, что эта тщательно разработанная операция против Первой пролетарской бригады, как и все последующие, потерпит самый позорный провал...

Несмотря на непрекращавшиеся взаимные обвинения и стремление каждого участника совещания на горе Авала подставить другому ножку, генерал Бадер решил все же довести дело до конца и вынести общее заключение.

В отеле было сыро и душно, а за окном все валил снег и дул сильный ветер.

Генерал Бадер уточнял последние детали второй операции против партизан. От усталости или от того, что много выпил за ужином, он говорил с трудом и несколько раз заметил, как Глейз фон Хорстенау усмехнулся, слыша некоторые его формулировки.

— Конечно, все мы уже устали, — сказал Бадер, поглядывая на генерала Хорстенау, — но я бы все же хотел в заключение еще заметить, что бригада была сформирована в «Независимом государстве Хорватия»...

В зале установилась тишина.

Генерал Хорстенау был застигнут врасплох неожиданным выпадом Бадера, однако постарался парировать удар.

— Это немудрено, — ответил он. — Вы начали крупномасштабные операции в Сербии, после чего главная часть партизанских сил перешла в Санджак, а потом в Восточную Боснию, то есть на территорию «Независимого государства Хорватия». Так что ядро бригады составляют партизанские отряды из Сербии и отчасти из Черногории. Потому-то, господин генерал, — продолжал Хорстенау, — мы и планируем сейчас вторую операцию. Надо полагать, что партизанская бригада уже выдохлась и это наше второе решающее наступление не встретит серьезного сопротивления. Пресловутая бригада сейчас похожа на побитую собаку, которая еще лает, но уже не кусается.

Генерал Бадер решил не ввязываться в очередной раз в препирательства с Хорстенау и устало проговорил, что, возможно, следовало бы доложить о намеченных мерах фельдмаршалу Кейтелю или даже лично фюреру, на что генерал Литерс резко возразил:

— Ни в коем случае! Фюрер разрабатывает генеральную стратегию и занимается лишь крупнейшими военно-политическими вопросами. Что же касается фельдмаршала Кейтеля, то он по горло завален работой, связанной с Восточным фронтом.

— Может быть, все-таки стоило послать им план операции? — вмешался Турнер.

— Господа, — сказал Бензлер, — уверяю вас, что мое министерство рассмотрит сложившееся в Югославии положение на самом высоком уровне. Что касается меня, то я считаю, что народы эти следует склонить на нашу сторону в политическом смысле. Тогда как силой...

— Вы не знаете балканцев, господин Бензлер! Они никогда не смирятся с оккупацией, — возразил подполковник Майер.

— Ведь нас здесь поддерживает лишь незначительная часть буржуазии, — добавил Турнер.

— В любом случае, — заметил Бадер, — надо исходить из той реальной опасности, которую представляет формирование коммунистической бригады. В дальнейшем наверняка будут созданы и другие такие же бригады.

— Вот именно. Потому-то и необходимо заставить их признать, что хозяева здесь мы! — бросил Гельм.

— Покорить сербов будет нелегко, — возразил Отто Майер. — Крутые меры принудят их лишь на время притихнуть, затаиться. Надо сказать, что мы часто ошибались в оценках этой нации. Нам всегда было выгоднее оставаться с ними в хороших отношениях, — сделал он неожиданный вывод.

— Господа! — поднялся генерал Литерс. — Фюрер приказал нам держать юго-восточную территорию под постоянным контролем. Для этого приходится брать заложников, проводить акции возмездия — арестовывать, расстреливать, вешать. Конечно, сразу установить порядок трудно и противника недооценивать нельзя. В результате подобной недооценки мы будем бессмысленно терять сотни наших солдат. Кроме того, надо наконец покончить с тем, что наши генералы и старшие офицеры еще очень часто командуют войсками из кабинетов...

— Безусловно! — подхватил Бадер. — Командиры должны непосредственно командовать вверенными им частями и подразделениями.

Последнее относилось прежде всего к Глейзу фон Хорстенау, который с момента прибытия в Югославию безвылазно сидел в своем роскошном кабинете в Загребе.

В это время в зал вошел заместитель начальника белградского гестапо. Он передал генералу Бадеру радиogramму из Сараева и листовку — одну из тех, что расклеили ночью по городу белградские подпольщики.

Радиogramма гласила:

«Вчера от нашего агента Нино прибыл связной. Официальное название созданного в Рудо формирования — «Первая пролетарская народно-освободительная ударная бригада». Она насчитывает свыше тысячи двухсот бойцов разных национальностей. Бригадой руководит Верховный штаб, возглавляемый Тито. Комиссар бригады — коммунист Филип Кляич (Фича), бывший рабочий-обувщик. Командир — Коча Попович, публицист, участник гражданской войны в Испании, получивший образование во Франции. Командир 1-го батальона — Перо Черкович, бывший капитан югославской армии. Комиссар — Йова Капичич, бывший студент. Сейчас бригада направляется в сторону Рогатицы. Боевой дух и дисциплина в бригаде на высоком уровне...»

Прочитав радиogramму, Бадер передал ее генералу Литерсу, а потом подзвал Майера, чтобы тот перевел ему содержание листовки.

Майер начал переводить:

— «Развитие событий выявило всю гнилость и слабость оккупационного режима и его квислинговских пособников перед силой народа, который решительно и успешно ведет борьбу на всей территории оккупированной Югославии...»

— Скоты! — процедил сквозь зубы Бадер.

Майер спокойно положил листовку на стол.

Полчаса спустя в отеле «Авала» из всех участников совещания остался лишь один генерал фон Кайзерберг, обиженный тем, что Литерс, уходя, не захотел подать ему руку...

11

И взгляд порою говорит о многом...

Вражеские самолеты кружили над позициями партизан, проводили разведку, сбрасывали свой смертоносный груз...

Сохраняя боевую готовность, бригада продвигалась в направлении Фочи. Перед Верховным штабом стояла задача умелым маневром избежать столкновения с превосходящими силами противника и возможного окружения. Поскольку бригада шла по сильнопересеченной местности и связь батальонов между собой и со штабом бригады была значительно затруднена, командирам батальонов нередко приходилось проявлять большую находчивость, чтобы провести своих бойцов по территории, занятой врагом, с минимальными потерями.

Батальон Гавроша шел берегом реки, слабо поблескивавшей в свете луны. Недалеко от Гавроша шагал комиссар бригады Фича. До Гавроша донеслись его слова:

— Наше временное отступление из Сербии нельзя считать поражением. Мы будем наносить удары по врагу там, где он их меньше всего ожидает. И бригада должна быть готова к выполнению любого задания даже в самых отдаленных районах нашей страны.

Гаврош окликнул Риту, которая шла рядом с колонной вместе с командиром батальона, и спросил:

— Куда мы сейчас направляемся?

— А сам-то ты как думаешь? — внимательно взглянув на него, спросил командир, услышавший вопрос Гавроша.

— Не знаю, потому и спрашиваю.

— Ну что ж, могу тебе сказать: мы идем в Сербию...

— В какую Сербию, когда мы все углубляемся на территорию Боснии? — удивился Шилия.

— В Сербию, товарищ, в Сербию, только кружным путем, — пояснил командир и быстро зашагал вдоль колонны.

— Тише едешь — дальше будешь! — усмехнулся Лека.

Глубокой ночью, когда луна стала опускаться к горизонту, далеко впереди Гаврош увидел контуры Игмана. Он услышал, как кто-то из идущих сказал, что эта угрюмая неприступная гора будет, вероятно, самым серьезным препятствием для Первой пролетарской бригады на марше, который начался в Рудо.

Когда рассвело, к колонне батальона Гавроша подошли трое парней в солдатских шинелях, опанках и штанах из домотканого сукна. Гаврошу было достаточно одного взгляда, чтобы понять, в чем дело.

— Что, с нами хотите, ребята? — спросил он.

— Да вас и так, наверное, много, — смутившись, сказал один из парней, шея которого была обмотана старым платком.

— А разве вы мусульман принимаете? — спросил другой.

— Мы всех принимаем... Для нас национальность или вероисповедание роли не играет. Главное, чтобы люди разделяли наши убеждения и хотели бороться за свободу, — сказал Лека.

— Ну что ж, тогда мы догоним вас, — решил тот, что был с платком на шее.

— А что мешает вам сейчас присоединиться к нам? — спросил Гаврош.

— Не можем же мы вот так — с пустыми руками! — сказал самый младший.

Гаврош бросил на них одобрителный взгляд, потом значительно проговорил:

— Вообще-то молодежь должна добиваться права вступить в наши ряды. Наша бригада — будущее Югославии, и за это будущее отвечаем мы все!

— Верно, Гаврош! Бригада наша особая... — улыбнувшись, подхватил Лека.

Комиссар Рита слушала этот разговор, сдержанно посмеиваясь. Таких просьб о вступлении в Первую пролетарскую бригаду было немало, но в основном в ее ряды вступали те, с кем хорошо поработали местные комитеты Союза коммунистической молодежи Югославии или организации КПЮ. Дело осложнялось тем, что, когда Первая пролетарская бригада пришла в Восточную Боснию, там действовали многочисленные эмиссары Дражи Михайловича и Милана Недича, которые на все лады расхваливали своих главарей и призывали местное население вступить под их знамена, одновременно запугивая людей тем, что, если они откажутся сделать это, немцы, когда нагрянут сюда, учинят расправу над теми, чьи родственники ушли в партизаны.

Об этом и доложил Верховному главнокомандующему в специальном донесении Бранко Спасич, посланный Светозаром Вукмановичем в Восточную Боснию в целях разведки.

— Многие колеблющиеся поддались этой пропаганде четников, — докладывал Спасич.

— Общую оценку давать пока еще рано, — перебил его Тито. — Меня интересуют конкретные события.

— Нами приняты меры, чтобы нейтрализовать эту пропаганду и воспрепятствовать ослаблению партизанских сил, — сказал Спасич.

— И каковы результаты?

— Кое-чего мы уже добились, но четники действуют все активнее, и опасность сохраняется. Нам удалось схватить нескольких агентов Недича...

— И много их здесь, этих «агитаторов»? — спросил Тито.

— Довольно много, и при этом они ловко маскируются: ходят по деревням под видом торговцев, старьевщиков или беженцев.

Тито внимательно выслушал сообщение Бранко Спасича, задал ему несколько вопросов и в заключение сказал:

— Итак, наша бригада как раз вовремя вступает на территорию Восточной Боснии. Сейчас нужно как можно быстрее обезвредить этих агентов и «агитаторов». Необходимо разъяснять народу цели нашей борьбы, надо, чтобы люди знали правду о Первой пролетарской...

Батальоны между тем продвигались все дальше вперед. Каждую минуту можно было ждать встречи с противником, нередко приходилось прямо с ходу разворачиваться и вступать в бой. Большую помощь бригаде оказывали местные партизанские отряды. Труднее приходилось партизанам как раз там, где таких отрядов не было, как это случилось в какой-то маленькой деревушке.

В этой деревушке, где насчитывалось всего десятка два ветхих, почерневших от времени домишек, было решено остановиться на ночлег. Взвод Леки, выделенный в охранение, расположился на невысоком холме за деревней, откуда хорошо просматривались окрестности. Партизаны устали и продрогли, а тут еще, как назло, подул холодный ветер и началась метель. Когда батальон разместился в домах, из штаба во взвод прибыл связной с приказом присоединиться к своей роте, оставив на холме двух наблюдателей. Лека назначил наблюдателями Гавроша и Шилю, приказал им оставаться на холме до наступления темноты. В этот момент к Леке подошла Хайка.

— Я бы хотела остаться с ними, можно? — попросила она.

— Ты возвратишься вместе со взводом, — ответил Лека.

— Мне казалось, что я имею право...

— Пойми... — уже мягче сказал Лека, — тебе лучше пойти с нами.

— Если бы я выбирала, где лучше, я бы вообще не стала вступать в отряд! — ответила она.

— Ты пойдешь со взводом! — решительно отрезал Лека.

Глаза девушки блеснули.

— Слушаюсь, товарищ командир взвода! — встала она по стойке «смирно».

Гаврош молчал, он не был согласен с Хайкой, и ему даже был неприятен этот разговор.

У Хайки на щеках блеснули слезы.

Когда взвод стал спускаться с холма, несколько снарядов разорвалось вдали...

Гаврош и Шиля укрылись от метели под старой раскидистой елью на вершине холма, откуда хорошо было вести наблюдение.

С наступлением ночи метель утихла, но мороз стал крепче. Гаврош и Шиля совсем околели. Чтобы не замерзнуть, они решили оставить свой наблюдательный пункт и спуститься в деревню.

— Мороз — аж зубы стучат! — бормотал по пути Шиля. — Сейчас бы поближе к огоньку да чего-нибудь пожевать, а то у меня уже живот подвело.

Они спустились с холма и вскоре наткнулись на бойцов своей роты. Партизаны, зябко кутаясь в шинели, сидели и лежали прямо на земле вокруг стога сена. Хайка объяснила Гаврошу, что хозяин единственного оставшегося незанятым дома отказался впустить их.

— Как так отказался?! Это мы сейчас выясним! — рассердился Гаврош и направился к дому.

— Лека, иди с Гаврошем, — приказала Рита.

— Можно, я тоже пойду с ними? — поднялась Хайка.

— Ну что ж, иди, — деланно равнодушным тоном сказала Рита.

Они поднялись на крыльцо.

— Хозяин! — крикнул Лека.

— Кто там? — услышали они мощный бас за дверью.

— Отвори, не бойся! — ответил Гаврош.

— Кто вы?

— Свои.

— Какие такие «свои»?.. Свои разные бывают!

— Открой — увидишь! — проговорила Хайка.

— Мы партизаны, открывайте!

— Не верю я вам!.. Тут уже шлялись какие-то, тоже говорили, что партизаны...

— Насильно ворваться к нему в дом мы не можем, даже если все околеем здесь на снегу, — твердо сказал Лека.

И тут дверь скрипнула и широко распахнулась...

После ужина Рита провела короткое собрание роты.

— Чем собрания проводить, лучше выспитесь хорошенько, — посоветовал хозяин, — ведь вы же целыми днями на ногах.

Когда все улеглись, Гаврош сел возле Леки и шепотом сказал:

— Я слышал, что Вою Васича освободили от должности заместителя командира роты. Что случилось?

Лека пожал плечами.

— Почему ты молчишь? — снова спросил его Гаврош.

— Ты слишком любопытен.

— Мне жаль его, вот я и хочу хотя бы узнать, что произошло, в чем он так провинился.

— Лучше не спрашивай...

— А все-таки?

Лека немного помолчал, а потом проговорил:

— Мне кажется, это каким-то образом связано с его биографией, с тем временем, когда он был студентом...

Гаврош махнул рукой:

— Каким-то образом! Я тоже хочу тебе кое-что сказать!

Лека приблизил к нему голову.

— Наш помощник комиссара батальона, по-моему, нехороший человек! — шепнул ему Гаврош.

Шиля расстилал на полу рядом с Гаврошем одеяло, тихонько ворча:

— Не понимаю, зачем надо было устраивать это собрание?.. Никак не хотят дать человеку отдохнуть. Зачем столько времени объяснять нам политическую ситуацию, когда и так все ясно? А ведь это можно сделать гораздо проще, чем Рита.

— Как же? — удивилась Хайка.

— А так, — продолжал Шиля. — Что такое политическая ситуация? Вот, например, если Верховный штаб на марше идет впереди бригады, значит, все в порядке, ситуация что надо, а если пропускает колонны вперед, значит, жди встречи с немцами или итальяшками, ну а уж если сам Тито командует батальонами, то дело ясное — бой будет жаркий! Вот, товарищ Хайка, самая правильная оценка ситуации!..

В тот вечер Гаврош долго не мог заснуть. Он думал о том, что ждет их впереди: глубокие снега, жестокие морозы, метели и снежные бури, которые, говорят, свирепствуют зимой на Игмане. А зима в этом году выдалась на редкость холодная и снежная, другой такой он не помнил.

Гаврош лежал и думал, как много изменилось с того времени, когда он встретил Хайку, а прошло всего ничего...

Он дремал возле старенькой печки-голландки, в которой потрескивали сухие еловые поленья. На его худом загорелом лице плясали отсветы яркого пламени. Вскоре он погрузился в глубокий сон. Ему снилось, что они с Хайкой идут, держась за руки, по просторным, залитым светом полям и лугам. Вдруг, оглянувшись, они видят, что их догоняет огромный эсэсовец с автоматом. И вот они уже что есть силы бегут по запутанному лабиринту

улиц какого-то незнакомого города, а немец настигает их, они уже слышат его тяжелое дыхание. Оглянувшись, они видят его мутные бесцветные глаза под низко надвинутой каской. Хайка неожиданно резко останавливается и оборачивается к преследователю.

— Что тебе нужно от нас? — кричит она.

— Хочу убить твоего Гавроша!

— Ах ты сволочь фашистская!..

Вдруг черный эсэовец исчезает, а вместо него перед Гаврошем и Хайкой возникает Рита.

— Гаврош, стань по стойке «смирно», когда разговариваешь со своим комиссаром роты! — говорит она.

Он щелкает каблуками и вытягивается, изумленно глядя на Риту.

— И ты, красавица!

Хайка растерянно смотрит то на Гавроша, то на Риту.

— Пора тебе образумиться, — продолжает Рита, обращаясь к Гаврошу.

— А в чем дело, товарищ комиссар?

— Эта девушка не для тебя! Она не революционерка. Смотри, как бы с тобой не случилось то же, что и с Воей... Судя по всему, помощник комиссара батальона узнал о каком-то его неприглядном поступке, совершенном еще в студенческие годы, и воспользовался этим предлогом, чтобы подчеркнуть лишний раз, что партия требует от своих членов кристальной моральной чистоты.

— Я тебя не понимаю, — качает головой Гаврош.

— Ты еще мальчишка, вот и не понимаешь... Но когда начнут копать в твоей биографии, когда вытащат на свет то, что ты и сам давно забыл, тогда поймешь... И потому...

— Что — потому?

— И потому Хайка — не для тебя! — отвечает Рита. — Она тебя окрутила, и если ты вовремя не опомнишься, то вся жизнь у тебя пойдет наперекосяк. Она ведь тебя не любит...

— Ну это уж слишком! — кричит Хайка.

— Не шуми, красавица! Когда-нибудь, когда перестанут рваться бомбы, когда люди прекратят убивать друг друга и иностранцы будут приезжать к нам только в качестве туристов, ты тоже полюбишь, полюбишь так же сильно, как я люблю сейчас...

— Не слушай ее, Гаврош! — снова кричит Хайка.

— Да, да, ты ошибся в ней! Конечно, она смазлива и ластиться умеет, как кошка, но все это обман, ложь! В душе у нее пустота, пустота, пустота!..

У Гавроша голова идет кругом. Он хватается Хайку за руку а бросается бежать, не разбирая дороги, туда, где между черными громадами домов виднеется небо, усыпанное множеством звезд. А вслед ему несется: «Пустота, пустота, пустота!..» Мелькают дома, улицы, и вдруг все исчезает, проваливается в черную бездонную пропасть. И сам Гаврош с головокружительной скоростью падает в эту пропасть...

Хайка проснулась, поднялась и подошла к Гаврошу. Поправив на нем одеяло, присела возле него. «Отважный партизан Гавро Гаврич! — улынувшись, прошептала она и тихонько погладила его по волосам. — Мой любимый, единственный, самый лучший!» Его худое мальчишеское лицо, с незнакомыми суровыми складками возле уголков рта, освещенное неровным, дрожащим светом догорающих в печи поленьев, казалось ей в эту минуту необыкновенно красивым. Гаврош был именно таким, каким она в своих девичьих мечтах представляла себе будущего избранника. Еще там, на берегу Дуная, во время их первого свидания, в день, который казался ей теперь таким далеким, она почувствовала, что это он, тот единственный дорогой человек, которого она ждала...

Самые тяжелые дни наступили для нее, когда Гаврош ушел в партизаны. Она никогда не забудет, как они прощались ночью. Долго-долго, обнявшись, стояли они на берегу Дуная, молча глядя друг на друга, и Хайка вдруг увидела на щеках Гавроша слезы. Она вернулась домой будто в полусне. Ей казалось, что черная ночь давит, душит ее. До самого утра она просидела без сна, думая о Гавроше, и именно тогда решила разыскать его, где бы он ни был, чтобы уже не разлучаться никогда.

Сейчас, глядя на него, она спрашивала себя, почему он в последнее время словно охладил к ней, почему он тогда не захотел, чтобы она осталась вместе с ним и Шилей на холме в охранении, почему он как-то по-особенному, не так, как с другими, разговаривает с Ритой и почему Рита тоже явно выделяет его из остальных бойцов роты, охотнее беседует с ним, чем с кем бы то ни было еще?..

Неожиданно Хайка почувствовала на себе чей-то взгляд. Оглянувшись, увидела, что Шилия, спавший на полу рядом с Гаврошем, проснулся и пристально смотрит на нее.

— Ты что на меня так уставился? — шепотом спросила она.

— Я уже несколько дней за тобой наблюдаю и думаю: до чего же красивая девушка досталась Гаврошу! — тоже шепотом ответил тот.

Она смущенно опустила глаза. Разбуженный их разговором, проснулся и Гаврош.

— Шилия, кончай трепаться! — бросил он и сказал, обращаясь к Хайке: — Ты бы легла, отдохнула немного, завтра ведь снова в путь.

Шилия поворочался и затих. Как-то само собой получилось, что он стал для Гавроша и Хайки своего рода опекуном и покровителем их любви, о которой в батальоне знали все и за которую многие их осуждали, считая, что война и любовь — вещи несовместимые.

Гаврош больше не мог заснуть. Он встал и подложил в печь дров. Когда огонь разгорелся, Гаврош подошел к спящей Хайке, поплотнее укрыл ее одеялом и сел рядом с ней точно так же, как она чуть раньше — около него. Он с нежностью смотрел на ее загорелое лицо, черные густые волосы, упавшие на чистый лоб. Эта девушка, которую он так любил, с удивительным мужеством переносила все трудности партизанской жизни, на которые обрекла себя во имя своей любви. Конечно, при этом большую роль играл и ее твердый характер, не позволявший ей ни при каких обстоятельствах выказывать слабость. Из-за ее характера у них с Гаврошем раньше нередко случались размолвки, никогда, впрочем, не длившиеся больше нескольких минут. И Хайка, и Гаврош знали, что не смогли бы прожить друг без друга и что любовь — великое счастье, которое нужно беречь. Давно известно, что любовь делает человека лучше, добрее, благороднее, и сейчас Гаврош спрашивал себя, не это ли чувство к Хайке руководило им, когда он в свое время отпустил двух пленных итальянцев, показавших ему фотографии детей. Присутствие девушки оказывало благотворное воздействие на Гавроша, но в то же время его снова стали одолевать новые, тревожные мысли. Вот и сейчас воспоминание о том бое вызвало в его памяти картину трагической гибели дяди Мичо и Драгослава Ратинацев, и Гаврошу пришло в голову, что то же самое может произойти с ним и его Хайкой.

Он снова подумал об отце. Утром, когда они с Шилей узнали, что Верховный главнокомандующий со штабом должен переправиться через реку Прачу, всего в нескольких километрах отсюда, и что вместе с ними пойдет белградский батальон, усиленный ужицкой ротой и прачанским отрядом, Гаврош вновь попросил Риту разрешить ему наведаться в белградский батальон, чтобы там хоть что-нибудь узнать о Горчине и отце. Ему неожиданно вспомнился Ритин взгляд — хмурый, исподлобья. Раньше она никогда так не смотрела на него.

— А что обо всем этом думает Хайка? — спросила тогда она.

— Не знаю.

— Тебе, видимо, хочется всю семью собрать в роте!

— Но ведь я могу никогда больше не увидеть их!

— В штабе батальона мне уже сделали замечание из-за тебя.

Гаврош изумленно поднял брови.

— Что, тебя это удивляет?

— Кажется, я не совершил ничего предосудительного...

— В штабе мне сказали, что я слишком снисходительна к тебе... что ты — «моя слабость».

— Мы с Хайкой относимся к тебе как к сестре... Что же касается нашей любви, то это дело только мое и Хайки! — резко ответил Гаврош.

После утреннего разговора с Ритой Гаврош пошел в белградский батальон. С ним отправился и Шила. В батальоне Гаврош узнал, что Горчин находится на высокоом холме за селом, где оборудован наблюдательный пункт; с той стороны ожидалась атака немецких лыжников.

Гаврош и Шила долго, с трудом поднимались на холм по обледеневшей тропинке. Наблюдательный пункт оказался утоптанной в снегу площадкой, незаметной снизу из-за нагромождения больших валунов. Горчин лежал за одним из камней на подстилке из еловых веток, рядом стоял трофейный немецкий пулемет. Гаврош негромко окликнул брата. Они бросились друг другу в объятия.

— Откуда ты здесь взялся? — воскликнул Горчин.

— Я все время искал тебя и вот наконец нашел!

— А мне кто-то говорил, что тебя видели в Рудо, — сказал Горчин, радостно улыбаясь.

— Так ты что же — один тут решил с немцами воевать? — кивнув на пулемет, пошутил Гаврош.

— Мне приказано прикрыть батальон в случае неожиданного нападения немцев. Впрочем, я думаю, мы скоро двинемся дальше.

Они все еще стояли обнявшись. Гаврош рассказал брату о встрече с Хайкой и о том, что теперь они в одной роте. В эту минуту у подножия холма разорвались три снаряда, один из них попал в старую высокую ель, и она с треском рухнула, взметнув снежную пыль.

— Значит, вы с Хайкой здесь, — медленно произнес Горчин. — Теперь бы узнать что-нибудь об отце...

Гаврош печально покачал головой.

— Остается надеяться, — проговорил он, — что отец примкнул к космайскому отряду или к Испанцу — Лекичу, который со своей группой все никак не догонит бригаду... Хотя нет, вряд ли он у Лекича, — добавил он, подумав, — В то время, когда отец уходил из Земуна, Испанец был далеко. Если только позже они встретились...

Вглядываясь в лицо брата, Гаврош подумал, что они так давно не виделись. За это время Горчин похудел, осунулся, на лбу и возле уголков глаз появились морщинки, лицо загорело и обветрилось. На Горчине была хорошо знакомая Гаврошу офицерская шинель отца, немецкие сапоги, на голове кепка с приколотой к ней звездой. Гаврош улыбнулся, увидев выглядывавший из кармана шинели уголок ученической тетради; он вспомнил, как они с отцом подшучивали над Горчином, который тайком писал стихи.

— Хайка давно вместе с тобой?

— Я встретил ее в Рогатице. Ты знаешь, она стала настоящей партизанкой!

— Очень рад за вас обоих. Мне бы тоже хотелось с ней увидеться, да, видно, не удастся. Ведь скоро мы должны идти дальше...

— Я очень боюсь за отца, — сказал Гаврош. — Наверное, еще никогда мне так не доставало его, как сейчас. Сколько раз я упрекал себя за то, что редко находил время, чтобы поговорить с ним. Так никогда и не высказал ему, что он значит для меня и как я горд тем, что он — мой отец. К сожалению, некоторые вещи

начинаешь понимать слишком поздно...

— Что поделаться?.. Мне тоже иногда кажется, что время ползет медленно и что его еще хватит на все, а потом оглянешься, а оно уже пролетело... промчалось так, что ты и не заметил.

— В нашем положении каждый прожитый день — счастье, — заметил подошедший Шиля.

— Судя по всему, мы сейчас двигаемся к Фоче, — переменял разговор Гаврош. — Бригада увеличивается и отвлекает на себя значительные силы немцев.

— А вы куда направляетесь? — спросил Горчина Шиля.

— Наш белградский батальон пойдет с Верховным штабом, — ответил тот. — Наш и еще один батальон. Наверное, отправимся в обход Игмана...

— А мы напрямик — через него.

— Это будет очень тяжелый переход. Командование рассчитывает таким образом обмануть противника, — сказал Горчин.

— Тяжелый — это не то слово, — вставил Шиля.

С другой стороны холма донеслись винтовочные выстрелы, автоматные очереди. Вслед за этим из леса, который подходил к самому подножию холма, раздался протяжный крик:

— Горчи-и-и-ин!

Он откликнулся.

— Спускайся! Пора идти! — снова закричали внизу.

Гаврош протянул брату руку. Горчин улыбнулся:

— Сейчас немцы начнут штурмовать этот холм, а найдут на нем — шиш.

— Партизан так просто не возьмешь! — подхватил Шиля.

Вскинув на плечо свой пулемет, Горчин стал спускаться вниз по откосу.

— Береги себя! — крикнул он Гаврошу. — И если узнаешь что-нибудь об отце, сообщи мне!

Над деревней поднимались клубы черного дыма — это горело несколько крестьянских домов, подожженных немецкими снарядами, выпущенными наугад.

Когда они вернулись в свою роту, Вучко — новый командир роты, назначенный вместо Вои Васича, коренастый рабочий с добрыми ясными глазами, о необыкновенной храбрости которого в батальоне ходили легенды, отвел Гавроша в сторону и спросил, где он был столько времени.

— Я ходил повидаться с братом.

— А где твой брат?

— Он в белградском батальоне, пулеметчик.

— Чтобы это было в последний раз! Пойми, мы — солдаты и, пока идет война, не можем позволить себе роскошь ходить на свидания, навещать родственников и друзей.

— А когда кончится война?

— Вот тогда, пожалуйста, сколько душе будет угодно, если, конечно, живы останемся. Понял меня?

— Так точно, товарищ командир, понял!

— Ну вот и хорошо, что понял. Да, и что за дурацкая привычка таскать с собой этого Шило?! И тому всыплю по первое число. Хватит с вами либеральничать!..

Острое чувство голода вывело Гавроша из задумчивости. Он с хрустом потянулся, а потом, завернувшись в одеяло, снова улегся на полу рядом с Шилей.

На другой день рано утром их рота получила приказ продолжать движение, и вскоре из деревни потянулась длинная колонна партизан. Сбоку шагал командир, поторапливая еще не проснувшихся бойцов. Небо было серое, неприветливое, воздух — влажный, пропитанный ночным туманом. Хватаясь за ивовые ветки, бойцы неуверенно пробирались по болотистой ложине. Кое-где земля, припорошенная снегом, продавливалась под ногой, и тогда показывалась черная вода. Неожиданно на одном из холмов, со всех сторон обступавших долину, разорвалось несколько мин.

Хайка, шедшая впереди, остановилась и подождала Гавроша.

— Что, устала? — спросил он ее.

— Есть немного. Это с непривычки, я ведь еще никогда в жизни столько не ходила, да еще по горам, но снегу...

— Я тебе не успел сказать, вчера я встретил Горчина.

— Да, мне Шиля говорил... Только, знаешь, ты не уходи больше так из роты. Да еще Шило с собой берешь. Командир сердился... Другим бойцам тоже хотелось бы повидаться с родными, да нельзя.

Гаврош улыбнулся.

— Ладно, — пообещал он. — С этого момента я буду около тебя.

Под вечер они вошли в небольшое село. Десятка два приземистых бревенчатых домиков рассыпались по отлогому склону горы. Над покрытыми тесом крышами поднимался голубоватый дымок, на улицах не было ни души. Село, казалось, было погружено в сон. Взвод Гавроша остановился в невысоком доме, с почерневшими от времени стенами, в центре села. Партизаны сгрудились у пылающего очага, разулись, протянули заочневшие ноги к огню. За окном смеркалось. В соседней комнате в большом котле кипела мамалыга, и вокруг распространялся аппетитный, дразнящий запах.

В этом селе, названия которого они не знали, партизаны впервые после ухода из Рудо досыта наелись.

После ужина командир роты Вучко приказал Леке удвоить состав караула, так как местные жители сообщили, что в село частенько наведывается усташская банда, главарь которой родом из этого села.

Разморенные теплом, партизаны быстро заснули возле горящего очага. А Гаврош и Хайка еще долго сидели в полумраке, молча глядя друг на друга.

12

Белые Воды в огне

В штабе немецких оккупационных войск в Белграде считали, что партизанская бригада измотана непрерывными боями и настало время покончить с ней. На самом же деле измотаны были немецкие гарнизоны, которым пришлось сражаться с Первой пролетарской...

В отличие от генералов, собранных Паулем Бадером в отеле «Авала», гитлеровские подразделения, участвовавшие в операциях против партизан, получили уже достаточно ясное представление о Первой пролетарской бригаде. В немецких штабах после первых боев с частями бригады вынуждены были признать, что она представляет собой реальную и грозную силу и что для борьбы с ней прежние методы не годятся. Нынешняя крупная операция против партизанской бригады вступала в последнюю фазу, и, несмотря на сильные морозы и занесенные снегом дороги, бои становились все ожесточеннее.

Из Берлина и Белграда в войска неслись требования усилить давление на партизан, и командиры немецких частей, сражавшихся с бригадой, не щадили своих солдат.

19 и 20 января 1942 года 738-й полк 718-й пехотной немецкой дивизии шел от Красной Стены через Романию, Мокрое, Стариград по направлению к селу Белые Воды, недалеко от которого в то время находилась 1-я рота 2-го батальона под командованием Радована Вукановича. Этой роте было приказано занять село Белые Воды, чтобы ввести противника в заблуждение относительно действительного направления движения батальона.

Рота вошла в село, не встретив никакого сопротивления. Несколько десятков перепуганных домобранов подняли руки, едва увидев партизан. Когда их стали разоружать, они изъявили желание примкнуть к партизанам и вместе с ними драться против оккупантов.

Было решено, воспользовавшись успехом, заночевать в освобожденном селе. Поскольку наиболее удобные подходы к селу были с севера, именно с этой стороны было выставлено сильное охранение, в то время как на юго-западной окраине села поставили всего лишь один пост. Между тем как раз с юго-запада к селу двигались подразделения 738-го пехотного полка...

Проанализировав данные разведки, командир немецкого полка разгадал маневр 2-го батальона партизанской бригады и понял, что в Белых Водах находится всего одна рота партизан. Он решил уничтожить ее стремительной атакой лыжных подразделений.

На село опустился тихий зимний вечер. Повалил снег, и вскоре началась настоящая метель. Бойцы взвода, вернувшиеся из охранения, разбрелись по селу в поисках ночлега. Трех братьев Люмовичей — Вучету, Милику и Драгомира — приютил в своем невысоком глинобитном домике старик крестьянин.

— Откуда будете? — спросил он их, когда партизаны поели и отдохнули.

— Из Черногории, отец, — ответил Милана. — Привела нас война и в твою деревню.

— Из Черногории? Что ж, черногорцы всегда были храбрыми солдатами...

В это время подразделения 738-го полка готовились к внезапному нападению на Белые Воды. Немецкие лыжники должны были атаковать село с двух сторон. От села Вражич к Белым Водам приближалась усиленная рота лыжников, насчитывавшая сто шестьдесят автоматчиков под командованием капитана Кунце Райнера, который уже участвовал в боях с Первой пролетарской, кончившихся для немцев поражением. Теперь, предвкушая легкую победу, капитан радовался возможности отомстить партизанам за свои прежние неудачи, однако на его красивом холеном лице не отражалось ничего, кроме надменности.

Другая колонна, многочисленнее первой, подходила к Белым Водам со стороны деревни Педиш. Командовал ею приятель Кунце капитан Клаус Вебер, властолюбивый и эгоистичный офицер, который часто повторял своим солдатам, что они должны «убивать, и убивать не столько для того, чтобы отомстить за погибших, сколько для того, чтобы их самих не убили». Вебер подошел к Белым Водам с юго-запада, укрываясь в лесу, доходящем почти до самой околицы села.

Капитан Вебер дрожал, но не от страха, а от возбуждения. Он был только недавно откомандирован в штаб 718-й пехотной дивизии и еще не имел никакого опыта боев с партизанами. Его приезд в Югославию в штабе дивизии объясняли по-разному: одни утверждали, что родственные связи с высокопоставленными чинами вермахта помогли ему избежать Восточного фронта, другие же, напротив, приписывали его перевод в Югославию опале, в которую он попал из-за каких-то провинностей.

Вебер со своим отрядом остановился на опушке леса, еще раз осмотрел в бинокль мирно дремавшее село.

— Кажется, пока все идет хорошо, — обернулся он к своему заместителю, толстому лейтенанту Керберу. — Пусть люди немного отдохнут и проверят оружие. Я, лейтенант, буду на правом фланге, а вы — на левом.

— Слушаюсь, господин капитан!

— Мы постараемся застигнуть их врасплох, но учтите: что бы ни случилось — только вперед! Назад пути нет!

Капитан Вебер снова поднес бинокль к глазам. Из-за стволов деревьев было видно, как над некоторыми крышами вьется дымок.

Радист, все это время хлопотавший у радики, снял с головы наушники и протянул их Веберу:

— Капитан Кунце просит вас!

— Что, уже пора? — спросил Вебер, беря наушники. — Говорит капитан Вебер. Я слушаю вас, господин Кунце.

— Приветствую вас, господин капитан! Вы уже на месте? В селе никого не видно, жители словно вымерли,

— Коммунисты, наверное, тоже в тепле сидят. Плохо, если они в домах, — сказал Вебер.

— Почему?

— Проще было бы перестрелять их на улицах.

— По приказу командира дивизии мы должны привести нескольких пленных, а в домах их взять даже удобнее... — сказал Кунце.

— Когда начнем, господин капитан?

— Три минуты на подготовку и — вперед!

— Хорошо!

— До встречи в селе!

Вебер, не отрываясь, смотрел на циферблат часов. На лбу его выступил холодный пот, губы пересохли. Как и тогда, два года назад, перед первым боем, ему вдруг безумно захотелось остановить стрелки часов, остановить время. Как перед тем первым боем в его жизни, его вновь охватило гнетущее предчувствие близкой смерти.

— Пора! — прошептал он и закричал: — Вперед!

С автоматами наперевес гитлеровцы пошли в атаку.

Единственный часовой, находившийся с этой стороны села, увидев цепи атакующих, открыл огонь, чтобы предупредить ничего не подозревавших партизан. Из домов стали выбегать полуодетые бойцы. Внезапность нападения противника и глубокий снег осложняли задачу обороняющихся. А немцы были уже на улицах села. Не имея возможности занять круговую оборону, партизаны под прикрытием огня двух пулеметов бросились в контратаку. Гитлеровцы меньше всего ожидали этого и в первые минуты растерялись, однако численное превосходство было на их стороне, и партизаны вынуждены были отступить. Небольшие их группы, укрывшись за стенами домов, прикрывали отход своих товарищей.

Но вот оба пулемета партизан замолчали — кончились патроны. Воспользовавшись этим, немцы снова пошли в атаку. Однако сопротивление партизан не ослабевало, на улицах завязалась рукопашная схватка.

Недавний выпускник школы Милика Люмович лежал за поленицей. Он уже успел уложить одного немецкого автоматчика, но два других не давали ему поднять головы, стреляя длинными очередями. Пули тупо ударялись в дрова, свистели над головой. В минуту короткого затишья Милика обернулся и заметил недалеко от себя брата, лежащего за стволом толстого дерева.

— Живой, Вучета? — спросил Милика.

— А тебя не задело? — отозвался тот.

— Нет. А где Драгомир?

— Драгомир! — закричал Вучета.

А Драгомир в это время лежал на красном от крови снегу рядом с тяжело раненым капитаном Кунце. Оба выстрелили одновременно...

Несколько бойцов попытались перебежать из канавы, где они укрывались, к Милике, но автоматные очереди из-за угла дома заставили их броситься в снег.

Бой затягивался. Гитлеровцы сжимали кольцо. Только сгустившаяся темнота помогла остаткам партизанской роты выбраться из села.

В этом бою геройски погибли братья Люмовичи и многие другие партизаны. Но и гитлеровцы понесли тяжелые потери. Чтобы отомстить партизанам, они подожгли село. К утру на месте села чернели лишь обугленные стены домов.

Гитлеровцам не удалось взять в плен ни одного партизана...

13

Трагедия в Пьеноваце

Два легендарных партизанских командира пали в неравном бою с гитлеровцами. Пытаясь эвакуировать орудия со станции Пьеновац, они оказались застигнутыми врасплох вражескими лыжниками и конницей...

20 января 1942 года 738-й полк 718-й пехотной дивизии окружил 1-ю роту 2-го батальона пролетариев, а на другой день, 21 января, подразделения 697-го полка 342-й пехотной дивизии атаковали 5-й шумадийский батальон Милана Илича (Дяди Шумадийского), в составе которого в это время находился и романийский отряд Славиши Вайнера, известного под именем Дяди Романийского.

697-й полк наступал в направлении на Хан-Пиесак, из которого части Первой пролетарской успели вовремя уйти, избежав таким образом окружения.

После долгого тяжелого марша через Брековину партизанский батальон остановился на ночлег на железнодорожной станции Пьеновац. Бойцы расположились в зале ожидания на станции и в здании находившейся неподалеку начальной школы. Партизаны натаскали дров, затопили печи и вскоре, измученные трудным маршем, заснули.

Патрули контролировали все подходы к Пьеновацу, а вдоль железной дороги в обоих направлениях были устроены партизанские засады.

В тот вечер оба командира партизан долго беседовали в полутемной комнатке начальника станции. Они только недавно познакомились, но уже успели привязаться друг к другу, и сейчас недостатка в темах для разговора не было.

Милан Илич состоял в КПЮ со дня ее основания, до войны ему часто приходилось быть организатором и участником многих нелегальных партийных конференций и собраний. Отец девяти детей, он в первые же дни восстания 1941 года включился в борьбу с оккупантами. Доброго и внимательного, по-отечески заботливого к бойцам Илича любили все в батальоне. Он был талантливым, рассудительным, умеющим быстро находить нужное решение командиром.

Ему не хотелось оставаться в Пьеноваце, и он сначала решил, что с наступлением темноты уведет отсюда свой батальон, но, увидев, как сильно измучены бойцы, мгновенно уснувшие на полу вокзала, он пожалел их и не стал будить. Кроме того, он по опыту знал, что гитлеровцы обычно не нападают ночью, и решил дать бойцам отдохнуть до утра. Сам он заснуть не мог и пошел обойти посты. У здания школы, где разместились часть батальона, стоял на посту молодой партизан Милован Нинкович.

— Далеко же мы забрались, товарищ командир! — увидев подходившего Илича, произнес он, поживаясь от холода. — Конечно, я не командир, но, по-моему, здесь нам оставаться нельзя.

— Это почему? Что тебя смущает?

— Да ведь на этой станции мы все равно что в клетке, а мы, посавцы¹, привыкли к равнине.

— Ах вот как!..

— Да, я думаю, что если на нас здесь нападут, то никто живым не выберется отсюда, — серьезно посмотрев в глаза командиру, сказал Нинкович.

После этого разговора Дядя Шумадийский вместе с комиссаром батальона Драганче Павловичем пришел к командиру романийского отряда Славише Вайнеру.

— Что думаешь делать? — спросил он его.

— Я считаю, завтра на рассвете надо уходить из Пьеноваца, — ответил Дядя Романийский.

— Правильно, оставаться здесь опасно.

Вайнер сказал, что Главный штаб партизанского движения Боснии и Герцеговины предложил Первой пролетарской бригаде и романийскому отряду следовать к Фоче, где к ним присоединятся еще три партизанских батальона. Таким образом будет создано крупное соединение, способное проводить серьезные операции против оккупантов.

Илич слушал Вайнера с огромным вниманием. С каким необыкновенным человеком свела его судьба! С поистине юношеским пылом Вайнер брался за любое дело, в самые тяжелые минуты умел воодушевлять партизан личным примером и храбростью. По всей Сербии о беспримерном мужестве и героизме Славиши Вайнера ходили легенды. Внешний облик его как нельзя лучше соответствовал легендарному образу партизана-богатыря: был он высокий, статный, атлетически сложенный. Он носил меховую шапку с трехцветной ленточкой и пятиконечной звездой, короткую серую куртку. На ногах его были опанки — обычная обувь сербских крестьян; за поясом парабеллум, ручные гранаты, на шее бинокль.

Он всегда сердился, когда слышал похвалы в свой адрес, и говорил, что его достоинства и заслуги сильно преувеличены.

— Народ Боснии и Герцеговины борется за свою свободу, а я лишь капля в этом могучем потоке, — часто повторял он.

Рядом с Миланом Иличем, подперев кулаком голову и слушая Вайнера, сидел комиссар батальона Драганче Павлович, бывший студент политехнического института. Он был сыном известного белградского коммерсанта, благодаря чему его квартира была у полиции вне подозрений и в ней до войны нередко проводились нелегальные партийные собрания и совещания. В 1936 году он стал членом КПЮ, а через год был арестован и осужден. Два года он провел в мариборской тюрьме. Когда началось восстание, Павлович находился в Македонии в качестве инструктора ЦК КПЮ. Убежденный революционер-коммунист, он со дня формирования Первой пролетарской бригады стал комиссаром одного из ее батальонов. В кожаном планшете его лежал дневник с эпиграфом на первой странице: «Теперь речь идет уже не о том, что лучше умереть стоя, чем жить на коленях, а о том, что лучше бороться стоя, чем умереть на коленях».

Сейчас, беседуя с Вайнером и Иличем, Драганче Павлович был очень встревожен и озабочен. Он прекрасно понимал и разделял опасения командиров в связи с ночевкой партизан в Пьеноваце. Все трое знали, что надо быть готовыми ко всему, и старались предугадать возможные действия противника.

Милан Илич устало поднялся и пошел еще раз проверить посты и осмотреть станцию.

---

1 Жители долины реки Сава. — Прим. ред.

Рано утром после обильного завтрака бойцы выстроились перед школой.

День обещал быть ясным, погожим. Мороз становился все сильнее. Снег сверкал и искрился под лучами солнца, и партизанам приходилось шуриться.

Вдоль железнодорожного полотна тянулась наполовину скованная льдом река. Слышался однообразный шум ее воды.

Вокруг станции высились огромные, покрытые снегом горы, грозные в своем недоступном величии. Тому, кто смотрел на них снизу, казалось, что он находится на дне гигантского кратера вулкана с неровными зубчатыми краями, откуда виден лишь краешек неба и откуда вряд ли возможно выбраться.

На небольшом пяточке возле железнодорожной станции царило необычное оживление. Одни партизаны тащили ящики с боеприпасами, другие — длинные доски, из которых по приказу Вайнера надо было соорудить сани для двух захваченных у немцев орудий, третьи готовились к походу. И все-таки дело продвигалось мало. Особенно медленно шла погрузка трофеев и орудий.

Кое-где на возвышенностях вокруг станции были выставлены дозоры. Несколько бойцов направили для установления связи с ближайшим батальоном партизан.

Никто, в том числе и Славиша Вайнер, не ожидал, что гитлеровцы пойдут из Хан-Пиесака прямо на Пьеновац через Брековину. Все были уверены, что они не решатся пойти незнакомым путем, тем более что идти пришлось бы по бездорожью, по глубокому снегу, который сильно затруднял продвижение.

Вайнер, еще раз переговорив с комиссаром Драганче, все же решил направить один дозор к Брековине, маленькой железнодорожной станции в четырех километрах от Пьеноваца. Дозор, состоявший из пятнадцати бойцов, обнаружил немцев уже на подходе к Пьеновацу. Четырнадцать партизан вступили в бой, отправив одного назад, на станцию, чтобы предупредить партизан об опасности.

— Немцы наступают со стороны Брековины! — задыхаясь от быстрого бега, сообщил он.

Раздалась команда отходить вдоль железнодорожного полотна. Иного пути не было: справа и слева поднимались неприступные горы, а сзади были немцы.

— Черт возьми! — в сердцах ругнулся Илич.

В эту минуту ударили пулеметы — немцы ворвались на станцию. В колонне партизан началось замешательство, послышались стоны раненых.

— Занять оборону! — скомандовал Вайнер.

— Не робей, ребята!.. Гранаты к бою! — закричал Милан Илич.

Но немецкие лыжники в белых маскировочных халатах уже залегли. Они открыли убийственный перекрестный огонь из автоматов и пулеметов.

Неожиданно на станцию по железнодорожному полотну на полном скаку влетела немецкая конница. Двое партизан открыли по ней огонь из ручного пулемета. Передние всадники были срезаны очередями, но врагов было слишком много...

Несколько партизан бросились к реке.

— С ума сошли! Куда вы?.. Стойте! — закричал что было силы Вайнер. Он вскочил на ноги, и тут пулеметная очередь прошла его грудь. Обливаясь кровью, он упал на снег.

Недалеко от него лежал тяжело раненный Драганче Павлович. Снег под ним окрасился в алый цвет. Комиссар выпустил длинную очередь из автомата, еще раз нажал на спуск, но затвор сухо щелкнул — кончились патроны. Комиссар вытащил пистолет, последний раз окинул взглядом поле боя и, приставив дуло к груди, выстрелил...

Боем руководил Милан Илич. И вдруг его команда прервалась на полуслове — пуля попала ему в голову.

Шестьдесят три партизана пали в этот день в Пьеноваце, и среди них — два выдающихся человека, чьи имена были овеяны славой.

На другой день штаб бригады произвел реорганизацию батальона. Остатки первой и второй роты объединили в одну — первую шумадийскую. Командиром роты был назначен Никола Любичич, а комиссаром Павел Швабич.

Когда Верховный главнокомандующий узнал о том, что произошло в Белых Водах и Пьеноваце, он был потрясен до глубины души гибелью стольких партизан.

— Борьба не бывает без жертв, — сказал он, — но она требует и большой осмотрительности. Подобные трагедии не должны повториться.

14

Раскаяние легкомысленных

Внимательно следя за ходом операции против партизанской бригады, генерал Бадер в то же время изо всех сил старался оговорить своего предшественника Франца Бёме, который, по его словам, как угорь увильнул от югославского кошмара. Безуспешные попытки Бадера расправиться с Первой пролетарской бригадой отрицательно повлияли на его военную карьеру, обещавшую быть блистательной...

Невыспавшийся и злой, генерал Пауль Бадер прилетел на «юнкерсе» в Сараево. В Белграде, когда самолет поднялся в воздух, падал мокрый снег. Здесь же, в Сараево, на чистом небе светило яркое солнце. На аэродроме Бадера встретил генерал Гарольд Турнер, который прибыл сюда днем раньше, чтобы заранее подготовить для

Бадера самую свежую информацию о ходе операции против Первой пролетарской бригады. Уже на аэродроме Турнер сообщил Бадеру, что партизанская бригада под ударами немецких частей в беспорядке отступает по направлению к Сараевскому Полю, где она и будет окончательно уничтожена. Между прочим он сообщил, что схваченный ими ранее партизан Алоиз Кочмур завербован и после основательной специальной подготовки направлен с разведывательным заданием в партизанскую бригаду, где с помощью установленного пароля свяжется с работающим в ней агентом и передаст ему приказ под любым предлогом выбраться из бригады и срочно прибыть в Сараево, чтобы сделать подробный доклад о бригаде, Верховном штабе, его намерениях и вообще обо всем, что заинтересует немецкое командование.

За обедом в отеле «Европа» Гарольд Турнер подробно рассказал Бадеру о ходе боевых действий против бригады за последние дни, упомянул он и о листовках, которые сбрасываются с самолетов над территорией, занятой партизанами. Внимательно выслушав его, Бадер вернулся к вопросу об Алоизе Кочмуре.

— Меня интересует, — сказал он, — может ли гестапо гарантировать, что этот бывший партизан будет действительно добросовестно работать на нас?

— Он отбывал каторгу в Сремска-Митровице, бежал оттуда. Потом попал к устахам, те передали его нам. Если бы партизаны узнали обо всем этом, они его сразу же расстреляли бы, так что в этом человеке можно не сомневаться, — ответил Турнер.

Генерал Бадер встал, пересек зал ресторана и остановился у окна.

По улице маршировала рота немецких солдат. Бадер услышал обрывки солдатской песни. Турнер подошел к нему и предложил пройти и посмотреть город.

— К чему мне это? — воспротивился было Бадер.

Он не любил Турнера, считая, что этот туповатый служака не может самостоятельно мыслить и принимать решения, что он скор на обещания, но на деле нерасторопен и к тому же склонен к наущничеству.

— Надо же хоть немного развеяться, да и город интересный, — проговорил Турнер.

Они вышли из ресторана. Их сопровождал штурмбанфюрер СС Генрихс, работавший в гестапо. Он руководил операцией по вербовке и засылке Кочмура. Это был энергичный и опытный работник, быстро продвигавшийся по служебной лестнице благодаря своим незаурядным способностям...

Улицы были пустыни.

Генерал Бадер с любопытством присматривался к редким прохожим, что-то тихо бормоча себе под нос. Генерал Турнер и штурмбанфюрер СС Генрихс безуспешно пытались завести с ним разговор. Бадер как бы не замечал их и быстро шел вперед.

Так они дошли до одного из самых старых и живописных районов Сараева. Бадер бросил беглый взгляд на величественные мечети и минареты и, обернувшись к штурмбанфюреру СС Генрихсу, спросил:

— Где я буду ночевать?

— В отеле, господин генерал. Номер для вас уже приготовлен, — ответил тот.

— В таком случае я, пожалуй, пойду к себе. Завтра будет много работы, — сказал Бадер, взглянув на свои ручные часы.

Гарольд Турнер согласно кивнул, и они свернули на улицу, которая вела к отелю «Европа».

Начало смеркаться. Под ногами похрустывал недавно выпавший снег.

— Когда мы завтра встречаемся? — спросил Генрихс, чтобы прервать тягостное молчание.

— Война, господа, это жестокая игра жизни и смерти, — словно не слыша его вопроса, вдруг произнес Бадер. — Человеческая жизнь в этой игре — вещь малозначительная.

— Мне кажется, спать еще рано, — после паузы сказал Турнер.

— Наши офицеры из гарнизона надеялись встретиться с вами сегодня вечером, — выжидательно глядя на Бадера, нерешительно произнес Генрихс.

— Ну что ж, если ничего более интересного вы мне не можете предложить...

— Что касается женщин, то...

— Я говорю не об этом! — резко прервал его Бадер. — Меня интересует, есть ли у вас какие-нибудь новые сведения о партизанской бригаде?

— Кое-что есть, господин генерал, и я думаю, для вас это было бы небезынтересно, — спокойно ответил Генрихс.

У Турнера вырвался вздох облегчения.

Бадер же промолчал, словно не услышав слов Генрихса.

Штурмбанфюрер СС вопросительно взглянул на него. Он знал, что среди большинства высших офицеров вермахта Бадер известен как способный и образованный генерал, но в то же время — и Генрихс сейчас имел возможность в этом убедиться — как весьма неприятный собеседник, который всегда занят лишь собственными мыслями. В неофициальной обстановке, находясь в обществе своих подчиненных, он обычно начинал нудно рассказывать о себе, причем эти рассказы часто не имели ничего общего с фактами его биографии. Он любил рассказывать о том, что давно увлекается изучением психологии военных, особенно артиллеристов, пулеметчиков, снайперов, летчиков. При этом он распространялся о солдатской интуиции, находчивости, воинском долге. Кончал же он обычно совершенно неожиданным выводом о том, что все здешние солдаты и офицеры — шельмы, так как каждый старается всеми правдами и неправдами избежать Восточного фронта или югославского кошмара, который, по его мнению, вовсе не был таким уж страшным.

Бадер вдруг остановился, оглянулся и с кислым выражением лица произнес:

— Здесь, наверное, так же, как и в Белграде, в любую минуту можно получить пулю в спину...

— Мы приняли меры, господин генерал, но, разумеется, все предусмотреть невозможно, — проговорил Генрихс.

— Значит, здесь небезопасно. Тогда пойдете. Если уж погибать, то на фронте, в бою.

— Да, конечно, — согласился Турнер и, помолчав, добавил: — По сведениям гестапо, в Сараеве существует сильное коммунистическое подполье.

— Вы спрашивали, господин генерал, о партизанской бригаде, — снова заговорил штурмбанфюрер СС Генрихс. — У меня для вас есть интересные новости. Наш агент только что вернулся оттуда.

— Что вы сказали? Генрихс повторил свои слова.

— Кто это? — спросил Бадер.

— Возможно, вы помните, господин генерал, доклад Гельма в отеле «Авала»? Речь идет о бывшем журналисте из Кралева, — ответил Турнер.

— Его имя — Нусрет Калянац, — вставил Генрихс. — Он завербован нами давно, еще до войны.

— И он вернулся из партизанской бригады? — взглянул на него генерал Бадер.

— Да, только что...

— Это действительно любопытно!

— Информация из первых рук особенно ценна, — подхватил Турнер.

— Если желаете, господин генерал, — вытянулся перед Бадером Генрихс, — через несколько минут его доставят в гестапо, в мой кабинет, и вы сможете лично побеседовать с ним. Это в двух шагах отсюда.

— Да, это было бы интересно, — согласился генерал Турнер.

Генрихс вскинул руку в фашистском приветствии и ушел.

Когда генералы подошли к зданию гестапо, их встретили и провели в кабинет штурмбанфюрера СС Генрихса. Через несколько минут туда вошли Генрихс и Калянац. Агент был в длинном черном плаще и почему-то без головного убора.

— Хайль Гитлер! — вытянулся он перед генералами.

Турнер и Бадер вяло ответили на приветствие.

Генрихс взял у Калянаца его плащ и аккуратно повесил на вешалку.

На Калянаце были солдатские башмаки, штаны из домотканого сукна, выцветшая гимнастерка, за поясом — пистолет и ручная граната, через плечо переброшена полевая сумка. Было что-то отталкивающее в выражении лица этого человека.

— Вы говорите по-немецки? — спросил его Бадер.

— Да, и неплохо.

— Почему вы без головного убора?

Калянац замялся.

— Где ваша шапка? — снова спросил Бадер.

Калянац вытащил из кармана измятую фуражку, на ней блеснула красная звезда.

— Наденьте! — приказал Бадер.

Калянац смущенно надел фуражку.

Бадер встал, подошел к Калянацу и внимательно оглядел его с ног до головы. Калянац был средних лет, хорошо сложен, глаза у него были чуть навывкате и какие-то блеклые. Он настороженно переводил взгляд с Турнера на Бадера, опасливо поглядывая на их генеральские погоны.

— Это, надо полагать, обычное партизанское обмундирование? — прервал затянувшееся молчание Бадер.

— Так точно, господин генерал!

— И вооружены все примерно так же?

— Так точно!.. У многих трофейные автоматы или карабины.

— Что ж, экипированы неплохо!

— Почти у всех обмундирование сшито из байковых одеял или домотканого сукна.

— Сюда вы добрались без приключений?

— Так точно, господин генерал!

— В Сараево вам удалось войти незамеченным?

— Так точно!

Бадер посмотрел на Генрихса, затем снова перевел взгляд на Калянаца:

— Ну и какое впечатление производит эта бригада?

— Довольно внушительное.

— По нашим сведениям, она сейчас на грани развала. Так ли это? — продолжал расспрашивать Бадер.

Калянац в замешательстве взглянул на Генрихса.

— Отвечайте! — сказал тот.

— Бригада, господин генерал, действует очень организованно, и в ней поддерживается строгая дисциплина. Партизаны даже в окружении бьются до последнего... Вы, вероятно, слышали, что произошло в Белых Водах и Пьеноваце?..

— Да-да, — нетерпеливо перебил его Турнер.

— Я добровольно вызвался пойти связным в один из местных партизанских отрядов и под этим предлогом выбрался из бригады. В моем распоряжении есть еще три-четыре часа, если, конечно, вы сочтете мое

возвращение необходимым.

Бадер и Турнер посмотрели на свои часы. Была уже глубокая ночь.

— Кто командует бригадой? — спросил Бадер.

— Верховный штаб всех партизанских сил Югославии. Ну и, конечно, штаб бригады. Бригада, господин генерал, состоит в основном из коммунистов, в ней собрались антифашисты со всей страны...

Нусрет Калянац говорил неторопливо и убедительно. Ничто не выдавало того состояния внутреннего разлада, неуверенности, в котором он пребывал уже несколько дней. В нем произошел какой-то перелом. Он никак не мог понять, что с ним. Всю жизнь он мечтал о богатстве, и всю жизнь ему не хватало денег. Именно жажда обогащения заставила его дать согласие стать агентом гестапо. На первых порах деньги, получаемые от немцев, действительно дали ему возможность пожить безбедно. Он устраивал пирушки, волочился за женщинами. Но вскоре деньги кончились, и, поскольку немцы больше не расщедрились, Калянац снова оказался без гроша. Теперь ему оставалось лишь мечтать о богатстве и роскошной жизни. Однако с недавнего времени он, как ни странно, потерял всякий интерес к деньгам; теперь динары Недича, кроны Павелича и марки Гитлера интересовали его не больше, чем прошлогодние листья в весеннем лесу.

Всю жизнь он стремился прежде всего к максимальному удовлетворению всех своих прихотей, в том числе и самых низменных, что, вероятно, и оттолкнуло от него всех его друзей. Он принадлежал к категории людей, которые, когда перед ними встает проблема нравственного выбора, не выдерживают серьезных жизненных испытаний и выбирают обычно путь наименьшего сопротивления. Путь, избранный Калянацем, оказался ошибочным, но было уже слишком поздно, когда он понял это. Он осознал эту истину, и для него наступили мучительные дни. Прошло то время, когда он строил грандиозные, фантастические планы своего обогащения. Все, к чему он стремился, оказалось фикцией, дымом, миражем. Перед ним теперь стоял только один вопрос: кто скорее его прикончит — те, кому он вот уже несколько лет служит верой и правдой, или те, против кого он сейчас шпионит. Два часа назад, когда он приближался к Сараеву, обходя стороной немецкие патрули и вероятные места партизанских засад, одинаково боясь и тех и других, он вновь и вновь спрашивал себя, куда бежать, куда податься и существует ли вообще выход из этого заколдованного круга. Бегство куда бы то ни было представлялось ему невозможным: у гестапо были слишком длинные руки. Никто даже не заметил бы его гибели, он бы просто исчез, и чья-то рука обычным карандашом вычеркнула бы из списков агентуры гестапо безымянного агента по кличке Нино. Если бы его расстреляли партизаны, в штабе бригады сделали бы лаконичную запись: «Расстрелян как изменник Родины, немецкий шпион...» И все...

Сейчас, когда он отвечал на вопросы Бадера и подробно рассказывал все, что знал о Первой пролетарской бригаде и Верховном штабе, ему вдруг подумалось, что в этой партизанской бригаде он впервые почувствовал теплое, товарищеское отношение к себе со стороны совершенно незнакомых людей. Ему не раз приходило в голову пойти в штаб бригады с повинной, но всякий раз останавливала мысль о том, что партизаны могут не простить его, а немцы наверняка постараются отомстить. В конце концов он решил положиться на свою судьбу — будь что будет. Невозможно было и просто порвать с немцами и остаться в бригаде — штурмбанфюрер СС Генрихс с помощью своих людей мог подбросить в штаб бригады материалы о его деятельности. Еще во время подготовки к его засылке в Первую пролетарскую бригаду Генрихс предупредил Калянаца о том, что может ожидать его в подобном случае, и он очень хорошо запомнил это предупреждение штурмбанфюрера. Но как бы усердно Калянац ни работал на немцев, сколько бы ни шпионил против своих новых товарищей, ему никогда не забыть разговора, который состоялся у него с комиссаром бригады после того, как Калянац прочитал партизанам лекцию «Роль «пятой колонны» в апрельской войне».

— Поздравляю тебя, ты говорил очень интересно! — сказал ему тогда комиссар Фича.

— У меня создалось впечатление, товарищ комиссар, что многие бойцы не хуже меня разбираются в этих вопросах, — ответил Калянац. — Правда, я располагал интересными материалами...

— Я слышал, ты был журналистом и работал в редакции «Времени»?

— Это дело прошлое. Но раз уж об этом зашла речь, то я работал и в редакции газеты «Новая жизнь»...

— Скоро мы начнем издавать бригадную газету, и я рассчитываю на тебя...

— Спасибо, товарищ комиссар!

— Я слышал, что ты до войны вел довольно веселую жизнь, — внимательно посмотрев на Калянаца, сказал комиссар.

— Это верно, погулять я любил... Но все это было очень давно, — ответил тот.

— Если захочешь со мной поговорить, заходи, посидим потолкуем.

— Спасибо, товарищ комиссар!

После разговора с комиссаром Калянац подошел к группе бойцов и вместе с ними негромко запел:

В бою товарищ славный —
Как парус яхты плавный,
В тумане, в урагане
Вперед мы с ним плывем.

Удачи мы добьемся,
До цели доберемся,
И если друг мой рядом —
Победу обречем.

Калянац уже давно не верил ни друзьям, ни врагам, но теперь ему казалось, что он перестает верить самому себе. В его душе остался только страх, страх и какая-то ужасающая опустошенность.

Закончив доклад Бадеру, он сказал:

— Прошу вас, господин генерал, разрешите мне больше не возвращаться в бригаду.

— Но ведь ваше задание еще не выполнено! — возмутился Генрихс.

— Прошу вас, господин генерал... — снова обратился к Бадеру Калянац.

— Вашу просьбу мы рассмотрим позже, после того как вы еще раз побываете в бригаде, а пока вы свободны, — сказал Бадер.

Калянац щелкнул каблуками:

— Хайль Гитлер!

Бадер и Турнер пожали ему руку.

— Придется вам еще немного потерпеть, — сказал Бадер, — скоро мы покончим с этой бригадой, и возможно, это дело нескольких дней.

— А до того времени вам необходимо продержаться, — похлопав его по плечу, произнес Турнер.

Калянац снова щелкнул каблуками, поклонился и вышел вместе с Генрихсом.

Вскоре Бадер уже спал в своем роскошном номере, а Калянац, с трудом разбирая дорогу, шел назад в бригаду, которая находилась уже почти у самого подножия Игмана...

15

Салют в честь павших

Из-за густого елового леса поднимались ледяные островерхие горы. Высоко в небо вздымались белые исполины, неприступные в своем холодном величии... Но именно туда, к подножию Игмана, держали путь батальоны Первой пролетарской...

Утром батальон Гавроша попал в засаду. Немцы и четники, используя численное превосходство, начали окружать партизан. Однако в последнюю минуту партизанам удалось прорвать сжимающееся кольцо врагов и вырваться, захватив нескольких четников. Пленных было решено оставить в ближайшем селе под охраной двух бойцов до подхода основных сил Первой пролетарской бригады.

Вслед партизанам гитлеровцы открыли огонь из орудий и минометов. Снаряды и мины рвались все ближе к колонне партизан, над головами свистели осколки.

— Надо где-нибудь спрятаться, иначе нас накроют! — закричала Хайка.

— Что бы ни было, мы должны идти вперед! Таков приказ! — послышался голос командира роты Вучко.

По обеим сторонам колонны на ровной, ослепительно белой поверхности заснеженного поля одна за другой появлялись черные дымящиеся воронки.

Рота Вучко была уже, казалось, вне пределов досягаемости огня немецких орудий, но тут два снаряда разорвались почти у самой колонны. Осколками сразило наповал Артема и Вою, а Вучко был легко ранен. Гаврошу никогда не забыть, как Артем, отброшенный взрывной волной далеко от тропы, упал в снег, обливаясь кровью, как Воя, согнувшись в поясе, неловко завалился на бок.

— Воя! — бросился к нему Гаврош.

Воя с трудом открыл глаза, его побелевшие губы слабо шевельнулись. Гаврош склонился над ним, пытаясь разобрать слова.

— Не вовремя... — прошептал Воя.

— Что ты сказал?

— Передай товарищам, что я ни в чем не виноват... Это Влада, помощник комиссара батальона, на меня наговорил... До войны мы с ним любили одну девушку, и... она выбрала меня...

Шепот Вои оборвался. Он весь напрягся, пытаясь приподняться, но не смог и уткнулся в снег. На губах его застыла горькая усмешка. Он был мертв.

На первом же привале партизаны похоронили погибших товарищей.

— Каждый день новые потери, — грустно сказал Лека, стоя с непокрытой головой над двумя свеженасыпанными могильными холмиками. — Обиднее всего, когда люди гибнут вот так, от шального снаряда...

Бойцы почтили память товарищей минутой молчания, и колонна двинулась дальше.

Гаврош с Хайкой и Шиля еще какое-то время стояли над могилами. Они молчали. По щекам Хайки текли слезы. Гаврош, бледный, судорожно сжимал кулаки. Вот он поднял голову и заговорил негромко, чуть охрипшим голосом:

— Вы оба, и ты, Артем, и ты, Воя, всегда говорили, что мужчина плачет, когда сердце его переполнено болью... У меня сейчас грудь разрывается от боли... но я не заплачу... От имени всех товарищей клянусь знаменем нашей борьбы, что мы отомстим, отомстим за каждый не прожитый вами день, за каждый отнятый у вас луч света, за все ваши несбывшиеся мечты. Мы отомстим и доведем до конца наше великое дело!.. Вечная вам слава!

С этими словами Гаврош выхватил из-за пояса трофейный вальтер и выпустил в воздух всю обойму.

— Мы никогда не забудем вас, товарищи! — взволнованно произнес Шиля. — Клянусь тебе, Воя, что буду с честью носить твой пулемет, как носил его ты! И мы сделаем все, чтобы восстановить твоё доброе имя!

Вскинув к виску сжатые кулаки, они отдали салют партизанским могилам и пошли за своей колонной. Молчали. Гаврош заговорил первым:

— Мне кажется, после всего этого я не смогу спокойно смотреть на помощника комиссара батальона.

— Его, как мне сказал Лека, вызвали в штаб бригады, видимо, собираются привлечь к ответственности, — вымолвил Шиля.

Партизаны шли весь день без отдыха. Вдали, окутанный сероватой дымкой, высился Игман.

Под вечер рота остановилась у трех заброшенных крестьянских развалюх. Были выставлены караулы, и усталые бойцы, забыв об ужине, стали укладываться спать прямо на земляном полу.

Сильно пахло навозом и прелым сеном. Сквозь щели в заколоченных окнах пробивался слабый свет молодого месяца.

— Что-то давно мы не слышали твоих лекций, Лека, — прозвучал чей-то голос. — Может, расскажешь что-нибудь? Вот, к примеру, что будет, когда война кончится... Как мы будем тогда жить?

Лека сел, скрестив ноги, и заговорил:

— Когда война кончится, работать будем, строить. Мы всегда были народом-воином и народом-тружеником. Сколько раз нам приходилось с оружием в руках защищать свою свободу! Но всякая война рано или поздно кончается, и настает время залечивать раны, строить. А наш век будет веком большого строительства, социалистического. Капитализм во всем мире вынужден будет отступать, сдавать свои позиции, он уже сейчас отступает перед силами прогресса. Это диалектика истории.

Помните, я говорил вам, что раньше человека оценивали по тому, сколько у него денег, сколько рабов или крепостных, как, например, это было в царской России до отмены крепостного права. В средние века наибольшим уважением пользовались те, кто располагал военной силой, имел мощные замки, — какие-нибудь герцоги, князья, графы или ростовщики и купцы. Крестьяне были собственностью землевладельцев. В наш век применение электричества и машин, развитие крупного производства все больше выдвигают на первый план рабочий класс, он и становится главным носителем идей прогресса. Пролетариат провозглашает труд основным мерилом ценности человека...

Лека увлекся и не заметил, что его слушатели, измученные долгим маршем, уже давно спят. Гаврош тихонько толкнул Леку локтем.

— Вот тебе и лекция на политическую тему, — оглядевшись, с добродушной улыбкой прошептал Лека.

Гаврошу не спалось. Какое-то время он лежал с открытыми глазами, думая о Хайке, потом поднялся и, тихо пробравшись между спящими, подошел к ней. Она спала, подложив под голову ладонь. Уверенный в том, что все спят, Гаврош нагнулся и осторожно поцеловал девушку в щеку. Оказалось, что Хайка не спит. Открыв глаза, она с легким укором взглянула на него.

Гаврош услышал у себя за спиной шепот Шиля:

— Говорят, любовь расслабляет солдата.

— А ты что не спишь?

— У меня все не идет из головы Артем и Воя. Завтра увижу помощника комиссара батальона, поговорю...

Хайка легко сжала руку Гавроша:

— Не надо больше, ладно?

— Ты сердисься?

Она улыбнулась, покачала головой и негромко ответила:

— Нет, не сержусь, просто... — запнулась она. — Знаешь, Шиля ведь прав: пока идет война, мы прежде всего солдаты...

На их лицах дрожали отсветы пламени очага.

Они молчали, глядя друг на друга.

Гаврош подумал, что за эти пятнадцать дней Хайка сильно похудела. Сейчас, в полутьме, ее бледное лицо, узкие кисти рук казались совсем детскими. Он вдруг почувствовал себя виноватым в том, что она, такая хрупкая и беззащитная девушка, наравне с мужчинами должна переносить все тяготы и лишения походной партизанской жизни.

А она в эту минуту была счастлива. Смотрела на его милое, родное лицо... Он здесь, рядом, он любит ее! Потом ей вдруг вспомнилось, как погибли Артем и Воя, и она попыталась представить себе, что будет с ней, если Гавроша тоже убьют... Или наоборот — вдруг погибнет она сама... Хайка зажмурилась и тряхнула головой, чтобы отогнать тревожные мысли.

Их взгляды снова встретились. Гаврош наклонился к самому ее уху и шепотом предложил выйти на крыльцо, чтобы поговорить. Они поднялись и, осторожно переступая через спящих, направились к выходу.

— Что ты хотел мне сказать? — спросила Хайка, когда они вышли из дома.

— Нам никак не удастся остаться наедине... Я хочу тебя попросить...

— О чем? — удивленно посмотрела она на него.

— Думаю, было бы лучше, если бы ты перешла в другую роту.

— Я так и знала!

— Ты не согласна?

— Боишься, что мы погибнем вместе, как Ратинацы? Но... может быть, так будет лучше?..

Гаврош молча покачал головой.

— А ведь я так радовалась, что осуществились мои мечты, что мы наконец-то вместе... — Хайка грустно улыбнулась. — Мне казалось, что уже ничто и никогда не сможет нас разлучить... Я думала... — Ее голос прервался.

Гаврош сдался:

— Ладно, считай, что я тебе ничего не говорил. Это я так... Пока мы живы, ничто и никогда не должно нас разлучить.

Хайка кивнула.

— Ведь вдвоем легче, правда? — прошептала она, взмахнув длинными ресницами, и улыбнулась.

— Да, мы будем вместе! — твердо сказал Гаврош.

Рассветало. Во дворе соседнего дома ротный повар Пера хлопотал около большого кипящего котла — готовил партизанам завтрак.

— А ну-ка, Хайка, красавица наша, подойти, сними пробу! — крикнул он.

Хайка улыбнулась Гаврошу и легко сбежала с крыльца. Гаврош постоял еще немного, потом вернулся в дом.

16

«Если верить полученным донесениям...»

В непрекращающихся боях партизаны хорошо изучили тактику немцев, приобрели опыт борьбы. Большую помощь им оказывали местные жители, снабжавшие их продовольствием. Народ видел в партизанах своих освободителей, и его нельзя было запугать ни концлагерями, ни расстрелами...

Два приземистых черных «мерседеса», натужно гудя, медленно взбирались в гору по заснеженной дороге. Впереди и позади машин ползли два танка, по бокам ехали мотоциклисты. Машины поднялись на вершину горы, где в окружении многолетних сосен стоял небольшой каменный домик, наполовину занесенный снегом. Неподалеку было установлено шесть горных орудий, то и дело нарушавших тишину гор громкими залпами.

Из первой автомашины вышел генерал Бадер, из второй — сопровождавший его генерал Турнер. На обоих была длинные кожаные пальто, сапоги, фуражки с высокими тульями. На их лицах застыло надменное выражение.

Небритый сутулый майор, командир артиллерийского дивизиона, подбежал к Бадеру и, вытянувшись, отдал честь.

Не дожидаясь, пока он доложит, Бадер взял бинокль и с любопытством стал осматривать горные отроги на юго-востоке.

— Где сейчас находится партизанская бригада? — спросил Бадер у майора-артиллера, который так и остался стоять по стойке «смирно».

В эту минуту подъехал еще один автомобиль. Из него вышел штурмбанфюрер СС Генрихс в сопровождении адъютанта.

— Господин генерал, — начал докладывать артиллерист, — как вам, вероятно, известно, слева от нас находится горный массив Романия, справа — Гласинац, высокие горы там, вдали, — это Яхорина, правее от нее — Игман, на юго-запад от Игмана...

— Я спросил вас, где находится партизанская бригада! — перебил его Бадер.

Майор растерянно заморгал и сглотнул слюну.

— На дороге, ведущей из Крупаца в Киево, появился противник. Мы отсюда ведем по нему огонь, — с запинкой доложил он.

Бадер опустил бинокль:

— Вижу, что ведете!

— Господин генерал, случилось нечто странное. Вчера вечером мы окружили бригаду, а сегодня утром в котловине не оказалось ни одного партизана!..

— Что же произошло? — сверля майора взглядом, спросил Бадер.

— Наша авиаразведка тоже подтвердила, что партизанские колонны вошли в котловину, — продолжал майор.

— Так что же все-таки произошло? — повторил свой вопрос Бадер.

— Утром их там уже не было... Они будто сквозь землю провалились, — пожал плечами сутулый майор.

— Так где же она, эта бригада?

— Не могу точно сказать, господин генерал.

— Кого же вы в таком случае обстреливаете?

— Наблюдатели из частей передают нам по радио данные для стрельбы...

— Значит, стреляете вслепую?

— Но, господин генерал, точное местонахождение бригады нам неизвестно.

Турнер бросил на него уничтожающий взгляд.

Бадер повернулся к Генрихсу, который стоял рядом, дрожа от холода, и смерил его презрительным взглядом. Гестаповец, смутившись, вытянулся по стойке «смирно».

Бадер снова было поднес к глазам бинокль, но тут заметил троих солдат, ведущих связанного крестьянина, лицо которого было в страшных кровоподтеках.

— Кто это? — спросил Бадер.

— Прикидывается дурачком, господин генерал, — ответил один из солдат. — Отказывается говорить, куда ушли партизаны.

— Если отказывается, пристрелите его! — бросил Бадер.

Крестьянину развязали руки, и один из солдат знаком приказал ему бежать.

Крестьянин бросил испуганный взгляд на генералов и, не разбирая дороги, по колено проваливаясь в снег, кинулся вниз по направлению к шоссе, то и дело оглядываясь.

Раздалась автоматная очередь, и крестьянин, раскинув руки, упал лицом в снег.

— Зачем же прямо здесь? — поморщившись, проговорил генерал Бадер.

— Солдат, видимо, неправильно вас понял, — почтительно ответил сутулый майор.

— А вы откуда родом, майор? — спросил Бадер.

— Из Кайзерслаутерна, господин генерал.

— Мне ваше лицо кажется знакомым...

— Так точно, господин генерал! Я две недели находился при вашем штабе.

— В Бухаресте?

— Так точно!

Майор приказал своим артиллеристам резать телянку и приготовить хороший обед, чтобы сделать пребывание здесь генералов более приятным. Их разместили в доме, жители которого два дня назад были расстреляны гитлеровцами возле горного ручья.

Низко над горой в сторону Яхорины пролетели три «мессершмитта». Генерал Бадер отметил, что позиция для артиллерии выбрана удачно, а потом выразил желание шумного отдохнуть. Он уже несколько дней пребывал в дурном настроении, поскольку уничтожение партизанской бригады оказалось делом вовсе не простым, и в ярости рвал в клочья радиogramмы, сообщавшие, что «партизанской бригаде опять удалось ускользнуть».

— Сколько партизан вы захватили в плен, майор? — спросил он у артиллериста, когда они сидели за столом.

— Ни одного... Впрочем, наш дивизион находится в относительном отдалении от района боевых действий...

— Местонахождение бригады в данный момент неизвестно, стало быть, она в любой момент может нагрянуть и сюда! — усмехнулся генерал Бадер.

— По правде говоря, господин генерал, я бы не удивился...

— Ну а где, по вашему мнению, может сейчас находиться бригада? — спросил Бадер. — Странно, мы все время говорим: «бригада», а ведь по численному составу она лишь немногим превосходит наш батальон.

Майор-артиллерист оказался в затруднительном положении. Он не привык общаться со столь высоким начальством и сейчас боялся высказать свое истинное мнение на этот счет. Ведь штабные судят о противнике только по картам да по сухим донесениям и радиogramмам и часто не могут оценить реальную силу и опасность противника. Они знают только одно слова — «уничтожить», между тем здесь, в холодных, неприветливых горах, все выглядит далеко не так, как это представляется там, в теплом штабе.

Бадер, забыв о своем вопросе, опустил голову. Веки у него отяжелели. После обильной трапезы с несколькими рюмками шнапса его сильно клонило в сон.

— Если бы не такая холодная зима, все, возможно, было бы по-другому, — заметил Генрихс.

— Да, партизанам она на руку, — поддержал его Турнер.

Бадер поднял голову:

— Мы же в тысячу раз лучше оснащены, на нас работает вся Европа! Зима скорее на руку нам, чем партизанам!

— Все дело в поддержке народа, — проговорил Генрихс.

— Да, бригада, несомненно, пользуется самой широкой поддержкой населения, — с серьезным видом кивнул сутулый майор.

— Просто вы все стараетесь оправдать собственное бессилие! — раздраженно бросил Бадер.

Через некоторое время он встал из-за стола и прошел в соседнюю комнату немного отдохнуть.

Майор приказал артиллеристам прекратить огонь.

Пока Бадер отдыхал, на его имя принесли несколько радиogramм. Турнер не стал беспокоить генерала Бадера и только через два часа осторожно постучал к нему.

— Господин генерал, прошу прощения, что я вас разбудил, но наши подразделения, действующие против партизанской бригады, просят поддержки артиллерии!

— Пусть артиллеристы действуют, — надевая сапоги, мрачно бросил Бадер.

В соседней комнате на столе его ждали радиogramмы. В первой сообщалось:

«Наши 342-я и 718-я пехотные дивизии и части 2-го и 3-го домобранских корпусов общей численностью до тридцати пяти тысяч человек при поддержке четырех эскадрилий бомбардировщиков начали операцию по уничтожению партизанских банд в районе Сараево, Вишеград, Зворник, Тузла, Вареш. Наши войска сильно потеснили партизан и овладели основными коммуникациями, однако части партизан удалось прорвать кольцо

окружения и уйти в горы. В этих боях противник понес значительные потери: около четырехсот убитыми и двухсот пятидесяти ранеными. Пленных нет».

— Ложь! — закричал Бадер, швыряя радиogramму на стол. — Партизанская бригада насчитывает около тысячи человек, а из донесений следует, что со дня ее формирования по сегодняшний день убито уже около двух тысяч партизан! Как прикажете это понимать? — спросил он, обращаясь к Турнеру.

— Да, здесь есть какая-то неувязка. И главное, партизанская бригада продолжает действовать! — ответил тот.

— Они нам нахально подсовывают заведомо ложную информацию! — покраснев от ярости, рявкнул Бадер и схватил другую радиogramму. В ней говорилось:

«Четническое командование в Восточной Боснии и Герцеговине после переговоров с нашим и итальянским командованием в Вишеграде отдало приказ своим гарнизонам в Восточной Боснии обеспечить нашим частям свободное продвижение во всех направлениях, а также сбор информации о партизанах, действующих в этом районе».

— Вот этому я больше верю, хотя четники — самый настоящий сброд, может быть, даже похуже домобранов.

— Наверняка! — подтвердил Турнер.

В третьей радиogramме Бадер прочитал:

«Сегодня, 16 января 1942 года, части 342-й пехотной дивизии вошли в Сребреницу, а усиленный 697-й полк 342-й дивизии прибыл во Власеницу, из которой четники согласно предварительной договоренности вывели свой гарнизон».

В отношении этой радиogramмы Бадер воздержался от комментариев.

В четвертой говорилось:

«На железнодорожной станции Пьеновац усиленный 1-й батальон 697-го полка 342-й дивизии внезапно атаковал так называемый шумадийский батальон партизанской бригады, в составе которого находился романийский партизанский отряд... В этом сражении уничтожено шестьдесят три партизана, в том числе Славиша Вайнер, именуемый Дядей Романийским, и командир шумадийского батальона Милан Илич — Дядя Шумадийский, Тело Вайнера повешено на привокзальной площади, с тем чтобы развеять миф об этом бандите».

Последняя радиogramма гласила:

«Под ударами наших частей противник непрерывно отступает. Батальоны так называемой Первой пролетарской бригады отходят в направлении Пале, Яхорина. В бригаде поддерживается строгая дисциплина и постоянная боеготовность, основанная на коммунистическом фанатизме. Считаю необходимым довести до сведения высшего командования, что во главе бригады стоят опытные командиры. Умело используя особенности местности, они ловко обходят наши засады и избегают окружения...»

Дочитав, генерал Бадер продиктовал две радиogramмы в войска. В первой, напоминая о строжайшей ответственности и серьезности создавшейся ситуации, он требовал принятия самых энергичных мер для скорейшего и окончательного уничтожения партизанской бригады. Во второй коротко упоминалось об ответственности за подачу неточной информации и содержались язвительные замечания насчет того, что если верить полученным донесениям, то в Югославии на сегодняшний день не осталось ни одного партизана.

Вечером генералы Бадер и Турнер уехали в Сараево, а оттуда на следующий день вылетели в Белград.

— Вы, кажется, хотели подольше побыть в войсках, господин генерал? — уже в самолете спросил Турнер у Бадера.

— Господин Турнер, я был бы вам очень признателен, если бы вы не совали нос в те дела, которые вас не касаются, — отрезал Бадер и повернулся к иллюминатору.

Турнер промолчал.

Через час они уже были на аэродроме в Земуне. Сев в автомобиль, Бадер как бы про себя зло пробормотал:

— До сих пор не удалось взять в плен ни одного партизана из этой проклятой бригады, какое уж тут «уничтожение»!

— Вы правы, господин генерал, — поспешил согласиться с ним Турнер, — пленные всегда предвещают близкую победу.

— Я чувствую, что после генерала Бёме, который, по его собственному выражению, «усмирил сербов», мы получили в наследство очень серьезного противника.

Всю оставшуюся часть пути до штаба они молчали...

17

Через Игман

Стояла тишина. Морозный воздух был неподвижен. Части Первой пролетарской бригады готовились перейти через реку Босна и Сараевское Поле. Вдали прогрохотал тяжело груженный немецкий состав. Авангард бригады находился уже у подножия ледяной горы...

Опустилась холодная ночь. Не переставая падал снег. Мороз усиливался, завывал ветер. Из-за сплошной завесы снега в двух шагах ничего не было видно. Очертания предметов сливались, все приобретало свинцово-

серую окраску. Обледеневшая одежда сковывала движения. По застывшему руслу Босны, скрытому высокими деревьями, кружились снежные вихри. Батальоны уже миновали болотистые места, пересекли шоссе, которая вела к Сараеву, и оказались в окрестностях города.

Когда несколько батальонов перешли железнодорожную насыпь, из метели вдруг вынырнул длинный состав. Партизанам даже не пришлось укрываться — за сплошной пеленой снега их никто бы не увидел. Иззябшие бойцы со злостью смотрели на ярко освещенные окна вагонов. Никогда еще не были они так близко от немецких солдат, домобранов и усташей, с которыми сражались уже несколько недель.

Партизаны не открывали огонь. Им было приказано только идти вперед, ни в коем случае не ввязываясь в бой. Два враждебных мира, две противоположные, непримиримые силы находились сейчас всего в нескольких десятках шагов друг от друга... Однако ничего не произошло... Немецкий поезд промчался мимо, следуя в Сараево, а партизаны продолжили свой нелегкий путь. Их целью был Игман — мрачная гора, темной громадой выраставшая по другую сторону горного ручья, из которого брала свое начало река Босна. Остроконечная вершина Игмана, окутанная сероватой дымкой, гордо вздымалась над теснящимися вокруг зубчатыми гребнями Бьелашницы и Яхорины... Крутые склоны Игмана казались совершенно неприступными.

У села Релево партизаны перешли шоссе и мост через Босну.

Батальон Гавроша шел по западному краю Сараевского Поля. Метель сильно затрудняла продвижение. Ориентироваться приходилось главным образом по компасу.

Начиналась самая трудная часть марша партизанской бригады. Около полуночи они добрались до подножия Игмана. Пока разведчики отыскивали наиболее удобный путь и авангард колонны прокладывал дорогу в снегу, бойцы батальона Гавроша собрались вокруг своего командира.

— Итак, мы переходим через Игман. По ту сторону лежит Фоча, которую нам предстоит освободить при поддержке дурмиторского отряда. Марш должен проходить организованно и в полной тишине. Подготовьтесь к переходу, обмотайте чем-нибудь уши, чтобы не отморозить. Не исключена возможность встречи с противником, так что надо быть готовыми ко всему. И главное — переход должен быть закончен к утру, иначе на этих голых склонах немецкая артиллерия накроет нас в два счета! Все время поддерживайте связь с соседними ротами и батальонами.

— Значит, может начаться бой? А у меня что-то затвор винтовки туго ходит, — сказал Гаврош, притопывая ногами от холода.

— Наверное, смазка замерзла, — бросила Рита.

— Да, да, — вспомнил командир, — выньте из оружия затворы и положите за пазуху.

— Ну да, чтобы их потерять, — пробормотал Шипя.

— А главное — берегите силы, — сказал командир.

Хайка, стоя чуть поодаль, беседовала с двумя бойцами. Они говорили, видимо, о чем-то веселом — все трое то и дело заливались смехом.

Рита толкнула Гавроша локтем:

— Что-то твоя Хайка на тебя даже не смотрит!

— А я не ребенок, чтобы меня постоянно опекать.

— Ну а как ты считаешь, права я или нет?

— Думай что хочешь...

— А ты-то сам как думаешь?

— Никак я не думаю.

— Жаль. У тебя на многое открылись бы глаза.

Гаврош усмехнулся:

— Достаточно и твоих глаз. Они ведь так заботливо следят за всем, что касается меня!

— А ты никогда не спрашивал себя, почему?

— Это уже другой вопрос.

— Другой! — с горечью повторила Рита.

— Как ты не можешь понять, — мягче заговорил Гаврош, — Хайка не состоит в партии, и ее никто бы не упрекнул, если бы она вместо того, чтобы воевать, осталась дома, однако она бросила все и пришла сюда... Неужели ты не понимаешь, что она сделала это из-за меня?

Рита опустила голову и, решив прекратить разговор, отошла в сторону. Но Гаврош считал, что еще не все высказал, и пошел за ней.

— Вообще говоря, твои намеки можно расценить по-разному...

— Я ни на что не намекаю, ты меня неправильно понял, — перебила Гавроша Рита.

Гаврош легко коснулся ее плеча и примирительно улыбнулся:

— А теперь я должен быть рядом с Хайкой.

— Скажи ей, чтобы она потеплее закуталась, — бросила Рита ему вдогонку.

Гаврош подошел к Хайке, остановился около нее. Мороз пробирал, казалось, до самых костей. Гаврош посмотрел вверх. Белый исполин поднимался высоко к небу, касаясь вершиной облаков. У Гавроша захватывало дух, когда он смотрел на обрывистые обледеневшие склоны. У подножия горы рос густой лес, на склонах его постепенно сменяли корявые низкорослые деревца и чахлые кусты.

Подошел комиссар бригады, внимательно оглядел строй и звучным голосом произнес:

— Товарищи, трогаемся! В пути не останавливаться, в сторону не сворачивать, только вперед!

Раздалась короткая команда, и колонна двинулась.

Бойцы, шедшие в голове колонны, часто сменяли друг друга, прокладывая остальным дорогу в глубоком снегу.

В бригаде было около пятидесяти раненых. Товарищи несли их на самодельных носилках.

Вьючные лошади, тяжело нагруженные боеприпасами и продовольствием, то и дело по брюхо проваливались в снег. Комиссар бригады, с обледеневшими усами, взобравшись на большой камень, поторапливал и подбадривал бойцов.

Дорога, извиваясь, поднималась в гору. Гаврош решил сократить путь и, разбежавшись, прыгнул на большой валун, выступавший из снега чуть в стороне от тропы, оттуда по камням без труда снова выбрался на тропу, только уже гораздо выше. Командир батальона, шедший за ним, хотел последовать его примеру, но поскользнулся на большом валуне, упал и провалился в снег.

— Дай-ка мне руку! — попросил он проходившего мимо Шилю.

— Что же это вы, товарищ командир? Сами же говорили, что надо беречь силы и соблюдать порядок.

— Ладно, ладно, давай!

Широко расставив ноги, чтобы не потерять равновесие, Шили протянул ему свою винтовку и, держа ее за ствол, помог командиру выбраться из снега. Отряхивая шинель, командир бросил на Шилю укоризненный взгляд: негоже, мол, делать замечания командиру батальона. Но у Шили на лице появилось такое ангельски-невинное выражение, что командир не выдержал и рассмеялся. Засмеялся и Гаврош, наблюдавший эту сцену сверху.

Завывала метель, снег залеплял глаза, упругий ветер мешал дышать. Гаврош оглянулся, чтобы посмотреть, как переносит подъем Хайка. Она шла, наклонившись вперед, навстречу ветру, лицо ее до самых глаз было обмотано толстым шерстяным шарфом.

Кони начали спотыкаться и падать, скользя по быстро обледеневающей тропе. Бойцы охрипшими голосами понукали измученных животных. Кто-то заметил, что на одном из вьючных седел плохо закреплен итальянский пулемет и его ствол бьет лошадь по голове.

— Ничего подобного! — закричал Шили. — Просто эти пулеметы рассчитаны не на наших коней, а на итальянских, вот бедняга и не может никак привыкнуть.

Все рассмеялись.

— Н-но!.. А ну вставай! — пытался поднять упавшую лошадь бородатый партизан. — Н-но, родимая! Ну давай!..

Упавшая лошадь вдруг судорожно рванулась, пытаясь встать. Звякнули, скользя по льду, подковы, но тяжелая поклажа тянула вниз, и животное, опрокинувшись на спину, заскользило к обрыву. Помочь бедняге было уже нельзя. С испуганным ржанием лошадь полетела в пропасть.

Но ничто не могло остановить партизан. Марш продолжался в прежнем темпе. Ночь казалась нескончаемой. Время словно остановилось. По колонне передали приказ идти осторожно, соблюдая полную тишину.

Хайка поскользнулась, упала, но, стиснув зубы, снова с усилием поднялась и заняла свое место в колонне. От долгой непрерывной ходьбы гудели ноги, мучительно ломило спину. Ни на минуту не отпускало острое чувство голода, вот уже несколько часов оно мучило ее. По мере того как они поднимались все выше в гору, в ней рождался и постепенно рос какой-то еще не осознанный, необъяснимый страх.

— Хайка! — позвал ее Гаврош.

Девушка откликнулась. Из-под закрывавшего рот шарфа голос ее звучал приглушенно.

— Как ты? Устала?

— Ничего, иду пока, — ответила она и тут же почувствовала, как земля уходит у нее из-под ног.

— Не жалеешь, что пошла с нами? — неожиданно для самого себя спросил Гаврош.

— Нисколько, вот только...

— Что?

— Только мне обидно... я падаю, а ты идешь себе впереди и даже не оборачиваешься. Когда Рита упала, еще там, внизу, ты сразу подскочил помочь... — Хайка, низко опустив голову, умолкла.

Гаврош не знал, что ответить, а Хайка ничего больше говорить не хотела. Пройдя в молчании несколько шагов, Гаврош наконец произнес:

— Как ни трудно — держись! И не надо так говорить... Ведь тебе отлично известно, что ты значишь для меня. Я буду постоянно рядом с тобой.

В эту минуту их догнал Шили.

— Ну как, Шили, держимся пока? — обратился к нему Гаврош.

— Держимся, — ответил тот, с трудом разлепив зацепившиеся губы.

— Ничего, мы знали, на что шли, — проговорил Гаврош. — Еще в Рудо Верховный главнокомандующий сказал, что нужно быть готовыми ко всему: и к голоду, и к тяжелым маршам, и к постоянным опасностям. Как-нибудь сдюжим, мы ведь коммунисты.

Налетел снежный вихрь и засыпал протоптанную в снегу тропу, словно ее и не было. Мелкий колючий снег облеплял лицо, забивался за шиворот. Порывы ледяного пронизывающего ветра ударяли в грудь, валили с ног.

Пали уже шесть коней. Партизаны сняли с них поклажу и понесли на своих плечах.

— Ну вот, а еще говорят, что конь выносливее человека! — проговорил Божо Божович, веселый, добродушный командир взвода, с которым Гаврош познакомился еще в Рогатице и к которому сразу привязался, почувствовав его простоту и дружелюбие. Этого человека отличали оптимизм и неизменное чувство юмора.

— До вершины уже немного осталось, — бросил Шиля, подняв глаза вверх.

— Откуда ты знаешь? Ведь ее не видно, вершину эту!

— А ты что, думаешь иначе?

— Утром будет полегче, — сказал Гаврош.

— Конечно, когда взойдет солнце, станет теплее.

— Мне иногда кажется, что оно уже никогда не взойдет!

— Кого-то оно и сейчас греет!

— Солнце светит для всех, — сказал Гаврош. — Меня всегда удивляло, как это солнечные лучи сохраняют свое тепло, ведь они проходят огромный, невообразимо огромный путь, прежде чем достигают нашей Земли...

— Завтра у нас будет горячий обед, — мечтательно зажмурившись, проговорил Лека.

— И рюмка ракии для согрева! — добавил Вучко.

Подъем был крутым, и колонна сильно растянулась. Бойцы шли тяжело, то и дело скользя и падая. Гаврошу показалось, что сзади кто-то стонет. Он обернулся, чтобы посмотреть, кто это, но разве можно было что-либо разобрать ночью в такую метель?!

Снова послышался стон... Гаврош не мог понять, действительно ли кто-то стонет или это ему только кажется. Он остановился, прислушался. Нет, ничего не слышно... Оглянувшись, он увидел, что Хайки нет рядом с ним, наверное, ушла вперед. Вдруг до его слуха донесся приглушенный женский голос, который, похоже, звал на помощь...

— Ты что остановился? — положил руку ему на плечо Лека. — Так недолго и отстать.

Гаврош, не ответив, снова посмотрел в сторону вершины Игмана.

— Гаврош, из-за тебя вся колонна остановилась! — крикнул Шиля.

— Сзади кто-то зовет, — сказал Гаврош.

— Никого там нет. Пошли, нельзя долго стоять на таком морозе, — подтолкнул Гавроша Лека. — Пошли. Вперед, товарищи! Не останавливаться!.. Только вперед!

Извиваясь, как огромная черная змея, колонна ползла по крутым склонам Игмана, то сжимаясь, то растягиваясь.

Гавроша нагнал Шкрбо Лабович, пулеметчик из горняцкой роты.

— Что, тяжело? — спросил Гаврош, пропуская его вперед.

— Пулемет все плечо оттянул.

— До пастушьей избушки осталось уже немного... Там нас ждут боснийцы, — послышался чей-то голос, и Гаврош узнал Зеку Войводица, партизана из 1-го батальона.

Зека отличился еще в первом бою с немцами. Зайдя в тыл наступающей немецкой роты, он неожиданными бросками гранат нагнал на немцев страшную панику и заставил их в беспорядке отступить.

— Какая там пастушья избушка! До нее еще топать и топать, — возразил Шиля.

— Ерунда! Игман по сравнению с моим Комовом — это все равно что котенок рядом со слоном! — бросил Зека.

— Мои ребята тоже из тех краев, — вставил Шкрбо.

— Ничего, как-нибудь заберемся, — сказал Гаврош. — В конце концов, боснийцы тоже не по воздуху туда прилетели.

— Верно, — поддержал его Войводица. — Раз смогли они, сумеем и мы.

Разговор утих. Гаврош отыскал глазами Хайку, которая теперь шла впереди, и ему вспомнились ее недавние слова о Рите. Он усмехнулся, подумав, что Хайка ревнует... Снова послышались какие-то неясные звуки, похожие на стон. Гаврош решил, что это, наверное, просто тихо перекликаются идущие сзади бойцы.

— Наверху находится дом старого Мозера. Этот немец поселился здесь после первой мировой войны да так и живет до сих пор, разводит чернобурых лисиц, — раздался чей-то голос.

— Не болтай зря, ни о каких чернобурых лисицах здесь никто и не слышал.

— Что вы заладили, лисицы да лисицы?! Какое нам до них дело? Наша задача — дойти. Выдержать.

— У меня глаза слезятся от ветра и снега.

— Ничего, это можно вытерпеть.

— Скоро мы останемся совсем без боеприпасов для минометов. Только что еще один конь сорвался в пропасть, а он как раз вез боеприпасы.

— Отобьем у немцев!

— Господи! — воскликнул кто-то. — Может ли кому-нибудь быть хуже, чем нам сейчас?

— Помогайте друг другу! — закричал командир батальона. — Как там раненые?

— Плохо. Им ведь тяжелее всего. Но мы сделаем все возможное, чтобы живыми доставить их в Фочу.

Тревожные мысли все больше одолевали партизан. Кто знает, дойдут ли они? А если и дойдут, то что ждет их там, на другой стороне Игмана?

Хайка опять упала... Поднявшись и отряхнув снег с одежды, она, как показалось Гаврошу, растерянно оглянулась, словно не зная, куда идти дальше.

В эту минуту мимо них пробежал командир батальона, поторапливая бойцов: скоро начнет светать.

— Откуда у него еще берутся силы бегать? — бросил кто-то из партизан.

— Да, промчался, будто не по горам лазил, а несколько дней отъедался и отсыпался!

Хайка между тем вновь заняла свое место в колонне. Гаврош теперь шел рядом, готовый в любую минуту подхватить ее — ему показалось, что она вконец обессилела и едва держится на ногах.

Неожиданно кто-то толкнул Гавроша в спину. Оглянувшись, он увидел Леку, который, словно только что очнувшись от сна и не понимая, где находится, растерянно уставился на Гавроша.

— Что с тобой? — спросил Гаврош.

— Веки страшно отяжелели, глаза сами собой закрываются. Наверное, я задремал на ходу, вот и налетел на тебя.

Идти становилось все труднее. У Хайки уже не осталось сил. Ей хотелось опуститься прямо на снег и, закрыв глаза, хоть несколько минут посидеть не двигаясь. Но она знала, что, если это случится, она уже не сможет подняться, а больше всего Хайка боялась стать обузой для своих товарищей. Она находилась в полузабытьи, ей казалось, что вокруг нее в воздухе извиваются противные скользкие шупальца, в любой момент готовые схватить и задушить ее. В ушах ее вдруг раздалось какие-то незнакомые голоса, чей-то хрипый смех, протяжные стоны. Затем все это так же неожиданно исчезло, и перед ней возникла картина из такого далекого теперь, довоенного прошлого. Было это два с половиной года назад. Она только что с отличием окончила гимназию, и родители отправили ее отдохнуть в чудесный пансионат, находившийся на берегу живописного горного озера. В тот день она шла по берегу и рвала цветы, радуясь их необыкновенной красоте и пьянящему аромату. Вот там-то она и встретила Гавроша... Через несколько дней, когда они вместе гуляли у озера, слушая веселый стрекот кузнечиков, им повстречались две девушки. Одна была небольшого роста, смуглая, темноволосая, с маленьким шрамом на лбу и родинкой возле губы; вторая — высокая, стройная, белокурая. Гаврош, видимо, уже знал этих девушек. Поздоровавшись с ними, он подвел Хайку:

— Познакомьтесь, это моя невеста!

Девушки с любопытством посмотрели на нее.

— Меня зовут Хайка, — протянула она им руку.

— Значит, невеста? — переспросила высокая.

Хайка покраснела от смущения.

— Вас ждет счастье. Вы оба такие красивые, — улыбнулась другая девушка. — Только...

— Что? — встрепенулся Гаврош.

— Только, если хотите сохранить свою любовь, уходите от этого озера!

— Почему? — удивленно спросила Хайка.

— А потому, что оно обращает в лед самый жаркий огонь любви.

Хайка посмотрела на нее с недоверием.

— Видишь вон ту гору, на вершине которой никогда не тает лед? Такой же лед покрывает сердца тех, кто приходит на берег этого озера, — серьезно сказала белокурая девушка.

— Зачем же вы сами шли сюда? — спросил Гаврош.

Девушки переглянулись, а потом смуглая ответила:

— Раньше, когда наши любимые были рядом с нами, мы сюда не ходили. И теперь, как видите, пришли одни. Дело в том, что наших женихов забрали в армию, а когда девушки разлучаются с любимыми, они, по нашим обычаям, приходят сюда и разговаривают с озером. Оно утешает их в трудную минуту. Только надо приходить в полнолуние. Видите, какое это странное озеро...

— И озеро с каждой разговаривает? — спросил Гаврош.

— Только с теми, кто верен своей любви.

— А как же оно... разговаривает? — поинтересовалась Хайка, не отводя взгляда от гладкой поверхности воды.

— Если оно спокойно, значит, все хорошо, тот, кого ты ждешь, жив и здоров, тоскует по тебе, ну а уж если вода волнуется, бурлит, то ничего хорошего не жди — беда идет... — очень серьезно ответила девушка с белокурыми волосами.

— А почему тогда озеро убивает любовь? — спросила Хайка.

— У нас говорят, что любовь — начало и добра и зла, — задумчиво произнесла темноволосая.

— Легенда рассказывает, — снова заговорила белокурая девушка, — что лет двести назад сюда пришли двое влюбленных. Родители были против их любви, и они, убежав из родного села, нашли пристанище здесь, в этих горах. Они распахали этот луг и на том месте, где сейчас озеро, построили дом. Но вскоре сюда пришла еще одна молодая пара, которая тоже вынуждена была покинуть свое село. Пришедшие попросили уступить им часть земли. Вот из-за земли они и поссорились. Женихи, горячие головы, схватились за ножи... В жестокой схватке погибли все четверо... Люди говорят, что так осуществилось проклятие, тяготевшее над ними с того дня, как они убежали из дома. Земля на этом месте расступилась, с гор побежали семь ручьев, и образовалось озеро.

— А они так любили друг друга! — добавила смуглая девушка.

— Да, за любовь иногда приходится платить дорого, — задумчиво проговорил тогда Гаврош...

«Может быть, и за нашу любовь нам придется потом расплачиваться», — думала Хайка, с трудом переставляя ноги.

На востоке уже занималась заря. Игман островерхой пирамидой уходил высоко в небо, вершина его терялась в темных облаках, спустившихся совсем низко. Через минуту все пропало в сплошной серой

круговерти неутихающей метели.

Предчувствие близкой опасности все больше тревожило девушку, и она, несмотря на все свои усилия, никак не могла преодолеть это состояние.

К ней подбежал запыхавшийся Гаврош.

— Я тебя зову уже целых десять минут, — задыхаясь, проговорил он. — Что с тобой?

— Ничего... Я просто задумалась. Мне почему-то вспомнилась наша та встреча... Помнишь, у озера?.. У рокового озера, — добавила она задумчиво. — Солнце уже садилось, а светловолосая девушка рассказывала нам об этом таинственном озере и советовала скорее бежать от него, если мы хотим сохранить нашу любовь...

В эту минуту с ними поравнялся Шиля.

— Доктор говорит, надо идти как можно быстрее, а то уже есть обмороженные, — сказал он.

— Еще бы, — пробормотал Гаврош, — такой мороз да ветер!..

Лека, видимо, тоже уже выбивался из сил. Нетвердым шагом он приблизился к Гаврошу и на миг оперся на его плечо.

— Господи, когда же конец? — вырвалось у кого-то.

— До победы путь долог, — ответил Гаврош.

— Держись, друг, — громко сказал Лека, — сейчас в смертельную схватку вступили две силы: великая сила прогресса и сила тьмы и реакции. И ты тоже принимаешь участие в этом гигантском сражении, так что надо выстоять, надо...

— Только бы эту зиму пережить, — прошептал Гаврош, — давно таких морозов не было...

— Мы обязаны победить, пусть даже враг многочисленнее нас и лучше вооружен, — продолжал Лека. — Конечно, победить его мы сможем только с максимальным напряжением всех сил, используя для борьбы даже самые малые возможности. Ленин высказал мысль о том, что в революции мелочей нет, что тактика борьбы рабочего класса должна быть построена на скрупулезном учете самых, казалось бы, незначительных мелочей, только тогда революция может одержать победу. — Лека закашлялся и умолк.

Гаврош взял Хайку за руку:

— Держись!

— Держусь! Обузой ни для кого не буду, — ответила она.

— Лучше уж умереть от пули, чем замерзнуть на этой проклятой горе! — поплотнее запахивая шинель, проговорил Шиля.

— Интересно, что делают сейчас моя жена и ребятишки?.. — раздался чей-то густой бас.

Гаврош глубоко вздохнул. Он снова с тревогой подумал об отце. Где-то он теперь?

— Сколько еще до этой чертовой вершины? И зачем нам вообще на нее залезать, наверное, можно было и вокруг обойти, — проворчал тот же бас.

Гаврош опять взял Хайку за руку.

— Быстрее, быстрее, товарищи, не задерживаться! — послышался голос командира бригады.

18

Новый ход Кейтеля

Когда генерал Литерс вновь прилетел в Белград с приказом Кейтеля принять от генерала Бадера командование войсками вермахта в Югославии, Бадер, с одной стороны, почувствовал облегчение, а с другой — страх, ведь он не смог справиться с этой проклятой бригадой, и неизвестно, что ждало его теперь...

Причиной замены Бадера Литерсом послужила неудача операций немецких и итальянских войск против Первой пролетарской бригады, а также разгром партизанами нескольких усташских гарнизонов. На другой же день после приезда генерал Литерс вылетел в Славонски-Брод и там сразу же организовал свой новый штаб. Старый опытный генерал вермахта, он в отличие от своих предшественников трезво и без предубеждений оценивал силу и значение Первой пролетарской бригады и партизанского движения в Югославии в целом. Во время двухчасовой беседы в Берлине с фельдмаршалами Кейтелем и Йодлем, стараясь всячески показать несостоятельность действий генералов Бёме, Бадера и Турнера, он между прочим сказал:

— Югославские партизаны — неплохие бойцы. Они могут с успехом воевать против наших регулярных частей и небольшими отрядами, и относительно крупными соединениями, такими, например, как эта пролетарская бригада. Не следует забывать и того, что они пользуются большой поддержкой у народа. Я считаю, что в создавшемся положении целесообразно широко применять против них тяжелую артиллерию, танки и авиацию. Ту часть населения, которая помогает партизанам, необходимо подвергать самым жестоким репрессиям...

— Что вы конкретно предлагаете, господин генерал? — спросил у него Кейтель, который несколько минут назад с воодушевлением рассказывал Йодлю, как встретился с генералом Уго Кавальеро, командующим 9-й итальянской армией. На этой встрече была достигнута полная договоренность относительно дальнейших действий итальянских войск в Югославии согласно рекомендациям фюрера и Муссолини.

Почтительно вытянувшись, Литерс быстро ответил:

— Я считаю, господин фельдмаршал, что на место генерала Бадера необходимо срочно назначить более решительного и энергичного человека!..

— Об этом мы уже говорили, — вмешался Йодль.

— Необходимо сменить и генерала Турнера.

— Что за человек этот Турнер? — спросил Кейтель.

— Подробная информация о нем содержится в моем докладе, — ответил генерал Литерс. — Это жалкий фантазер, который больше полагается на вдохновение, чем на стратегию. К тому же он критикан и корыстолюбец. Этот малодушный генералишка, к сожалению, довольно ловко водит за нос генерала Бадера, о чем я, впрочем, тоже сообщаю в своем письменном докладе...

— До перевода в Югославию он был в штабе наших оккупационных войск в Париже и тоже показал себя не с лучшей стороны, — вспомнил Йодль.

Зазвонил телефон. Йодль поднял трубку, долго молча слушал, потом коротко бросил: «Хорошо!» — и, повесив трубку, неторопливо подошел к длинному столу, стоявшему в центре кабинета. На столе была разложена большая карта Европы с нанесенными на ней границами третьего рейха. Йодль долго стоял, хмуро разглядывая нижнюю часть карты, где находилась Югославия. Он был невысокого роста, плотный, с аккуратно зачесанными назад поредевшими прямыми волосами. Глубокие морщины на крупном мясистом лице Йодля сейчас обозначились еще резче, в углу рта торчала давно потухшая сигарета.

— До сих пор нами еще не выполнено распоряжение фюрера перебросить две дивизии из Югославии на Восточный фронт, — негромко, как бы про себя, произнес он. Потом, повысив голос и обернувшись к Литерсу, добавил: — Господин генерал, этот вопрос мы должны как можно скорее снять с повестки дня!

Литерс и Кейтель тоже подошли к карте.

— Я никак не могу понять, что происходит с генералом Бадером, — полувопросительно произнес Кейтель. — Мы ведь так много ожидали от него, когда он был переведен в Югославию...

— Простите, господин фельдмаршал, но мне кажется, что то же самое можно сказать и о генерале Бёме, — заметил Литерс.

— Вероятно, Бадеру нужна была помощь, — проговорил Кейтель. Потом, вдруг о чем-то вспомнив, резко повернулся к Литерсу и быстро спросил: — Генерал Литерс, как я понял из вашего доклада, между различными нашими военными ведомствами в Югославии не существует никакой координации действий?

— Такой вывод был сделан на совещании в отеле «Авала», — ответил Литерс. — Бензлер и генерал Хорстенау выразили озабоченность подобным положением. Особенно это касается нездорового соперничества между абвером и гестапо.

— Старая история! — махнув рукой, бросил Кейтель. — Давняя свара между Канарисом и Гиммлером.

— В целом положение в Югославии, видимо, оставляет желать много лучшего, — заметил Йодль.

— Да, положение весьма тревожное, — подтвердил Литерс.

Кейтель принял за излагать свою старую концепцию политики, которую, по его мнению, следовало с самого начала войны проводить по отношению к Югославии. Он сказал, что после апрельской войны и капитуляции Югославии надо было вернуть власть старому правительству Цветковича — Мачека, заключить с ним пакт, а затем отвести из Югославии свои войска. Югославское правительство должно было дать обязательство в случае необходимости беспрепятственно пропускать через свою территорию дивизии вермахта. Он посетовал на то, что министр иностранных дел Риббентроп в свое время не сделал соответствующего доклада фюреру, и, подумав, добавил, что, возможно, еще не поздно сделать это сейчас.

Литерс нетерпеливо выслушал пространное разглагольствование Кейтеля и, когда тот закончил, заговорил:

— Господин фельдмаршал, ситуация в Югославии очень серьезная! Если срочно не принять самых решительных мер, нам может понадобиться еще около семи дивизий для умирения партизан. Насколько я понял, вы уже ознакомились с моим докладом?

— Разумеется, мы оба его внимательно прочитали, — ответил Кейтель.

— Как мне ни неприятно, — продолжал Литерс, — но я считаю необходимым добавить к изложенному в докладе следующее: генерал Бадер — человек поистине неуемных амбиций и вследствие этого никогда не признает, что он не в состоянии справиться с этой партизанской бригадой. Прошу прощения, но его руководство боевыми действиями, из своего кабинета просто возмутительно!..

— Вы, кажется, побывали в Загребе? — перебил его Йодль.

— Да, я провел там почти восемь дней.

— Вы встречались с генералом Хорстенау?

— Да, в Загребе и на совещании в Белграде.

— Вероятно, вам известно, что генерал Хорстенау шлет в Берлин доклад за докладом, в которых приводит массу недостатков и пороков режима Павелича?

— Да, я слышал об этом, — ответил Литерс.

— Как вы считаете, есть в этих докладах доля истины?

Литерс был совершенно уверен, что кровавый режим и зверские методы Павелича лишь способствуют пополнению рядов партизан, однако он не мог понять, что кроется за этим вопросом Йодля, а потому ограничился уклончивым ответом:

— Мне кажется, что генерал Хорстенау не совсем прав.

— Объясните, пожалуйста, — заинтересованно поднял на него глаза Кейтель.

— Я придерживаюсь того мнения, что «Независимое государство Хорватия» Павелича для нас полезнее в качестве пусть даже не очень надежного, но союзника, чем в качестве врага. В то же время, как мне кажется, не

следует сомневаться и в объективности оценок генерала Хорстенау. Еще во времена старой Австро-Венгерской монархии он долгое время жил в Хорватии и отлично осведомлен о местных нравах и политических течениях. В этом смысле его мнение — это мнение специалиста.

— Что ж, вернемся к докладу, — сказал Кейтель. — Я, собственно говоря, спрашивал вас не о том, кого, на ваш взгляд, из числа наших генералов в Югославии следует сменить, а о конкретных мерах, которые необходимо принять.

Кейтель прекрасно понял, чего добивается Литерс. Улыбнувшись уголками рта, он закончил:

— Что касается кандидатуры нового командующего нашими войсками в Югославии, то мы предполагаем послать туда с чрезвычайными полномочиями вас.

— Благодарю, господин фельдмаршал! — Литерс вытянулся и щелкнул каблуками.

— Сколько вам нужно времени, чтобы покончить наконец с партизанами? — спросил Йодль.

Литерс заявил, что сделает все возможное, чтобы в кратчайший срок закончить операцию по уничтожению партизанской бригады.

— Политически важно провести эту операцию быстро и решительно, подобно апрельской войне, — добавил он.

— И как вы предполагаете осуществить это? — поинтересовался Кейтель.

— В кратчайший срок закончим все приготовления и сразу бросим против этой бригады такое количество сил, которое обеспечит ее быстрое и полное уничтожение.

Так генерал Литерс оказался во главе семи дивизий. Немного позднее к этим семи прибавилась еще одна, дивизия «Принц Ойген», сформированная из банатских немцев, которой командовал генерал Артур Флепс. Кроме того, в подчинении у генерала Литерса оказались все домобранские, усташские и четнические подразделения. Генерал Литерс был одним из самых образованных и опытных генералов вермахта, однако сейчас он находился в затруднении, не зная, как поступить: дать хотя бы небольшую передышку частям, бьющимся с партизанами, или попытаться довести до конца операцию по уничтожению бригады, начатые Бадером. С одной стороны, он опасался, что эта передышка будет на руку самим партизанам, бригада пополнит свои ряды, наберется сил, а то, чего доброго, возникнет и еще какая-нибудь подобная ей бригада. С другой стороны, он прекрасно понимал, что его солдаты до предела измотаны бесконечным лазанием по горам в погоне за неуловимыми партизанами и им просто необходим отдых. Вместе с тем он помнил обещание, данное Кейтелю и Йодлю, покончить с бригадой не позднее мая.

На Славонски-Брод опустилась темная зимняя ночь. Генерал Литерс вышел из здания штаба в сопровождении своего адъютанта Нордена, «специалиста по еврейскому вопросу». Глядя на холодное, чистое небо, усыпанное звездами, генерал Литерс распорядился:

— Завтра же подготовьте приказ об отводе всех наших частей, действующих против бригады, на отдых.

— Слушаюсь, господин генерал! Я думаю, это правильное решение.

Литерс глубоко вздохнул. Его вдруг охватило ощущение какой-то умиротворенности.

19

Тяжелые испытания

Изнуренные долгой бессонной ночью и напряженным маршем, голодные партизаны, зябко кутаясь в плохо защищающие от пронизывающего ледяного ветра шинели и пальто, упрямо взбирались на гору. У многих начались галлюцинации...

Сколько Гаврош себя помнил, ему еще никогда не приходилось так явственно ощущать близкое и холодное дыхание смерти.

Он родился и вырос в Земуне, там же окончил школу, вступил в ряды Союза коммунистической молодежи, навсегда связав свою судьбу с революционной борьбой. И вот теперь стремительный вихрь революции занес его сюда, на Игман, где ему, возможно, суждено было остаться навсегда. «Почему именно здесь, на этой горе?» — спрашивал он себя. Конечно, выбирать не приходилось, но все же он предпочел бы погибнуть от пули в открытом бою, как отец и сын Ратинацы. Говорят: двум смертям не бывать, а одной не миновать. Что ж, пусть не миновать, но все-таки было бы обидно вот так просто замерзнуть здесь в снегу. Странно, прежде он так любил снег, всегда радовался ему... Гаврош считал себя человеком выносливым, способным быстро приспосабливаться к любым, даже самым тяжелым, условиям, но сейчас он начал сомневаться в себе: выдержит ли?.. Он привык никогда, ни при каких обстоятельствах не отступать от намеченной цели. Так неужели он сейчас изменит себе, неужели сдастся? А другие дойдут... Нет, никогда!

Эти мысли, возвращаясь снова и снова, мучили его не меньше, чем страшное изнеможение, от которого начинало мутиться сознание. Казалось, что всего два часа крепкого сна в теплой комнате вернули бы ему силы.

Между тем колонна партизан медленно, но упорно продолжала подниматься все выше. Гаврош шел, машинально переставляя ноги. Он находился в каком-то странном, полубессознательном состоянии. Перед его глазами возникли темные расплывающиеся круги... Гаврош тряс головой, тер глаза, но они не исчезали.

Гаврош был полон решимости идти, пока хватит сил. Он знал, что, если упадет и не сможет больше идти, товарищи понесут его на себе, как несли раненых и больных, но он не хотел, не мог быть ни для кого обузой.

Основное правило для партизан — взаимовыручка, Гаврош очень хорошо это усвоил. Когда-то давно, еще в первые дни пребывания в партизанском отряде, он даже хотел написать об этом заметку для первого номера партизанской газеты, которую тогда как раз собирались выпускать. Сейчас, вспомнив о своих «творческих замыслах», он грустно усмехнулся — до того ли было теперь?!

Гаврош шел и все пытался понять, действительно ли он слышит выстрелы, или это потрескивают от сильного мороза стволы сосен и елей.

Протоптанная в снегу тропа казалась бесконечной. Гаврош поглубже натянул фуражку и попытался отыскать глазами Хайку, от которой незаметно для себя отстал. Вот впереди мелькнул ее белый шерстяной шарф.

— Хайка! — позвал Гаврош и ускорил шаги.

— Я, кажется, уже больше не могу, — не оборачиваясь, еле слышно проговорила она, и ему показалось, что ее голос дрожит.

— Еще немножко осталось, потерпи, — с трудом шевеля посиневшими губами, проговорил Гаврош.

— У меня все время что-то мелькает перед глазами, — сказала Хайка.

— У меня тоже. И в голове шумит, как у пьяного.

Шиля сошел с тропы в сторону. Командир Вучко протянул руку, чтобы задержать его, но Шиля оттолкнул командира.

— Не трогай меня, мой трамвай подошел, я ехать должен! — закричал он, но потом вдруг замолчал, растерянно огляделся и снова занял свое место в колонне.

Люди шли все медленнее. Ноги больше не слушались, дыхание прерывалось. Метель как-то сразу прекратилась, и установилась мертвая, гнетущая тишина.

— А кто-то говорил, что здесь живет какой-то немец и разводит лисиц, — пробормотал Гаврош. — Помоему, тут никто и дня не проживет!

— Вот он, мой трамвай! — опять восторженно закричал Шиля. — Со звездой и красным флагом! Я всегда мечтал прокатиться на таком трамвае! Надо на всех трамваях нарисовать красные звезды с серпом и молотом!

— Пошли, Шиля, — потянул друга за рукав Гаврош. — У тебя галлюцинации. Сейчас это пройдет..

Настроение у всех было подавленное. Вдоль колонны пробежал пулеметчик горняцкой роты Шкрбо, спрашивая на бегу, не видел ли кто-нибудь командира бригады. Он был крест-накрест перетянут пулеметными лентами, на груди его висел ручной пулемет. О командире бригады ему никто ничего сообщить не мог, и он спешил дальше, в голову колонны.. Через минуту его голос раздался уже далеко впереди:

— Где командир бригады? Кто знает, где командир бригады?

В эту минуту Гаврош увидел, что Лека идет назад, пытаясь подбадривать измученных бойцов.

— Держитесь, держитесь, товарищи! — говорил Лека слабым голосом. — Еще немного, и мы одолеем эту чертову гору! Пронесем наше знамя! Держитесь!.. — Тут он запнулся, его лицо исказилось, как от боли, и он вдруг, захлебываясь, дико захохотал, как безумный. Смех его гулким эхом отдавался в скалах.

У Гавроша по спине побежали мурашки. Он почувствовал себя совершенно беспомощным. «Неужели и Лека? — мелькнуло в его мозгу. — Он, Лека, который всегда был одним из самых выносливых и мужественных!»

Подбежала Рита, ласково положила руку на плечо товарища и негромко сказала:

— Успокойся, Лека, не надо так...

Подчинившись ей, Лека замолчал и, резко повернувшись, быстро зашагал вперед.

— Смотри, послушался! — удивился Гаврош.

— Все-таки я комиссар! — улыбнулась Рита. — Между прочим, я думала, что это ты здесь шумишь.

Будто не услышав ее последних слов, Гаврош покачал головой и ответил с легкой улыбкой:

— Да, Рита, ты наверняка войдешь в историю нашей революции. Первая девушка-комиссар!

Она досадливо передернула плечом:

— Не говори глупости!

— А я вполне серьезно...

Шиля опять остановился.

— Вперед, товарищи, вперед! — раздался голос комиссара бригады. — Не останавливайтесь!

Колонна сомкнулась и в молчании продолжала свой путь.

Гаврош нетерпеливо поглядывал вверх, туда, где, цепляясь за вершину Игмана, ползли по темному небу облака. Далеко еще!.. Ему пришло в голову, что эти скалы никогда не видели такого количества людей. Гаврош шел тяжело, то и дело поправляя трущий плечо ремень винтовки. При этом он постоянно помогал Шиле и Хайке, поддерживая их, когда они были готовы упасть. Мысли его путались, вызывая в памяти далекие, казалось бы, давно забытые картины. Вспомнились родной город, Дунай, институт, замелькали лица старых друзей. Погрузившись в воспоминания, он на миг забылся и тут же, поскользнувшись, упал в снег. Гаврош выругал себя за рассеянность и дурацкие мечтания. И так каждый шаг дается с трудом, а он еще, видите ли, размечтался! Сначала Гаврош попытался отогнать давние полузабытые картины и далекие образы. Однако они вновь и вновь всплывали перед ним. Как ни странно, они помогли ему забыть об усталости, о морозе, не думать о том неизвестном, что ждало впереди.

Гаврош остановился и посмотрел вниз. Игман представился ему сейчас гигантским голубым айсбергом, медленно плывущим в молочно-белом тумане. Затем и айсберг, и туман, и протоптанная в снегу тропа исчезли,

и Гаврош оказался на белоснежном облаке, которое, легко покачиваясь, медленно плыло в голубой выси. Холодная неприветливая гора осталась далеко внизу. Вскоре Гаврош увидел себя над большим полем, покрытым яркими цветами. По краям поля росли подсолнухи и дикий виноград, а в самом центре голубело озеро. Гаврош понял, что это то самое озеро, на берегу которого он встретил Хайку. Оно ослепительно блестело в ярких лучах солнца. При дуновении легкого, ласкового ветерка, который приятно обвевал Гаврошу лицо, все внизу мягко колыхалось.

Потом поле с цветами и озером сменилось быстрыми синими реками со множеством водопадов. В речной воде он увидел отражение облака, на котором плыл. Вот внизу показалось какое-то кладбище с многочисленными белыми памятниками, окруженное высокими елями и кипарисами. Вокруг кладбища простирались сады и зеленые луга, на которых паслись стада овец и коров. Над лугами дрожало знойное марево.

Кто-то потянул Гавроша за рукав. Он очнулся. Перед ним стояла Рита и что-то ему говорила. Он ничего не понял, потому что в следующую минуту увидел людей. По широким улицам и бульварам, покрытым искрящимся на солнце снегом, шла колонна усталых партизан, а в этой колонне — и он сам. Неожиданно раздался звонкий топот копыт, и из-за угла вылетел прекрасный белый конь с длинной развевающейся гривой. В красиво расшитом седле сидел не кто иной, как отец Гавроша — Ратко Гаврич, в новой офицерской форме, в папаше с красной пятиконечной звездой. Он проскакав вдоль колонны, высоко подняв над головой в знак приветствия саблю. До Гавроша донеслись его слова: «Партизаны, пролетарцы, знаменосцы югославской революции!..»

На приветствие никто почему-то не ответил, колонна в молчании продолжала свой путь.

«Герои, освободители!..» — снова донеслось до Гавроша.

Гаврош, забыв об усталости, бросился за всадником, недоуменно оглядываясь на товарищей и не понимая, почему никто из них не ответил на приветствие его отца.

«Партизаны! — продолжал капитан Ратко Гаврич. — Вы не вычеркнуты из списка живых! Народы Югославии вечно будут благодарны вам за ваш подвиг!..»

Задыхаясь, не разбирая дороги, Гаврош бежал за отцом. Он из последних сил кричал, звал отца, но тот не слышал...

Очнулся Гаврош от сильного удара о ствол толстого дерева. Разбив в кровь лицо, он упал в сугроб. Двое бойцов помогли ему подняться.

Хайка, шедшая впереди, оглянулась.

— Кто-то кричал? — спросила она у Риты.

— Нет, не слышала, — ответила та.

— А где Гаврош?

— Ничего с твоим Гаврошем не делается.

— Я здесь, Хайка, со мной все в порядке, — отозвался Гаврош, вытирая кровь с лица.

Колонна продолжала свой путь.

20

Два генерала

Посредственным личностям не пристало искать славы, а если они и домогаются ее, то, как правило, не достигают успеха. Одаренные люди также стремятся к ней, но втайне, говоря при этом, что для них она не имеет значения. Чаще же бывает так: люди думают, что они почти достигли славы, но на деле это оказывается всего лишь иллюзией...

Когда генерал Литерс отдохнул и хорошо выспался после длительной поездки, он вызвал к себе генерала Бадера. Бадер подробно изложил Литерсу последние сведения относительно партизанской бригады и высказал предположение, что командует ею опытный человек.

— Почему вы так думаете? — спросил Литерс.

— Наверное, вы знаете, господин генерал, что бригада трижды ускользнула из наших рук, ловко избежав окружения.

— Это, господин генерал, не оправдывает провала ваших операций, — заметил Литерс, прищурившись.

— Я не ищу оправданий, господин генерал, — нахмурился Бадер. — Впрочем, вы сами увидите. Хочу только подчеркнуть, что я не напрашивался в преемники генералу Бёме! Меня назначили, и я честно исполнял свой долг!..

— Безусловно, враг очень хитер, и вы не сообщили мне ничего нового, — ответил Литерс — Однако, если учесть, что каждый наш солдат по своему опыту и вооружению равен трем партизанам, то в неудачах наших частей окажется виновен тот, кто руководит боевыми действиями из теплого кабинета. К тому же соотношение сил составляет по меньшей мере тридцать к одному.

Бадер промолчал. Теперь ему стало ясно, почему Литерс так вызывающе вел себя на совещании в отеле «Авала». Он взглянул на полковника Нордена, адъютанта Литерса. Полковник во время их разговора почтительно молчал, внимательно слушая. Это был плотный мускулистый человек, с загорелым лицом, со светло-кариими глазами, опущенными густыми черными ресницами. Его взгляд беспокойно перебегал с Литерса

на Бадера.

— Мне кажется, что из Белграда или Загреба вполне можно руководить всеми операциями, — снова заговорил Бадер. — Югославия страна небольшая...

— Во время проведения решающей операции по уничтожению партизанской бригады я буду непосредственно в войсках! — Свои слова Литерс сопровождал выразительной жестикующей.

— Славонски-Брод — городок маленький, знаете ли... и поверьте, у меня достаточно оснований, чтобы опасаться за вас: в окрестностях города орудует партизанский отряд, а тут еще эти подпольщики... — озабоченно проговорил Бадер.

— Солдату на войне, господин генерал, на каждом шагу грозит опасность, — заметил полковник Норден.

— Да, разумеется, — кивнул Бадер.

Они сели за стол и, склонившись над картой, стали обсуждать очередную операцию против партизанской бригады. Несколько рюмок ракии разрядили напряженную атмосферу, создавшуюся поначалу.

Прошел всего месяц со дня формирования Первой пролетарской бригады, но и Литерс, и Бадер вынуждены были констатировать, что за этот месяц инициатива перешла в руки партизан. Генерал Бадер заметил, что любая машина, если она слишком долго непрерывно работает, в итоге обязательно перегреется и остановится. Вероятно, нечто похожее произошло и с немецкой военной машиной в Югославии. Бадер напомнил, что на Восточном фронте сейчас тоже некоторая заминка и что фон Браухич снят с поста главнокомандующего сухопутными войсками.

— Вы, наверное, не очень-то хотели ехать в Югославию, господин генерал? — Бадер бросил на Литерса внимательный взгляд.

— Во всяком случае, если не удастся разгромить эту бригаду, фюрер не простит мне неудачи, — нехотя проронил Литерс.

— Как бы там ни было, считаю, что я честно выполнял свой долг! — повысив голос, произнес Бадер. — Возможно, вы, господин генерал, придерживаетесь иного мнения... Но я в ближайшие же дни вылетаю в Берлин, чтобы сделать подробнейший доклад о положении в Югославии.

— У меня и в мыслях не было упрекать вас в недобросовестности... — ответил Литерс.

— Каким, по-вашему, будет исход планируемой операции? — после паузы спросил Бадер.

— Бригада будет полностью уничтожена! — твердо ответил Литерс. — Если бы я не был уверен в успехе, то не приехал бы сюда. И я намерен кое-что изменить в тех порядках, которые вы здесь завели. Во-первых, буду посылать в Берлин доклады, основанные на фактах, во-вторых, буду лично руководить действиями наших войск.

Генерал Бадер поднял брови. Он не привык, чтобы с ним так говорили. Его самолюбие было ущемлено. Однако ответить он не решился.

— Вы что-то хотели сказать? — спросил Литерс.

— Нет, я просто подумал, что от неудачи никто не застрахован.

— Разумеется. Никто не знает, что будет завтра. Впрочем, возможно, это и к лучшему, — проговорил генерал Литерс.

Они выпили еще по рюмке.

Вошел унтер-офицер и стал накрывать на стол. На обед принесли вареное мясо, жареные дымящиеся сосиски...

Все это время Литерс не сводил с Бадера внимательного взгляда. Он думал о том, что если глаза действительно зеркало души, то хитрые бегающие глазки его собеседника отражают душу мелкую, но в то же время изворотливую. Этот чванливый генерал, кичившийся своей родословной, которая, кстати сказать, скорее всего, была фальшивой, никогда не вызывал у Литерса ни доверия, ни уважения.

— Чего стоит командир, бывает ясно только после боя, — изрек Бадер, аккуратно разрезая мясо.

— Вы правы, господин генерал, командиры, как и солдаты, проверяются только в бою, — вставил полковник Норден.

В камине догорали поленья. Литерс взял рюмку ракии, отпил немного, а оставшуюся жидкость выплеснул в камин. Ярко вспыхнул огонь.

— Вот видите, — задумчиво проговорил Литерс, — плеснешь немного — огонь только ярче вспыхнет. Чтобы потушить его, надо вылить, наверное, целую бутылку. Вот вам наглядная иллюстрация того, к чему приводят полумеры.

— Я понял вас, господин генерал, — сказал Бадер, — однако тушить огонь лучше всего водой...

Генерал Литерс встал и, подойдя к камину, принялся длинным железным прутом ворошить угли.

Генерал Бадер выпил еще одну рюмку, раздумывая, ответить Литерсу сразу на его выпады или махнуть на все рукой и постараться как можно скорее улететь отсюда в Белград, а оттуда — в Берлин. Лицо его было мрачным, он вспомнил тот нелегкий и отнюдь не прямой путь от лейтенанта до генерала, который ему пришлось пройти. Чувствуя себя как-то неуютно в этом большом сумрачном зале, Бадер с грустью сказал генералу Литерсу, который все еще стоял возле камина:

— Когда-то я был молодым и сильным... Меня любили и товарищи, и солдаты. Собственно, я и сейчас еще способен на многое, но почему-то для одних я стал вообще чужим, другие перестали мне доверять, в Берлине, видимо, считают, что я выдохся. Наверное, это участь всех стареющих военачальников...

— Вы позволили меланхолии овладеть собой! — усмехнулся Литерс.

В зал вошел худощавый офицер лет сорока, с улыбкой на бледном лице.

— Господин генерал, обер-лейтенант Крамер! Разрешите обратиться к господину генералу Бадеру? — вытянулся он перед Литерсом.

Тот молча кивнул, продолжая помешивать догоравшие угли.

— Что у вас, обер-лейтенант? — спросил Бадер.

— Господин генерал, вас просит к телефону генерал Турнер.

Бадер нахмурился и поспешно вышел в соседнюю комнату, где стояли телефоны. Вернувшись, он сообщил Литерсу:

— Весьма сожалею, но фельдмаршал Александр Лер ожидает меня в Белграде.

— Возможно, без вас здесь произойдут кое-какие перемены в командном составе, — сказал Литерс.

— Что ж, стало быть, не один я попал в немилость.

— Поверьте, я сделал все возможное, чтобы вас не сменяли.

— Вы хотите сказать, не сменяли до конца операции?

— Да, по крайней мере...

— До конца операции, я полагаю, и вы не продержитесь.

— Это почему? — вскинул брови Литерс.

— Да потому, что югославские партизаны — это не стая воробьев, на которых достаточно махнуть рукой, чтобы они разлетелись в разные стороны. Тут одной заменой командующего не обойтись.

— Посмотрим.

Бадер встал:

— Вынужден откланяться.

— Я провожу вас, — сказал Литерс и первым вышел из зала.

Они остановились перед домом.

— Желаю вам успеха, господин генерал! — сказал Бадер.

— Право же, мне жаль...

— Благодарю вас за то, что вы заступились за меня перед Кейтелем, и от души желаю вам успешного завершения операции.

— Я надеюсь отпраздновать победу вместе с вами в Белграде.

— Я слышал, что решено удвоить число наших дивизий в Югославии, так что вам и карты в руки, — ответил Бадер, растягивая губы в улыбке.

Литерс дотронулся до плеча Бадера:

— Я хочу вам сказать, господин генерал, что всегда очень уважал вас и как генерала, и как человека. Я не раз говорил, что нашим офицерам надо у вас учиться честному служению отечеству. — При последних словах он повысил голос, чтобы услышали стоявшие у машины офицеры. Затем уже гораздо тише, почти шепотом, добавил, лицемерно улыбаясь: — Уверю вас, что я приложил все усилия к тому, чтобы у Кейтеля и Йодля создалось о вас самое благоприятное впечатление.

— Я очень признателен вам за все, господин генерал. Постараюсь когда-нибудь отплатить услугой за услугу.

Рота автоматчиков, которая должна была сопровождать генерала Бадера, уже рассаживалась по грузовикам.

— Счастливого пути! — Литерс пожал Бадеру руку.

«Когда ненавидят враги — это понятно... — подумал Бадер. — Но вот когда свои же все время стараются подставить ножку... Впрочем, неудивительно: борьба за место под солнцем, сильные вытесняют слабых, каждый стремится уничтожить соперника...»

— Как бы там ни было, знайте, что я всегда на вашей стороне! — стараясь придать своему голосу как можно большую убедительность, сказал Литерс.

В слабом свете уличного фонаря он заметил, как по лицу Бадера скользнула печальная улыбка.

— Когда-то я говорил старым генералам, что мы, молодые, будем воевать лучше, чем они, что у нас будет первоклассная техника и огромная армия... Теперь я сам оказался в положении тех старых генералов.

— Вы имеете в виду то, что в моем распоряжении будет на две дивизии больше, чем у вас?

— Да, и это тоже. Вам дали две дивизии, а у меня все время хотели отобрать две для Восточного фронта.

Бадер еще раз пожал Литерсу руку и сел в свой черный «мерседес». Машины тронулись. Автомобиль Бадера сопровождали и двое мотоциклистов из охраны Литерса.

Словно в знак прощального приветствия, над колонной взлетели две ракеты, ярко вспыхнув в ночном небе.

Развалиясь на просторном сиденье «мерседеса», Бадер вспомнил во всех подробностях разговор с Литерсом и то, что ему предшествовало, и крепко выругался.

21

Дошли!

Если верно то, что есть люди, которые живут только прошлым, презирая настоящее, то так же верно и то, что в колонне Первой пролетарской, поднимавшейся на Игман, таких людей не было. Все помыслы и стремления идущих определялись идеалами революции, которой они себя посвятили, и были целиком обращены к настоящему, но в еще большей степени — к будущему...

На Игмане все было прежним: тот же холод, те же крутые подъемы. Ветер, казалось, дул со всех сторон сразу, швыряя в лица бойцов мелкий колючий снег.

Бойцы шли с огромным трудом, каждый шаг требовал страшного напряжения сил. Однообразный серый пейзаж на всех действовал угнетающе.

Гаврош брел, рукавом закрывая лицо от ледяного ветра, машинально, почти не сознавая, что делает, передавал по цепочке приказы командира...

Он вострепнулся, чуть не споткнувшись о Хайку. Девушка неподвижно лежала на снегу, ветер трепал конец ее белого шарфа, засыпал снегом.

Гаврош опустился на колени и тихо позвал:

— Хайка!

Она слабо шевельнулась.

— Что с тобой?

— Ничего, мне хорошо, — еле слышно прошептала она.

— А ну-ка вставай, замерзнешь, — пытаюсь поднять ее, заговорил Гаврош.

— Оставь меня, я больше не могу.

— Да что с тобой, Хайка?

— Я упала, — ответила она еще тише.

— Вставай, родная, вставай!.. То Шиля со своими трамваями, то Лека начинает сходить с ума, а теперь и ты не хочешь идти... Поднимайся, надо идти.

— Обмотай ей лицо шарфом, — посоветовал кто-то из бойцов, — а то щеки обморозит.

— Я же сказала: когда почувствую, что становлюсь вам обузой, брошусь вниз со скалы! — Хайка всхлинула.

— Не смей так говорить, до вершины уже рукой подать.

Гаврош помог девушке подняться, перебросил ее руку через свое плечо, и они потихоньку побрели вперед.

— Я упала, и у меня даже не хватило сил, чтобы вытащить руки из карманов, не говоря уж о том, чтобы крикнуть и позвать на помощь.

— Мне недавно привиделся отец на белом коне, я бросился за ним и так здорово ударился о ствол дерева, что упал и долго потом не мог подняться.

— Я споткнулась о камень и упала. Наверное, потеряла сознание... Не помню, что было потом. В груди теперь какая-то тяжесть...

— Потерпи еще немного...

— Никаких сил больше нет.

— Держись, вершина уже близко, а там, глядишь, и солнце выглянет, скоро отдохнем...

Хайка сняла руку с его плеча и пошла сама.

— Лучше бы мне было остаться на снегу... — прошептала она.

— Потерпи немного, совсем чуть-чуть.

Неожиданно перед ними как из-под земли вырос приземистый домик, полузанесенный снегом. Около двери стоял командир бригады. Он отправлял внутрь погреться и отдохнуть тех, кто уже не мог идти дальше.

Хайка отказалась войти в дом:

— Есть люди, которые устали больше, чем я. Пусть они и обогреются.

— Вот здесь старый Мозер разводил чернобурых лисиц, — послышался чей-то голос — Значит, мы почти пришли.

Хайка вздохнула с облегчением. «Теперь будет легче», — подумалось ей. Она остановилась и подождала Гавроша. Только сейчас она заметила, какие воспаленные у него глаза. Ей показалось, что он тоже едва держится на ногах. Гаврош стал горячо говорить ей, как под утро увидел в просвете между облаками небо, усыпанное звездами, Большую Медведицу и рядом с ней какую-то новую звезду. Хайка решила, что он бредит.

— Гаврош, Гаврош, очнись! — потрясла она его за плечо.

Словно действительно очнувшись от сна, он замолчал и удивленно взглянул на нее.

Игман, казалось, оцепенел в предутренней тишине. Резкий контраст белого снега и черных скал и камней в эти часы стирался, смазывался, все приобретало однообразную серую окраску. Временами казалось, что луна, солнце и звезды перестали существовать, что мертвая серость разлилась по всему миру. Ветви деревьев сделались пушистыми от инея, у бойцов заиндевели усы, бороды, брови, выбившиеся из-под шапок пряди волос.

Однако сейчас, когда самое трудное было позади, когда цель уже была близка, даже серое однообразие скал не казалось бойцам гнетущим. На их лицах появились улыбки.

Медленно наступал рассвет.

Шиля вдруг почувствовал странное равнодушие ко всему. Ему сделалось совершенно безразлично, дойдет ли он до цели, выживет или навсегда останется среди этих голых скал, занесенных снегом... Он сам испугался своих мыслей и начал ругать себя за слабость. Ведь Игман-то уже почти покорен! Самое трудное было позади, но борьба продолжалась, вступала в новый этап. Он — боец Первой пролетарской бригады, и ему ли впадать в отчаяние из-за двух бессонных ночей?! В этот момент с ним поравнялся пулеметчик горняцкой роты Шкрбо. Он куда-то торопился, хотя был так измучен, что его шатало из стороны в сторону. Шилю насторожили и

лихорадочный блеск в его глазах, и странные порывистые движения. «Этому, похоже, досталось еще больше, чем мне!» — подумал он.

— Шкрбо, что с тобой? — воскликнул он.

— Надо успеть!.. — без всякой связи, как показалось Шиле, ответил тот.

— Зачем зря тратишь силы?

— Мне надо поскорее найти командира бригады!..

Из группы бойцов вышел черноволосый худощавый человек с обледеневшими усами.

— Эй, товарищ! — окликнул он пулеметчика, — Я командир бригады.

Тот вытянулся перед командиром по стойке «смирно». Его лицо было почерневшим и огрубевшим от ветра и мороза, воспаленные глаза слезились.

— Товарищ командир, разрешите доложить! — Он качнулся. — Я вынес на вершину пулемет и много лент с патронами... Кто дойдет, пусть сообщит родным... Я из-под Печи... был столяром... — Голос его прервался. Было видно, что на ногах он держался страшным усилием воли; теперь же, сказав все, что должен был сказать своему командиру, он, не докончив фразы, замертво рухнул в снег.

Партизаны похоронили его на самой вершине Игмана.

Уже совсем рассвело. Начался спуск. Гаврош, Шилия и Хайка сошли с тропы в сторону. Их внимание привлекла высокая стройная ель, ветви которой сгибались под тяжестью снега. Вокруг нее метель намела большие сугробы, но возле ствола снега почти не было и образовалась небольшая ровная площадка, со всех сторон защищенная от ветра ветками и снегом. Место показалось им очень удобным для разведения костра. Они сбросили рукавицы и стали собирать сухие ветви. Закоченевшие пальцы плохо повиновались и уже даже не чувствовали холода.

Однако стоять было гораздо холоднее, чем идти, и мороз начал пробирать их все сильнее.

— Быстро разведем костер и позовем ребят погреться, а потом догоним колонну, — сказал Шилия, приплясывая на месте, чтобы не околеть.

— У меня нет спичек, — вдруг вспомнил Гаврош.

Шилия растерянно пошарил по карманам:

— У меня тоже.

— Пожалуй, нам лучше идти, — предложила Хайка.

Но Гаврош не хотел уходить. Он вытащил из кармана сложенный в несколько раз один из первых номеров «Борбы», который берег уже много месяцев. С трудом развернув негнушимися пальцами газету, он разложил ее на земле. Потом взял один патрон, вытащил пулю, а порох высыпал на газету. То же самое он проделал с другим патроном. Из третьего он только вытащил пулю, заткнул гильзу кусочком бумаги и зарядил ею винтовку. Шилия навалил на газету кучу хвои и сухих веток. Гаврош приблизил дуло винтовки к рассыпанному пороху и выстрелил, надеясь поджечь бумагу, однако выстрелом лишь смело с газеты весь порох, а бумага, конечно, не загорелась.

— Я же сказала, идем! — бросила Хайка и первая пошла догонять колонну.

— Вы что, с ума сошли? — подбежала к ним Рита. — Устроили тут стрельбу!

— Мы только хотели разжечь костер, — стал оправдываться Шилия.

— Этого еще не хватало! Хотите согреться — натритесь снегом.

Марш продолжался. Через некоторое время Гаврош вдруг снова остановился и окликнул Хайку.

Девушка не отозвалась. Она молча смотрела в одну точку прямо перед собой. Бахрома на ее шарфе превратилась в сосульки.

— Хайка, милая, погляди!

Она подняла голову. Еловый лес по обеим сторонам тропинки заметно поредел. А внизу, прямо перед ними, показалось небольшое село. Маленькие домишки были разбросаны по пологому склону. Хайка стояла и молчала, не веря себе, не веря, что они все-таки дошли.

Гаврош посмотрел в ее глаза. Ему так хотелось, чтобы она сейчас улыбнулась...

— Взгляни! — снова воскликнул он.

Она отвернулась, и Гаврошу показалось, что девушка плачет.

— Мы дошли! Понимаешь, дошли!.. Победили! — кричал он.

Хайка, не ответив, заторопилась вниз по склону. Гаврош и Шилия направились следом за ней.

В освобожденной Фоче, на берегу стремительной Дрины, Хайка, Гаврош и Лека довольно быстро пришли в себя после изнурительного перехода. С Шилей дело обстояло хуже. Он тяжело заболел, и только лекарства, нелегально доставленные скоевцами из Сараева, спасли ему жизнь.

Когда Шилия выздоровел и все четверо вернулись в свою роту, к Гаврошу пришел Горчин, который, как оказалось, уже давно разыскивал его. Он выглядел сломленным и подавленным. Обняв Гавроша, едва сдерживая слезы, Горчин прошептал:

— Брат..

Больше он ничего сказать не мог: перехватило горло.

— Что с тобой? — испугался Гаврош.

— Со мной-то ничего...

— Отец?!

— Он пришел в Меджеджу через два часа после того, как вы оттуда ушли.

— Его убили четники?

— Нет, усташи.

Гаврош нахмурился и отвернулся. На глазах у него показались слезы. Невдалеке он заметил Хайку. Девушка стояла, прислонившись плечом к одинокому тополи. Рядом с ней был Шиля, который, сгорбившись, глядел на пенистые волны быстрой реки.

Хайка шагнула к Гаврошу. Шиля тоже подошел к другу и положил руку на его плечо. Никто не сказал ни слова: все и без того было ясно.

Горчин опустил голову, руки его безвольно повисли вдоль туловища. По виду он был спокоен, но нетрудно было догадаться, чего стоило ему это спокойствие.

— Как это случилось? — спросила Хайка.

— Усташи схватили его в окрестностях Меджеджи, — негромко ответил Горчин. — Мне рассказывали, что, когда его расстреливали, он крикнул: «Да здравствует Первая пролетарская! Да здравствует свобода!..»

Налетел резкий северный ветер, взметнул клубы снежной пыли, зашумел в ветвях деревьев.

— Теперь ни один усташ от меня живым не уйдет! — сквозь зубы проговорил Гаврош.

— Еще бы! Недобитый враг — это все равно что не до конца потушенный пожар, — сказал Шиля.

— Да, мы отомстим! — подхватил Горчин. — Око за око...

Вечером Лека назначил Гавроша в караул.

— Сегодня Гавроша надо было бы освободить, — предложила Рита.

— Об этом не может быть и речи! — отрезал Гаврош. — Что я, не такой, как все?

Он стоял на посту, притопывая, чтобы согреться, и думал об отце. Вдруг со стороны моста через Дрину показалась группа людей. Громко разговаривая, они шли прямо к нему.

— Стой! — закричал Гаврош и взял винтовку на изготовку. — Кто идет?

— Верховный главнокомандующий.

Гаврош почувствовал, как заколотилось у него сердце.

— Верховный главнокомандующий, ко мне, остальные — на месте!

От группы отделился человек.

— Подождите, товарищи, — бросил он своим спутникам.

— Пароль? — спросил Гаврош.

— «Москва»!

— Правильно! Проходите!

Этой ночью Гаврош долго не мог заснуть...

Милорад ГОНЧИН
ПОЩАДЫ НЕ БУДЕТ

«Ты отомстил...»

Юноша вошел в комнату, поправил солому на полу и лег. Карабин он подложил под голову. Металл затвора приятно охлаждал щеку. А в висках молоточками стучала кровь. Этот стук отдавался в груди, в мозгу, будя беспорядочные, набегающие одна на другую мысли. Никак не утихало нервное возбуждение. В углах комнаты таилась жуткая, давящая тишина. И в этой тишине, казалось, все еще звучали жесткие слова недавнего короткого разговора, состоявшегося во дворе...

— Гайо, сколько у тебя патронов? — спросил Алекса, командир взвода.

— Пять.

— Хватит. Можешь их все потратить, — очень медленно, чуть скривив губы, произнес командир.

— Потратить... А на что? — удивился Гайо. Его глаза широко раскрылись, и стали видны белки, покрасневшие от недосыпания. — Что я должен сделать?

— Расстрелять...

Алекса, с кем бы он ни разговаривал, все неприятное выкладывал сразу, без всяких вступлений.

— Кого?

— Убийцу твоих сестер. Его привели сюда.

Гайо сжался в комок, чтобы не выдать себя дрожью, вызванной неожиданным приказом и приливом страха и отвращения. Не было сил разжать губы для следующего вопроса. Командир взвода между тем закончил:

— Будет справедливо, если именно ты приведешь приговор в исполнение. Когда стемнеет, отведи его к оврагу... — И Алекса, прихрамывая, неторопливо зашагал в конец двора и там присоединился к бойцам, которые стирали одежду...

Свернувшись в клубок на соломе, Гайо попытался сосредоточиться на воспоминаниях о недалеком прошлом. Радана-убийцу он ненавидел страшно, и ненависть переполняла все его существо... Он представил себе, как ведет Радана к тому оврагу за сельской школой, куда суровый партизанский суд отправлял тех, кто запятнал себя преступлениями против народа. Вот они доходят до оврага... Стальной зрачок его винтовки упирается в спину Радана... Но тут рука Гайо слабеет, палец медленно сползает со спускового крючка.

— Огонь!.. Огонь!.. Ну же!

Слова командира взвода, точно осы, жалят Гайо.

— Я не могу стрелять в связанного... Пусть его развяжут.

— Огонь! Я приказываю: огонь! — звенят в враге, скрытом густым кустарником, слова командира...

Гайо снова и снова возвращался мыслями к тому, что было. От тревожных, быстро сменяющихся видений начинала кружиться голова. Вокруг его темных миндалевидных глаз собралась паутина морщин, на скулах судорожно заиграли желваки. Он опять услышал причитание и плач тетки Марты — единственной свидетельницы надругательства Радана над Дренкой и Сенкой, а потом их убийства. Каждый раз, когда он слышал об этом, его охватывала ярость. В нем вскипала жажда отомстить, отомстить немедленно. Гнев и боль переполняли его. Сейчас ему пришло на память то, о чем случайно или намеренно не упомянул командир, а именно — что Радан изнасиловал Дренку и Сенку на глазах у их матери, а потом и ее заколол штыком. Соседка, видевшая все это, от ужаса потеряла сознание...

Гайо тряхнул головой, сощурился. Пушистые ресницы скрыли ненавидящий блеск его глаз. Снаружи в комнату вполз сумрак, тенью лег на белую поверхность стены. Застонали дверные петли, послышался голос:

— Гайо, вставай! Пора!..

Командир взвода стоял возле винтовок, составленных в козлы, положив руку на черные стволы. Юноша вскочил, вскинул на плечо карабин.

— С тобой пойдут Мичо Попович и Джорджо Тадич. Это не помешает. Радану и связанному нельзя доверять. Ну, давай, Гайо, тебя ждут! — Он легонько хлопнул его по спине и ощутил под ладонью острые

мальчишеские лопатки.

В ответ на лязг взводимого затвора в овраге захлопали крылья вспугнутой ночной птицы. Она неожиданно громко закричала, и это заставило вздрогнуть всех четверых. Потом один из партизан толкнул Радана вперед, выругался и презрительно сплюнул. По освещенной бледным лунным светом земле протянулись четыре неровные тени. За оврагом монотонно скрипело колесо заброшенной водяной мельницы. Зловеще зияла черная пасть ямы, над которой застыла сгорбленная фигура.

— У тебя есть какое-нибудь последнее желание? — задал обычный вопрос Мичо.

Радан ничего не ответил, даже не шевельнулся. Охватившее его ощущение близкой смерти притупило все другие чувства. Его невидящий взгляд был устремлен на комья земли по краям свежевырытой могилы.

— У тебя есть последнее желание? — повторил Мичо Попович.

Тишину нарушали тихие ночные шорохи.

— Гайо, давай! — крикнул Мичо и отошел в сторону.

Тадич тоже отступил назад и остановился за спиной юноши, напряженно ожидая, когда прогремит выстрел. Гайо старался сдержать лихорадочную дрожь во всем теле, которая мешала ему целиться.

— Ну, давай! — услышал он напряженный голос Тадича.

— Развяжите его. Я не промахнусь, даже если он побежит.

Тадич и Попович переглянулись. Они понимали, что Гайо хотел бы сейчас встретиться со своим врагом на равных, лицом к лицу, но в данном случае об этом не могло быть и речи. Они быстро развязали веревки на руках Радана. Дула двух автоматов глянули на него. Он, как и прежде, как будто все происходящее касалось вовсе не его, остался неподвижен, словно оглушенный бешеными ударами собственного сердца. Освобожденные от пут руки повисли вдоль туловища.

Из ствола карабина вырвалось яркое пламя... Гайо почувствовал на своем плече чью-то руку, до его слуха донеслось:

— Ты отомстил за мать и сестер. Пошли, Гайо...

Гайо перекинул карабин через плечо и тяжело шагнул. От нахлынувшей вдруг на него непомерной усталости тело будто свинцом налилось. Но он все же пошел, и пошел даже быстрее, чем сам ожидал, жадно вдыхая холодный ночной воздух.

Надпись на коре бука

Он больше не стонал. Кровь на ранке под левым ухом засохла, но была еще одна рана — в груди, не видимая под рубашкой. Он лежал на большом плоском камне под столетним буком. Его глаза смотрели туда, где была долина, окруженная хвойным лесом. Там стоял дом...

Неожиданно раненому показалось, что его кто-то зовет. Ясно и отчетливо слышался женский голос: «Чедомир, Чедо!» Он посмотрел вокруг. Никого не было... Откуда же доносился голос? Голова его соскользнула с винтовки и ударилась об острый выступ на камне, но боли он не почувствовал. Рядом валялось несколько мокрых от росы патронов. Боль от ранки под ухом распространилась на всю левую щеку, перекинулась на подбородок, голова отекала, отяжелела. За горой раздавались частые выстрелы, но он их не слышал. У него начинался бред.

Его ранило около полуночи. Он находился тогда немного выше места, где лежал сейчас. Немцы атаковали, свистели пули, слышались громкие гортанные выкрики. Партизаны из засады стреляли в направлении голосов и вспышек выстрелов.

Неожиданно к нему подполз сосед справа.

— Была команда отступить, дружок, — сказал он.

— Ты иди, я догоню! — ответил Чедо, решив сделать еще несколько выстрелов по приближающимся немцам.

Партизанский отряд отходил куда-то в темноту. Чедо поднялся, чтобы последовать за товарищами, и в этот миг почувствовал, что его будто обожгло под ухом. Он схватился рукой за скулу. Но щеке бежала кровь. И тут его ударило в грудь. Силы сразу покинули Чедо, и он тихо сел. Звать на помощь было бесполезно. Немцы находились уже рядом. «Надо остановить кровь», — подумал Чедо. Он вытащил из сумки тряпку, которая служила ему полотенцем, вытер ею лицо, потом сложил в несколько раз и, засунув ее под рубашку, прижал к ране. Делая это, он не чувствовал сильной боли.

Немцы спускались по тропинке ниже Чедо. Ясно был слышен стук камней, срывавшихся вниз. Звуки стрельбы раздавались теперь уже сзади. «Они прошли», — подумал юноша и затих...

Когда Чедо очнулся, он снова увидел долину и лес, окружающий ее. Все так же одиноко стоял дом, вокруг него не было ни души. Очевидно, жильцы покинули его, когда в округе начались бои.

Он дотронулся до ран. Невыносимая боль пронзила все его тело. Перед глазами Чедо появилась мать, седая, со впалыми щеками. Она сидела на сундуке у печи в их доме и печально смотрела на него. Подошел кот и начал царапать сундук. Мать схватила веник, замахнулась на кота, и он шмыгнул в приоткрытую дверь. Веник выпал из рук матери. Она подняла голову и с мольбой в голосе сказала: «Останься, сынок, со мной. Мал ты для борьбы. Боюсь я, голод и холод тебя там одолеют. Твой отец уже ушел... Он взрослый, ему и таскать винтовку за плечом. Останься хоть ты...» Слезы не дали ей договорить. Чедо какое-то время постоял около нее, потом пошел закрыть дверь. Он не переносил слез. «Обещай, что не пойдешь», — остановила она его. «Ну хорошо, не

пойду», — сказал он, чтобы ее успокоить. Но поздним вечером все же ушел, не попрощавшись...

Пока Чедо бредил, слетелось воронье, привлеченное запахом человеческой крови и мяса. На лицо Чедо упал солнечный лучик. Раненый тихо застонал и снова пришел в себя. Потрогал рану на груди. Тряпка вся пропиталась кровью. Он попробовал сдвинуться с места, но безуспешно, руки и ноги не повиновались ему.

Лежа на спине, он смотрел в бездонное голубое небо. Иногда над ним пролетали птицы. Это вернуло Чедо в детство. Он вспомнил, как, босоногий, со школьным ранцем, спешил однажды в школу, наступил на стекло и поранил пятку. Мальчик остановил кровь листьями подорожника, а затем лег в душистую траву и долго-долго смотрел в небо, на птиц, как сейчас. Ему казалось, что небо над головой такое же голубое, а птицы, летающие в вышине, — те самые птицы. Они прилетели из детства посмотреть на него, раненного. Он глубоко вздохнул, и от боли в груди чуть снова не потерял сознание.

— Далеко отсюда земля Козары, которая впитала первые капли моей крови, — прошептал он. — А это — Зеленгора!

Ему представилась классная комната начальной школы. Над низкими партами торчат остриженные головы мальчишек. Идет урок географии, учитель вызывает его к доске и говорит: «Покажи нам реку Дрина, куда она течет?» Вот тогда-то он впервые и прочитал на карте название «Зеленгора». После этого Чедо не раз мечтал о том, чтобы побывать на ней.

Прошлой ночью, поднимаясь на Зеленгору, он даже не вспомнил об этом...

Он понял, что умрет. Вокруг него на деревьях сидели вороны и терпеливо ждали его смерти. Юноша попробовал повернуться на бок. Слабый стон вырвался из его груди, приподнятая рука снова бессильно упала. Перед Чедо вновь возник образ матери. Ему захотелось, чтобы она обняла его, утешила. Из глаз его потекли слезы. «Если я здесь умру, — подумал он, — обо мне никто ничего не узнает. В отряде скажут: «Пропал без вести». — Он содрогнулся. — Почему меня не убило у всех на глазах? Все знали бы, что я погиб. А теперь буду числиться без вести пропавшим. Товарищи вернутся, но когда?.. Нужно, чтобы они знали, что со мной, тогда бы маме все рассказали», — лихорадочно думал он. Почти в беспамятстве, собрав последние силы, он дополз до самого ствола бука. Вытащил из кармана перочинный ножик и, преодолевая боль, начал вырезать буквы. Когда глаза его уже почти перестали видеть и нож выпал из обессиленной руки, на шершавой коре дерева осталась надпись: «Здесь умер Чедо Стакич, из Козары».

Через два года лесорубы нашли останки мальчика в истлевшей одежде, рядом заржавевший ножик, а чуть поодаль — винтовку. Вырезанные слова у основания ствола заросли, покрылись мхом, но все равно их можно было прочитать. Лесорубы опустили топоры и пилы, выпрямились, отдавая последнюю почесть бойцу народной армии. Потом похоронили его останки под буком, а на коре вырезали крупными буквами: «Здесь лежит боец Чедо Стакич, родом из Козары».

Золото Иуды

В долине уже длительное время стояла тишина. Из окопов было видно пустые дома, покинутые людьми. Бойцам надоело однообразное и утомительное наблюдение за рекой, разделяющей две воюющие стороны. Река была довольно широкой и глубокой. Когда солнце съедало утром молочно-белый туман, сквозь голубоватую дымку за рекой было видно концентрационный лагерь с длинными глинобитными бараками.

Уже несколько дней вечернее небо было чистым, видимость — хорошей, и там, за рекой, все отлично просматривалось. Илия, выделенный вместе с Бранко в боевое охранение, гадал вслух, увидев столб дыма над лагерем:

— Что же там может гореть?

— Да мусор, наверное, жгут, — махнул рукой Бранко, ощупывая карманы в поисках сигареты.

Ночь подкралась почти незаметно. Илия и Бранко повернулись спиной к реке и пошли к окопам, вырытым у некрутого косогора. Бранко недовольно проворчал:

— Тошно мне от безделья. Приказали вот окопы рыть. Партизаны — и окопы? Тут что-то не так, как надо... Как думаешь, Илия?

— На войне всякое бывает... — ответил Илия. — А знаешь, я не жалею. Постелешь немного соломы и полежишь себе. Как хочешь можно расположиться... И не холодно.

Появился месяц, стало светлее. Бойцы отряда выбирались из окопов и направлялись в сторону села, расположенного в километре от позиций. К Илие и Бранко подошел командир:

— Продолжайте наблюдение. Вы люди опытные, я вам доверяю.

Оба молча отдали честь.

— Да, сегодня ночью уже не вздремнешь. А как бы сейчас было хорошо поваляться на мягкой соломке! — мечтательно произнес Илия. — Пошли к реке.

— Зачем?

— Лицо ополоснуть...

— Пойдем мимо церквушки. Я о ней такое слышал...

— Убивали в ней, я знаю...

Они вошли в заросли крапивы. Она обжигала сквозь брюки. Бранко шепотом ругался. Наконец они выбрались на светлую полоску дороги. Осмотрелись, прислушиваясь.

— Кто-то идет, — прошептал Бранко.

Действительно, послышались приглушенные голоса... Илия и Бранко напрягли слух и зрение, мысленно проклиная лунный свет.

— А если это немцы? — тихонько спросил Илия.

— Будем молчать, пока они не пройдут... А после — напрямик, в село, сообщим нашим.

К ним приближались люди в какой-то непонятной полосатой одежде, похожей на пижамы.

— Исаак, мы правильно идем? — послышался голос одного из идущих.

— Мы идем точно...

Илия выдохнул воздух. Бранко приподнялся на локтях:

— Ты слышал, как он его назвал?

— А может, это кличка? — с сомнением произнес Илия.

Глаза партизан внимательно следили за фигурами, исчезающими за терновником.

— Исаак? Это еврейское имя.

— Давай остановим их? — предложил Илия.

— Не надо. Пойдем лучше напрямик к нашим окопам, что у дороги. Они все равно там будут проходить.

Через несколько минут, запыхавшись от быстрой ходьбы, они спрыгнули в окоп, вырытый у изгиба дороги.

Он был замаскирован ветками кустарника.

— Вот они! — прошептал Бранко. — Идут!

Люди в полосатой одежде приблизились настолько, что стала заметна их ужасающая худоба. Это были живые скелеты. Они хрипло дышали и с трудом переставляли ноги.

— Боже мой, да кто же это? — тихо спросил сам себя Бранко. — Во всяком случае, это не солдаты противника.

Илия громким голосом приказал неизвестным остановиться. Они испуганно сбились в кучу. Самый высокий, решившись, неуверенно спросил:

— В чьих мы руках?

Илия выскочил на дорогу и ответил:

— Мы партизаны!

— Наконец-то!.. Спасены!.. — произнес изможденный старик и протянул к ним дрожащие руки.

— Вы с того берега? — спросил Илия.

— Мы убежали из концлагеря. Два года там томились. Я — Исаак. А это мои друзья: Самуил, Яков, Берг и Соломон.

— А как вы перебрались через реку? — спросил Илия.

— День переждали в ивняке, осмотрелись, ниже по течению реки заметили лодку. В сумерках пробрались туда и отвязали ее. Нам повезло.

— Несчастные, — с сожалением произнес Бранко.

— Идемте потихоньку, — показал Илия на дорогу, освещенную лунным светом. — В село, к нашим...

Поев, бывшие узники уснули и проспали почти шестнадцать часов. Боевое охранение партизаны усилили. Позиции они заняли рано, потому что считали, что противник может начать атаку. Но день прошел спокойно. Под вечер высоко в небе пролетел самолет и скрылся за горами.

Бывших узников часто навещал Ратко, коренастый парень, с большими глазами, густыми бровями и высоким лбом. Ратко был разведчиком, и, естественно, появление беглецов его заинтересовало. Вообще, его интересовало все, даже самые обычные крестьянские дела и заботы, ну, скажем, сколько молока надаивают от коров, какой урожай надеются снять на черноземе под горой... Крестьяне полюбили этого темноглазого парня. Они считали, что он будет хорошим хозяином. И с женщинами Ратко умел поговорить об их нелегкой доле, о воспитании детей, ужасах войны. Иногда Ратко исчезал из штаба бригады, день-другой рыскал по селам, где не было партизан, останавливаясь в домах людей, преданных революции. Там он собирал многочисленные сведения, потом систематизировал их и самые важные сообщал командиру бригады. Все это вместе с информацией, добытой другими разведчиками, способствовало тому, что бригада атаковала противника всегда там, где он ее меньше всего ожидал. Ратко был смелым парнем, но не любил напрасного риска и никогда не преуменьшал возможностей вражеской агентуры.

Появление бывших узников не очень обрадовало Ратко. Опытный разведчик внимательно выслушал рассказ об их организованном бегстве из концлагеря. Эта история показалась ему не слишком убедительной. Особенно настораживали слова Исаака о том, как это было сделано. Их рассказ он никак не мог проверить, но надо было что-то предпринять. С чего начать? Забор, окружающий лагерь, был высоким, перелезть через него трудно. Как они сумели сделать это? А главное — почему за ними не было погони?

Когда бывшие узники немного пришли в себя, Ратко предложил командиру бригады Душану распределить их по отрядам. Все беглецы просились в один отряд, убедительно объясняли, почему они этого хотят, однако командир не соглашался сделать так, как они просили. Но старик Исаак уговорил их не противиться решению командира, потому что командир-де лучше знает, что делать. Они успокоились и согласились со стариком, которого, как видно, ценили и уважали.

— Командир разрешит нам встречаться и разговаривать. Отряды, как я слышал, расположены недалеко один от другого. И мы сможем переписываться, — проговорил в заключение старый еврей, чтобы окончательно убедить своих товарищей.

Исаак понравился командиру бригады Душану своим спокойствием, рассудительностью, Учитывая возраст старика, Душан оставил его при штабе. А Самуила, Якова, Соломона и Берта направили в другие отряды.

Ратко решил все-таки присмотреться к старику, поближе сойтись с ним. Исаак неохотно отвечал на вопросы о своем прошлом, недоумевая по поводу того, что кому-то хочется об этом знать.

Шло время. Исаак, работая на кухне, старался завоевать расположение командира бригады Душана.

Он делал это постепенно, боясь показаться назойливым. Когда в штабе не было срочных дел, Исаак заходил побеседовать с командиром о разных мелочах. Как-то Душан спросил Исаака, получает ли он вести от товарищей, с которыми бежал из концлагеря.

— Да, мы переписываемся, — охотно ответил старик.

Ратко тоже слышал о переписке, слишком частой, почти ежедневной. И это вызывало у него подозрение. О чем они так много пишут? Не такие уж они близкие люди, чтобы так часто писать друг другу.

Исаак был осторожен. Прочитав письмо, он сразу его сжигал, а потом что-то записывал в маленькой тетради. Повар Мирко, неграмотный, но наблюдательный парень, как-то спросил его:

— И что это ты, старик, все записываешь?

— Я веду дневник, чтобы не забыть тяжелых, но таких дорогих для меня дней борьбы за новую жизнь. Потом это будет неоценимо.

— Может быть... Господи, а я не умею писать! Если б умел... А впрочем, кто знает, стал бы я писать о нашей скромной пище или нет? Какой истории нужна наша теперешняя бедность? Да и о чем писать? Все одно и то же: варишь еду, драишь котлы да прислушиваешься к перестрелке, когда идет бой. Вот и все, ей-богу. Неужели для тебя это так важно?

— Я уже сказал, — произнес старик неохотно. Ему, видно, казалось недостойным делом говорить о войне и истории с человеком, не видящим дальше своего носа.

Стемнело. Под навесом плясали отблески пламени из печки. Исаак раскрыл тетрадь, стал что-то записывать и размышлять. Мирко возился у котла, в котором булькала похлебка. Вошел Ратко, поздоровался с ними. Карандаш в руке Исаака задрожал.

— Как дела, товарищ Исаак? — спросил Ратко.

— Хорошо, очень хорошо.

— Пишешь товарищам?

— Нет, веду дневник. Записываю все, что мне кажется заслуживающим внимания.

— Интересно было бы посмотреть, — усмехнулся Ратко.

— Пожалуйста, я могу прочитать, — старик нагнулся к яркому пламени, сощурил глаза и начал читать: — «В штабе все по-прежнему. Сегодня мы ели фасольевый суп. Мне написал Самуил. Он в третьем отряде, который расположился в Междуводье...»

— Подробно пишешь, — прервал его чтение Ратко.

Старик поднял голову, его губы растянулись в улыбке.

Ратко быстро встал, пожелал всем спокойной ночи и ушел.

На следующий день командир бригады Душан вел с Исааком такой разговор:

— Приветствую тебя, товарищ Исаак!

— Здравия желаю, товарищ командир.

— Есть ли что нового?

— У меня — ничего!

— А меня мучает одна проблема, — вздохнул командир.

— Какая?

— Лекарства в госпитале кончились. И денег нет, чтобы купить их в городе. Там есть наши люди.

— Денег... — повторил старик.

— Последние израсходовали...

— Я бы помог, но... — заколебался старик.

В глазах командира вспыхнул немой вопрос. Душан подошел к Исааку поближе.

— Есть у меня золото... — сказал Исаак. — Зарыто оно. И далеко вато.

— В каком месте?

— В городке Ш. За два дня до ареста я спрятал там золотые монеты.

Командир прикинул расстояние и оценил ситуацию.

— За одну ночь ты мог бы пробраться в Ш., — подумав, сказал он.

— Мог бы, — ответил Исаак.

— Хорошо, но слишком велик риск. Для меня жизнь человека куда дороже, чем кувшин с золотом, — сказал командир, и по лицу его пробежала тень.

— Моя жизнь? Кому она нужна?.. А без лекарства многие раненые и больные могут умереть. В Ш. я знаю каждый двор и огород, смогу легко спрятаться. Меня только одно беспокоит: я зарыл золотые в своем саду, но теперь этот сад мне не принадлежит. Перед арестом я продал и лавку, и дом, и сад. Откуда я знаю, что там сейчас? Но я все-таки пойду. Только переправьте меня через реку.

Командир внимательно смотрел на старика. Казалось, что только сейчас он по-настоящему оценил его.

— Тебе нужно переодеться, — сказал Душан Исааку.

— Хорошо. Я все сделаю как надо.

Под вечер старика повели к берегу реки. Его сопровождали Бранко и Илия. Неожиданно в стороне лагеря застучал пулемет.

— В это время оттуда часто доносится стрельба, — сказал Бранко и вопросительно посмотрел на Исаака.

— Да, там расстреливают, когда опускаются сумерки.

— И кого расстреливают? — любопытно спросил Илия.

— Берут подряд...

— А если возникнет паника?

— Из лагеря выходят спокойно. Люди надеются.

— На что?

— На побег. Об этом они постоянно мечтают. Но мечтать — одно, а осуществить мечту — совсем другое.

— А тебе не страшно переправляться туда, через реку?.. Тебя могут поймать.

— Немного страшно, но... Я получил задание, вы же слышали...

— Вот мы и пришли, — проговорил Бранко, подходя к воде.

Исаак неловко шагнул в лодку, за ним последовали Илия и Бранко. Весла погрузились в воду, и лодка плавно тронулась к противоположному берегу.

— Не бойся, старик, все будет хорошо.

— Я и не боюсь.

Через несколько минут лодка тихо ткнулась в противоположный илистый берег.

— Послезавтра в девять вечера будь здесь. Мы приплывем, — сказал на прощание Илия.

— Если не приду, то ждите меня на следующий вечер в то же время, — произнес старик и исчез в густой осоке.

Старик вынырнул из мрака и прижался к стволу вербы. Лодка напоминала лениво подплывающее водяное чудовище. Исаак был удивлен — в лодке сидели командир бригады Душан и разведчик Ратко. С трудом преодолев несколько метров вязкого илистого дна, он забрался в лодку и сразу сказал, что поход его оказался неудачным.

Командир мрачно вздохнул:

— Значит, ты не нашел золота?

— Мне не хватило времени. Все это не так-то просто... Вот немного бумажных денег. Я спрятал их в соседнем доме, — объяснил Исаак, протягивая деньги.

Ратко пощупал их. Совсем новые, не мятые. Не похоже, чтобы они были в обращении, а потом лежали в тайнике. «Хитрит старик», — решил Ратко.

Четыре дня спустя отряды бригады подверглись сильному удару артиллерии и авиации противника. Много бойцов было убито. Погиб Илия, а Бранко был ранен. В госпитале прибавилось раненых.

А старик снова ушел искать золото. Так же, как и в первый раз, через реку его переправили двое бойцов.

Старик выбрался из лодки и пошел по знакомой ему тропинке. Он не заметил, как, прижавшись к стволу тополя, за ним пристально наблюдает Ратко, переправившийся через реку заранее. Разведчик решил проследить за стариком.

Исаак шел по лесной тропинке, почти не оборачиваясь. У самого городка он вышел на открытое место, приблизился к вражескому посту. Прозвучал пароль, состоящий из одного слова.

Ратко внутренне был готов к этому. Укрывшись за кустами, он ждал, что будет дальше. Через несколько минут к Исааку подошел высокий офицер в очках, в фуражке, сдвинутой на затылок. Он похлопал Исаака по спине. Затем офицер и Исаак удалились. Больше Ратко делать здесь было нечего. Плюнув от злости, он пошел к реке, потрясенный предательством старика.

В возвращении старика Исаака Ратко не сомневался. Хозяева снова его пошлют, им нужна информация. Оставалось одно — ждать.

Весь день Ратко не находил себе места. Время для него будто остановилось. Наконец солнце скрылось за горизонтом, наступили сумерки.

Мысли Ратко прервал скрип двери. В избу вошли двое разведчиков. За ними — старик Исаак. Он улыбался...

— Можете идти, — сказал старик разведчикам. — Зайдите в комнату командира, скажите ему, что товарищ Исаак прибыл.

Вскоре в дверях показался командир бригады. Он поздоровался с Исааком и спросил:

— Ну что, на этот раз нашел, товарищ?

— Нашел.

— Показывай.

Исаак вытащил из-за пазухи мешочек, похожий на серую мышку, и вытряхнул его содержимое на стол. Во все стороны покатались золотые монеты. Их было десять штук. Старик стал ловить их и сгребать в кучу.

— Маловато что-то, — проговорил Душан.

— Нашел только маленькую коробку. В следующий раз постараюсь найти остальные.

— Хорошо, — сказал командир и вышел из комнаты.

Ратко испепелял глазами Исаака, его мышцы превратились в стальную пружину. Он дал волю своей злости и так ударил по дубовому столу, что золотые монеты слетели с него и раскатились по углам.

— Что такое?! — испуганно вскрикнул Исаак.

— Неправду говоришь, старик!

— Не понимаю!

— Твои золотые — жалкая плата за кровь наших товарищей. За их жизни!

Исаак хотел вскочить.

— Тихо, старый обманщик! Предатель! Иначе...

Старик весь сжался, сгорбился.

— Выкладывай все по порядку! Про твой побег... И про остальных...

— Я подлец... Я хотел признаться, но боялся... Гестаповцы узнали, что до войны я сотрудничал с полицией, и начали шантажировать меня. Я все расскажу... Поверьте, я горько раскаиваюсь...

— А остальные? Они знают о твоих делишках?

— Абсолютно ничего. Они думают, что им на самом деле удался побег...

— Связной! — крикнул Ратко.

В комнату влетел парнишка и стал навтыяжку.

— Свяжи этого!.. И скажи дежурному, чтобы он передал командирам отрядов, пусть пришлют остальных беглецов.

— Есть!

Наступила ночь.

Утром Самуил, Яков, Берт и Соломон с ненавистью смотрели на старика. Потом раздалась команда, и они повели его к просеке в лесу, чтобы исполнить приговор. Вскоре по лесу пронеслось раскатистое эхо от выстрела, Правосудие свершилось...

Мародер

На Томашицу опустились декабрьские сумерки.

Командир батальона Первой пролетарской бригады Боркан, черноволосый и сухощавый, сидел за столом, мучительно пытаясь составить хоть сколько-нибудь приличное донесение о боях, которые уже много дней вел его батальон. Тут же ждал связной из штаба Новица, веснушчатый мальчишка, с узким лицом и мягким пушком на щеках.

— Не получается, друг ты мой, как надо, — признался командир и отложил ручку.

— Ничего не поделаешь, в штабе бригады ждут донесения, — с подчеркнутой серьезностью ответил связной. Он ходил взад и вперед по просторной комнате, выжидательно поглядывая на командира.

Тот снова со вздохом взял ручку и начал тихо бубнить под нос, словно разговаривая сам с собой:

— «Нами подорван немецкий товарный поезд. При этом погиб комиссар Обрад. Тело комиссара на свободную территорию не вынесено. Фашисты здорово нам всыпали, подоспев из Майдана. Тогда я решил, что надо спасать живых, а павшего товарища комиссара мы спрятали в ивняке. Признаю свой промах, но деваться было некуда. Сейчас, воспользовавшись темнотой, я послал нескольких бойцов, чтобы они нашли и вынесли тело комиссара. С минуты на минуту жду их возвращения. С ними пошел Никола, член комитета из деревни Мандичи, который, кстати, был выбран как раз по предложению покойного Обрада. За него голосовала вся деревня. Никола взялся незаметно провести бойцов до того ивняка. Думаю, они проберутся, потому что немцы отошли назад от насыпи. Утром ожидаем карателей...»

— Готово? — нетерпеливо спросил Новица.

— Почти...

В дверь постучали. Сначала внутрь просунулась чья-то красная от мороза рука, потом дверь распахнулась, с треском ударившись о стену. Командир вскочил, рука его привычно потянулась к кобуре, но замерла на полпути. Вошедший отрапортовал:

— Командир взвода Гойко Роквич. Задание выполнено. Мы захватили и одного мародера. Застигнут на месте преступления. Свидетели — сопровождавшие меня Асим и Мочо.

— Кого он обирал?

— Покойного товарища комиссара Обрада. Снял с него гимнастерку и вывернул карманы брюк.

Услышав это, командир онемел и судорожно сжался.

— Я могу идти? — прервал тягостное молчание связной Новица.

— Вот тебе донесение. Скажи в штабе, что товарища комиссара мы сегодня ночью похороним.

Когда связной ушел, Боркан повернулся к взводному Роквичу и приказал:

— Введи мародера!

Роквич поправил пояс, на котором висело штук пять ручных гранат, и вышел из комнаты. Через несколько секунд он ввел сгорбившегося человека. Боркан взглянул вошедшему в лицо и пораженно прошептал:

— Да это же Никола, проводник! Как опозорился!

— По недомыслию, товарищ командир... — плаксиво пробормотал старик с обвисшими свалывшимися

усаами, чуть кося глазом.

— Не вилай! Мародерство у нас запрещено и сурово наказывается! И ты это хорошо знал, Никола!

— Оно, конечно, знал, но ты пойми... Ведь старику неоткуда взять одежду... Я думал снять с убитого немца, но, на свою беду, наткнулся на нашего товарища. Я поначалу не разобрал... Теперь так казнюсь. Веришь ли, сердце болит...

— Не ожидал от тебя, Никола. Член комитета, уважаемый человек... Позор!

Голос командира заполнил всю комнату, вероятно, его было слышно даже на улице. Никола съежился и закрыл лицо руками. Ему казалось, что он легче вынес бы пощечину. Что угодно, только не это. Совсем недавно он был уважаемым человеком, отныне уже не будет. А когда ты опозорен, говорить труднее всего.

Молот командирского кулака поднимался и опускался над столом, грозя опрокинуть керосиновую лампу. Но вот командир примолк, а потом, точно раздумывая, спросил:

— Ну, Никола, что нам с тобой делать?

— Убейте! Лучше уж умереть, чем вот так...

Из горла старика вырвался стон, голос прервался. Он беспомощно взмахивал руками, глаза его налились кровью.

— Нет, Никола, мы тебя не убьем, хотя ты и совершил преступление. Соберем народ, пусть люди узнают, что ты сделал... Роквич, поднимай бойцов. А потом будите жителей деревни. Пусть все видят этого...

Николу захлестнуло отчаяние, Он впился ногтями в свои щеки...

Батальон ждал приказа о передислокации. Утром надо было выходить. Боркан хмуро молчал и, засунув руки в карманы брюк, безостановочно ходил по комнате. В глазах его застыло отвращение. Уж слишком тяжким было разочарование в человеке, в честности которого он был абсолютно уверен.

Никола выпрямился. В какой-то миг ему показалось, что командир смягчился, что он изменит наказание и, возможно, плюнув, просто выгонит его вон.

Молчание становилось невыносимым. Лампа мигала, по стенам раскачивались тени. Казалось, что вся комната погрузилась в дремоту. Только в Николе и Боркане все было напряжено, натянуто, беспокойно. Боркану почудилось, что они дышат в такт, глубоко и учащенно. Это ему не понравилось, и он стал контролировать вдохи и выдохи, стараясь подчинить дыхание своей воле. Однако тут же понял, что занимается ненужным делом. Он опустил на стул неподалеку от керосиновой лампы. На шершавый, изрезанный кухонным ножом стол лег лист бумаги, бережно хранимой и употребляемой только для донесений в штаб. Ладонь без нужды начала его разглаживать, ощущая под ним неровность поверхности стола.

Белое пятно, резко выделявшееся на темном фоне, словно магнит, притягивало взгляд Никола. В голове его носились тревожные мысли: «Что командир задумал? Небось настроит донесение, чтобы меня совсем опозорить. Пошлет в штаб бригады. Ну и пускай. Чтоб его!.. — Ругательство уже готово было слететь с его пересохших губ, но он вовремя до боли прикусил язык. — ...Как Боркан не понимает, что и самый сознательный человек иногда может ошибиться?! Потому он и зовется — человек, а не святой! Охо-хо!»

Командир повернул к нему голову. Никола замер, ожидая нового града упреков. На лице Командира мелькнуло что-то похожее на улыбку, правда презрительную, но все же Николе от этого стало легче. Затем руки командира шевельнулись, правая потянулась к авторучке.

Что он будет писать?

Никола, шагнув вперед, вытянул шею, пытаясь заглянуть через плечо Боркана. Это ему удалось, хотя от напряжения у него даже задрожали ноги. На бумаге появились странно большие, жирные буквы. Никола не мигая смотрел на них, пытаясь понять, что пишет командир. И когда из этих букв сложилось слово «Мародер», Никола решил спросить:

— Зачем это?

Боркан неторопливо помахал листком, чтобы скорее высохли чернила, и сказал:

— Узнаешь, когда придет время.

В его голосе уже не слышалось злобы, но Николу это не успокоило.

Вошел командир взвода Роквич. Вместе с ним в душную непроветренную комнату ворвался свежий утренний воздух. Роквич вытянулся по стойке «смирно» и доложил:

— Наши все собрались, подходят деревенские. Мы их еле добудились. Они перепугались, думали, немцы наступают, хотели бежать. Мы кричим, что будет сходка, а они не понимают. Старики говорят, что добрые люди в такую рань только на пасху встают. Однако подходят. Я могу идти, товарищ командир?

— Останься, Роквич. Эту бумагу прицепи вот здесь. — Он пальцем показал на грудь Никола, где надо было прикрепить листок со словом «Мародер», и сразу же вышел, чтобы не видеть смертельно бледного лица Никола и его отвисшей важней губы цвета спелой сливы. Он остановился на крыльце и, прищурившись, посмотрел на восточную сторону неба, где уже занималась заря. За плетнем стоял часовой. На винтовке тускло поблескивал заиндевевший штык. У плетня, завернутое в плащ-палатку, лежало очоженное тело комиссара Обрада. Его еще не приняла в свои объятия земля, и не прозвучали еще над ним прощальные партизанские залпы.

Можно ли салютовать в непосредственной близости от неприятеля?

Боркану показалось, что он слышит звенящий сталью голос Обрада. Он содрогнулся, как от порыва ледяного ветра, сцепил пальцы рук. Потом его мысли снова вернулись к похоронам комиссара. Ему представилось, как лопаты долбят мерзлую землю, обрубают корни кустов. Он повернулся и крикнул:

— Выводи его, Роквич!

Никола неуверенно перешагнул через порог... Дрожь охватила его.

Люди в ожидании топтались перед крыльцом, согреваясь, дышали на ладони. Принесли табурет. Николу заставили взобраться на него, и теперь он возвышался над головами собравшихся. В руки ему сунули гимнастерку комиссара с красной ленточкой на рукаве.

Взгляды крестьян и бойцов были прикованы к листу бумаги, который висел на груди Николы. Неграмотные не могли понять надпись и просили, чтобы им прочитали ее. По толпе прошел ропот, и Николе он показался страшнее пулеметной очереди. Среди голосов он различил ругательства и проклятия. Над толпой послышалось:

— Позор! Кому же мы верили? Ведь мы же его в комитет выбрали! Не хотим его больше!

Люди возмущенно закричали все разом. Никола зашатался. Руки Роквича не дали ему упасть... От плетня отделились четверо бойцов, унося тело комиссара Обрада.

За взводом почетного караула пошли и люди. Выходя со двора, все снимали шапки. Некоторые незаметно крестились. Никола, стоя на табуретке, рыдал, шепча:

— Прости меня, товарищ комиссар...

Роквич приказал ему замолчать, стащил его с табуретки и отобрал гимнастерку комиссара. Потом яростно плюнул и прошипел:

— А теперь катись к черту! Прячь свой позор!

Никола постоял в растерянности, а потом медленно пошел вслед за колонной, которая уже вползала на деревенское кладбище. С далекого шоссе ударили немецкие орудия, и в соседней деревне прогремели взрывы снарядов, но похороны продолжались.

Дар с неба

Взвод Маркана дежурил на партизанском аэродроме — это был недавно скошенный луг, по которому еще никогда не проезжала ни одна машина. Уже несколько суток подряд партизаны, сменяя друг друга, следили за небом, напряженно прислушиваясь, не раздастся ли гул моторов. Посреди луга были навалены охапки хвороста в форме огромной буквы «Т», под них подложены пучки соломы, чтобы побыстрее занялось пламя, когда придет время подавать сигнал. Маркан, вполне довольный подготовкой к приему груза самолетов союзников, крутил усы и обещал бойцам чудеса невиданные:

— Скоро сюда, други мои, свалится с неба амуниция и многое другое. Я вас, мои милые, под свою ответственность одену в новенькую форму, теплую, шерстяную.

— А как это она свалится с неба? — наивно спросил связной Мргуд, удивленно тараща глаза в голубую высь.

— Как? Да уж не по ступенькам скатится, — пытаюсь скрыть смущение, ответил Маркан. Он никак не мог вспомнить название той штуки, на которой спускаются с неба на землю. — Раскроются какие-то шелковые скатерти, и груз опустится...

От ближайшего холма послышался крик разведчика Младена:

— С севера гудят самолеты, но их еще не видно!

Маркан сорвался с места, закричал:

— Все на поляну! И машите шапками, винтовками, пока руки не отвалятся. А ты, Мргуд, за мной, подождем костры! Сейчас увидишь, как с неба подарки падают!

Бойцы суетились на поляне. Одни размахивали над головой гимнастерками, другие фуражками и винтовками. Все нетерпеливо смотрели в сторону гряды холмов, из-за которой должны были показаться самолеты, чье гудение уже было хорошо слышно. Маркан быстро поджег хворост. У него радостно забило сердце, когда голубоватый дым, видный даже с большого расстояния, стал подниматься к небу. Вдали показались три черные точки. Они быстро приближались и росли.

— Увидели нас! Теперь все отойдите в сторону, чтобы чем-нибудь тяжелым не задело! — приказал Маркан.

Все попрыгали в ближайшую канаву. Командир не спускал глаз с самолетов, которые уже можно было довольно хорошо разглядеть. На всякий случай он, как и Мргуд, встал за большой развесистый куст. Стальные птицы сделали круг над лугом, окутанным густыми клубами дыма.

— Хотят удостовериться, что это сигнал для них, — объяснил Маркан Мргуду.

Тот нахмурился и недоверчиво покачал головой:

— Что-то не видно никаких опознавательных знаков. Как бы нас не провели...

— Они украсили знаки, чтобы легче было пробраться над фашистской территорией.

Самолеты сделали еще один круг над лугом, теперь уже на очень низкой высоте. Вдруг первый накренился на крыло и дал очередь из пулемета. Пули засвистели над головами партизан, сбивая верхушки кустов. Мргуд, не обращая внимания на колючки, вжался в терновый куст. Маркан упал на колени и простонал:

— Ну вот, дождались гибели! Черт бы взял этих союзников вместе с их помощью!

— Мргуд, сынок, только не высовывайся, а то сразу пришьют!

— Да я уже получил подарочек! — ответил тот, сильно побледнев.

Из канавы послышался выстрел, потом другой, третий. Младен закричал:

— Бейте в винты, товарищи!

Как будто услышав эти слова, пилоты повернули самолеты назад, и вскоре те исчезли за холмами.

Бойцы выскочили из укрытия и побежали к Маркану, склонившемуся над Мргудом.

— Бедро тебе зацепило. Сейчас я тебя осторожненько перевяжу... — проговорил Маркан.

Младен перебил его:

— Вот это помощь! Мы на этой поляне были для них идеальной мишенью. Мргуда уже подстрелили, сейчас и до остальных очередь дойдет...

— Не мели языком, Младен. Жалуйся нашему штабу, если тебе что-то не нравится. Я ведь не сам придумал всю эту затею.

— Ничего, вы их тоже немного поугадили, — простонал Мргуд, пытаясь приподняться.

— Давай-ка, Младен, в штаб. Расскажи там, что у нас здесь произошло, — приказал Маркан.

— Смотрите, опять самолеты! — с трудом шевеля губами и показывая на небо, произнес Мргуд.

— Все в укрытие!

Маркан и Младен подхватили Мргуда и перенесли под толстое дерево на краю луга. Остальные партизаны снова попрыгали в канаву. По небу тяжело плыли бомбардировщики, вокруг них кружились маленькие истребители, похожие на бабочек. Неожиданно из облаков вынырнули самолеты, видимо, те самые, которые недавно обстреляли партизанский аэродром, и устремились на строй бомбардировщиков. Им навстречу рванулись два истребителя, Разгорелся воздушный бой. Маркан, высунувшись из канавы и стараясь сдерживать нервную дрожь, пробормотал:

— Вот это карусель! Как бы кто сверху не свалился прямо на нас!

— Пригни голову и не высывайся. Черт их знает, чем там все кончится! — предупредил его Младен.

Небо пересекла полоса дыма. С пронзительным воем, заглушающим даже пулеметные очереди, падал горящий самолет.

— Это немецкий стервятник! Получил за нашего Мргуда!

Падающую подожженную машину бросало из стороны сторону.

— Не грохнется ли на нас? — с опаской спросил Маркан и придвинулся поближе к Младену.

— Вон парашютист! — воскликнул тот, показывая пальцем.

— А, холера, сейчас мы его... Он нам ответит за Мргуда! Пошли, ребята, поймаем фашиста!

Горящий самолет упал на склоне одного из холмов. Взрывом опалило траву вокруг. Парашютист попал на столетний дуб и застрял в ветвях и стропах. Он попытался освободиться, но только еще сильнее запутался. Маркан, осторожно подходя с бойцами к дереву, кричал издали:

— Не смей стрелять, если хочешь жить!.. Смотрите, смотрите, он висит! Вниз головой!

В редкой листве мелькали руки летчика. Он что-то громко и непонятно выкрикивал.

— Что будем делать? — спросил Маркан.

— Снимем его. Я залезу. Подсадите только немножко, — предложил Младен. Вскоре он уже проворно карабкался по ветвям дерева.

Запутавшийся парашютист беспомощно размахивал руками и ногами:

— Партизан! Партизан!

— Не бойся, мы не кровопийцы какие-нибудь. Видишь, выручаем тебя! А потом ответишь за свои пакости! — кричал Маркан снизу.

— Не кричи, это англичанин! — вдруг сказал Младен. — Ему, наверное, здорово досталось.

— Англичанин? Ты гляди!.. Как же он допустил, чтобы его немец сбил? — удивился Маркан.

Младен ножом перерезал стропы парашюта, и вскоре английский летчик оказался на земле перед Марканом.

— Ну, здорово! — протянул ему руку Маркан. — Неприятность с тобой случилась, ничего не скажешь! — С сожалением глядя на англичанина, он стал трясти своей узловатой пятерней его холеную белую руку. — И одежду ты, милый, порвал...

— Дай ему свои штаны. Не можем же мы голого союзника в штаб вести, — сказал Младен.

— А я как же? — встревоженно оглядывая себя, спросил Маркан.

— В трусах пойдешь. Ничего, переживешь. А союзнику надо помочь. Мои брюки будут ему слишком малы, да и ваши тоже, — сказал Младен партизанам, с любопытством столпившимся вокруг.

— Что ж, делать нечего... Раз для союзника... — Маркан стал расстегивать пояс.

Он что-то бормотал себе под нос, путаясь в штанинах, и по этому можно было заключить, что он несколько не в духе.

Волчица

Высоко в горах залегли партизаны. Изредка раздавались одиночные выстрелы — это бойцы пытались хоть как-то разрядить накопившееся за много дней нервное напряжение. Прямо перед ними в ярких лучах солнца тянулась узкая ложбина, покрытая зеленым ковром молодой травы.

Стоящее высоко в лазурном небе солнце за день раскалило скалы и камни, за которыми укрылись партизаны. Сейчас, сползая к западу, солнце незаметно для глаз удлиняло тени поросших чернотелом холмов, на которых закрепились немцы.

— Скоро солнце уже не будет мешать немцам вести прицельный огонь, — заметил командир взвода Лазар.
— А нам станет бить прямо в глаза, — посетовал Мият, ожесточенно скребя свою густую, колючую бороду. — Долго нам еще здесь торчать?
— Ты думаешь, можно найти лучшую позицию?
— Надо куда-нибудь отсюда двигать. Мы заслужили передышку. Почему нас никто не сменяет? Пусть другие тоже здесь пожарятся.
— Чем языком трепать, ты бы лучше за фашистами следил.
— Я уже за ними наследился, чтоб они все подохли! — пробормотал Мият. — Шебуршатся — значит, что-то готовят.

Лазар сдвинул на затылок мокрую от пота фуражку. На его изнуренное лицо легла тень тревожного предчувствия.

Коротко ударил пулемет. Над головой прожужжали стальные осы. Командир взвода высунулся из укрытия, потом обернулся к притихшему Мияту и сообщил:

— Перегруппировались, паразиты! Пулеметы и минометы перебросили на левый фланг. Наверное, оттуда попробуют ударить.

— Да, не выдержим мы. Нас так мало, да и вооружены мы одними винтовками.

— Дрейфишь, Мият, и не можешь скрыть свою слабость. Говори тише, чтобы другие не услышали. Мы здесь ради великого дела, ясно тебе?

— Хочешь сказать, что нам не о чем беспокоиться, что мы списаны в расход и должны погибнуть, чтобы другие смогли драпануть и спасти свою шкуру?

Лазар ничего не ответил. Он обвел взглядом левый фланг немцев и заметил за поваленными деревьями головы в касках. Через несколько секунд раздался свист, неподалеку от партизан взорвались мины.

— Кидают? Ну и пусть! Говорю, ничего страшного нет, — произнес Лазар.

— Хочешь подбодрить? — едко спросил Мият.

— Такая у меня должность... И вообще, заткнись наконец!

— А мне, может, охота поговорить.

— Отложим до более подходящего времени.

— Эх, если бы знать, что оно будет... Тогда я бы и помолчал. А так не могу.

— Не можешь, так уходи отсюда!

— Один я никуда не пойду. Лучше пуля. Но ведь я знаю, что и другие так думают.

— Сомневаюсь!

Мият почувствовал, что командир взвода едва сдерживается, чтобы не сорваться.

Стрельба усилилась. У Лазара заложило уши. Пули ложились все ближе. Приглушенно застонал раненый боец, потом второй. Тяжелораненых товарищи отнесли по узкой тропинке к ущелью, заросшему пожелтевшими от палящих лучей солнца елями. По этому ущелью, скрытому от глаз врага, днем и ночью пробирались небольшие группы раненых и больных партизан. Они медленно двигались, идя на восток, в долину. Те, у кого уже не оставалось сил, не дойдя до желанной долины, до шумящей в ней быстрой реки, умирали в пути или искали хоть какого-нибудь, пусть ненадежного, убежища среди скал.

Взводу Лазара была поставлена задача помешать эсэсовцам завладеть господствующей над местностью высотой в прикрыть отход раненых.

«Без приказа не смей даже думать об отступлении. Ты защищаешь важнейшую высоту, это наше самое уязвимое место. От выдержки твоего взвода зависят сотни жизней» — вот что сказал командир батальона в ответ на его вопрос о возможности отхода к дубовой роще, и Лазар запомнил эти слова.

Он взглянул на Мията, который что-то бормотал себе под нос, Он терпел этого трепача, вероятно, за его удивительную интуицию. Тот обладал каким-то даром предвидения, хотя и любил все преувеличивать.

Лазар потер глаза, попытаться отогнать сон, и стал пристально вглядываться в холмы, с которых немцы так щедро поливали их огнем. Но отяжелевшие веки сами собой закрывались, и, на секунду поддавшись дремоте, он уронил голову на руки. Но уже в следующее мгновение, очнувшись, он напомним бойцам, чтобы они не трагичили зря патроны:

— Эсэсовцев пугать — дохлый номер. Они воробьи стреляные и вернут нам пули с процентами. Спесь с них сбивает только неминуемая близкая смерть. Вот тогда они кидаются спасать свои шкуры.

Мият взглянул на Лазара, которого уже начала томить неизвестность, и, желая отвлечь его от тревожных мыслей, сказал:

— Мне не дает покоя вон та каска. Наверное, снайпер. Я на него пять патронов израсходовал. Он, подлец, в бинокль нас рассматривает! Или снайпер, или разведчик...

— Сейчас я ему стекляшки вышибу! — Лазар прицелился.

— Думаешь, попадешь?

Прозвучало три выстрела. Фашист пригнулся и остался невредим.

— Ничего, только не надо спешить. Нельзя же терпеть, чтобы нас так нагло рассматривали! — упрямо сказал Лазар и яростно ударил кулаком по камню, за которым лежал. Опытный стрелок, он понимал, что надо терпеливо ждать, когда голова немца окажется у него на мушке.

— Я, наверное, взял слишком низко, как думаешь, Мият?

— Пули легли перед ним. Я видел.

Лазар передвинул хомутик прицела на одно деление. Потом снова замер, выжидая.

— Не высовывается, сволочь! Чувствует, чем дело пахнет.

— Просто выбирает место поудобнее. Не очень-то приятно лежать на камнях. У меня вон все тело затекло, — проворчал Мият, — и кости ломит.

— Главное, чтобы не ушел, а ворочается пусть сколько угодно.

Заметив, что голова фашиста немного приподнялась, Лазар прикинул к винтовке и затаил дыхание. Грохнул выстрел. Каска немца подпрыгнула, точно подброшенная пружиной, тело его судорожно дернулось и покатилося по траве.

— Все в порядке! — громко, чтобы слышали остальные, воскликнул Лазар и вытер капли пота со лба.

Немцы заволновались, стали стрелять чаще, стремясь отомстить за своего разведчика и заставить партизан прижаться к земле.

— На стрельбу не отвечать, подождем, пусть тратят патроны! — крикнул Лазар и передернул затвор.

— Долго нам придется ждать. Судя по тому, как они палят, у них там целые вагоны с патронами! — стараясь пересилить сумасшедшую стрельбу, крикнул Мият.

— Откуда ты такой умный взялся? — насмешливо бросил Лазар.

— Жизнь — моя школа, товарищ командир взвода. Я ведь вдвое старше тебя и, с твоего разрешения, кое в чем поумнее...

— Кое в чем — да. Но не во всем...

— Конечно, по части разной там стратегии я с тобой тягаться не могу. И все-таки я бы не стал цепляться за эту чертову высоту и подставлять людей под пули... Не партизанская это тактика.

— Хватит трепаться! — оборвал его Лазар, не желая открывать настоящей причины, по которой они остались на этой высоте. Улучив удобный момент, он выглянул из-за камня. Мият вслед за ним тоже высунулся из укрытия и, увидев что-то необычное, закричал:

— Чудеса, братцы!.. Уж не мерещится ли мне? Нет, точно! Волки! Видать, их вспугнули...

— Мы тоже волки. Сейчас драка будет!.. — проворчал Лазар и, пошарив по карманам, достал пригоршню патронов и несколько гранат и положил их на каменный выступ.

— Настоящие волки, товарищ командир! — прервал его Мият.

Шесть животных, почти неразличимых среди камней и жухлой травы, бежали по небольшой впадине. Изумленные бойцы прекратили стрельбу.

— Может, это их дрессированные собаки? — недоверчиво спросил Лазар.

— Какие собаки?! Волчица со взрослыми волчатами. Уж волков-то от собак я как-нибудь отличу! — возмутился Мият.

Спор прервали пулеметные очереди. Пули взрыли землю перед камнями, за которыми укрывался Лазар.

— Паразиты, ждали, когда мы высунемся!

— Стреляют не только по нам. Вокруг волков тоже ложатся пули, — заметил Мият.

— Не высовываться! — предупредил его Лазар. — В два счета подстрелят.

— Не могу выдержать, тянет. Можешь ты понять старого охотника? Разрешил бы мне по ним стрельнуть...

— Ни в коем случае!

Тем не менее Мият сощурил левый глаз и прицелился. По тому, как напряглось его тело, как участилось дыхание, было видно, что ему нелегко отказать себе в удовольствии. Волки выбежали на открытое место и устремились в проход между скалами, густо заросший кустарником. Одно животное заметно выделялось своей величиной.

— А вот это, товарищ командир, волчица-мать. Разбойница!

— Мать не может быть разбойницей.

— Ты все понимаешь буквально!

— Привычка.

— У меня вот тоже привычка, можно сказать, страсть к охоте врожденная. Дай я выстрелю, пока они не ушли. Их же надо отстреливать. Такой закон был принят еще в довоенное время.

— Теперь в этих горах ни для кого нет закона.

— Я охочусь давно, с самого детства. У меня много охотничьих трофеев. Не знаю только, сохранились ли. Но это... Старая волчица впереди, за ней волчата... Такое не часто увидишь. Эсэсовцы вон стреляют. Они могут меня опередить.

— Они забавляются. Нам не до того.

— Ну будь человеком. Не камень же у тебя вместо сердца!

— Делай что хочешь, — сдался Лазар.

Мият глубоко вдохнул, весь подобрался и сделал два выстрела.

— Кто-то попал. Не знаю только, ты или фашист, — кивнул Лазар.

Мият приподнялся на локтях, чтобы лучше все разглядеть. Другие тоже стали высовываться, пораженные необычной картиной: волчица суежилась вокруг раненого волчонка, видимо пытаясь помочь ему, и не обращала никакого внимания на сильную стрельбу.

— Знал бы я, так и стрелять бы не стал, — пожалел Мият. — Если бы своими глазами не увидел, никогда бы не поверил, что волчица может проявлять такую заботу...

— Я вижу не волчицу, а мать! — бросил Лазар.

Немецкие солдаты тоже перестали стрелять в волков. Их офицер, худой и гладковыбритый, ослабил ремешок каски, поднес к глазам бинокль и сквозь зубы произнес:

— Партизаны — тоже волки! Сегодня мы должны их уничтожить...

Немцы пошли в атаку. Горное эхо подхватило грохот разгоравшегося боя.

— Дали они нам жару, — прохрипел Мият, поглаживая затвор винтовки.

— Идут на все, сволочи. Но другого мы и не ожидали... Мият, ты что молчишь? — встревоженно обернулся Лазар.

— Зацепило меня, — признался тот. — Платят нам эти паразиты, как ты говоришь, с процентами.

— У меня есть бинт, я тебя перевяжу.

— Ничего, я могу сам... Главное, ты поберегись. Ух, подлещы, как они нас прижали!

— Тебя бы сейчас надо подальше от этого пекла, — сказал Лазар.

Мият заметил двух подползавших бойцов, которые должны были перенести его в безопасное место. Стрельба снова усилилась. Эсэсовцы опять пошли в атаку...

Ночь скрыла гряды возвышенностей с разбросанными по ним небольшими рошицами. Из одной роши выскользнула волчица и, приняюхиваясь, приблизилась к тому месту, где еще недавно шел бой между взводом Лазара и эсэсовцами и где погиб ее детеныш. Осторожно оглядываясь, она подошла к трупам, лежавшим неподалеку от волчонка. Только командир взвода Лазар был еще жив. Весь израненный, он время от времени приходил в себя и тихо просил:

— Глоток воды... Слышишь меня?.. Воды!..

От жажды его страдания усиливались, шепот переходил в мучительный стон. Волчица зарычала и попятилась от него. Лазар, собрав последние силы, пошатываясь, встал на колени, подполз к волчонку, дотронулся рукой до его жесткой шерсти и упал. Из его горла вырвался предсмертный хрип...

Поздно ночью все смолкло. Слышался только тихий шелест деревьев. Теперь и волчица осмелела. Она подошла к Лазару и, заметив своего неподвижно лежащего волчонка, на некоторое время застыла на месте. Потом вытянула шею и завывала. В просвете между облаками показалась луна, и тогда волчица вернулась в кусты, где ее ждали оставшиеся волчата.

Тревожная ночь

Подвал был полон народу. Слышались приглушенные причитания и испуганный шепот женщин. Со стороны реки, оттуда, куда бежала, извиваясь, узкоколейка, доносились взрывы. Матери успокаивали плачущих детей, что вовсе было не легко, особенно когда от близких разрывов вздрагивала земля и с потолка сыпался песок. У лестницы, сжавшись в комок, сидел дед Михайло, единственный в погребке мужчина. Озабоченно склонив лысую, без единого волоска, голову, он, тяжело вздыхая, повторял:

— Святые угодники! Удастся ли нашим ребятам скovyрнуть вражеский поезд?

Женщины думали, что старик обращается к ним, и растерянно молчали, пытаясь понять, что он говорит. Их переполняли страх и тревога. Старик было не по душе это молчание, сейчас он предпочел бы даже обычную пустую бабью болтовню. Понимая растерянность женщин, он начал их успокаивать:

— Вам, бабам, война, понятное дело, в новинку. И боязнь, она, право слово, не сразу уходит. Человек потихоньку привыкает. Ничего, погремит, погремит и перестанет, все равно что гроза. Кой-чего порушит, конечно, не без того, но не много. А потом опять наступит мир и порядок.

Однако женщинам было не до его рассуждений. Плакали дети — их надо было успокаивать и поплотней укутывать, чтобы не озябли.

Мальчишки постарше уже вполне освоились, расселись вокруг большой бочки из-под ракии и спорили о разном оружии, не очень хорошо, впрочем, зная, что оно собой представляет. Второклассник Миланче кричал громче всех:

— Пушка может разрушить гору! Одним снарядом, точно говорю. Знаете, какая здоровенная Тодорова-Скала?

— Еще бы!

— Вот ее пушка-мортира могла бы разнести на мелкие кусочки.

— Откуда ты это взял? — недоверчиво спросил вихрастый Джокица.

— Мне дед Васо рассказывал о пушке-мортире.

— Не может быть, чтобы пушка могла разрушить такую гору, — не соглашался Микица, у которого взъерошенные волосы торчали во все стороны из-под старенькой шапчонки. — Твой дед, Миланче, никогда не выезжал из села, всю жизнь пас скот в долине. А мой дед Риста, жаль вот, что нет его здесь, говорит, что и самая большая пушка не может сделать в стене дыры большей, чем моя голова.

Ребята, чтобы установить, кто прав, решили разузнать о силе пушки у деда Михайло. Они подбежали к нему, и Миланче попросил:

— Дед Михайло, расскажи нам о пушке...

Старик вытащил из кармана потрепанного пиджака старенький фонарик, включил его и, направив на Миланче, строго спросил:

— А ты что, собираешься в артиллеристы?

— Нет, просто они не верят, что пушка-мортира может разрушить гору, — ответил мальчишка, показывая на приятелей, сидящих у бочки.

— Правильно не верят, сынок. Пушка — она только землю копнет, и больше ничего.

Где-то за домом раздался взрыв. С потолка посыпался песок. Закричал на руках у матери грудной ребенок. Она стала укачивать его, но это не помогло. Старик, морщась от детского крика, продолжал:

— Видите, ребята, снаряд же не разрушил дом. А грохнул вроде бы довольно близко. Какая уж там гора! — Дед махнул рукой и встал, чтобы размять затекшие ноги.

— Просто это была не мортира. А если бы она?.. — упрямо продолжал Миланче.

— То же самое было бы, и отстань от меня. Что ты такой упрямый? — рассердился старик.

— Упрямый как осел! Теперь все ясно, и можешь не хвастать своим дедом! — кричал Микица, ликующе глядя на Миланче.

Годовалый ребенок просто зашелся от плача на руках у матери, которая качала его и причитала:

— Ох и хлебну я горяшка с этим крикуном! И угораздило же меня его родить в такое проклятое время!

— Не тужи, Анджа, плач ребенка — это еще не беда. Главное, чтобы с узкоколейки не пришли черные вести, — встревоженно проговорила старуха Марта. Ее единственный сын Столе недавно ушел в партизаны.

Марта беспокойно теребила захваченный из дому узелок, часто крестилась и шепотом молила Спасителя. Мальчишки с любопытством глазели на нее и, ухмыляясь, подталкивали друг дружку локтями. Дед Михайло направил на них луч фонарика, и они сразу втянули головы в плечи и притихли.

Ожесточенная стрельба, казалось, никогда не кончится. Дед Михайло начал волноваться. Он осторожно выглянул наружу, но увидел только светящиеся ракеты, взлетающие далеко за холмами. Так и не поняв ничего толком, он озабоченно проговорил:

— Придется здесь заночевать. Во всем селе нет надежнее укрытия. Надо только притащить соломы, чтобы можно было лечь.

— Соломы! Какой соломы?! Да не дай бог, придут душегубцы, они мне дом в два счета спалят! — воспротивилась Анджа и даже перестала качать ребенка.

— Не шуми, Анджа! Немцы сюда не придут. Зачем, ты думаешь, наши ушли в долину? Чтобы там с ними разделаться, — постарался успокоить ее дед Михайло.

Мальчишки натаскали соломы из стога за домом и постелили на полу в подвале. Самые маленькие заснули первыми. Взрослым не спалось, как, впрочем, и мальчишкам, улегшимся возле бочки. В глубине души они все-таки побаивались, что партизанам не удастся задержать вражеских солдат и те придут сюда. Лишь дед Михайло был спокоен. Он много повидал на своем веку и знал, что в таком бою на быструю победу рассчитывать не приходится. Он только опасался, как бы снова не начали палить пушки и не разбили дом.

— Всем спать нельзя. Не мешало бы кому-нибудь караулить наверху, — предложила Марта, сдерживая зевоту.

— Там, чего доброго, подстрелят! — неуверенно ответил дед Михайло.

— Пушки замолчали, — заметила Марта.

— Ладно, я погляжу. Вы спите спокойно, — решил дед. Шагнув в угол, он поднял с пола заржавевшие вилы, потрогал их затупленные зубья и уныло пробормотал: — Да, против карабина с этим не попрешь!..

Вздыхнув, он, хотя и без большой охоты, полез наверх. Михайло долго ходил взад и вперед по пустому двору, поглядывая в сторону узкоколейки, откуда доносились беспорядочные выстрелы. Стреляли и в другой стороне, там, где темной громадой высилась гора.

— Везде уже заваруха. Это смахивает на всеобщее восстание, — с гордостью прошептал старик.

Лицо ему стали сечь холодные капли дождя. Вытирая их рукавом, дед Михайло поспешил под навес. И тут на него напал приступ кашля. Обессиленный, он спустился обратно в подвал. От него ожидали каких-либо новостей, и деду пришлось оправдываться:

— Годы берут свое... Ноги быстро устают, да еще кашель навалился.

Женщины сочувственно заохали. Анджа посмотрела на своего ребенка, который наконец занялся соской, и сказала:

— Если бы не этот чертенок, я бы сама пошла!

Остальные женщины не выказали никакого желания идти караулить. Они пригрелись на своих соломенных постелях, разморенные дремотой. За бочкой что-то зашуршало, и показалось заспанное лицо Микицы.

— Дедушка, мы могли бы последить. Мы уже не маленькие. Ты только скажи, как надо караулить.

— Ах вы мои хорошие! Это совсем не трудно.

Показались головы остальных мальчишек. Дед Михайле испытующе посмотрел на них и сказал:

— Если что увидите или услышите подозрительное, сразу бегом сюда. Караулить будете по двое. Так надежнее.

В первую смену дед Михайло назначил Микицу и Миланче.

Миновала полночь. Потом прокричали первые петухи. Два паренька прислушивались к выстрелам и нетерпеливо ждали смены. Неожиданно они вздрогнули и прижались друг к другу.

— Что-то шуршит, — прошептал Микица.

— Шуршит и вроде как ползет, — ответил Миланче.

— Бежим в погреб, разбудим деда. — Микица потянул друга за рукав.

— Тсс, подожди! — оттолкнул его Миланче. — Если он подлезет ближе, я его вилами.

— А если он пальнет из винтовки?
— Не пальнет. Слышишь, бой далеко.
Они пригнулись к земле и еще отчетливее услышали шуршание в траве у забора.
— Ползет сюда, бежим! — вскочил Микица.
— Ни за что. Я подползу и проткну его вилами, — храбро заявил Миланче.
— Ты сдурел!
— Идешь со мной?
— Ну уж нет!
— Тогда оставайся здесь.

Миланче двинулся вперед с бьющимся сердцем, твердо решив проверить, что там шуршит в траве. Он полз на коленях, не жалея штанов. Неожиданно перед ним возникло что-то черное. Послышался треск. Он в ужасе зажмурился, взмахнул вилами... и тут раздался визг и хрюканье.

Миланче оглянулся посмотреть, где Микица.

— Ты где? — крикнул он. — Это чей-то поросенок!

Ответа не было. Миланче решил, что его друг убежал, и сердито закричал:

— Разве часовой может покинуть свой пост?

— Неправда, я поста не покидал! — послышалось издали.

— Не покидал... только убежал подальше, — продолжал злиться Миланче.

— Я хотел позвать деда Михайло. Потому что ты из себя стал героя строить. Тетка Марта тебя убьет, когда узнает, что ты сделал с ее поросенком.

— Заткнись! И если будут спрашивать, молчи. Я его вроде не сильно поранил, он вовремя отскочил.

— Ладно, я ничего не скажу.

Они опять стали прохаживаться перед домом и вскоре заметили, что на востоке уже начинает алеть край неба.

— Скорей бы рассвело, — зевнул уставший с непривычки Микица. — Все спят, и никто нас не сменяет.

— А мне нравится. Одну ночь можно не поспать! — выпятив грудь, проговорил Миланче.

Их разговор прервали чьи-то голоса. Они доносились издали, от околицы села.

— Беги, Микица, разбуди деда Михайло!

Микица бросился к погребу, распахнул дверь и закричал:

— Дед Михайло, идут какие-то люди!

Старик очнулся от сна и зажег фонарик. Женщины тоже вскочили, подхватили детей и запричитали:

— Что же нам делать? Они ведь нас всех перебьют. Дед Михайло нахмурился и сердито бросил:

— Перестаньте выть! Это, наверное, наши возвращаются.

— Конечно, наши! — подхватила Марта, сразу успокоившись. Она достала откуда-то восковую свечу, зажгла ее и поставила в нишу в стене. Потом начала что-то тихо шептать.

— Что это она? Зачем ей огонь? — удивленно спросила Анджа.

— Перестаньте шуметь! Я пойду на дорогу, посмотрю, кто это идет, — бросил дед Михайло.

Голоса были молодые и звонкие, то и дело слышался смех. Михайло, который решил не отходить далеко от парнишки, стоявшего у калитки, сказал:

— Наши возвращаются! Раз спокойно разговаривают, значит, опасности нет.

Микица перескочил через ограду, просунул голову в подвальное окошко и весело закричал:

— Наши идут! Ура! Выходите встречать!

Женщины стали по очереди выбираться из сырого подвала. Дед Михайло распахнул калитку и пошел навстречу группе людей, среди которых был и партизанский командир Радоня.

— А, дядя Михайло! А мы пленного ведем.

— Добрый улов! — ответил дед и, отбросив вилы, поздоровался со всеми за руку.

В это время на улицу высыпали женщины. Начались объятия и поцелуи. Мальчишки бежали рядом с командиром и дедом Михайло.

— Взорвали узкоколейку? — спросил дед.

— В нескольких местах.

— Значит, за нашим селом больше не будут громыхать фашистские поезда?

— Не будут!

— Вот и хорошо! И немца в плен взяли?

— Итальянца. Это его поезд мы пустили под откос. Многие разбежались, а этот поднял руки. И все время повторяет, что он социалист.

— Ему верить нельзя, — предупредил дед. — Какой он социалист? Мне вон уже седьмой десяток пошел, а я все не могу похвалиться, что я социалист.

— Годы тут ни при чем, дядя Михайло, — заметил командир. — К тому же в Италии все по-другому!

— По-другому, конечно! Там фашисты в большинстве. Не верю я ничему, что идет с чужбины.

— С пленным мы должны обращаться хорошо, — предупредил командир.

Уже совсем рассвело. Старики и молодежь окружили пленного. Все с любопытством его разглядывали, а Джокица даже набрался храбрости и дотронулся до его одежды. Наибольшее удивление вызвала его каска с торчащим пучком перьев, что говорило о принадлежности его к берсальерам, горным стрелкам.

— Эта штука у него на голове очень похожа на хвост моего петушка, — сказала Анджа, покачивая хныкающего ребенка.

Пленного смущали эти взгляды, и он растерянно оглядывался. Наконец дед Михайло, решительно растолкав любопытных, подошел к нему и спросил:

— Тебя как звать-то?

Итальянец не понял его и выставил вперед руки, будто защищаясь.

— Он говорит, что никого не убивал, — объяснил командир Радоня. — Наверное, слышал о нашем законе: кровь за кровь!

— Что-то не верится, — упрямо покачал головой дед Михайло.

— Что ты к нему прицепился, старый? — упрекнула деда Марта, радостная, что ее сын вернулся. — Оставь его, может быть, он голодный.

Дед Михайло с досады плюнул. Марта взглянула ему в глаза и произнесла:

— Прости согрешившему против тебя! Я принесу итальянцу мамалыгу. Его ведь тоже где-то ждет мать.

Пленного усадили. Любопытные Миланче и Микица встали за его спиной, словно часовые. Дед Михайло, подумав, обнял их за плечи и сказал:

— Храбрые мои караульщики! Дайте-ка я предложу ему закурить. Он ведь, в конце концов, тоже человек. Да и бабы вон на его стороне.

Итальянец взял табак и ловко свернул сигарку. Когда он докурил и принялся за мамалыгу, на его лицо упала первые лучи солнца.

Во дворе, где ночью прятались женщины, парни и девушки закружились в хороводе.

Минер без мины

На старой водяной мельнице, у печки, кто на колоде, кто на мешке с зерном, сидели помольщики, немолодые уже люди, и грели руки. В золе пеклась погача¹, и все нетерпеливо поглядывали туда. Немного дальше, поближе к дверям мельницы, сидел, облокотись о бревно, посасывая зажатую в зубах ореховую трубку, Ристо Куриджа, старик лет семидесяти. Дым раздражал его большие глаза, и слезы скатывались по морщинистым щекам,

— Что это ты, Ристо, сырость разводишь? — взглянув на него, спросил мельник Станое. — Льешь слезы, ровно всю семью похоронил.

Старик вытащил из-за пояса платок, вытер глаза, поднял голову и хмуро ответил:

— Свои слезы лью. Какое тебе до них дело? Следи вон лучше за мельницей да гляди, чтобы мука была чистая, не обманывай людей. А над чужой бедой не смеются. Мои глаза какая-то чертова болезнь ест. Я уж их и каплями лечил, и какой-то мазью мазал — ничего не помогает.

— У тебя, Станое, и у самого глаза не лучше. Слезы из них, правда, не текут, зато глянть, как кровью налились, — сказал помольщик, сидевший справа от Ристо, и плюнул в огонь.

— Это меня сквозняком прохватило. Ночью здесь из всех щелей несет. Я топлю ночью, но, пока спину согрею, грудь озябнет, повернусь одним боком — другой коченеет. Так и верчусь всю ночь, — закончил Станое и перепачканными в муке руками подкрутил усы. Это был высокий, с костистым лицом и низким, выдающимся вперед лбом, человек лет пятидесяти.

— Да-да, ослепнет наш Станое. Как он тогда за помол будет брать? Туго нам придется, когда начнет он наши мешки на ощупь половинить. Сейчас, когда видит, он берет себе с каждых десяти кило горшок муки, а уж слепой-то, не приведи бог, станет загребать ведром, если только сможет ведро в мешок засунуть, — произнес Ристо.

— Грешно жаловаться, что я беру слишком большую плату за помол! — рассердился Станое.

— У него и глаза голодные, завидушие, как у некормленной собаки, — поддал жару помольщик, что сидел рядом с Ристо.

Все громко расхохотались.

— Я вот сейчас тебя, Гавро, тресну, тогда посмеешься! — со злостью сказал Станое и потянулся к толстому полену. Однако он не поднял его, потому что все закричали:

— Брось, этим ничего не докажешь!

— Он у меня в прошлом году чуть не полмешка муки за плату взял. Я еще тогда с женой поругался, и с тех самых пор у нас в доме все вкривь и вкось пошло. — Лицо Гавро стало злым, зрачки его голубых глаз расширились.

— А правда, Станое, ты бы мог, к примеру, вообще не брать плату и молоть даром... Ну-ка скажи, как ты себя чувствуешь, когда летом от жары высыхает ручей и мельница останавливается? — ехидно спросил Ристо.

— Спрашивать мельника, может ли он молоть без платы, — это все равно что спрашивать попа, может ли он обойтись без приношений прихожан... — заявил Гавро.

— Раз я такой грабитель, то вообще больше не буду вам зерно молоть. Идите на Петрину мельницу. Вот потопаете два десятка километров с мешками на плечах, тогда узнаете, легче ли это, чем отдать каких-то полкило муки.

— Ты нам не грози, что молоть не будешь. Не дразни Ристо, а то и с твоей мельницей будет то же, что с

---

1 Плоский пресный хлеб (*сербскохорв.*).

фашистским поездом, который он во время оккупации под откос пустил, — пригрозил Гавро.

— А ну-ка, Ристо, расскажи о том поезде! — закричали все, а Станое, поднявшись и открыв дверь, вышел на порог.

— Как рассказывать — так Ристо, а как табачком угостить — так никто... Скупые вы люди, жадные. Негоже это.

— Вот тебе полный кiset. Этим летом сам табачок сажал. Только вот я его плохо высушил, и он язык дерет. — Говоря это, Гавро протянул Ристо грязный кiset из выдубленной бараньей шкуры.

Ристо развязал его и взял ровно столько, сколько было нужно, чтобы набить трубку.

— Ты что, Станое, отделяешься от общества? Давай садись вместе со всеми, — позвал Ристо, повернувшись к дверям.

— Я смотрю на зелень. Это хорошо для моих глаз, да и для твоих тоже.

— Оставь его, Ристо. Расскажи лучше о поезде, — вмешался Гавро.

— Ну, раз уж вы хотите послушать, отказать не могу.

— Что-то мне не верится, чтобы такой невзрачный старик пустил под откос целый поезд, — бросил Станое.

— Что он там бурчит? — презрительно улыбаясь, спросил Ристо. — Уж, наверное, он не сам слетел с рельсов.

— Ты там помолчи, Станое! — приподнявшись, чтобы видеть мельника, крикнул Гавро. — Ты во время оккупации якшался с четниками и не имеешь никакого права рассуждать о нашей борьбе. Чести у тебя нет и не было. Наш суд был слишком добрый, когда присудил тебе только два года за твои подлости, чтобы теперь ты нам снова на шею сел. Слишком добрый!

— Наверное, надо было тебя спросить, сколько мне присудить! — прошипел Станое.

— Черт с ним! Начинай, Ристо! — снова попросил один из помольщиков, помешивая в печке.

Когда Гавро и Станое сели, старик вытер платком глаза и начал:

— В сорок третьем, этак под Юрьев день, когда только-только зазеленели поля, начались жестокие бои под Топич-Горой. Навалились немцы, усташы, четники, вся эта разномастная братия, так что упаси бог...

— Тебя, Станое, с ними не было? Может, ты нам о них поподробнее расскажешь? — съехидничал Гавро.

Станое смерил его злым взглядом, но даже не шевельнулся.

— ...От взрывов дрожала земля. Народ, пытаясь спастись, бежал в горы. Мои тоже тронулись, а я не пошел. Снохи кричали: «Пошли, батя, скорее!» Я же в ответ сказал: «Вы уходите, забирайте детей, а я спрячу посуду и вас догоню. Я старый солдат, знаю немца и его тактику». Я надеялся, что немцев задержат. Наши партизаны дрались стойко, хотя и были плохо вооружены. Может, кто-нибудь из вас помнит эти бои?

— Меня тогда здесь не было, я был в Пятой козарской бригаде в Центральной Боснии вместе со своими сыновьями, — ответил Гавро.

— Мы тоже дрались в других местах, — сказали остальные.

— ...Бились партизаны, — продолжал Ристо, — но гады перли — не остановишь, да и патроны у наших были на исходе. К ночи они отошли, а я остался дома. Стар я уже, думаю, и одной ногой в могиле. Если меня фашисты убьют, невелика беда. Пожил я уже достаточно... Был у меня кое-какой скот, и хотел я его сберечь. Годами я за ним ухаживал и не мог допустить, чтобы в один день все пошло прахом... Занялся я своими коровками, как будто ничего не произошло. Немцы ворвались во двор как раз тогда, когда я поил бычка. Направив на меня винтовки, они приближались ко мне. Когда увидели, что я делаю, начали что-то спрашивать, а я ни черта не понимал, только кивал и кивал. Они показали, чтобы я убирался. Я шагнул к двери и получил еще тычок в спину, а они стали отвязывать скотину и выгонять ее во двор. Один фриц вывел бычка и все повторял: «Гут, гут». Я уже больше не мог вынести и бухнул ему: «Будь ты проклят, поганый!» Думал, прибьет он меня. А тот не понял и опять: «Гут, гут». Я ему: «Гут или не гут, а я тебе высказал все, что у меня на сердце было...»

— Это «гут» по-ихнему значит «хорошо», к примеру, хороший теленок, раз он на него показывал, — объяснил Станое.

— Да, ты с ними их поганому языку выучился. Что бы только без тебя делали? — презрительно махнул рукой Ристо.

— Может, ты еще какое ихнее слово знаешь? — спросил Гавро под общий смех, заглушивший журчание ручья и шум воды, падавшей на мельничное колесо.

Покраснев от ярости, Станое опустил голову, едва сдерживаясь, чтобы не вспылить.

— Давай, Ристо, продолжай, — сказал Гавро, кладя руку на плечо старика.

— Надо бы перевернуть погачу, а то сгорит, — заметил Ристо.

— Не сгорит. У нее еще, наверное, вся середина сырая.

— Забрали фрицы скотину и погнали по дороге. Обчистили у меня двор, только что коровьи лепешки с собой не прихватили... Стоял я и с тоской глядел вслед моей скотинке, которую годами выхаживал. Понимал, что сразу всего лишился, и из глаз моих слезы катились, крупные, как вишни. Что было делать? Лучше бы уж они меня сразу убили... Однако живым в гроб не ляжешь... А фрицы в это время по дороге на грузовиках проезжали. Поезда уже ходили, и все туда, в горы, где непрерывно грохотали пушки. Все мои были там, но за них я не беспокоился: они были с партизанами, и я надеялся, что с ними ничего не случится. О внучатах только я очень скучал, каждый вечер, как лягу, все мне кажется, что слышу, как они кричат: «Дедушка, а дедушка,

пойдем бычка чистить!» Сердце у меня так и зайдет. «Нет, — думаю, — фриц, ты у меня еще узнаешь».

Дни проходили. О своей скотине я уже стал понемногу забывать, а бычок все никак из головы не шел. Думал я его для приплода оставить, добрый бык вырос бы. Мать его была породистая, и молока у ней много было. Ночью, как задремлю, он у меня сразу появляется перед глазами. Вы не поверите, я его любил, как человека, хоть и грешно так говорить. По сей день не могу его забыть. Сейчас вот рассказываю, а так и вижу его: шерсть у него мягкая, блестящая, хвост до земли, глаза карие, умные, рожки гладкие, в один день появились, шея крепкая. У меня и сейчас сердце ноет, когда слышу, как чей-нибудь телок мычит. Тяжелее всего бывает весной, когда по всей деревне телята мычат. Тогда мне кажется, что меня кто-то ножом в сердце колет. Эх, люди, какой бычок был! Просто загляденье!

— Не тогда ли у тебя и слезы начали течь, как ты бычка-то своего потерял? — спросил помольщик Джуро.

— Да, как раз в то самое время, — подтвердил Ристо и продолжал: — Вот я и думал, как бы мне немцам отомстить, а вместе с ними устахам и четникам, всей этой нечисти. Неожиданно мне пришло в голову заминировать железную дорогу, хотя раньше я никогда этим рискованным делом не занимался. «Погоди, фриц! — думал я. — Будь проклят весь твой поганый род! Увидишь еще, на что я способен». Как-то вечером, после захода солнца, когда небо было еще светлое, но уже показался молодой месяц, я вышел из дома, прихватив с собой старую скатерть. Оглянулся — нигде никого, всюду тихо. Только щенок скулил в саду. Я крадучись направился к винограднику. Там отыскал неразорвавшуюся немецкую бомбу, осторожно откопал ее и положил на скатерть. Весила она килограммов десять. Я ее обернул соломой, как тыкву, которую хотят уберечь от морозов, и в ту же ночь понес к железной дороге. Ну и натерпелся страху! Взобрался я на вершину Тадичева-Скалы, откуда хорошо видно железнодорожное полотно. Нигде ни одной живой души. Внизу, со стороны города, слышался шум поезда, видать, как раз отходил от станции. Я быстро спустился по склону, положил бомбу между рельсами — и назад. Поднялся наверх, до того места, откуда начинался лес. Сразу за железной дорогой был обрыв, под которым шумела река. При свете луны она блестела, как серебряные-украшения у нашей попадьи, которой Станое почему-то зерно мелет бесплатно...

— Оставь меня в покое и не болтай без толку! Не то я за себя не отвечаю! — вскипел тот.

— ...Я на глаз прикинул высоту от реки до рельсов, и тут из-за поворота донесся стук колес. Я скорее в лес, подальше от этого места, а сам все время прислушивался, когда загремит. Прошло минут пятнадцать. Поезд проехал, а взрыва не было. Я вернулся на железнодорожное полотно, а бомба так и лежала там, как я ее оставил. «Фрицевская и своих не трогает», — подумал я, не зная, как быть дальше. Поднял ее и спрятал в кусты поблизости, а сам пошел домой. Я знал, что нужны какие-то специальные штуки, чтобы ее взорвать, да только у меня их не было. Однако я придумал, что сделать — взять кирку моего сына, который долго работал на железной дороге, и вытащить клинья, что держат рельсы. Тогда поезд обязательно сорвется вниз, пусть его хоть сам бог бережет.

На другую ночь я снова отправился туда. Потихоньку подкрался к дороге, вытащил несколько клиньев, сдвинул немного рельсы — и в лес. Ждал я долго, до самого утра, пока не подошел поезд. Сначала до меня донесся скрежет железа и свист пара, вырывающегося из котла, а потом слышались грохот, крики и стоны. Я спокойно вернулся домой. Мало фрицев осталось в живых, некоторые поразбивались, слетев с обрыва, других придавило вагонами. Многие утонули в реке.

На следующий день к тому месту подошел другой поезд. Немцы подобрали мертвых и раненых. Рассказывали, что все они были жирные как свиньи... Может быть, кто-нибудь из них сожрал и моего бычка, однако на пользу это ему не пошло... А железки, что остались от поезда, и до сих пор ржавеют в реке, никто не может их вытащить... Это вы знаете... Вот так я и отомстил фрицу, хотя и не было у меня мины.

— А что ты сделал с бомбой? — спросил Гавро.

— Она так и лежала в кустах у железной дороги, пока не пришли партизаны и куда-то не унесли ее.

Довольные, помольщики вытащили из огня дымящуюся погачу, разломали ее и дали Ристо самый большой кусок. А мельничный жернов по-прежнему однообразно скрипел, заглушая шум воды.

Гнев

Базарная площадь, где собралось почти все население небольшого городка, гудела от возбужденных голосов и выкриков. Особенно будоражил толпу вид дубового столба с раскачивающейся на нем, подобно длинному маятнику, веревочной петлей. Сотни людских глаз горели ненавистью и презрением. Люди нетерпеливо требовали расплаты за те унижения и страдания, что они перенесли. Виновником всех их бед был усташский жупан¹ Виктор...

— Давайте сюда жупана! — неслись крики с разных концов площади.

Волнуясь, толпа то и дело приходила в движение, над головами взлетали угрожающе сжатые кулаки.

— Успокойтесь, люди добрые!.. Да, вы будете его судить. Но не напирайте же так!.. И в таком деле должен быть порядок, поймите! Не вынуждайте меня на крайние меры, а то ведь придется силу применить! — кричал командир Любан, чей взвод оцепил пространство около виселицы.

Любан взобрался на стол, поставленный под виселицей. Над ним раскачивалась веревка с петлей на конце, которая притягивала к себе взгляды стоявших в передних рядах.

---

1 Предводитель. — Прим. ред.

— Примкнуть штйки! — приказал Любан бойцам из оцепления. — Люди, сколько можно вас уговаривать? В последний раз прошу: успокойтесь! Сейчас выведут подлеца жупана. Ну что вам не терпится? — пытался он образумить народ. Ему не хотелось прибегать к силе.

— Поглядите-ка на него! Тоже мне народный защитник и товарищ! Залез на стол, чтобы народу зубы заговаривать, да еще и угрожает! Народ не проведешь! Вот навалимся все вместе, тогда держись!.. Кого это ты, командир, защищаешь, интересно мне знать? А ну отвечай, чтоб всем слыхать было! Немедленно давайте сюда жупана, мы с ним по-свойски поговорим! Знаешь ли ты, сколько жупан людям зла причинил? — яростно кричала, размахивая руками, очень худая женщина, покрытая черным платком, с темными кругами под глазами.

— Мне известны все его злодеяния! Как же мне их не знать? — пытался успокоить ее Любан.

— Ничего ты не знаешь! А я знаю. У меня сердце кровью изошло, как только еще бьется... Жупан Виктор увел моих деточек, и с тех пор от них ни весточки... Ой, детки мои, голубочки мои сизокрылые, как я хочу найти и обнять вас! — запричитала женщина во весь голос и стала бить себя в грудь.

— Петар, подсоби! Люди, помогите мне ее унять! — Какой-то усатый человек в полушубке с трудом удерживал обезумевшую женщину. Несколько человек поспешили ему на помощь. — Это моя родная сестра, — стал объяснять он. — Трех детей у нее взяли. Сказали, что жупан так велел. С тех пор она начала таять, как свечка, и все плачет. Мы с ней измучились. А тут услышала, что жупан арестован и что назначен суд. И вот, хоть мы и старались отговорить ее, пришла сюда. Я чувствовал, что ей это на пользу не пойдет и что она, наверное, не выдержит...

— Правильно, что нас пригласили его судить. Это по справедливости...

— Усташский ублюдок не смог бы за все расплатиться, будь у него хоть тысяча жизней.

— Не смог бы, это ты верно подметил, но мы с ним все-таки посчитаемся!

— Давайте сюда жупана, паразита окаянного, я у него кое-что спрошу! — послышался звучный бас с другого конца площади.

Из здания, где когда-то размещалась городская управа, вышли десять бойцов и стали расчищать дорогу к виселице.

— Сейчас вы будете удовлетворены... Освободите проход! Быстрее! Сейчас сюда приведут проклятого усташского палача, вы его и вздернете! — слышался голос Любана.

Кое-как удалось освободить узкое пространство, по обе стороны от которого волновалась возмущенная толпа. На пороге бывшей управы появилась сторбленная фигура жупана. Площадь на секунду замерла. Бойцы конвоя чувствовали, что это лишь затишье перед готовой в любую минуту разразиться бурей, и плотным тройным кольцом окружили преступника. Тот шел медленно, опустив глаза. Он, видимо, боялся думать о том, что его ждет, и старался не смотреть на страшный столб с петлей. В эти последние минуты перед смертью он испытывал слабость и страх и не мог перебороть их. Как ни старался он вызвать в памяти такие картины прошлого, которые придали бы ему мужества в эти страшные минуты, в голову почему-то лезли мысли о том, как он награждал своих подчиненных за убитых ими людей: за взрослого мужчину платил тысячу кун¹, за женщин и стариков — вдвое меньше. Детей он обычно отправлял в концлагерь, обрекая на медленную смерть. Об этой «системе» как-то узнал Артукович, начальник Виктора, и похвалил его... Нельзя сказать, чтобы эти воспоминания приободрили жупана. Наоборот, он почувствовал даже нечто вроде раскаяния. Он напрягся, пытаясь справиться с постыдной слабостью в коленях, но от этого его шаг сделался комично-неуклюжим.

С помощью Любана он поднялся на стоявший под виселицей стол. Все, кто собрался на площади, снова притихли в ожидании. К ним обратился командир партизан Жарко, высокий и сухощавый, с решительным и суровым лицом.

— Товарищи! Перед нами палач, которого мы сейчас будем судить. Не подумайте, что приговор вынесен заранее, раз поставлена здесь виселица. Мы решили, что она может нам пригодиться. Каждый день бойцы народно-освободительной армии задерживают разного рода кровопийц, предателей и подлецов...

— Да здравствует наша армия! — раздался чей-то голос.

— Да здравствует!.. Ура!.. — закричали вокруг.

— А сейчас, люди, спасибо вам за то, что вы все здесь собрались, и давайте его судить, — закончил Жарко.

— На куски его разорвать! Он у меня детей отнял! А теперь делает вид, что ничего о них не знает... Ох, детки мои, голубочки мои!.. — опять запричитала несчастная женщина и стала проталкиваться к столу, на котором стоял жупан.

Тут закричали все разом:

— Повесить его!..

— Я бы ему сам глотку перегрыз! Пропустите меня к нему, и вы увидите!..

— На виселицу его! Нечего канитель разводите. Петля его давно дожидается! На веревке его лучше видно будет.

— Это для него была бы слишком легкая смерть. Пускай сначала муку примет, а уж потом наденем ему петлю на шею.

Командир Жарко спокойно слушал эти яростные крики, потом поднял голову и громко, отчетливо произнес:

— Ваши предложения, товарищи, внимательно выслушаны. Все они вполне уместны, раз мы судим такого

---

1 Денежная единица в Хорватии в 1941—1945 гг. — Прим. ред.

изверга. Но надо выбрать что-нибудь одно. Я за то, чтобы его повесить. Этого вполне достаточно.

— Правильно! — закричали все, кроме помешанной Петры, которую женщины отвели в сторону и постарались успокоить.

Веревка дернулась и натянулась под тяжелым грузом. Люди стали расходиться. Многие, проходя мимо виселицы, плевали на жупана.

Тоска

Перед мраморным памятником собрался народ, чтобы отдать дань уважения давно погибшим. Взгляды всех были прикованы к выбитым на мраморе именам. То и дело слышались еле сдерживаемые вздохи. Из чьей-то груди вырвался приглушенный стон.

В первом ряду, напротив стола, поставленного для выступающих, сидел, склонив голову, шестидесятилетний Обрад Крагуль. У него не хватало половины правого уха, а все лицо покрывали шрамы, однако густые усы были лихо закручены. Одет он был просто, но аккуратно — в отглаженный костюм и расшитую рубашку. Три ордена поблескивали на его впалой груди. Оратор с волнением говорил о павших героях, а Обрад, опершись на палку, старался побороть внезапно охвативший его озноб. Дрожащей рукой он достал ореховую трубку, набил ее, закурил и жадно втянул дым, пытаясь успокоиться. Чем больше он старался отогнать воспоминания, тем отчетливее вставали перед ним картины прошлого. Мысли старика уносились к этому прошлому, будя в душе полузабытые образы.

«Если бы я погиб, мое имя тоже стояло бы на памятнике. Наверное, рядом с именем Остое Кнежевича, пусть земля ему будет пухом. Он был совсем мальчишкой, когда пошел навстречу танку в том горном ущелье. Сумасшедший! Думал ручной гранатой разбить стальную броню».

Обрад палочкой выковырял пепел из гаснущей трубки и наполнил ее новой порцией желтого резаного табака, потом снова затянулся.

«Если бы я сложил голову на войне, а я ведь только чудом спасся, мои кости потом тоже поместили бы в братскую могилу. Должно быть, холодно лежать под этими каменными плитами...»

Обрад поежился, представив себе этот холод, и поплотнее запахнул пиджак.

«Я бы наверняка оказался между Остое и Стевой. Немалая честь, черт возьми, навечно оказаться в обществе таких героев. А так — кто знает, где тебя закопают, когда навсегда успокоишься... Кто бы поверил, что человек может жалеть, что остался в живых? Мне-то вот таких почестей не будет. Отвезут на какое-нибудь деревенское кладбище, завалят глиной, деревянный крест поставят. Кто-нибудь скажет речь и... Крест скоро сгниет, и все зарастет травой. А на камне выбитое имя дождем не смоеется».

Словно услышав чей-то упрек, он стал оправдываться: «Ничего не поделаешь, стар я уже стал, вот мысли дурацкие и лезут в голову. Незаметно подступает тоска. Хотите верить, хотите нет, а мне жаль, что я пережил товарищей, чьим геройством все восхищаются. Так я тогда школьникам и ответил, когда они попросили меня рассказать о войне. Странно у меня как-то на душе, скорее плохо, чем хорошо. Что мне с этим делать? Труднее всего бороться с самим собой. Говорят, что у меня нервы сдают. А у кого из тех, кто все это перенес, они не сдают? Меня сторонятся, хотя я никому не мешаю. А может, мне это только кажется? Впрочем, если кажется, то это тоже плохо».

Тягостные мысли и беспокойные сны Обрада всегда были связаны с одним трагическим днем войны, когда погиб весь его взвод, а сам он только чудом проскользнул сквозь кольцо вражеского окружения. День тогда стоял пасмурный. В сумерки поредевший взвод партизан отходил к вершине горы. Бойцы страшно устали. Командир, напряженно искавший способ вырваться из окружения, спросил Обрада:

— Сколько отсюда до реки?

— Километра три.

— На той стороне реки наши... Если бы мы смогли туда переправиться... Но, как назло, большинство бойцов не умеют плавать. А река, говорят, очень широкая и быстрая...

— Там полно водоворотов, и она опасна даже для хорошего пловца. Особенно в это время года, — ответил Обрад.

— Кто-нибудь должен переплыть на тот берег и сообщить о нашем положении. Нам нужна помощь. Если только она не опоздает... Ты, я слышал, хороший пловец?

— Да, я неплохо плаваю, — подтвердил Обрад.

— Доставишь пакет.

— Хорошо, я попробую пробраться.

Как только стемнело, Обрад тронулся в путь по небольшой лощине. Он неслышно прополз сквозь кольцо вражеских солдат, которые должны были уничтожить партизан, закрепившихся на самой вершине горы. Темнота помогла Обраду подойти к реке незамеченным. Он бросил на берегу все, что могло помешать ему плыть. Все, кроме винтовки, остаться без которой было для него равноценно гибели. Он уже собирался войти в воду, когда заметил на фоне неба несколько человеческих фигур. Они быстро приближались. Надо было где-то спрятаться.

«В реку прыгать нельзя, — решил он. — Заметят и подстрелят. Назад в лес — тоже не годится. Остается только уходить вдоль берега». Обрад побежал, как не бегал еще никогда в жизни. За спиной он услышал свистки немцев и с ужасом понял: заметили!

Выстрелы раздавались совсем близко, и это придало ему сил. Тяжело дыша, он убегал от настигавшей его смерти. Ему вдруг пришло в голову: «А что, если меня попытаются взять в плен? — И он тут же решил: — Река — мое последнее убежище. Если придется совсем туго, прыгну. Может быть, удастся уйти».

Силы покидали Обрада, бежать становилось все труднее. Пока что разрыв между ним и преследователями сохранялся. Но сколько он еще сможет выдержать?

В том месте, где река делала поворот, Обрад увидел в траве ровные ряды каких-то длинных предметов с одинаковыми промежутками между ними. Через несколько предметов он перепрыгнул, но потом любопытство победило страх. Он, задыхаясь, нагнулся, чтобы рассмотреть эти странные препятствия. Гробы!

Содрогнувшись от неожиданности, Обрад стал гадать, что бы это могло значить. Видимо, немцы привезли сюда гробы для своих погибших солдат. А где же охрана?

Он услышал крики за спиной, и это заставило его перепрыгнуть еще через несколько гробов. Бросив взгляд на реку, Обрад заметил у берега лодку с тремя неподвижно застывшими в ней людьми. Со своего места он не мог определить, были то солдаты или крестьяне, силой приведенные сторожить гробы.

«Заставить их, чтобы они перевезли меня через реку? Нет, вряд ли это получится. Может, лечь в какой-нибудь гроб и переждать погоню?»

Обеими руками он приподнял крышку одного из гробов и содрогнулся от ужаса. Окоченевший труп немецкого солдата испугал его сильнее, чем свист пуль над головой. Обрад опустил крышку и оглянулся. В темноте преследователей не было видно, зато он хорошо различал их голоса. Немцы, видно, тоже устали, однако и не думали отказаться от погони.

«Почему они оставили своих покойников без охраны? Хотя кому нужны трупы? Или, может, люди в лодке — это охрана?»

Обрад точно на раскаленном железе стоял. Раздумывать было некогда. Он приподнял крышку следующего гроба и боязливо сунул внутрь руку. «Пустой. Спрячусь здесь».

Сначала он положил винтовку так, чтобы она ему не мешала. Потом сам осторожно лег на деревянные доски гроба. Обеими руками опустил крышку. Сердце его бешено колотилось, и это мешало слышать, что происходит снаружи. Он попытался успокоиться. Но оно билось все сильнее, словно стремясь выпрыгнуть из груди. Обраду ничего не оставалось, кроме как ждать и надеяться, что немцы не обнаружат его. Вскоре он услышал топот. До него донеслись возбужденные голоса. Обрад не понял смысла фразы, сказанной на чужом, непонятном языке, к которому он никогда не питал никакого интереса. По визгливой интонации он догадался, что кто-то, по всей вероятности офицер, ругает своих подчиненных. Обрад с беспокойством подумал о том, что будет, когда офицер устанет орать. Если крышку гроба поднимут, то обнаружат. Обрад осторожно взялся за рукоятку ножа вытащил его из ножен. Обратись в слух, он в напряжении дал, досадуя, что не понимает, о чем говорят немцы, и не может узнать их намерений. Но вот наступила тишина, а затем кто-то заговорил по-сербски:

— Немецкий офицер прав. Он нас послал сюда с этим коротышкой немцем, чтобы мы работали, а мы заснули, укачавшись в лодке. Давно доказано, что могильщики и мобилизованные мужчины в годах — самый ненадежный народ. Видишь, Бумбар, офицер сказал, что здесь кто-то пробежал. Подозревает, что мы помогли ему скрыться. Вот тут он ошибся. Разве ж мы решились бы на такое? Человек, который в своем уме, никогда бы такого не сделал. Правда, и чокнутых сейчас много. Но какое нам дело до других? Слышишь, офицер спрашивал у нашего коротышки, не заметили ли мы кого. Черта лысого мы заметили! Нас и самих мог кто-нибудь украсть, так крепко мы спали. На этот раз, мне кажется, немцев кто-то обдурил. Они все хвастают, что партизан уничтожили, а партизаны, видать, все же есть...

— Не знаю, Пестрый, — сдержанно ответил другой голос.

— Как ты думаешь, Бумбар, почему могильщиков так мало интересуется окружающее? Может быть, это из-за нашей не очень приятной профессии?

— Может быть. Нам часто приходится видеть, как земля скрывает бранные останки человека. Участвуя в похоронах и привыкая к однообразию, мы привыкаем и к людскому горю... Смотри-ка, фары грузовика! Наверное, новых покойников привезли. Сейчас будет нам работенка, чтобы мы не скучали и не занимались пустой болтовней.

Обраду показалось, что шум мотора доносится из-под земли. Он осторожно пошевелился, чтобы хоть немножко размять затекшие члены. Обрада все больше тяготило его положение. Сквозь щели между гробом и крышкой проник тоненький лучик света от фар грузовика. По стенам гроба запрыгали неровные тени. Обраду показалось, что чьи-то огромные когтистые лапы хотят схватить его и разорвать на куски. Он крепко зажмурился, пытаясь справиться с неприятным ощущением. Свет ослабел, и мотор затих. В наступившей тишине раздался голос Бумбара:

— Пестрый, еще трех покойников привезли. Я забыл, сколько у нас пустых гробов?

— Четыре, если я вчера ничего не перепутал.

— Сейчас мы этих положим. Ну-ка, помоги мне этого донести. Кажись, унтер-офицер.

— Мертвецам чины ни к чему.

— Ты прав, Пестрый. Однако тяжеленный же он. А солдаты и не думают помочь.

— Они, Бумбар, сами едва на ногах держатся. Видать, им здорово всыпали наверху, в горах.

— Не наше это дело. Давай лучше работать.

— Верно, опускай унтера. Погоди, я сниму крышку. Так, теперь давай... Ну вот, лежит, этому гроб словно

по заказу делали. Иди, Бумбар, подтащи следующего к борту грузовика. Я пока открою остальные гробы, а потом подсоблю тебе.

Пестрый громко зевнул и сильно потянулся, чтобы разогнать дремоту, потом нагнулся и поднял крышку. Заметив неподвижного Обрада, он в первый момент растерялся. Удивленно вытаращив глаза, он пытался понять, откуда взялось тело в гробу, который еще вчера был пуст. Пестрый хотел дотронуться до Обрада рукой, но тут услышал шепот:

— Тсс! Враз кишки выпущу, только пикни!

Пестрый от ужаса потерял дар речи. Воспользовавшись его замешательством, Обрад прошептал:

— Наклонись, не бойся!

Могильщик нагнулся и увидел холодно поблескивающее лезвие ножа.

— Только попробуй меня выдать, сразу отправишься на тот свет...

— А что же мне делать? — тихо спросил Пестрый, не зная, как поступить.

— Погрузите меня в лодку вместе с мертвыми немцами. Может, мне где-нибудь по дороге удастся сбежать.

Поняв, что отказ равносителен смерти, Пестрый спокойно положил крышку на место, скрыв Обрада от глаз, немецких солдат, стоявших поблизости.

«Сказать об этом Бумбару?.. Нет, лучше уж промолчать», — решил Пестрый. Неторопливо подойдя к грузовику, он помог Бумбару перетащить немца, шея которого была изуродована рваными ранами от пуль. Он все время с ужасом думал о том, что в гробу могут найти живого партизана. «А тогда...» Что может быть «тогда», он боялся даже представить себе и потому торопился поскорее со всем покончить. Наконец он заколотил последний гроб...

Отделенный от окружающего мира досками гроба и мучимый неизвестностью, Обрад вытирал со лба пот, прислушиваясь к ударам молотка по дереву и шуму реки... Кто-то сказал, чтобы осторожнее заносили гробы в лодку. Подошли и к гробу, в котором был Обрад. Сначала гроб потащили волоком, потом чьи-то руки подняли его. Обрад услышал хрипловатый от натуги голос Бумбара:

— Этот что-то уж очень тяжел. Хорошо, что последний. — Положим его вот здесь, с краешка. Потом легче будет вытаскивать, — стараясь говорить безразличным тоном, сказал Пестрый.

— Кажется, не хватает одного пустого гроба, — заметил Бумбар, и от этих слов Обрада прошиб холодный пот.

— Что это тебе взбрело в голову? Ты просто напутал, когда считал трупы, — стал уверять приятеля Пестрый и сел на крышку гроба, в котором лежал Обрад.

— Да нет, не мог я обсчитаться. Хотя, бог его знает... Гробы все на месте. Пустые или нет — один черт. Может, действительно оказалось на одного покойника больше?

— Конечно, мы обсчитались, — успокоил его Пестрый и взялся за весло.

На другом берегу гробы перегрузили в машину. Судя по скорости погрузки, Обрад решил, что это сделали солдаты. Грузовик медленно покатил в город. Голосов могильщиков больше не было слышно.

В гробу было нестерпимо душно. У Обрада мелькнула мысль, что они едут на городское кладбище, и он со страхом подумал о том, что может живым оказаться в могиле. К счастью, гробы установили в каком-то помещении, и вскоре все стихло. Тут Обраду невыносимо захотелось спать. Проснувшись, он почувствовал, что все его тело затекло. Обливаясь потом от духоты, прислушался. Тишина, запах плесени и воска наполнили его душу непонятной тревогой. Он решил, что, наверное, еще не рассвело, потому что сквозь щели гроба не проникал дневной свет. «Надо открыть крышку, тогда можно будет сориентироваться». Упершись локтями в дно, он напряг все силы, пытаясь приподнять крышку плечами. Наконец она отскочила.

«Церковь... Я по-прежнему в обществе мертвых фрицев. Интересно, стерегут ли живые немцы своих покойников?»

В ноздри ему ударил тяжелый запах разложения. Зажав рукой нос, он выглянул в маленькое окошко, через которое в церковь проникал слабый лунный свет. С этой стороны церкви было кладбище — он увидел очертания памятников. Обрад взял свою винтовку и снова вернулся к окну. Теперь он заметил немецкого солдата, который прохаживался по дорожке между церковью и кладбищем.

«Часовой! Так я и думал! Черт бы его побрал!..»

Обрад прикусил губу, лихорадочно размышляя, как поступить. Осторожно обойдя гробы, он подошел к двери и легко нажал на ручку. Дверь подалась, она была незаперта. Обрад начал обдумывать, как обмануть часового. Но все, что приходило в голову, казалось трудно осуществимым. Приближение рассвета заставило его действовать быстрее. Выбор у него был небольшой: или проскользнуть за спиной часового, рискуя быть обнаруженным, или же неожиданно напасть на него и убить. Оба варианта требовали выдержки и точного расчета. Обрад остановился на втором, хотя он и казался более трудным. Поставив винтовку у дверей, Обрад осторожно выглянул наружу. К часовому шла смена. Обрад слышно прикрыв дверь и замер.

«Этому не придется заплатить за мои несчастья. Случайность... Но удастся ли мне спастись?..» — промелькнуло у него в голове.

С ножом в руке, босой, Обрад подкрадывался к врагу для решительного броска. Как тигр прыгнул он немцу на спину, повалил и ударил ножом. Затем перетащил немца в часовню и положил в тот самый гроб, который еще недавно служил убежищем ему самому. Он опустил на гроб крышку и пробормотал:

— Ну вот, теперь им придется поломать голову, куда девался часовой.

Потом он засунул винтовку немца в бурьян за церковью, а свою вскинул на плечо.

Когда рассвело, Обрад был уже далеко от города. Войдя в лес, он вскоре наткнулся на партизанский патруль. Его проводили к командиру отряда, которому он и нес пакет. Командир встретил его хмуро:

— Мы уже сами пытались прорваться к ним, но не смогли. А сегодня узнали, что твой взвод вчера вечером принял свой последний бой... Так что оставайся пока с нами.

У Обрада потемнело в глазах, когда он услышал это страшное известие. Он попросил воды. Командир налил ему из глиняного кувшина. Обрад залпом выпил и тяжело опустился на стул. Командир, на зная, что сказать, и понимая, что любые утешения излишни, вышел...

Оратор закончил говорить, и Обрад, очнувшись от воспоминаний, тряхнул головой. Он поднялся, намереваясь уйти, чтобы никто не мог увидеть его лица и прочитать на нем всю невысказанную боль.

— Куда ты? — положил Обраду на плечо руку его старый товарищ, который только что закончил свою речь.

— Я хотел уйти вон туда, в тень, — махнув палкой в сторону молодых акаций, ответил Обрад.

— Нет, сегодня ты не уйдешь в тень. Я понимаю твою скромность, но... Пожалуйста, останься. Поговори с матерями павших партизан, постарайся смягчить их боль...

— Раз просишь, останусь. Хотя, сказать по правде, мне и самому нелегко...

Кровавая жатва

Долина была залита солнечным светом. Колыхались спелые хлеба. В той стороне, где между стройными березами бежал ручеек, цепочкой двигались жнецы. На краю долины высилось несколько холмов, покрытых яркой зеленью. В конце ее, там, откуда бежал ручей, холмы становились выше и круче. На их склонах виднелись в беспорядке разбросанные небольшие домишки, окруженные сливовыми садами... В другом конце долины белела одинокая церквушка. А над всем этим в легкой дымке плавилось от зноя лазурное небо. Вдали, над круто вздымавшейся вверх горной вершиной, появилась туча и медленно поплыла на север.

Ложились под серпом колосья, за жнецами на стерне оставались ровные ряды снопов, а перед ними от легкого ветерка, который со склонов холмов струился в долину, качались волны спелой пшеницы. Жнецы раскраснелись, по их лицам тек пот. Обогнав всех женщин, ловко вязала снопы стройная черноволосая девушка. Толстые косы падали ей на грудь, мешая работать, и она то и дело быстрым движением откидывала их за спину. У нее были большие лучистые глаза, лоб закрывал платок, из-под которого выбивался непослушный выющийся локон.

Первым шел молодой парень в длинной рубахе навыпуск. Работая серпом, он время от времени поглядывал на девушку, прикидывая на глаз, сколько ей до него еще осталось. Торопясь, он иногда, неосторожно взмахнув серпом, задевал землю, быстро вытирал его о штаны и спешил дальше. Пройдена была уже почти половина поля.

На меже устало выпрямилась женщина. Упершись руками в бедра, она посмотрела, много ли еще осталось, вытерла платком лицо и пронзительным голосом закричала остальным:

— Смотрите-ка, Дара-то поджигает суженого! Заставляет попотеть своего женишка! Смотри, Раде, — добавила она, — не давай девке куражиться. А то ишь, собралась замуж и думает, что ей равной нет. — И женщина снова взялась за серп.

Все рассмеялись, а Раде еще быстрее заработал серпом. Когда ему удалось оторваться от девушки на несколько шагов, из-за холма, перепрыгивая через кусты ежевики, выбежали вооруженные люди. Крестьяне на поле не сразу их заметили. Дара первая услышала топот сапог по камням у ручья и, выпрямившись, испуганно оглянулась. Серп выпал у нее из рук.

— Усташи! — в ужасе прошептала она, не решаясь крикнуть, чтобы предупредить остальных, которые, ничего не подозревая, по-прежнему работали, наклоняясь низко к земле.

В этот момент к ней подошел Раде и увидел выражение ужаса на ее лице. Такого ему еще никогда не приходилось видеть. Он бросил взгляд в ту сторону, куда смотрела Дара, и заметил усташей, которые уже шли по полю, направляясь прямо к ним. Остальные жнецы, тоже заметившие усташей, так и застыли с серпами в руках.

Усташи быстро приближались, держа оружие наперевес.

— Вы убили нашего Анте! — хрипло крикнул один.

— А тело спрятали!.. — подхватил другой.

— Мы не убивали. Мы даже не знаем, кто это такой, — испуганно проговорила Дара.

— Молчи, сволочь! Ты ему отрезала уши, а теперь изображаешь из себя невинную! — прошипел один из усташей.

Раде крепко сжал руку Дары, понимая, что будет лучше, если она помолчит.

Ругаясь и дыша перегаром, усташи приказали жнецам бросить серпы и погнали всех мужчин и женщин вдоль ручья.

На поле в несжатой пшенице осталась широкая примятая полоса. На один из снопов села ворона, открыла клюв и растопырила крылья, точно ей было жарко. Откуда-то появившаяся на поле собака вспугнула ее, и ворона полетела вслед за крестьянами, которых уводили усташи. Пролетая над ними, она несколько раз каркнула и скрылась за деревьями.

Раде шел рядом с Дарой, касаясь ее плечом. Они находились в самой середине толпы и изнемогали от жары. Босые ноги жег раскаленный песок. Лицо Раде с черным пушком на щеках было бледным, глаза смотрели устало, на бровях дрожали капельки пота. Дара еще не остыла от работы, на щеках ее играл румянец, но в глазах уже не было прежней веселости. Губы у девушки пересохли, ее мучила жажда.

Когда они вышли на дорогу, усташи ударами прикладов стали выстраивать их в колонну. Больше всего ударов пришлось на долю уже немолодой женщины, которая шла последней. Она все время причитала, еще больше озлобляя этим усташей:

— Ой, малютки мои бедные! Остались вы без матери!.. А я даже не простилась с вами!

Раде оглянулся. Женщина упала в пыль. Из носа у нее пошла кровь. Усташи продолжали избивать ее, а потом поволокли окровавленное тело к обочине дороги.

К вечеру крестьян, избитых и истерзанных, привели в какое-то село и загнали во двор дома католического священника. Открылась дверь, и показался жирный священник.

— А, стадо божье! Сейчас вас принесут в жертву богу нашему Иисусу Христу. Господь будет доволен.

Он взмахнул крестом, который висел у него на шее, и вернулся в дом. Окруженные разъяренными усташами крестьяне в ужасе переглядывались. Через некоторое время толстый священник снова вышел. Его сопровождал жупан. По знаку священника на крестьян посыпались удары. Потом их погнали мимо старой церкви к околице села. За селом у оврага, где росли два дерева, усташи остановились. Священник встал на краю оврага и, держа в правой руке крест, а в левой библию, сказал:

— Сейчас вы по очереди исповедуетесь, чтобы с просветленной душой перейти в мир иной. Может, и райские врата перед вами распахнутся, если вы покаетесь в своих прегрешениях. Начинай ты, дочь моя, — обратился он к стоявшей перед ним Даре. — Поведай мне о своих грехах.

— Ах ты собака! Кровопиец проклятый! — закричала она, сжав кулаки.

К девушке подскочил один из усташей, толкнул ее к краю оврага и поднял винтовку. Раздался короткий выстрел.

— Продолжим исповедь, — произнес священник.

Обезумев от отчаяния, Раде бросился бежать, вслед за ним кинулись и остальные. Загрохотали выстрелы. Спасти удалось только одному из несчастных.

Солнце заходило за холмы, окрашивая стволы деревьев в кроваво-красный цвет. Прижимая библию к животу, священник расхваливал усташей за усердие. Он ухмылялся, и его золотые зубы горели на солнце.

На дне оврага журчал ручеек.

С клена, под которым лежала Дара, с жалобным писком упал еще не оперившийся воробушек. Смешно растопырив слабые крылышки, он доковылял до Дары и забился под упавший с ее головы платок, который чуть шевелился от легкого ветерка. Тут же слетели еще два воробья, видимо его родители, и начали хлопотать вокруг, пытаясь спасти свое чадо.

— Проверьте, все ли мертвы, а то, может, кто-нибудь только притворился покойником, — приказал командир усташей и сел у ног священника.

Когда усташи осмотрели всех убитых и добились старика Мията, который еще дышал, они вернулись в дом священника, где их ждала ракия и жаркое.

На следующее утро два местных могильщика вырыли в овраге неглубокую яму, свалили в нее трупы и засыпали землей.

Спасшийся крестьянин рассказал в селе обо всем, что случилось. И вскоре по долине поползли слухи, что будто бы «дышит» земля в том месте, где закопаны крестьяне, и на поверхности проступает кровь.

Ориентиры

Митар очнулся, когда полил дождь, и не сразу понял, где находится. Сначала он почувствовал, что насквозь промок, а левая нога совершенно занемела. Он осторожно вытянул ее и попробовал пошевелить ступней. Под пяткой образовалось углубление, которое сразу же наполнилось мутной водой. Туго наложенный бинт сдавливал голень, грудь тоже была забинтована, и от этого было трудно дышать.

Митар помнил, как его ранило. Сначала он почувствовал, как его ударило в грудь слева, потом обожгло ногу. Он застонал, и к нему тут же подползла санитарка Айша. Она начала останавливать толчками бившую из раны кровь. Потом глаза его застлало какой-то розоватой пеленой... Что было после, он не помнил...

Митар вытянул шею и прислушался. Дождь шумел в верхушках сосен, капли быстро стекали по коре.

«Я был на запасной позиции. Да-да... — Его блуждающий взгляд остановился на черневшей в ветвях ближайшего к нему куста каске. — Немец! Нашим все-таки удалось вырваться из кольца. А я?..»

Его охватил страх, одна за другой замелькали тревожные мысли. Митар усилием воли заставил себя не думать о плохом.

Он пошевелил пальцами ноги, проверяя, хорошо ли держатся бинты. Раны под набухшими от крови повязками болели все сильнее.

«Надо что-то сделать, что-то предпринять. Сейчас же!.. Попробую идти».

Опираясь на согнутую правую ногу, он стал осторожно подниматься. Взмахивая рукой, чтобы не потерять равновесия, выпрямился во весь рост, отставив раненую ногу далеко в сторону и боясь наступить на нее.

«Так, потихоньку, еще немножко... — Он осторожно нажал на ногу, ее пронизала боль, но терпеть было

можно, — Наверное, смогу идти...»

Сделав несколько шагов, он подобрал толстую сухую палку, чтобы опираться на нее при ходьбе. Еще два-три шага — и он оказался у того куста, где несколько минут назад заметил немецкую каску. По ней стекали струйки дождя. Немец лежал, уткнувшись в землю. Митар хотел заглянуть ему в лицо, но потом понял, что это стоило бы ему слишком больших усилий, и отказался от своего намерения. Плечо немца оттягивали ремни ранца, из которого торчала свернутая плащ-палатка; в руке, наполовину скрытой опавшей листвой, поблескивал пистолет.

«Пригодится и то и другое», — решил Митар. Он вытащил плащ-палатку, а потом, боясь согнуться, палкой подцепил за скобу пистолет и поднял его.

«Это иногда удобнее, чем винтовка, да и полегче». Митар поднял глаза к небу. Непогода стихала, темные тучи уползали за далекие горы. В просветы между облаками стало выглядывать солнце. «Куда теперь?»

Тревожно, неприветливо шумели обступившие его со всех сторон сосны. Митар огляделся. От мокрой земли поднимались пахнущие гнилью испарения. Справа от него на поляне чернело что-то похожее на корявый пень. Это оказалось скорчившееся человеческое тело. Партизан был сражен очередью разрывных пуль. Об этом говорили рваные раны на его теле.

«Может, наши пробивались в этом направлении?»

Митар стал внимательно осматривать землю в надежде отыскать следы. Однако дождь позаботился о том, чтобы не оставить ничего. Раненый отправился дальше. Нижние ветки деревьев были сбиты пулями. По множеству свежих следов от пуль и осколков на стволах деревьев можно было понять, какой жестокий бой шел в этом лесу. На небольшом пригорке лежал, широко раскинув руки, еще один немец. Он был изрешечен пулями. А внизу, за трофейным пулеметом, тесно прижавшись друг к другу, лежали двое партизан: наводчик и его помощник, который, казалось, спал, подложив под голову фуражку.

«Эх, товарищи мои, никогда не думал, что вы послужите мне безмолвными ориентирами».

Лес казался бесконечным. Митар шел уже полдня, то и дело натываясь на убитых партизан, среди которых оказалось много его знакомых. Он с трудом сдерживал слезы. Однажды Митар все-таки не стерпел. Прислонившись к толстому буковому стволу, он заплакал. Плакал в голос, не обращая внимания на то, что его рыдания далеко разносятся по притихшему лесу.

Из-за дерева слева от него, у самой земли, показалась немецкая каска. Затем высунулась рука с парабеллумом. Рука дрожала. Раненый немец собрал последние силы, чтобы унять дрожь и лучше прицелиться. Он очень боялся промахнуться. У него сильно дергалось левое веко, лоб покрыли крупные капли пота. Он целился Митару в грудь. Потом судорожно нажал на спуск. Руку с пистолетом подбросило вверх. Это был последний патрон. Немец ждал, что Митар упадет. Тот, однако, лишь дернулся от неожиданности, но уже в следующее мгновение спрятался за ствол дерева и выхватил свой пистолет. Потом осторожно высунулся, удивленный тем, что немец больше не стреляет. Два человека — один в шапке со звездой, другой в стальной каске — настороженно выжидали. Митар догадался, что этот немецкий солдат находится в таком же положении, что и он. Партизан решил пойти на переговоры. Труднее всего было начать.

«Позвать его? Что он будет делать? Откликнется или будет стрелять?..»

Митар помахал рукой, предлагая перемирие. Ничего. Лес дышал спокойствием, на него тихо опускались первые сумерки.

— Эй, ты!

Лишь эхо тревожно прокатилось по лесу.

«Не ждать же так до ночи», — решил Митар, поднял пистолет и вышел из-за своего укрытия.

Немец задрожал, увидев хромящего человека, который направил на него пистолет, хотел было бежать, но раздумал, боясь выстрела в спину. Он поднял руки и ждал.

— Не бойся, я не стану тебя убивать, — сказал Митар.

В глазах немца сквозил страх.

— Почему ты не стрелял? Что, все патроны израсходовал?

Немец не понял его. Он вдруг расстегнул свой френч и показал Митару рану на животе, кое-как перевязанную нижней рубашкой вместо бинта.

— Понятно! Болит. Еще бы!.. В общем я даже рад, что тебя встретил. Я не выношу одиночества. Один я бы загнулся в этом чертовом лесу.

Он показал немцу тропу, и они молча побрели вперед.

Через некоторое время немец вдруг остановился и рухнул в негустую траву. Из его груди вырвался хрип. Он заговорил о чем-то, размахивая руками, но Митар не понимал ни слова. Дыхание немца участилось, ноги судорожно царапали землю.

«Он не притворяется. Ему худо...»

Митар с трудом нагнулся, снял с него каску. На потный лоб немца упали густые льняные волосы.

— Бедняга, конец тебе приходит!

Митар осмотрел рану — это была страшная студенистая масса.

— Сейчас я тебя получше перевяжу...

Он не успел закончить перевязку. В застывших глазах немецкого солдата отразился холодный свет только что взошедшего месяца. Митар закрыл каской его лицо и тяжело вздохнул. Потом отошел в сторону и лег в густом папоротнике.

Утром его нашли партизаны, которые вернулись, чтобы собрать оружие и проверить, не остался ли кто живой на месте боя. Митар узнал, что немцы отступили берегом реки, вероятно, вернулись в город, чтобы передохнуть и пополнить свои поредевшие батальоны.

Сердце матери

Люди кричали, что надо бежать. Одни бросились на восток, другие на север. Стана сидела на телеге. Правил лошадьми ее сын Бранко. Перегруженная телега жалобно скрипела. Из дома было взято все, с чем не хотелось расставаться. А с чем было легко расстаться, если люди жили в доме не одно десятилетие? К большому тюку была привязана сухая тыква. Семечки в ней шуршали, когда телега ехала по ухабам. Этот звук раздражал Стану, и тогда она оборачивалась к сыну и просила:

— Брось тыкву!

Она и сама не знала, почему именно этот негромкий звук выводит ее из себя, а того, что противно скрипит телега и вдали то и дело раздаются взрывы, она не замечает.

Они доехали до перекрестка и увидели перед собой три дороги.

— Куда теперь? — спросил Бранко.

— Лучше нам свернуть в сторону.

Мать очень волновалась; от ощущения близкой опасности лоб ее прорезали глубокие морщины, губы чуть-чуть дрожали. Она хотела сказать еще что-то, но от волнения не могла произнести ни слова. Горло сдавило, стало трудно дышать.

— Ну же, сынок, поворачивай куда-нибудь! Быстрее!.. Они уже близко!..

Она взмахнула рукой, словно пытаясь отогнать страшную опасность. Поводья натянулись, и телега, свернув с дороги, покатила по целине.

— На нас кто-то смотрит! — обернулась Стана к сыну.

Из-за куста боярышника за ними действительно следили чьи-то внимательные глаза. Потом человек этот выпрямился во весь рост, привычным жестом коснулся рукой усов и спросил:

— Ну, что стали? Езжайте дальше!

Бранко оглядел незнакомца с ног до головы. Тот было снова открыл рот, чтобы что-то сказать, но тут вмешалась Стана:

— Чего расшумелся-то? И без тебя тошно!

— Бежите, куда глаза глядят?

Стана заметила за спиной незнакомца залегших партизан и поняла, что немцы уже совсем близко.

— Можно у вас тут телегу оставить? Мы пока хоть коней уведем.

Усатый партизан ничего не ответил, но Стана поняла его молчание как согласие. Мать с сыном распрягли лошадей и побежали с ними к лесу. Стана на бегу обернулась и, задыхаясь, прошептала:

— Берегите себя, милые! Помогите вам господь!..

Так она всегда благословляла людей — на уборке урожая и жатве, на крестинах и свадьбах. Во многих крестьянских домах пелись ее песни, из уст в уста передавались ее слова. Стана всегда радовалась и гордилась тем, что люди ее уважают и внимательно прислушиваются к тому, что она говорит...

Брко, молодой партизан, осторожно выглянул из-за редких кустов. Он даже не снял винтовку с плеча. Остальные бойцы были целиком поглощены предстоящим боем; приготовив оружие, они напряженно ждали, не открывая огня. Их было немного, и у них осталось мало патронов. А немцы подходили все ближе, ведя огонь из автоматов.

— Каждый может израсходовать по десять патронов. Если они не остановятся, придется отходить к реке. Лодки уже готовы, — раздался из середины цепи хриловатый голос командира.

«А эти двое, парень с матерью, и их дивные кони?.. Зачем они здесь?» — мелькнуло в голове у Брко.

Он оглянулся. Из села в направлении гряды холмов вела песчаная дорога, растекаясь на несколько узких тропинок. Они петляли между заборами и живыми изгородями, спеша увести идущих под прохладную тень соснового бора. А среди деревьев еще различались фигуры отставших беженцев. Над их головами свистели пули, и люди испуганно жались к толстым стволам.

«И чего эти двое не бросили сразу к чертям свое барахло? Они бы теперь уже где были! Сейчас ведь главное — уцелеть!..»

Брко подумал, что надо было посоветовать им укрыться в траншее, но поздно: мать с сыном находились уже далеко.

Стрельба участилась, и он прижался к земле. Рядом ударила в землю разрывная пуля. Брко сжался в комок, ему уже приходилось видеть раны от таких пуль: входное отверстие маленькое, с лесной орех, а выходное — огромная рана с рваными краями.

Брко нажал на спусковой крючок. Винтовка подпрыгнула в его руках, приклад ударил в плечо. Немцы, однако, продолжали наступать, хотя и несли серьезные потери. Спотыкаясь о камни, путаясь в кустарнике, они все же спешили пробиться к дороге.

Командир понял, что им не сдержать яростного натиска немцев, — партизан слишком мало.

— Надо уходить! — решил он и стал выбирать, где удобнее спуститься к реке. Он отдал необходимые распоряжения, выделил нескольких бойцов для прикрытия.

Партизаны стали отходить. Брко, шедший последним, предложил:

— Может, пойдём опушкой леса, захватим тех двоих? И лошадей... Ох, хороши кони, товарищ командир!

Лощиной, укрывавшей их от неприятельских пуль, партизаны стали пробираться к лесу.

— К реке пройдем за холмами. Ты прав, надо вывести тех двоих, — сказал командир.

— А кони?

— Черт с ними!

Оставшиеся для прикрытия бойцы залегли в канаве у дороги. У кустов, где еще недавно лежали партизаны, теперь находились немцы.

С дороги было видно далеко вокруг. Вдали серебром поблескивала река, временами ветер доносил до партизан ее негромкий шум. На берегах ее качались стройные березы.

Брко с группой партизан уже добрались до леса. Скрываясь за деревьями, они рассыпались по опушке. Надо было спешить, и Брко громко позвал:

— Эй, мать, где вы? Выходите скорей!

Эхо разнесло его голос по лощине. Заржал конь, затем невдалеке раздался крик:

— Мы здесь! Немцы далеко?

— Сейчас будут здесь, скорее!

— А кони?

— Да бросьте вы их!

Со стороны дороги донеслась ожесточенная пальба, слышались взрывы гранат. Брко выругался. Стане показалось, что это относится к ней, но она все равно была благодарна партизанам, которые не забыли о них в суматохе боя.

Все бросились к реке. Бежали молча, слышно было только прерывистое дыхание людей.

— Эх, какие жеребцы были! — запричитала Стана.

— Да ты... — Брко едва сдержал уже готовое сорваться резкое слово.

— Как я их выхаживала! — все никак не могла успокоиться женщина, и в ее голосе слышалось отчаяние.

— Немцы!

Пока Брко перезаряжал винтовку, Стана опустилась на землю у его ног, остальные партизаны залегли поодаль.

— Бегите!

Стана поднялась первая и бросилась бежать, крича:

— Бранко, скорее! Ох, пропали наши жеребцы!

Петляя, чтобы помешать противнику целиться, партизаны спешили через лес. Дышать стало труднее: бежать приходилось в гору. Брко отступал последним, отстреливаясь на ходу.

Среди грохота выстрелов его привычный слух различил характерные хлопки разрывных пуль, и ему стало не по себе.

— Не убежать нам! — задыхаясь, кричала Стана. Она все время оглядывалась на сына, боясь, как бы он не отстал.

А юноша растерялся, в его широко раскрытых глазах появился ужас. Позади них яростно заливались автоматы...

Когда послышался крик сына, мать в ужасе застыла на месте:

— Бранко, сынок!

— Не останавливайся! — закричал Брко. — Я ему помогу!

Юноша бездыханный лежал на земле. Стана, не слушая криков Брко, бросилась к нему. Но Брко, использовав короткую передышку, преградил ей дорогу:

— Я его вынесу, беги!

Под ливнем пуль Брко пополз назад. Вражеский пулемет бил не переставая, не давая приблизиться к скорчившемуся на земле телу. Брко пополз в обход. Стана не могла двинуться с места и только шептала молитвы, стараясь не думать о самом страшном. Брко был уже рядом с ее сыном. Он окликнул Бранко, но в ответ не услышал ни звука. Он перевернул юношу на спину:

— Черт, так и есть, разрывная!..

Брко осторожно поднял погибшего.

— Неси его сюда! — закричала мать. — Он поправится, вот увидишь! Дай мне винтовку!

Глядя, как Брко несет ее сына, она еще надеялась, что Бранко жив.

Схватив винтовку, она открыла огонь по немцам.

Когда партизаны были уже по другую сторону холма, Брко проговорил, боясь взглянуть Стане в глаза:

— Вот он, мать.

— Ну, как он? — Она склонилась над телом сына и сразу поняла, что случилось самое страшное. По щекам ее покатились две слезинки, она судорожно прижала руки к груди. Постояв так несколько минут, она глухо сказала:

— Уходите! А меня оставьте. И винтовку мне дайте.

Командир не сразу понял, что она хочет делать.

— Идите, а я здесь дождусь изуверов! Я хочу отомстить!

— Нет, надо идти. Пойдем, мать. Мы понесем твоего сына. — Командир потянул ее за руку. — Брко,

Ранко, будете прикрывать нас, пока мы не переплывем на ту сторону.

— Я останусь с ними! — твердо сказала Стана...

Лежа на вершине холма, она со злым хладнокровием выпускала пулю за пулей в мелькавшие среди стволов черные фигуры. Она стреляла, забыв обо всем на свете, и партизанам, оставшимся с ней, пришлось окликнуть ее, когда настало время уходить.

Лодка быстро перенесла их на тот берег. Словно утешая мать, тихо и ласково шумели березы.

На другом берегу Стана подошла к командиру:

— Я хочу остаться с вами. Буду шить, стирать, всегда ведь найдется какая-нибудь работа и для меня.

— Оставайся, мать! — согласился командир, стараясь загородить от нее бойцов, торопливо отрывавших могилу под березой.

Преданность

Пес неподвижно сидел на пепелище, грустно глядя в одну точку. Казалось, он чего-то ждал.

Собачью морду украшала белая полоса, которая шла от лба до самого носа, и это придавало псу вид задумчивый и сосредоточенный.

Из села донесся приглушенный расстоянием лай. Пес даже не повернул головы. Морда у него была испачкана пеплом, а в глазах отражалась горестная картина. От дворовых строений остались лишь обугленные стены. Судя по всему, животное сидело здесь без движения уже не первый час и, видимо, успело привыкнуть к этому невеселому зрелищу.

Медленно текли минуты. Пес не уходил. Он сидел в обычной собачьей позе: выпрямив передние лапы. Вокруг прыгали птицы, щебетали, раскапывали золу, не сводя настороженных бисерин-глаз с неподвижного животного. Самым нахальным оказался один воробей. Он сел псу прямо на спину, потом осторожно перебрался ближе к голове, заглянул в морду, в тоскующие собачьи глаза. Вдруг он заметил у него на шее блоху и клюнул.

Пес зарычал, тряхнул головой и поднялся. Он подошел к кучке углей, на которую так долго смотрел, понюхал ее, но тут же с рычанием отскочил. Рычание перешло в протяжный вой. Пес хотел позвать людей, обратить их внимание на этот засыпанный золой и пеплом труп. Однако никто не отозвался. Поджав хвост, пес отбежал под старую грушу, на стволе которой виднелись совсем свежие следы от пуль, и, свернувшись в клубок, снова стал ждать.

Что же произошло здесь?

Утром небо было безоблачным и ясным. Все обещало погожий, солнечный день. Крестьяне готовились идти на уборку кукурузы. Вдруг все разом замерло и встревоженно прислушалось. Издалека донеслись крики и винтовочная стрельба. Возможно было или остаться в селе и переждать, или, пока не поздно, уйти в горы. Люди выбрали последнее и, подхватив детей и узелки с едой, которую они собирались взять с собой в поле, побежали к лесистым склонам гор, поднимавшихся за околицей села.

В спешке никто не вспомнил о полупарализованной Андже. Ее соседи, чуть живые от страха, убежали из села первыми, вероятно надеясь, что Анджа поможет кто-нибудь другой. Около нее осталась только ее собака. Пес жался к постели хозяйки, жалобно скуля, когда выстрелы раздавались особенно близко.

— Замолчи, — попросила больная. — Я не выношу, когда ты скулишь.

Пес отбежал к двери и сел у порога. Анджа бросила ему корочку хлеба и проговорила:

— Да я не гоню тебя, только прошу не скулить...

Казалось, стрельба понемногу стихает. Но вот где-то совсем рядом грохнул взрыв. Анджа кое-как дотянулась до окна и прижалась лицом к стеклу. На улице было полно солдат с факелами, и это не предвещало ничего хорошего. Ее пробрал озноб, грудь сдавило тяжелое предчувствие. В изнеможении она откинулась на подушку.

«Почему же на меня все несчастья сыплются? — думала она. — Хотя, может, как раз в немощи мое спасение и они меня не тронут? Я никому не сделала ничего плохого. Да и не смогла бы сделать... Ведь эти солдаты, наверное, воюют только со здоровыми?..»

Эта мысль ее немного успокоила, и она стала говорить собаке, что бояться, конечно, нечего. Пес внимательно слушал Анджу, по-прежнему вздрагивая от близких выстрелов.

— Я не знала, что ты такой трус. Как тебе не стыдно? — ласково укоряла его Анджа.

Однако эти укоры не действовали на него. Пес вертелся у порога, скреб лапами дверь, пытаясь открыть ее.

— Я не в силах добраться до двери, чтобы тебе помочь. Почему ты не ушел со всеми?

Больная перегнулась к столику, стоявшему у изголовья, и сгребла с него свое рукоделие: вязаные и вышитые вещи — единственное ее развлечение в часы бесконечного досуга.

После долгого и безуспешного царапания в дверь пес подошел к кровати, положил голову на одеяло и тихонько заснул.

— Ну, чего тебе? — спросила Анджа.

Собачьи глаза выражали безысходную тоску. Анджа испугалась этих глаз и хотела прогнать животное, но тут же поняла, что это было бы бессмысленной жестокостью, и сдержалась. Не стоило обманывать себя, стараясь не думать о том ужасном, неотвратимом, что ждало ее. Дрожащим голосом она спросила:

— Ты пришел проститься, мой верный страж? Ты уже чувствуешь беду?

Тяжело вздохнув, она отвернулась к стене. Конечно, она никого ни в чем не винила. Кто виноват в том, что

ей выпала такая злая судьба? Она не упрекала своих родственников и соседей, которые сбежали, забыв о ней. «У них свои заботы, — думала она. — Им не до меня... Только мать никогда не бросила бы своего ребенка в беде... Разве я виновата, что осиротела так рано? Господи, господа, есть ли ты на самом деле? Или несчастные всегда взывают к тебе потому, что им ничего другого не остается?»

Она снова взглянула на пса и уже спокойно сказала:

— Ты хочешь уйти. Но я не могу добраться до двери, понимаешь? Даже пять метров — слишком большое расстояние, если ноги мертвы. И все же я попробую тебе помочь. У меня ведь есть это!

Она подняла палку и ударила ею по оконному стеклу. Осколки со звоном посыпались на пол. Пес в испуге забился под кровать.

— Вылезай оттуда и уходи!

Пятась задом, пес выполз из-под кровати. Он дрожал.

— Тяжко мне, однако давай расстанемся как друзья. Ты вырос у моей постели. Я всегда разговаривала с тобой и много рассказывала тебе о своем несчастье. Не знаю, все ли ты понял, но в одном я не сомневаюсь: ты был мне верным другом. Давай свою лапу! Прощай! Лезь сюда, — показала она на разбитое окно. — Беги и не попадайся им да глаза!

Пес вскочил на кровать, на секунду замер в нерешительности и прыгнул в окно. Забравшись под густые кусты за домом, он стал рычать на людей с факелами, которые бегали по улицам.

Когда Анджа осталась одна и почувствовала дохловатый с улицы запах гари, ее охватил страх. Она в иступлении колотила палкой по своим парализованным ногам, словно мстя кому-то за все страдания. Палка тупо ударяла по не чувствующим боли лодыжкам, ступням, коленям... Она выпустила палку лишь тогда, когда на чердаке послышалось потрескивание горящего дерева. Комната стала заполняться дымом. Это был конец. Анджа, правда, еще надеялась, что эти люди откроют двери и помогут ей выбраться. Она молча ждала... Но вот занялись доски двери, от едкого дыма стало трудно дышать. Тогда она попыталась добраться до окна, но парализованные ноги были словно прикованы к кровати. Она ужасно закричала и, задышавшись, упала на подушку...

Услышав крик, пес выскочил из своего укрытия, заметался по двору, хватая поджигателей за ноги. В него несколько раз выстрелили, не попали, и он бросился прочь. Опрометью промчавшись по улицам села, он скрылся в лесу, откуда вышел лишь тогда, когда в селе все стихло, огонь погас и люди с факелами ушли.

...Он дремал под грушей, ждал, когда вернутся люди. Но наступил уже вечер, а никто не приходил. Устав ждать, он задрал к небу голову и завыл протяжно и тоскливо. Через некоторое время он замолчал, снова обнюхал обугленный труп, а потом начал передними лапами рыть рядом с ним землю. Тут подошел Стоян, сосед Анджи.

Пес в испуге отскочил, бросился было бежать, но тут же узнал старика и вернулся. Понурился, он подошел к нему и тихонько заскулил. Стоян нагнулся, ласково провел рукой по его спутанной шерсти и горестно проговорил:

— Ах ты, бедолага. Не бросил свою хозяйку... Ну ладно, не скули, этим уже горю не поможешь. — И он взялся за лопату.

Ночь в Стригове

Свет от костра падал из открытой двери сарая и разгонял тьму. Неподалеку от огня была навалена солома. Делегат АВНОЮ¹ Стево сидел, прислонившись спиной к стене, и пытался заснуть. Стоило ему лишь прикрыть веки, как перед глазами вставала картина сожженного села, из которого они вчера выбили усташей. Напротив него лежал на соломе партизанский связной Младжен. Разувшись, он протянул ноги к огню, а голову засунул в большой деревянный чан из-под ракии, чтобы свет не мешал спать. Он никак не мог устроиться поудобнее и беспрестанно ворочался, шурша соломой.

— Эх, дружище Стево! Запах-то какой в этой кадлушке!.. Сейчас бы сюда поллитровку ракии! Глотнешь — и спи себе до утра.

— Ты еще молодой, чтобы водку пить... Она печень сжигает, — проговорил Стево.

— Да, молодой! — Слова Младжена гулко отдавались в деревянной посудине. — Молодой, а сколько всего повидавать пришлось! С тринадцати лет воюю. Привык уже. Девчата вон говорят, что я грубый, но тут уж ничего не поделаешь — таким меня жизнь сделала. Можно сказать, состарился молодым. Однако вот ты, товарищ делегат, нисколько не похож на старого, закаленного в боях партизана. — Младжен осторожно вытащил голову из чана и сел. — Вот скажи, ты убил хоть одного врага? — спросил он.

— Всякое бывало, — неопределенно ответил Стево.

— Нет, ты скажи, хоть одного усташа отправил на тот свет?

— Какой ты любопытный! Я стрелял во всех усташей, которые попадались мне на мушку.

Щеки молодого партизана покраснели от жаркого пламени. Он был явно недоволен ответом.

— Эх, трудно с вами, с образованными, разговаривать! Непонятные вы какие-то. А вот если бы ты меня спросил, как я тебя сейчас, то я бы ответил так: дорогой мой, связной Младжен прикончил их немало, но ни одного — просто так, от нечего делать. Не люблю я этого. Даже расстреливать не могу. Не по-мужски это как-

---

1 Антифашистское вече народного освобождения Югославии. — Прим. ред.

то — стрелять в безоружного... Другое дело в бою, когда он в тебя тоже целит.

— Это верно, — согласился Стево.

— Еще бы не верно! — очень серьезно заключил Младжен.

Он задумался, собираясь задать новый вопрос. Молодые всегда очень любознательны. Война помешала их учебе, и обычное стремление к познанию превратилось у них в настоящую страсть.

Младжен взглянул на кучу соломы:

— Маркан с головой закопался. И храпит, как медведь. Вот у кого все просто! Бывало, идешь с ним по бездорожью, спросишь, где ночевать будем, а он отвечает: «Не бойся, земля — перина, небо — одеяло, переночуем лучше, чем в доме». И добрый он очень. Я готов поспорить: не пройдет и нескольких дней, и ты его полюбишь, как родного брата.

Стево посмотрел на ворох соломы, который медленно поднимался и опускался в такт дыханию спящего. Оттуда доносился мощный храп, заглушая потрескивание сырых поленьев в костре. Стево вчера впервые встретился с этим уже немолодым партизаном, который представился ему так: «Маркан, командир взвода связистов, остальные подробности про мою личность пусть тебе другие рассказывают. — Он держал небольшой кусок кукурузного хлеба, тут же разломил его и протянул Стево: — Пожуй-ка! Чем богаты, тем и рады». Стево поблагодарил и отказался. «Кто на войне не ест того, что само в руки идет, тот долго не продержится», — заметил Маркан. Ничего не говоря. Стево показал ему кусок зачерствевшей погачи, который уже три дня таскал в кармане. Однако Маркан, похоже, все-таки немножко обиделся. Это было видно по его лицу. Он подкрутил усы, кашлянул в кулак и сказал: «Тебе здесь, товарищ делегат, будет хорошо. Отдохнешь, подлечишься. Будешь нам газеты читать, чтобы Младжену передышку дать. Попутно и его подучишь. Надо из него настоящего человека сделать. Он молодой еще, горячий не в меру, да и мозги у него немного набекрень, но это все ничего. Веселый он, пошутить, посмеяться любит. И смекалистый... Меня-то, дурака старого, уже ничему не научишь, а он все ухватывает... Ну ладно, пойду-ка сосну, а то ведь весь день топать пришлось». И он побрел к сараю. Обернувшись, он бросил: «Еще наговоримся, товарищ делегат!»

В сарае он разложил костер, к которому потом подсели Стево и Младжен. Весь отряд ушел в Унскую долину — партизаны получили приказ взорвать немецкий бронепоезд.

Младжен бросил взгляд на открытую дверь сарая.

— Не привык я спать, не выставив часового. По-моему, мы стали забывать об осторожности.

— Так ведь мы же на свободной территории, — заметил Стево.

— Осторожность никогда не помешает. Я вовсе не хочу, чтобы меня прирезали во сне, как ягненка. Здесь уже были такие случаи. Вот в Комленаце, например... Усташи ворвались ночью в село и перерезали всех. Даже скотину и собак не пощадили. Оттого-то там теперь и собачьего лая больше не слышно.

— Ты эти места хорошо знаешь?

— Как свои пять пальцев. Кроме того, я записываю все, что случается с нашим отрядом, и помечаю, по каким местам мы проходим.

— И много у тебя таких записей накопилось?

— Нет, я только недавно начал. — Он вытащил из-под соломы сумку, расстегнул ее и достал потрепанный блокнотик. — Вот это мой дневник.

Стево начал осторожно перелистывать покоробившиеся от сырости страницы. Почерк был твердый, четкий.

— «Маркан поцеловал эту здоровенную Стевку из Тимара», — прочитал он несколько строк и удивился: — Так ведь это, кажется, моя родственница! «Я этого не видел, только слышал чмокание. Они думали, что я сплю в сарае, а я не спал. Уж я их подразню! Они еще потом долго шептались, но я уже не прислушивался. Со стороны Подкозарья раздавалась канонада, и я заснул». — Он перевернул страницу и продолжал: — «Я долго уговаривал Маркана, чтобы помог мне стащить в одном богатом дворе жирную курицу, но он отказался. Ну и дурак! Весь день в животе урчало от голода. Постреляли в немцев через реку. Они в ответ выпустили, наверное, тысяч десять пуль, а все без толку. Здорово!»

Стево листал дальше. Коротенькие записи о виденном, описания боев, имена погибших... Открыл последнюю страницу. Вверху стояла цифра, по-видимому дата. Чернила расплылись, и разобрать ее было трудно.

— Когда ты это писал? — спросил Стево, показывая блокнот Младжену.

— Вчера.

— Это самая последняя запись?

Стево прочитал:

— «Бой был страшный. Штаб был почти окружен, и нам, связным, пришлось вступить в бой. Я стрелял и орал, как сумасшедший, чтобы создать видимость, что нас много. Даже голос сорвал. А Маркан, кажется, немножко струхнул. Он ругался и кричал, чтобы мы берегли патроны, а я тут несколько раз подряд выстрелил из карабина. Видел, как один усташ упал. Маркан как заорет: «Ты что, не слышишь, что тебе говорят?» А я ему: «Одного я уложил, можешь посмотреть». Но он не стал смотреть, а закричал, что надо сменить позицию. Он боялся, что немцы откроют огонь из минометов. Мы бросились в густые заросли ивняка, куда уже отошел штаб. Ранко разодрал штанину до самого бедра, и она у него болталась сзади, как хвост. Когда мы прошли уже несколько километров, Маркан вдруг вспомнил, что мы оставили немцам штабную кобылу Белку. Он рвал на себе волосы и кричал: «Она, бедная, к сливе была привязана! И ведь ни один про нее не вспомнил, черт бы вас

всех побрал!» Не знаю, почему он так шумел. Сомневаюсь, чтобы Белка кому-нибудь понадобилась: она была кривая на один глаз и тощая, как скелет. Я не любил на ней ездить. Да и другие связные тоже. Один только Маркан часто разговаривал с ней, обещал, что после войны купит ей хомут, запряжет и будет пахать землю. Мы все над ним потешались, а Ранко как-то сказал: «Все это хорошо, вот только вопрос, доживете ли вы с ней до конца войны? Ведь даже если пуля вас минует, вы сами, того и гляди, богу душу отдадите, непонятно, в чем она у вас до сих пор держится!» Маркан даже не обиделся на него.

После обеда к нам подошло подкрепление, и мы заставили усташей отойти. Потом меня отправили с пакетом в соседнее село. Когда шел, наткнулся на убитого крестьянина. Рядом с ним лежала собака. Это было на самой дороге, возле сожженной церкви. Под ними растекалась большая лужа крови. Ох, как тяжело видеть такие картины!» Где ты видел убитого человека и собаку? — Стево поднял голову от блокнота.

— При выходе из села. Здесь всех перебили.

Стево продолжал читать. Это была самая последняя запись:

— «В Стригове не лают собаки. Усташа поубивали их вместе с людьми».

На последней странице стояла подпись: «Младжен М. из 6-й бригады».

Стево поднялся. Младжен, который все это время внимательно за ним следил, спросил:

— Думаешь, я понапрасну порчу бумагу?

— Почему же?

— Пишу, чтобы все это не забылось. Если погибну я, останется дневник...

Стево обнял за плечи юношу, ставшего ему удивительно близким и дорогим.

Они вышли из сарая.

— Ты хорошо пишешь, Младжен, не бросай этого, — сказал Стево.

— Мне и самому интересно.

Они стояли перед раскрытой дверью, и по двору протянулись их тени. Стево стал расспрашивать Младжена о жизни. Этот молодой партизан очень заинтересовал его. Вдали, где проходила железная дорога, занялось зарево. До них донеслось несколько взрывов и нечаянная стрельба.

— Там сейчас мой друг Ранкан. Очень я за него боюсь, — тихо проговорил Младжен. — У него сегодня день рождения. А вчера он со мной поделился: его мучает предчувствие, что он должен погибнуть.

— Ерунда, только дураки верят в предчувствия.

— Знаешь, я тоже иногда начинаю очень бояться смерти, только никому не говорю об этом, — признался Младжен.

Он вернулся в сарай, улегся на солому и вскоре заснул, А Стево еще долго стоял, прислушиваясь к далеким разрывам...

Суд

Партизанский суд собрался, чтобы решить дело бойца Йои. Зрители испытывали различные чувства: одни пришли из простого любопытства и теперь с интересом ожидали начала, другим было явно не по себе, третьи шепотом спорили об исходе суда. Йоя в партизанах давно, с первых дней восстания. До этого работал на шахте «Любия», рубил уголь. В отряде он показал себя превосходным пулеметчиком и, кроме того, специалистом по организации засад на дорогах. Руки у него были большие, мозолистые. Он очень этим гордился и любил повторять, показывая собеседнику свои ладони:

— Вот здесь вся моя биография! От начала и до конца. Смотри и завидуй!..

Когда у него отобрали оружие, Йоя сначала растерялся.

— Меня — арестовывать?! — пораженно спросил он у партизан, которые должны были отвести его под конвоем в штаб.

Партизаны молчали, и это молчание было яснее всяких слов. Йоя вспыхнул. Он понял, что на прежнее уважение товарищей может не рассчитывать. А все из-за пестрого и крикливого петуха, взятого без спроса у вдовы Елены из деревни Криваи.

В одном из классов сельской школы на длинной скамье расположились судьи. Лица были хмурые, неприветливые. Лишь глаза одного человека смотрели грустно, без недоброжелательства. Это был связной Малиша, самый молодой партизан в батальоне. Он не очень-то хорошо чувствовал себя в непривычной роли судьи. К тому же он никак не мог понять, почему это Йою, одного из самых храбрых партизан, каких он знал, подвергли такому унижению, почему товарищи смотрят на него с презрением.

«Неужели все это из-за какого-то паршивого горластого петуха? — думал Малиша огорченно. — А скольким петухам я сам свернул головы в своей жизни? Перелетят, бывало, через забор в наш огород и начинают семена из грядки выклевывать. Я бегу их разгонять. Тех, которые побольше да понахальнее, иногда и палкой огрею, а если поймаю, то и голову сверну. Мать меня за это сколько раз за уши таскала, потому я таким лопухим и стал. Не очень-то красиво, но кто будет смотреть на уши на войне? А Йоя всего одного петушка стащил — и вот, пожалуйста. Чего только этим взрослым не взбредет в голову! Решили человека погубить. А из-за чего? В конце концов за этого куренка и заплатить можно. И все бы решилось само собой без шума и сраму».

Малиша мучился в томительном ожидании. Пытаясь успокоиться, он крепко сжал колени и положил на них руки, чтобы удержать дрожь. Украдкой огляделся, не заметили ли товарищи его слабость. Однако все

сидели с равнодушными, как ему показалось, лицами, у многих на коленях лежали планшетки и блокноты. «Чтобы записывать грехи Йою», — подумал Малиша.

Йою, сгорбившись и горестно опустив голову, сидел на стуле перед судьями. Порой казалось, что он внимательно рассматривал рваные носки своих опанков, из которых выглядывали грязные пальцы. Потом он тяжело вздохнул и поднял голову: его тусклый, ничего не выражающий взгляд устремился прямо на Малишу. Тот весь сжался — ему почудился в этом взгляде горький упрек. А судьи неторопливо листали какие-то бумаги, обстоятельно готовясь к такому серьезному делу... Малиша смотрел на лицо Йою, и ему казалось, что губы Йою шевелятся и он слышит слова: «Неужели и ты против меня? Ты ведь знаешь, у меня трое детей, Как же им жить с таким позором? Малиша, Малиша, я помог тебе стать настоящим партизаном и никогда не думал, что ты мне за это так отплатишь...»

Паренек заерзал на своем месте, отвернулся к окну, за которым на холме виднелись крестьянские дома. Скользнув взглядом по почерневшим крышам с закопченными трубами, он снова повернулся к Йою. Их взгляды встретились, но оба сразу же опустили глаза.

«Я не один здесь судья. Что я могу сделать? Меня включили в состав суда, потому что больше некого было», — рассердился Малиша.

Он снова посмотрел Йою прямо в глаза. Казалось, только они одни и жили на известково-бледном, обросшем густой бородой лице партизана. Малише вдруг пришла в голову страшная мысль, что эти глаза, возможно, скоро навсегда закроются. Когда партизанский суд, который не прощает ничего ворам и мародерам, вынесет свое решение, раздастся выстрел, другой — и все... Это произойдет у подножия горы, в лесу, который всегда приглушает любые звуки. Где-нибудь на поляне вырастет небольшой холмик, и не будет над ним никакой надписи. Малиша вспомнил слова командира батальона, сказанные им на крестьянской сходке в деревне Криваи:

— Революция, если необходимо, может покарать и тех, кто за нее стоит. Знайте: если кто провинится перед народом, пусть пощады не ждет.

Трудно сказать, о чем бы еще успел подумать Малиша, если бы председатель суда Обрад не встал. Одернув гимнастерку, он откашлялся и, заглянув зачем-то в свои бумаги, начал:

— Мы должны разобраться в нехорошем деле, товарищи! Надо быть объективными. Йою запятнал имя бойца народной армии. Вы все знаете, по деревне говорят — партизан украл петуха! Может ли вор быть партизаном?

— Не может! — гневно закричал партизан, сидящий слева от Малиши.

— Но я же не украл! — воскликнул Йою, с мольбой протянув к судьям свои большие руки.

— Сиди и молчи, тебе еще дадут возможность сказать! — оборвал его председатель.

— Да чего уж там говорить, и так все ясно! — обреченно пробормотал Йою, в отчаянии закрывая лицо ладонями...

Обрад приказал конвойному вывести Йою, попросил зрителей выйти. Суд должен был вынести приговор без посторонних. Люди вышли на улицу и столпились у школьного крыльца.

Обрад снова прокашлялся и глухо произнес:

— Помните, товарищи, как мы наказывали за подобное других?

Он сделал паузу, а потом договорил, что, по его мнению, Йою надо расстрелять.

Малиша вздрогнул всем телом, услышав это, хотя с самого начала ждал именно такого исхода.

Председатель обвел всех взглядом и спросил:

— Ваше мнение, товарищи?

Все хмуро уставились в пол. Скрипнул под кем-то стул, кто-то прошуршал листком блокнота. Тягостное молчание нарушил не очень уверенный голос Перы, немолодого уже партизана, сидевшего по левую руку от Обрада.

— Я думаю... Да что тут думать?... Голосую за смертную казнь. Обстоятельства такие, что иначе нельзя.

Малиша не мог больше молчать. Он встал, и ему показалось, что пол уходит у него из-под ног. Он глубоко вздохнул, собираясь с духом, и сказал:

— Мне кажется, не стоит наказывать так сурово... Товарищ Йою — самый бесстрашный боец в роте. И пережить ему столько пришлось, двое детей у него остались на занятой немцами территории. Неужели он погибнет от нашей руки? Нет, за это я не могу голосовать...

У Обрада зло сузились глаза. Малиша заметил это, но не смутился и продолжал:

— По-моему, наказание должно быть иным — Йою надо перевести в другую роту и пусть в бою смоем свой позор.

— Да, но потерпевшая жалуется. Справедливость должна быть удовлетворена! — хмуро бросил Обрад.

— Мы возместим ей убыток, купим другого петуха. Вот деньги, я сам куплю! — Он сунул руку в карман. — Я знаю, у кого можно купить отличного петуха. У Перы Поповича полон двор птицы. Можем выбрать. И потерпевшая будет довольна. А Пера петушка продаст. Или даже даром отдаст, когда узнает, что речь идет о жизни нашего товарища. — Раскрасневшийся Малиша сел на свое место.

Партизаны стали негромко переговариваться.

Поднялся четвертый член суда — молодой партизан с круглым румяным лицом.

— Товарищ Йою, конечно, виноват, но я против того, чтобы его наказывать так строго. Малиша правильно говорил, и я согласен с его предложением...

Пятым выступил ездовой Решид. Видно, что он не очень-то привык произносить речи, но заговорил горячо:

— Не надо его расстреливать! Йоя — хороший боец, ничего не испугается! Петуха за петуха — это правильно!..

Обрад сердито нахмурился, видя, что товарищи не поддерживают его. Стараясь говорить спокойно, он произнес:

— Жаль, что у нас нет согласия... Я остаюсь при своем... Вора надо наказать, чтобы другим неповадно было...

— Ты в меньшинстве, Обрад, — сказал Пера. — Я было согласился с тобой, не подумав, но теперь, выслушав остальных, считаю, что нельзя из-за ерунды человека жизни лишать. Давайте голосовать.

Поднялись руки. Все проголосовало за предложение Малиши. Только Обрад воздержался.

Приказали ввести Йою. Ему не предложили сесть, и было видно, что колени партизана заметно дрожат. Лица судей были серьезными и суровыми. Обрад негромко прочитал решение суда:

— «...Пулеметчика Йою наказать, переведя его в соседний батальон. Оружие будет ему возвращено. Вдове Елене Лазич возместить убыток, купив хорошего петуха. Названную птицу купит и передаст вдове связанной Малиша. Решение принято большинством в четыре голоса, один воздержался».

Йоя быстро зашагал туда, где размещался второй батальон. Партизаны с нескрываемой радостью смотрели ему вслед. Он шел не оборачиваясь, стыдясь взглядов своих товарищей. Никогда ему не забыть того, что произошло сегодня.

Классный журнал

Только в полдень учительница Юла пришла в себя. Она тихо коснулась руки Мары, школьной нянечки, сидящей у ее постели. На полу виднелся солнечный лучик, отражаясь от зеркала, висевшего над кроватью. Черный кот, удобно устроившийся в ногах учительницы, потянулся, взглянул на Юлу, умыл лапкой морду и снова свернулся в клубок.

— Учительница моя дорогая, как же они тебя измордовали, изуверы! Чтоб у них руки-ноги поотсыхали! На тебя, бедную, набросились! Паразиты окаянные! Я вот все себя спрашиваю, какая женщина могла родить таких? — причитала старая Мара, осторожно, чтобы не причинить боль, дотрагиваясь до синяков, которыми было покрыто все лицо учительницы.

Юла приподняла голову. На ее избитом лице застыло недоумение. Ей показалось, что она очень долго не была в своей школе, и учительница заволновалась:

— Журнал! Где классный журнал?

— Успокойся, милая. Тебе нельзя сейчас нервничать. — Мара ласково положила ей на лоб руку, пытаясь немного успокоить Юлу.

Но учительница не слушала ее.

— Где журнал? — вопросительно посмотрела она на нянечку, и Мара ответила:

— Да кто ж его знает! До него ли было, когда детей уводили! У меня чуть сердце не разорвалось.

Глаза Юлы наполнились слезами. Комната вдруг поплыла куда-то, и учительница начала падать в темноту. Она схватила Мару за руку и в ужасе закричала:

— Они хотят забрать меня! — Глаза ее закатились, стали видны белки.

— Опять сомлела, бедняжка. Надо ей голову приподнять.

Мара поправила Юле подушку и тяжело вздохнула. Кому можно было бы пожаловаться, посетовать на жизнь, на все те несчастья, что свалились на них? Что это за время такое пришло, когда невинных людей мучают, убивают, детей отбирают у родителей, угоняют неизвестно куда, ни за что ни про что жизни лишают? И все это во имя каких-то новых порядков...

На кровати металась в бреду молодая учительница, дыхание ее было прерывистым, волосы рассыпались по подушке. Вот она входит в свой класс, снова испытывая освежающую радость встречи со своими учениками. Они сидят, сложив руки перед собой на партах, кто-то подпер голову кулаком. «Сейчас будет урок гигиены», — говорит она и идет между рядами. Руки у всех чистые, ногти аккуратно подстрижены. Она довольна, хвалит ребят. Но вот с одеждой дело обстоит хуже. У одних она обтрепалась почти до дыр, у других — заплатка на заплате.

Юла замечает, что рукав черного пиджака у Марко заштопан белыми нитками. Она ничего не скажет мальчику. Это ведь мать штопала. Надо будет поговорить с ней, и сделать это как можно скорее, даже если придется сходить к ним в село.

Она проверяет и прически. У маленького Павле волосы уже спускаются на уши.

— Ты опять не подстригся, Павле.

Она хочет показать, что любая неопрятность не останется незамеченной.

— Вчера папа водил меня к парикмахеру, но у того на машинке ручка поломалась.

— Все-таки к завтрашнему дню подстригись. К тому же у тебя сербский язык хромает. Подготовься получше, я буду тебя спрашивать.

— Хорошо. — Мальчик с облегчением садится на место.

Еще нескольким ребятам надо бы подстричься. А вот девочки — молодцы, как всегда. Их она все-таки больше любит, хотя и старается, чтобы никто этого не заметил, не подумал, что у нее есть любимчики. Поэтому она иногда отчитывает девочек, даже если в этом нет нужды.

До конца урока остается еще много времени. Надо чем-то занять класс. Можно спросить кого-нибудь из отличников. Они очень не любят, когда их неожиданно вызывают к доске. А ведь надо всегда быть готовым и к этому.

Она раскрывает журнал. Колонки отметок, показывающих прилежание ее учеников... Палец учительницы останавливается на имени Райко. Она поднимает голову. Класс напряженно следит за ней. Все замирают в томительном ожидании.

— Райко, к доске! Подойди сюда, к карте. Повторим кое-что из географии.

Мальчик краснеет, вздыхает и нехотя вылезает из-за парты. Очень медленно подходит к карте, опасливо берет тонкую указку, с помощью которой должен находить реки и озера, перебираться через горы, спускаться в глубокие ущелья.

— Ну-ка скажи, какие реки впадают в Адриатическое море?

Райко растерянно смотрит на карту. На ней обозначено несметное множество разных рек и речушек. Он переводит взгляд на кончик своей указки.

— Например, Неретва! — подсказывает она.

Он снова смотрит на карту, вглядывается в голубые линии, но они, видимо, мало о чем говорят ему. Приходится отличнику придумывать себе оправдание:

— У меня сегодня голова болит.

— Неправда. Просто ты не ожидал, что я тебя спрошу, и не подготовился, — говорит учительница.

Она наклоняется над журналом, и в ряду пятерок появляется двойка...

Когда уже смеркалось, она снова очнулась, приоткрыла глаза, постепенно приходя в себя. Ее немного тошнило, в горле стоял какой-то комок. Она посмотрела на Мару.

— Ты что-то бормотала, бредила, — сказала Мара. — Я тебе горячего чаю сделала, выпей, полегче станет.

— Не могу, — отказалась Юла. — Во рту так противно и тошнит.

— Ну хоть несколько глоточков, а то ведь совсем пропадешь.

— Нет, не могу.

Учительницу раздражала эта докучливая забота, но она привыкла сдерживаться.

— Как знаешь. Только нельзя так — целый день не евши, — укоризненно покачала головой Мара и унесла горячий чайник.

Юла все никак не могла избавиться от страшной картины, неотступно стоящей перед глазами... Беда, как это почти всегда бывает, пришла неожиданно. На солдатах была желтая форма, в руках — винтовки с примкнутыми штыками. Они не обращали никакого внимания на мольбу учительницы пощадить ни в чем не повинных детей, только ругались и кричали, чтобы она заткнулась. Ворвавшись в класс, они бросились на ребят. Дети стали плакать и кричать. Обезумевшая Юла налетела на солдат. Она кусалась и царапалась, но ее свалили с ног ударом приклада и стали бить ногами...

Она позвала Мару:

— Что было после того, как я потеряла сознание?

— Не думай об этом, милая...

— Я хочу знать.

— Избив тебя, они стали выгонять детей наружу. Один стоял в дверях и тех, которые поздоровее, выстраивал отдельно. Кто-то кричал, что всех детей партизан надо отправить в концлагерь. Во дворе поднялся крик и шум. Рыжий Марко, что сидел за третьей партой у окна, схватил большую деревянную линейку и ударил одного из солдат. На моих глазах мальчишку забили до смерти. Известное дело — сила милости не знает. Угнали всех до одного и мальчиков, и девочек. Несчастные матери...

Юла села на постели, с трудом сдерживая лихорадочную дрожь. Ее взгляд остановился на вышитом платке, который висел на стене. Этот платок она получила в подарок от учеников третьего класса. В этом подарке для нее было нечто гораздо большее, чем обычное внимание. В нем была любовь ребятшек к своей учительнице, открывающей перед ними многие увлекательные тайны. Из всех подарков, какие она получала в своей жизни, этот простой платок был для нее дороже всего.

— Мара, принеси мне журнал, — попросила она, — может быть, он все-таки сохранился?

— Я поищу.

Мара ушла и вскоре вернулась с журналом. На обложке в нескольких местах виднелись пятна засохших чернил. Со скорбным лицом Мара протянула журнал учительнице. Юла взяла его, задумчиво погладила обложку, раскрыла. Она стала читать колонки имен, мысленно прощаясь со своими учениками. Перед ее глазами возникли лица ребят этого класса. Дети часто приходили к ней со своими заботами и горестями, знали, что она всегда поймет и поможет. Она редко ругала их, но, когда это случалось, ребята всегда знали — за дело.

Как она радовалась, когда ее слова находили отклик в ребячьих душах! Она видела в этом смысл своей жизни. А теперь?..

Юла сидела, преодолевая сильную боль во всем теле. Она только подложила под спину подушку, а дневник пристроила на коленях. Учительница знала, что теперь сделает. Она выставит своим ребятам итоговые оценки.

— Мара, принеси мне, пожалуйста, перо и чернила.

Старая нянечка тихонько перекрестилась. Она в душе молилась, чтобы бедная учительница не тронулась умом от всех переживаний. Трясущейся рукой она подала Юле чернильницу.

— Райко Агич. Оценки довольно пестрые. Все-таки он много занимался и часто очень хорошо отвечал. Поставим «отлично»! Реля Банович. Лучший друг Агича. Они были чем-то похожи, у обоих курчавые волосы и голубые глаза. Пусть и оценки у них будут одинаковые. «Отлично»! Йовица Верич, больше всего на свете не любил задач по арифметике. Он как-то сказал, что арифметика отнимает у него столько же времени, сколько все остальные предметы, вместе взятые. Зато географию знал лучше других, любил играть в путешествия. Всегда с нетерпением ждал каждую новую экскурсию, на которые они ходили всем классом. Заслуживает отличной оценки. Мочо Гагич, черноволосый, похожий на негритенка. Этот часто тайком заглядывал в классный журнал, чтобы узнать свои и чужие оценки. «Отлично»! Мира Кецман, примерная ученица. «Отлично»!

Она добралась до имени Марко Стегича. Перо задрожало в ее руке.

— Марко, милый мой мальчик... Никогда я больше тебя не увижу. — Горло Юлы перехватило. — Храбрый мой мальчик, ты оказался настоящим мужчиной. С деревянной линейкой бросился защищать себя и своих товарищей. Ты заслужил пять с плюсом! Еще никому я не ставила в журнал такой отметки... Но что это? Когда-то я поставила тебе тройку по поведению. За что? Да, да, драка и озорство. Ты ударил мальчика, который был сильнее тебя, и у него пошла из носа кровь. Ты защищался. Но я должна была тогда тебя наказать. Замараем эту тройку. Ты ее исправил.

Дойдя до последней страницы, Юла закрыла журнал, со слезами на глазах поцеловала его и отдала Марс:

— Хорошенько спрячь его. Когда кто-нибудь придет и спросит про моих учеников, какие они были, покажи этот журнал.

— Хорошо, милая, все сделаю, только ты успокойся.

По щекам старой нянечки текли слезы.

Михайло Реновчевич НЕВЕН
ТРИ РАССКАЗА О ЛЮБВИ

Усы

Взводный Чутурило но без оснований гордился своими действительно прекрасными усами. Достаточно было только один раз посмотреть на них, чтобы уже никогда не забыть взводного Чутурило.

Потому что это были не такие усы, как, например, у повара Теодосия или завхоза Жарича: маленькие, жалкие, да еще пропитанные запахом партизанской кухни. Нет, у Чутурило были усы, о которых можно только мечтать. Но дело не в одной красоте... Кроме всей своей красоты и обворожительности, усы эти имели еще и необычную историю. Все уже знали, что взводный Чутурило из-за своих усов несколько раз дрался, что однажды дело чуть не дошло до стрельбы и что из-за них он, к общему удивлению, отказался даже от такой стародавней привычки, как курение.

А случилось это однажды ночью. Солдаты лежа курили в темноте сигареты, и взводному Чутурило упала на усы горящая крошка табака. Чутурило крикнул как от боли, смял тлеющую сигарету голой рукой и, как бешеный, помчался в лес. И сколько его потом ни уговаривали покурить, хоть немного насладиться божественным ароматом табака, он не хотел и слышать об этом. Так разве не удивительно, что эти усы со временем стали почти легендарными?! О них рассказывали и расспрашивали, и невозможно было даже представить, чтобы с ними случилось что-либо плохое.

Э, друг мой, знал бы ты, что это за усы! Будь уверен, если бы с ними вдруг что-нибудь случилось, ей-богу, это было бы трагедией и для всего отряда.

Так обычно говорили партизаны при встречах с бойцами других отрядов, и часто громкий смех слышался на лесных тропинках, где они встречались. Но были и такие люди, которые смотрели на все это серьезно.

— Перестаньте вы шутить над взводным, — говорил кое-кто. — Я вот, например, могу поклясться, что Чутурило за эти усы и голову сложить может. Вот увидите!

Взводный Чутурило со своими прославленными усами нормально бы воевал и исполнял дальше обязанности в отряде, если бы не одно необычное обстоятельство, которое в мгновение ока перевернуло всю жизнь этого человека а неожиданно бросило его в вихрь бездумных и необъяснимых поступков.

Однажды, а именно в то самое утро, когда взводный Чутурило, наверное, в последний раз спокойно расчесывал свои усы, из штаба пришел неприятный приказ. В нем говорилось, что на освобожденной территории вспыхнула эпидемия сыпного тифа. В связи с этим предписывалось провести соответствующие мероприятия, чтобы предотвратить распространение этой болезни хотя бы в партизанских отрядах. В этом приказе было сказано: армию очистить от вшей, всю одежду прокипятить, а в конце — и это было именно то, что могло вызвать зловещие последствия, — говорилось о том, что солдаты должны сбрить все волосы с головы и тела.

Казимир, командир отряда, в котором служил взводный Чутурило, так же, как и командиры других отрядов, поспешил выполнить приказ. Он вызвал отрядного парикмахера Заморана и приказал ему:

— Хорошенько наточи бритву и не жалея мыла! К вечеру головы бойцов должны быть гладкими как колено! Все покрытые волосами участки тела тоже должны быть побриты. Если у кого-нибудь останется хоть одна волосинка, пеняй на себя. Все ясно?

Парикмахер Заморан, всегда веселый и говорливый парень, при этих словах командира вдруг смущенно заморгал.

— Да, да, — невнятно забормотал он, — но... я... да...

— Что такое? — спросил командир. — Тебе что, непонятно, что ли?

— Да нет... мне все понятно, только я хотел спросить, относится ли это и к усам?

— Что ты сказал?

— Касается ли ваш приказ усов?

Командир Казимир посмотрел на своего парикмахера как на чудо, а затем угрожающе двинулся на него:

— Ты что мне глупости бормочешь? Под дурачка работаешь? Я тебе что, по-немецки или по-французски

говору? Тебе недостаточно один раз сказать? В приказе ясно написано — обрить все волосатые части тела! Все волосы, понимаешь? Разве усы — это что-нибудь другое?

Заморан испуганно вытянулся.

— Это я знаю, — пролепетал он. — Но вы забыли об усах взводного Чутурило! Что мне с ними делать?

— Что с ними делать?! — загремел командир. — Сбрить! Пусть поживет без этого палисадника под носом! У меня эти его усы уже в печенках сидят! Еще немного — и нас усатым отрядом прозовут! Побреешь его первым, ясно?

— Трудно будет это сделать... — начал было опять Заморан.

Но командир, сверкнув глазами, указал ему на дверь:

— Ни слова больше! Бритву в руки — и за дело!

Заморан не стал больше искушать судьбу и быстренько вышел из дома. На улице он остановился, испуганно озираясь. Он понял, что с этого момента в истории отряда начинается нечто такое, что может иметь весьма серьезные последствия. С тяжелым сердцем он решил зайти к повару Теодосию, чтобы хотя бы с ним поделиться своими грустными мыслями.

В то утро под дощатым навесом, где над котлами уже поднимался пар, повар Теодосий сдирал шкуру с козла. Он настолько увлекся своим делом, что ничего не видел вокруг. Повар задумал сварить для партизан хорошую похлебку. Но когда Теодосий заметил Заморана, такого поникшего и мрачного, выходящего из штаба отряда, он и сам испугался. «Вот, черт возьми, — подумал он, — наверное, приключилось что-то неладное». А когда Заморан медленно вошел под навес и упал как мешок на скамейку, повар ощутил, как у него самого даже засосало под ложечкой от смутного предчувствия.

— Что с тобой? — спросил Теодосий. — Что это ты так раскис?

Заморан только тяжело вздохнул и мрачно изрек:

— Катастрофа.

— Что ты сказал?

— Катастрофа, говорю... Вот что!

Услышав это слово, повар Теодосий выпучил глаза и застыл как памятник.

— Да о чем ты говоришь-то? Что случилось?

— Случилось, — проговорил парикмахер. — Ты что, о приказе не слышал? Там все написано.

— Да что там написано, господи ты боже мой?! — воскликнул повар. — Уж не собрались ли они нас оскопить?

— Оскопить-то пока нет, а вот побрить — да. Побрить всех наголо, вот ты и подумай...

— Побрить, говоришь? Ха-ха! — прыснул повар. — Э, тоже нашел отчего печалиться! Стрижка и бритье, братец мой, первое правило гигиены. И нам нужно побриться, а ты как думал!

— А усы?

— Что усы? Неужели и усы приказали сбрить?

— Ну да, в этом-то вся беда! Дело, понимаешь, не в твоих усах, ты свои можешь сбрить, когда хочешь; они тебе вообще ни к чему. А что мы будем делать с теми усами, ты мне скажи? Попробуй их сбрить! Знаешь, что может получиться?!

— Да с какими теми усами-то?

— Да с усами взводного Чутурило. Что с ними делать, я спрашиваю? Ты думаешь, что я смогу просто так подойти к нему с наточенной бритвой и сказать: садись, братец! Пожалуйста, пожалуйста! Ну-ка скажи, что случится после этого?

— Ай-ай-ай, — вдруг забеспокоился и повар Теодосий. — Да неужели, черт возьми, и эти усы велели сбрить? Что они, с ума сошли?

— Сошли или не сошли, решение принято. Командир приказал побрить Чутурило первым. Не быть мне живому!

— Это действительно катастрофа! — загремел повар и как подкошенный рухнул на стул.

Они еще долго говорили о тех муках и неприятностях, которые могли случиться из-за этих усов, и в конце концов решили, что с таким делом никак нельзя торопиться.

— Он выхватит пистолет и будет стрелять, это точно, — сказал Теодосий.

— И в меня в первого! — ужаснулся Заморан.

Наконец они пришли к выводу, что эту операцию нужно провести крайне осторожно и деликатно, а начать с того, что сообщить бойцам о приказе, все подробно им рассказать и попросить их о помощи. Настроение у парикмахера и повара сразу поднялось, и они пошли собирать бойцов.

Через некоторое время под старым буком началась оживленная беседа партизан.

— Братцы, от него можно ожидать всего! — говорили одни. — Он же с этими усами был в таких переделках! Он не даст их сбрить!

— Тут нужно умно поступить, — говорили другие. — А если сделать это неожиданно? Например, так: подкрасться сзади, одному схватить его за руки, а другому начать брить.

— Да не получится так, что вы! Как это можно таким образом кому-то сбрить усы? У меня у самого усы, я знаю, что это значит — острая бритва под самым носом!

— Точно! — согласился пулеметчик Загора. — Это не шапка, браток, чтобы сразу снять, это усы! Нужно придумать что-нибудь поумнее. Я бы ему, например, сделал укол снотворного. У сестры Дары есть морфий,

пусть она сделает ему инъекцию. После этого он бы ничего не почувствовал.

— Правильно! — зашумели партизаны. — Усыпить его, вот и все!

Но повар Теодосий снова возразил:

— Да зря вы говорите, не захочет медсестра этого делать. Чтобы она морфий дала для таких вещей?

— А почему бы и нет, если это ради дела? — закричали они. — Должна дать, обязательно!

И они, не медля ни минуты, бросились к медпункту, чтобы как можно скорее покончить с этим делом.

Медсестра Дара вместе с двумя своими помощницами кипятила бинты и развешивала их на веревке сушиться.

— Вот ведь какая история, — начали они объяснять, — ты сама знаешь, как Чутурило влюблен в свои усы, но теперь, как тебе известно, их придется сбрить. Сделай ему укол морфия... во имя революции. Никто не узнает...

Но Дара так возмутилась, услышав их просьбу, что они замерли.

— Еще чего придумали! У нас его раненым не хватает для операций, а вы из-за каких-то там усов!.. Уходите, пока я не доложила об этом товарищу комиссару!

— Но пойми ты, — начал убеждать ее пулеметчик Загора, — он помешан на своих усах! Это, конечно, верно, усы есть усы, не бог весть что, но если человек в них влюбился? Это же страшное дело, понимаешь?

— Меня это не касается, — отрезала Дара. — Убирайтесь отсюда!

Даже и парикмахер Заморан попробовал ее уговорить, но все было напрасно. Им не осталось ничего другого, кроме как попытаться найти какой-то новый путь. Решили они собрать поскорее остальных бойцов и всем вместе еще раз все обсудить. Собрался почти весь отряд, разумеется, без комиссара и командира.

— Всем понятна суть дела? — начал первым пулеметчик Загора. — Вносите ваши предложения. — Эта история с усами ему страшно нравилась, и вообще он любил похвастаться своей сообразительностью. — Я думаю, тут надо выработать особую стратегию.

— Стратегию, это уж точно! — согласились партизаны единодушно.

— Почему бы его не связать, а? Связать — это самое милое дело, — сказал один.

— А когда мы его развяжем? — заметил другой. — Что будет, когда мы его развяжем? Он же в парикмахера всадит пол-очередки!

— Ой-ой! — застонал Заморан. — Только не вяжите его!

После этого снова встал повар Теодосий и обратился к ним, осторожно выбирая слова:

— Я тут кое-что придумал, а вы рассудите. В этом случае нам поможет только хитрость. Например, скажем ему, что из штаба бригады пришел приказ о том, что взводный Чутурило будто бы должен быть направлен во главе делегации в Верховный штаб. При этом, скажем мы, в приказе говорится, что все делегаты должны быть побритыми и что даже усы не дозволены. Только это может заставить его согласиться сбрить усы.

Но на эти действительно мудрые слова повара солдаты ответили оглушительным хохотом.

— Эх, ну и придумал, нечего сказать! Да неужели ты думаешь, что это может подействовать? Он откажется от любой делегации, только бы сохранить свои усы!

— Пожалуй, да, вы правы, — почесал в затылке повар.

В конце концов все согласились, что иного пути, кроме убеждения, нет.

— Послушайте, товарищи, — взял слово пулеметчик Загора, — если взводный сознательный боец, он должен согласиться. Мать остается без сына, сестра без брата, дети без родителей — и живут, а он, видите ли, не может без усов! Вполне допустимо, что усы представляют для человека какую-то особую ценность, но нельзя же ставить их выше интересов революции! Вырастут потом новые! А вот если ему голову снимут из-за этих усов, другая уже никогда не вырастет. Дело нужно повернуть так, чтобы он понял: это, мол, в интересах революции, и так ему все объяснить. По моему мнению, это самое лучшее...

— Верно, — согласились партизаны и, обрадованные таким решением, перешли к практической стороне дела.

Теперь нужно было найти бойца, который лучше всех агитировал и который был бы ему другом. Споря об этом, они обнаружили, что пулеметчик Загора прямо-таки создан для этого. Он, как отмечали все, и поговорить любил, и находился в хороших отношениях с Чутурило, так что Загора взводный, конечно, должен послушать.

— Лучше всех это сделаешь ты, — заключили они.

Пулеметчик Загора, который был о себе очень высокого мнения, воспринял это решение как самое умное и с готовностью произнес:

— Ладно. Я ему обо всем сообщу. Попробую сделать это хитро. Разговор нужно начать умело, тонко, нельзя сразу бухнуть: тебе, мол, надо сбрить усы. Ну, я пошел!

Сопровождаемый подбадривающими взглядами, он двинулся к домику под горой, возле которого, он знал, находился в это время взводный.

Чутурило в то утро действительно был там. Он возился с патронташами, время от времени бросая взгляд на партизан и пытаясь понять, что бы там такое могло быть, из-за чего они так громко спорят... Но это не настолько его интересовало, чтобы идти к ним и спрашивать, что случилось. Он собирался пойти к парикмахеру Заморану и попросить у него бритву. Взводный всегда брился сам. Единственный раз, после освобождения одного города, он доверился местному парикмахеру, и тот нечаянно отхватил ему уголок левого уса, нарушив симметрию. С тех пор Чутурило никому больше не доверял брить себя.

По какой-то непонятной причине в это утро он был в очень хорошем настроении. Через два-три дня

партизанские отряды должны были освободить близлежащий город, и он уже мечтал о том, как встретит там какую-нибудь славную девушку, которой тут же понравятся его усы, и она в первую же встречу скажет ему об этом. Так уже случалось прежде. Познакомятся, например, они, найдут укромное местечко, и она в порыве нежности умильно прошепечет:

— Какие у тебя усы! Так приятно щекочут! А какие красивые...

После таких слов его охватывало чувство гордости. Ему хотелось обнять весь мир. Он весело шагал в расположение своего отряда, не пропуская ни одной уцелевшей витрины, чтобы не посмотретья в стекло и не полюбоваться своими роскошными усами.

Вот и теперь он надеялся пережить несколько таких приятных приключений, чтобы сохранить о них воспоминания на всю жизнь. Кроме того, в этот раз он хотел купить себе принадлежности для бритья, чтобы больше не мучиться с бритвой парикмахера, такой тупой, что эта процедура всегда превращалась для него в пытку.

Мечтал он и о расческе, и о новой щеточке, и о зеркальце...

Погруженный в свои мысли, Чутурило и не заметил, как к нему подошел пулеметчик Загора и поздоровался.

— Эх, какая жара, братец! — заговорил пулеметчик после паузы. — Так и хочется все снять с себя и даже под мышками сбрить.

Взводный равнодушно посмотрел на него и пригласил сесть.

Загора присел, вытащил из кармана грязную тряпицу и начал вытирать ею лицо. При этом он отдувался и как-то особенно яростно чесался.

— Что это с тобой? — опять посмотрел на него взводный. — Температура, что ли?

— Ей-богу, температура, — выдохнул Загора и тут нее продолжил: — От такой жары с ума сойти можно. Сегодня же остригусь и обреюсь наголо. Волосы при такой жаре больше всего мешают человеку. Завелась там вошь проклятая, а когда так припекает, мочи нет от нее! Эх, смотрю я на тебя... и как тебе не надоест носить эти усы?

— Мои усы? — вздрогнул взводный.

— Да, братец, твои усы. Что с того, что они у тебя под носом? Не сегодня завтра и в них вошь заведется, что же в этом хорошего?

Если бы взводный Чутурило сразу понял, куда клонит пулеметчик, он, вероятно, тут же прогнал бы его. Но так как Чутурило даже и вообразить такого не мог, он только нахмурился и холодно ответил Загоре:

— Ты мои усы оставь, их я ношу, а не ты.

— Конечно, ты их носишь, — подхватил Загора, яростно почесываясь, — только я смысла не понимаю. В таких условиях вообще противно иметь заросли, тем более под носом. Просто ужас! Заползет, например, поганая вошь и превратит их в настоящий зоопарк. А там, глядишь, гниды появятся — и вот растет погибель человеку. И где — под самым твоим носом!

Эти слова Загора повторил дважды и опять стал чесаться.

Взводный Чутурило помрачнел:

— Мои усы оставь в покое! Поговори лучше с Теодосием.

— А почему с ним? Разве все дело в том, что его усы неухоженные, а твои ухоженные? По моему мнению, тут никакой разницы нет. Повар находится в более выгодном по сравнению с тобой положении. Он свои усы раз десять в день в суп обмакнет, а в таких мокрых да жирных усах вошь не выживет. А у тебя, ей-богу, чистота, порядок, ну просто как специально для ее размножения. Одним словом, держишь инкубатор под носом.

— Слушай, ты, — проговорил взводный, и глаза его засверкали, — если ты еще хоть раз сравнишь мои усы с зоопарком или с каким-то там инкубатором, я с тобой шутить не буду! Ты зачем сюда пришел, а?

Пулеметчик Загора только небрежно отмахнулся и продолжал:

— Чего ты, ей-богу, сердисься? Как будто я хочу что плохое сказать о твоих усах. Никаких дурных намерений у меня нет: я просто кое-что сравниваю. Вот, например, есть такая страна — Африка, в ней водятся всякие там тигры, львы и другие опасные звери. Почему не живут у нас тигры и львы или, например, змеи по пятнадцать метров длиной? Совершенно ясно почему: Африка — жаркая страна, тропический климат и непроходимые джунгли создают все условия для развития животного мира. Размножаются носороги, воют гиены, лязгают зубами крокодилы на берегах ее рек. А все из-за жары и непроходимой чащи, где на деревьях живут и обезьяны. По-научному это все называется джунгли.

— Ну и что? Зачем ты это мне говоришь? — спросил взводный. Мрачное предчувствие охватило его.

— Потому, браток, — без колебания ответил Загора, — что с усами дело обстоит так же. Вошь — маленькая зверюга, но без чащи нет ей жизни. Заберется она в твои усы, как тигр в джунгли, там для нее и будет суший рай... А тут человечество пропадает от сыпняка, и революция теряет своих борцов.

Лицо взводного уже пылало от едва сдерживаемой ярости. Наконец он взорвался:

— Слушай, ты, убирайся! Ты что, оскорблять меня пришел? И не друг ты мне больше! Видеть тебя не хочу!

— Эх, — вздохнул Загора, — я ж к тебе, брат, с самыми лучшими намерениями пришел. Приказ для всех, и тебе его тоже придется выполнять.

Но взводный уже не слышал его. Он собрал патронташи и, отвернувшись от пулеметчика, буркнул:

— Уходи!

— Сбрей их, и дело с концом! — плюнул Загора.
Взводный повернулся к нему с искаженным лицом:
— Что сбрить?
— Да усы!
— Мои усы?
— Да твои, не мои же!
— Никогда!
— Приказ пришел!
— Меня не касается.
— Силой заставят.
— Это мы еще посмотрим! Убирайся!

Загора почесал в затылке, растерянно посмотрел на него и тихо пошел назад. Взводный метнул ему вслед яростный взгляд и смачно выругался.

Весть о том, что надо сбрить усы, поразила Чутурило как гром среди ясного неба. Он кинулся в хатенку, отбросив патронташи, и упал на кучу соломы. Еще немного — и он зарыдал бы. Чтобы он сбрил усы? Усы, которые он так берег и холил, на которые так рассчитывал? Да разве кто-нибудь Имеет право требовать это от него? Он мял под собой солому и ругался шепотом. Нет, это у них не выйдет! С какой стати, позвольте вас спросить, сбривать усы? Зачем это? Может, он их содержит не в порядке? Может, они воняют? Или в них что-нибудь завелось? Ну погодите же! Ни за что ни про что — взять да и сбрить усы! И что же, что сыпняк? При чем здесь его усы? Кто виноват, тот пусть и бреется. И он тоже за это. Разве не он еще когда говорил, что грязные усы нужно сбривать? Если уж усы, так пусть будут усами. Зачем же тогда такой приказ? Э нет, он на это не пойдет, пусть его хоть режут!

Чутурило вскочил с соломы и с решительным видом направился к лагерю. Он был готов защищать свои усы как важную высоту от неприятеля.

А Загора в это время уже пришел к своим и начал рассказывать им о том, что случилось.

— Товарищи, да он скорее жизнь отдаст, чем свои усы сбреет. Я ему все так хорошо объяснил, и ничего. Таковую агитацию перед ним развел! Бесполезно. Полагаю, быть беде.

— Ей-богу, так и будет! — ужаснулся парикмахер Заморан и застыл с бритвой в руке. — Я боюсь ему на глаза показаться.

Все присутствующие поняли, что из-за усов взводного их ждут большие неприятности. Они знали, что он способен на что угодно. Повар Теодосий стянул с ветки сушившуюся козлиную шкуру и в волнении стал размахивать ею.

— Он кого-нибудь убьет из винтовки, — говорил при этом повар. — А я вот что думаю: по-моему, мы все должны попросить командира, чтобы он ему разрешил оставить усы. Я свои сбрею и глазом не моргну, а его нельзя трогать. Пусть это даже против приказа идет, но тут лучше отступиться.

Партизаны не знали, на что решиться.

— Действительно, от него, черт его подери, всего можно ожидать, — вздохнул кто-то.

— Тогда пошли к командиру! — решил пулеметчик Загора. — Все ему и объясним. А то, в самом деле, сбреешь взводному усы, а он еще с ума сойдет. Это дело такое.

Партизаны были согласны с ним.

— Да, братцы, все это не так-то просто. Пошли к командиру! — подхватил и парикмахер Заморан.

Командир встретил их так, как может встретить начальник своих солдат, которые хотят нарушить приказ. Он тут же раскричался:

— Какой еще взводный?! Что он себе позволяет? Чтобы я из-за его усов нарушил приказ? Никогда!

Тут пулеметчик Загора выступил вперед:

— Вот ведь в чем дело, товарищ командир. Приказ есть приказ, это правильно. Но его усы сбривать нельзя, они для него дороже всякой драгоценности. Вот послушайте: лежим мы однажды в засаде. Я ему и говорю, значит, что было бы хуже всего, если бы сейчас мне в глаз попали, так, черт возьми, человек на всю жизнь уродом останется — даже баба на него не поглядит, я уж не говорю о других вещах — человека без глаза и в собственном доме будут бояться. Ну так вот, говорю я ему об этом и всяческие страсти наворачиваю, а он меня вдруг обрывает: «Да ну, вот уж нашел самое страшное! Плевать мне на глаза! Сейчас и стеклянные вон как хорошо делают! А вот если бы мне осколок верхнюю губу поранил, я бы тут же покончил жизнь самоубийством. Не моргнув, отдал бы один глаз, только бы такого не случилось». Так и сказал. Так что ж тогда, думаю я, разговаривать, если ему усы важнее глаз?! Вот почему, товарищ командир, к этому делу надо отнестись весьма осторожно. Разрешите нам написать коллективное письмо в штаб бригады и по-товарищески попросить оставить ему усы.

Командир сжал кулаки, нахмурился, но, увидев, что бойцы не шутят, повернулся и шагнул в избу. Через несколько минут он вернулся и сказал им строгим голосом:

— Я переговорил с комиссаром. В штабе будут смеяться над нами. Будут называть нас усагым отрядом. Вы подумали об этом?

— Мы все взвесили, товарищ командир, — ответил пулеметчик Загора. — Нам легче носить такое прозвище, чем потерять друга. Вы согласны, товарищи? — спросил он у партизан.

— Согласны! — дружно гаркнули они.

Командир невольно поскреб лоб, посмотрел на них:

— И именно написать?

— Да, написать!

— Из-за каких-то усов?

— Из-за них!

— И опозориться?

— Это лучше, чем его потерять!

— Ну ладно, делайте что хотите, — махнул командир рукой и, огорченный, удалился.

Пулеметчик Загора повел бойцов под грушевое дерево и, собрав их в кружок, сказал:

— Товарищи, пусть письмо будет кратким, но горячим, искренним. Давайте бумагу — и за дело!

Через несколько минут все уселись под грушей и стали сочинять письмо. Бойцы рассказали всю историю усов взводного. Объяснили, что потери усов взводный не переживет по причине того, что питает к ним слабость. В конце изложили просьбу штабу помочь им. Потом письмо запечатали и попросили связного срочно отнести его. А затем все разошлись, чтобы до возвращения связного успеть побриться самим...

Этот вечер в отряде был особенно напряженным. Взводный Чутурило, узнав у бойцов, что они предприняли, сам с нетерпением ожидал возвращения связного. Он страшно волновался. Пулеметчик Загора подбадривал его:

— Поймут нас в штабе бригады, не бойся. Мы так написали, что земля и та расплечется. Составили так, как надо. Хочешь есть?

— Не хочу, — сказал взводный.

— Почему?

— Не хочу, и все!

— С каких это пор ты снова стал курить?

— С сегодняшнего утра. После того как ты меня «обрадовал»...

Взводный Чутурило, на удивление всем, снова курил, часто-часто затягиваясь и нервно отгоняя дым.

Заморан уже заканчивал свое дело. Партизаны по очереди подходили к нему, снимали рубашки, а он им сбрасывал все волосы. Повар Теодосий уже ходил побритый и говорил, что без усов он себя чувствует гораздо лучше.

— Братцы, легко-то как, будто я птица!

Но взводный Чутурило косо поглядывал на него, вовсе не склонный разделить с ним веселье. Наконец на тропинке, спускающейся с горы, появился долгожданный связной. Взводный вскочил и затоптал только что зажженную сигарету. Пулеметчик Загора встал рядом с ним и гаркнул:

— Радуйся, идет твое спасение!

Взводный посмотрел на него с надеждой и отчаянием одновременно, и усы его слегка задрожали.

— Думаешь, они разрешат? — коротко спросил он.

— Конечно! — восторженно выпалил Загора. — Можешь их носить с гордостью! Считаю, что все в порядке!

Взводный грустно улыбнулся и пошел к груше, боясь, что просто не выдержит, когда будут читать ответ из штаба бригады.

— Я побуду тут неподалеку, — сказал он, — посижу немного.

— Как хочешь, можешь уйти совсем, — сказал пулеметчик Загора. — Вопрос-то ведь уже решен.

Весь отряд был в сборе, и бойцы нетерпеливо следили за приближением связного. Даже парикмахер Заморан прекратил бритье и, опустив бритву, щурясь, глядел на тропинку. Многие хотели пойти навстречу связному, но пулеметчик Загора задержал их.

— Нужно здесь прочитать ответ, — сказал он. — Мы все хотим послушать.

Связной приближался, потный от быстрой ходьбы. Конечно, никто не мог знать, какой ответ он несет в сумке, но все ожидали лучшего. Когда он подошел, многие загалдели:

— Ну что там, говори!

Связной молча вытащил из сумки письмо.

— Здесь все написано, — сказал он, — устно ничего не передали.

Пулеметчик Загора схватил конверт и с лихорадочной поспешностью начал его вскрывать. Взгляды собравшихся жадно устремились к его рукам. Наконец Загора вытащил листок бумаги с печатью. Как только он заглянул в него, глаза у него округлились и на лбу выступила испарина. Увидев это, партизаны нахмурились. Загора прочитал приглушенно:

— «Дорогие товарищи, приказ есть приказ, и никаких исключений быть не должно. Передайте товарищу Чутурило наш самый горячий привет. Начальник санитарной службы бригады».

Тяжкий вздох вырвался у партизан. Заморан выронил бритву и замер. Повар Теодосий бросил половник.

— Братцы, — простонал он, — а где же взводный?

Все вмиг повернулись туда, где находился взводный Чутурило, и переглянулись. Лица у них вытянулись. Там, под грушей, вместо взводного стояла бледная смерть в солдатской форме и с красивыми усами.

— Конечно, — сказал пулеметчик Загора, — сейчас он помрет!

Повар Теодосий закрыл руками лицо, бойцы сникли. Но именно в этот момент над их головами, как призыв в атаку, прогремело только одно слово:

— Брей!

Подняв головы, все увидели, как взводный Чутурило размеренным шагом приближается к парикмахеру Заморану.

— Брей! — повторил он и рукой смахнул шапку. — Пусть начальник санитарной службы будет доволен!

Заморан нагнулся за упавшей бритвой и, дрожа как лист, в отчаянии пролепетал:

— Люди, можно?

— Брей, если сам говорит, — решился пулеметчик Загора. — Видишь, он хочет добровольно. Товарищи, что это вы все остолбенели, черт вас подери! Да здоровствует товарищ взводный! Да, прав он! Зачем ссориться со штабом из-за каких-то усов?! Ничего страшного, вырастут новые! Может, они еще лучше будут, чем старые! Ведь правда же?

— Точно! — подхватили партизаны. — Брей, Заморан, не раздумывай!

Все сразу почувствовали облегчение, потому что проблема была хоть как-то решена. Каждый торопил парикмахера. Один быстро пододвинул стул и помог сесть взводному. Другой вытащил откуда-то старое полотенце и повязал Чутурило вокруг шеи. Пулеметчик Загора, увидев, как у Заморана дрожат руки, схватил кисточку и сам начал взбивать пену.

— Люди, не толпитесь, не удивляйтесь, это вам не святой бреется, а наш взводный Чутурило! Сейчас все будет готово.

Пока он это говорил и энергично намыливал под носом взводного, Чутурило молча сидел с закрытыми глазами, откинувшись на спинку стула. Ему вдруг показалось, что весь мир стал черным и что дальнейшая жизнь в нем будет для него сущим адом. «Завтра я покончу с собой, — сказал он себе. — Пусть пока начальник санитарной службы порадуетя». Он не испытывал никакого желания жить. Ему все было безразлично. Мучила лишь мысль о том, что подумают люди о его внешности в тот день, который ему осталось еще прожить. Если бы он умер сразу, когда принесли письмо! Но он не умер, и теперь ему безумно хотелось, чтобы эти двадцать четыре часа как можно быстрее прошли. «Проклятие! Как по-идиотски устроен этот мир», — подумал он, чувствуя прикосновение бритвы.

Партизаны не могли себе представить, как будет выглядеть взводный, когда ему сбреют усы. Они даже не предполагали, какое впечатление это произведет на них. Это стало ясно лишь в тот момент, когда дрожащая рука Заморана наконец опустилась, а пулеметчик Загора убрал полотенце с шеи взводного. И тогда вдруг вместо лица взводного они увидели искаженную, как в кривом зеркале, маску со странной белизной под носом. Это уже был не их взводный, а какой-то таинственный пришелец, похожий на привидение.

— Матушка родимая! — охнул повар Теодосий.

— Ой, люди, чудо-то какое! — воскликнул и маленький чернявый партизан, все это время прилежно державший миску с мыльной пеной и подбадривавший Заморана.

— Чего только не бывает на этом свете! — застонал коновод Радула и в страхе поднял руки.

Только пулеметчик Загора в эту критическую минуту попытался сохранить выдержку.

— Ну, вот и готово! — сказал он. — Будь здоров, товарищ взводный!

Он бодро заглянул в лицо взводного и замер в изумлении. Вместо Чутурило перед ним сидел кто-то другой. Ничего не осталось от прежнего сильного тела — на стуле горбилась какая-то безвольная масса, расплывчатая и качающаяся, как куст на ветру.

— Я унижен! — простонал взводный Чутурило. — Мне так тяжело!

— Да кто тебя унизил? — махнул рукой пулеметчик Загора и постарался его успокоить: — Подумаешь, усы! Черт с ними! Да ты сейчас в три раза красивее стал! Тебя просто не узнать.

— Точно, меня не узнать, — грустно согласился взводный, — потому что это больше не я.

— Что ты сказал?

— Меня больше нет, я не существую!

— Э-э, что ты мелешь! — ужаснулся пулеметчик Загора. — Как ты можешь не существовать, когда ты тут, передо мной? Разве я тебе не сказал, что ты сейчас раза в три красивее стал? Правда, нос у тебя вроде больше сделался, ну да какая разница; важно, что ты ничего не потерял от своей красоты. Давай успокойся, и поговорим по-человечески.

— Нет для меня больше покоя... умру я! — вдруг жалобно простонал взводный Чутурило и бросил безумный взгляд в сторону леса. — Я сейчас уйду, чтобы побыть одному. Если не сдохну до ночи, завтра покончу с собой, точно! — Словно прощаясь, он грустно оглядел своих товарищей и ушел.

Пулеметчик Загора даже подскочил:

— Вы все слышали?

— Сейчас самый критический момент! — взволнованно проговорил повар Теодосий. — Сейчас ему тяжелее всего! Давайте придумаем что-нибудь, чтобы его не потерять! Сообщите комиссару!

— Никому не будем сообщать! — воспротивился пулеметчик. — Раз мы взяли сами его спасать, то сами и сделаем это. Главное — облегчить ему эти тяжелые минуты... Готов обед?

— Все готово, — ответил повар.

— Налей ему супу и неси следом за ним в лес. Смотри, чтобы он все съел. А после я пушу в ход свою тактику.

Повар Теодосий поспешил к котлу, а партизаны отошли в тенечек, чтобы там продолжить разговор об усах.

— Братцы, да разве это возможно, чтобы человек так переживал из-за каких-то паршивых усов? —

спросил кто-то.

— Это не паршивые усы, а крылья горного орла, — возразили ему. — Разве вы, черт возьми, не видели, что усы и впрямь были красивы?

— Видели, но только могут ли усы быть важнее жизни? Да пропади пропадом все усы на свете, если человек из-за них способен до такой крайности дойти!

— Не скажи... Раньше, например, усы играли бо-ольшую роль, — почти философски заметил пулеметчик Загора. — Я думаю, что взводный — человек с предрассудками. Он их раб. Может, в его роду усачи были в почете.

— Как это — в его роду?

— А так. В моем роду, видишь ли, был когда-то дед Кузман, который из-за пол-уса порезал соседа ножом. Из-за таких усов в прошлом бог знает что делали.

Пока они так беседовали и искали разные объяснения этому случаю, повар Теодосий с миской в руках прошел через лагерь и скрылся в лесу. Через некоторое время он возвратился, все так же держа миску. Подойдя к бойцам, он устало присел и прохрипел:

— Не ест, хоть ты лопни! Уж как я ему нахваливал похлебку, и все бесполезно!

— Ты сказал ему, что сегодня ночью мы идем в атаку и что ему с пустым животом придется нелегко? — спросил Загора.

— Да чего только я ему не говорил! И о пустых кишках, и о голодной смерти! Ничто не помогло. Одного я боюсь больше всего: как бы он себе дырку во лбу не сделал!

— Придется и мне постараться, — сказал Загора. — Если не удастся, тогда приставьте к нему на ночь дежурного, пусть понаблюдает за ним. Ночь для чокнутых особенно опасна. Ну, я пошел! — С этими словами он двинулся к лесу, размышляя на ходу о всевозможных хитростях, коими мог бы отвлечь взводного от тяжелых дум.

С приходом вечера обстановка в лагере стала еще более нервной и тягостной. Мысли бойцов упрямо возвращались к взводному. Они едва дождались пулеметчика Загору, таково было их нетерпение. Но, увы! Пулеметчик вернулся и принес новые тревоги.

— Я, товарищи, ежели еще раз пойду с ним разговаривать, то и сам свихнусь, это точно, — сказал он. — Вы и представить себе не можете, что он мне наговорил об этих проклятых усах! Начал со средних веков и как понес, как понес! Усы, говорит, в славные старые времена были символом чести и гордости. Безусые, говорит, были презренными отбросами общества. Женщины не хотели и смотреть на безусых. Усы, говорит, значили в жизни так много, что ценность человека измеряли по ним. Вот чего он мне наболтал. Я прямо-таки в феодализме побывал... А потом он сообщил мне вот что: «Я завтра покончу с собой, и вам больше не придется обо мне беспокоиться».

— А почему именно завтра? — заинтересовались партизаны.

— Наверное, хочет всей бригаде что-то доказать и начальника санитарной службы поставить в неудобное положение. Готовится отомстить, что ясно.

— Э, его бешенство уже перешло все границы! — загалдели партизаны и, по-настоящему сердитые, разбрелись по сторонам, чтобы закончить последние дела перед выступлением на марш.

Через какое-то время из леса вышел и взводный Чутурило и стал заниматься своим делом, как будто ничего не случилось. Бойцы могли только заметить странную неподвижность его теперь уже безусого лица да темные круги под глазами. Речь его была скупой, слова короткими и едва слышными, а движения — замедленными. Когда все легли спать, он еще что-то делал, а когда до сигнала подъема поднялись, Чутурило уже стоял на месте построения. Он лихорадочно курил; сигарету, обжигая пальцы.

Командир Казимир подошел к строю, и первое, что он спросил, было:

— А где взводный Чутурило?

После этого вопроса лицо Чутурило потемнело от ярости, а голос загрохотал как из бочки:

— Нет его! Нет больше взводного Чутурило, товарищ командир!

Командир отряда Казимир смутился, некоторое время помолчал, как бы раздумывая, потом со злостью заметил:

— Что это за ответ, черт возьми? Что это значит?

Но взводный Чутурило еще злее ему отрезал:

— Нет меня, вот что! Я стою в строю, а вы меня и не замечаете. Это значит, что меня нет! Я исчез, и точка!

Еще вечером командир узнал, что случилось со взводным, поэтому сейчас он не хотел продолжать этот разговор, а только махнул рукой и приказал отряду следовать для выполнения боевой задачи. Сделав несколько шагов, Чутурило гаркнул:

— И не будет меня, так и знайте!

Близился рассвет, когда отряд занял позиции на холмах невдалеке от железнодорожной станции. Бойцы напряженно вглядывались в здание вокзала и вырытые перед ним блиндажи и окопы. Ожидая условленного сигнала и команды к атаке, они уже забыли и о взводном Чутурило, и о его усах. Но именно в этот момент, когда они находились в лихорадочном ожидании, когда знали, что ничего неожиданного не должно случиться, из залегшей цепи вдруг поднялся какой-то партизан и побежал к рельсам. Всего лишь несколько прыжков — и он оказался внизу. Он перескакивал через рельсы, направляясь прямо к блиндажам. Кто-то тяжело охнул:

— Товарищи, да это же взводный Чутурило!

И тут раздалась очередь, за ней — другая, послышался звук разорвавшейся гранаты. В следующую секунду началась бешеная стрельба с обеих сторон.

— В атаку! — разнеслась команда, и отряд рванулся к окопам и блиндажам.

Бой продолжался недолго. Застигнутый врасплох враг был окружен и разгромлен. Подняв руки, солдаты в черной форме уже строились в здании вокзала, а партизаны спешно обыскивали блиндажи и выносили оттуда оружие. Несколько человек под руководством командира отряда разрушали железнодорожное полотно.

Лишь пулеметчик Загора не принимал в этом участия. Он бегал повсюду, разыскивая мертвое тело взводного Чутурило. Он знал, что уже первая очередь должна была скосить беднягу. Сейчас оставалось только найти труп. Он обошел все блиндажи, окопы и в конце концов решил осмотреть здание вокзала. Большие двери были распахнуты, и Загора бросился туда. Вбежав в просторный зал ожидания, он остановился как вкопанный. Посреди зала на перевернутом снарядном ящике сидел взводный Чутурило и лихорадочно курил. Вокруг него валялось множество трупов усташей.

— Так ты жив? — удивленно воскликнул пулеметчик Загора.

— Да, не повезло мне, — спокойно ответил взводный. — Эти вояки даже не заметили, как я ворвался. Слабаки какие-то.

Пулеметчик Загора сдернул с головы шапку, вытер ею вспотевшее лицо, с трудом перевел дыхание:

— Так ты, значит, хотел погибнуть? Поэтому и бросился до команды, да? Вот что значило твое: «Нет его!» Так, что ли?

— И не будет, запомни это, — сказал взводный. — Сегодня не получилось, но завтра получится наверняка, найдется пуля и для меня.

Пулеметчик вытаращил на него глаза, а потом вспыхнул гневом:

— А вот с этим ты немного подождешь! Что касается смерти, так пусть смерть придет, но придет так, как того требует война. Не тебе решать, когда надо вставать под пули. Это право командира, а не твое!

— Мое право бить врага так, как я смогу, — спокойно ответил взводный. — И этого права у меня никто не отнимет.

— Но у тебя нет никакого права нарушать приказ! — крикнул пулеметчик. — Кому это позволено, я тебя спрашиваю, делать такие вещи без приказа?

— Я сделал это сознательно, принял огонь на себя, а этого мне никто не запретит, — отрезал взводный.

— Ну, это мы еще увидим! Вставай и к командиру — шагом марш! Сейчас я командую!

Взводный Чутурило только кисло усмехнулся при виде взъерошенной фигуры пулеметчика Загоры, взял свой автомат и поднялся. Но, прежде чем пойти, он бросил презрительный взгляд на одного из убитых.

— Посмотри, — сказал он, — и у этого были усы. Ты только взгляни на эту паутину под носом. За такие усы я бы убивал.

Пулеметчик посмотрел в сторону лежавших. Усы у мертвого усташа были, по правде говоря, обыкновенными, и Загора не понимал, почему из-за таких усов надо кого-либо убивать.

— Э, да ты совсем дурак! — бросил он. — Что ты тут разглядываешь чужие усы да еще судишь-рядишь о них? Может быть, этот усташ тоже восхищался своими усами. В конце концов, это дело вкуса.

— Именно потому я и говорю, — пробормотал взводный. — Если он не знает цены этому украшению, то зачем отпускать усы? Это же не усы, а насмешка! Если ты не способен ухаживать за такой красотой, то и жить не надо. Усы — это красота, это самое что ни на есть замечательное у мужчины!

От этих слов пулеметчика Загору просто затрясло.

— Знаешь, — сказал он, — мне надоело слушать твои бредни об усах! Ты понимаешь, что и мне уже голову заморочил? Клянусь тебе, что с этих пор я всех усатых буду за километр обходить! Да это же чистое безумие! Когда же конец-то этому придет?!

— Да-да, — безвольно согласился взводный, — по-твоему, это безумие. Но разве безусые могут мыслить по-другому?

После этого замечания пулеметчик Загора просто онемел. Если взводный еще не сошел с ума, тогда он, Загора, сойдет. Нужно положить этому конец и направить взводного в соответствующее заведение. Действительно, дальше уже некуда.

— Пошли! — сказал Загора. — Идем к командиру, а то от тебя тошно становится! А когда образумишься, я тебя поспрашиваю кое о чем. Давай!

После этого оба вышли из здания вокзала и направились прямо к командиру Казимиру.

В этот день на долю взводного Чутурило выпало еще несколько испытаний. Он, собственно, никому не мог объяснить суть дела, а когда происшедшим заинтересовались даже высшие штабы, он вообще отказался говорить о своих усах. Все свелось к выяснению его проступка. Командование отряда ругало его за нарушение дисциплины, хотя и не оспаривало его храбрости и готовности к самопожертвованию; в штабе же бригады сказали, что право каждого бойца — бить неприятеля и что разумную инициативу во время боя необходимо всячески поощрять. В штабе бригады даже подготовили официальный приказ об объявлении ему благодарности, который надлежало прочесть перед всем строем. Под вечер взводный Чутурило вернулся в отряд в очень дурном расположении духа. Бойцы же смотрели на него с восхищением.

— Видишь, ты без усов стал в четыре раза храбрее! — сказали они. — Еще немного — и о тебе легенды начнут слагать!

Пулеметчик Загора подошел к нему, отозвал в сторону и прошептал так, чтобы больше никто не слышал:

— Только, браток, не дели этот свет на усатых и безусых, а то я и впрямь рассержусь. Ведь мы же серьезные люди, перед нами стоит задача огромной важности! Я думаю, ты меня понимаешь?

— Я тебя очень хорошо понимаю, — сказал взводный, скрипнув зубами. — И всех вас я хорошо понимаю, только вы меня никак не поймете. Неужели вы думаете, что меня интересуют ваши похвалы и ваши красивые слова? Меня это больше оскорбляет, чем радует, если хочешь знать. Мне кажется, вы все смеетесь надо мной, черт подери, еще больше унижаете.

— Да что за чертовщина, что с тобой?

— Что хочешь, то и думай, — мрачно произнес взводный. — Меня только интересует, как вы объясните мою завтрашнюю смерть. Не надейся, я не успокоюсь, пока пуля меня не найдет. Ничто меня не остановит. А вы можете рассказывать, какой я герой, это ваше дело. И пусть начальник санитарной службы будет доволен. Он, подлец, уверен, что сбривание усов — как раз то, что нужно для бойца. Ух, как бы я в него саданул, попадись он мне на мушку!

— Бог ты мой, с тобой спасу нет, — вздохнул пулеметчик. — Значит, продолжаешь безумствовать? Ну что ж, я тебе больше ничем не могу помочь.

Пулеметчик Загора отвернулся и пошел к домику, где находились партизаны, а взводный Чутурило остался один со своими мрачными мыслями ждать нового боя как освобождения от мук.

В этот вечер пулеметчик Загора, всего за полчаса до выхода на выполнение следующего задания, совершенно потрясенный, рассказывал своему отделению:

— Черт бы побрал этого человека со всеми его переживаниями! Однако ни к чему больше мучиться с объяснениями, нужно что-то предпринимать. Я уже хотел было отступить от всего этого, но не могу. Он, как мне сказал, и сегодня будет стараться погибнуть. Во время атаки нам нужно будет хорошенько следить за ним. Попробуем предотвратить самое худшее. Если он, скажем, поднимется, как сегодня утром, валите его сразу же на землю. Пусть он лучше разобьет нос, чем его, как мишень, изрешетят сотни пуль. Можно даже и по голове его ударить, пусть потеряет сознание. Я беру ответственность на себя. Значит, все время быть рядом с ним, ясно?

Об этом же говорилось в беседах с бойцами и командирами и других отделений отряда. Вскоре началось построение. Командир объяснил, что на этот раз предстоит нападение на городок под горой. Все понимали, что этот бой будет тяжелее, чем предыдущий, и готовились к этому. Только взводный Чутурило небрежно отмахивался и безразлично говорил:

— Я погибну или в самом начале атаки, или уже в центре города... Где-нибудь меня пуля найдет. Надеюсь, эта лучше стреляют, чем те, на вокзале.

Заранее договорившись, бойцы больше не обращали внимания на его болтовню. Отряд двинулся длинной колонной на исходные рубежи. Пулеметчик Загора держался за спиной взводного.

Поначалу все шло так, как они и предполагали, но, когда до атаки осталось совсем немного времени, все вдруг заметили, что взводного Чутурило нет среди них. Бойцы искали его, но безуспешно: взводный исчез, как сквозь землю провалился.

— Да, тут мы бессильны, — мрачно заключил пулеметчик Загора, вглядываясь в цепочку огоньков в центре города.

Атака началась точно в полночь. Послышались взрывы мин, а затем все заглушили лающие звуки пулеметов. Небо над городом прочерчивали трассирующие пули. Доносились стоны раненых, предсмертные хрипы.

Уже в самом начале атаки пулеметчик Загора, всмотревшись в темноту, вдруг застыл от удивления. Его взгляд приковала вспышка от разрыва гранаты, высветившая дзот. Затем последовали новые взрывы. Ему показалось, что он видит человека, по фигуре похожего на взводного. Человек еще раз взмахнул рукой, и из другого дзота вырвалось пламя.

— Да, это он, — прошептал пулеметчик. — Ищет смерти!

Загора вместе со своим отделением бросился в том направлении. Он добежал до разрушенного дзота, посмотрел вокруг, но вместо трупа взводного Чутурило увидел только разорванные тела вражеских солдат и их раскиданное взрывом оружие. Путь был свободен.

— Черт подери! Да ведь он ликвидировал всю оборонительную линию! — крикнул Загора, радостный и злой одновременно. — Вы видите, товарищи? Но где же он сейчас?

— Продолжает искать свою пулю! — едко заметил рыжий парень, переворачивая ногой труп и вытаскивая из-под него легкий немецкий пулемет.

— Торопитесь, товарищи! — крикнул Загора. — Может, мы его где-нибудь найдем!

И все отделение бросилось по узкой улочке с низкими домишками к центру города.

— Он наверняка там! — крикнул на ходу пулеметчик. — Он еще говорит, что погибнет если не в начале атаки, то в бою в центре города.

Предчувствие не обмануло пулеметчика Загору. Взводный Чутурило, подгоняемый мыслью о смерти, ликвидировав дзоты на окраине города, целый и невредимый рвался к центру города. Он бежал, даже не пригибаясь, но пули, выпущенные по нему врагами, летели мимо него.

— Что же это такое творится? — в отчаянии кричал взводный Чутурило. — Как они могут так мазать?

И снова он рвался в центр города, на ходу стреляя из автомата и бросая гранаты в скопления вражеских солдат. Так он оказался перед зданием штаба немецкого гарнизона.

— Может быть, хоть здесь, — со злостью проговорил он, ударяя ногой в большую дверь.

Взводный Чутурило надеялся, что тут он найдет противника, который ответит ему очередью на очередь, пулей на пулю. Он представил себе, как лежит между мертвыми эссовцами и над ним склонилось лицо пулеметчика Загоры, разъяренное и вместе с тем скорбное.

— Пусть будет то, что должно быть! — сказал он сам себе и бросился внутрь.

Если бы раньше кто-нибудь рассказал взводному Чутурило о том, что такое может произойти, он бы, конечно, не поверил этому человеку. Такого поворота событий он не ждал.

А случилось вот что. Когда взводный Чутурило толкнул ногой эту дверь и оказался в зале с фашистским флагом, свастикой и портретом Гитлера на стене, он увидел, что в середине огромного зала стоят три немецких офицера, вытянувшись по стойке «смирно». Их пистолеты с ремнями лежат на столе, а начищенные до блеска сапоги стоят чуть в стороне.

Увидев это, взводный остолбенел. Да разве такое возможно? Вытаращив глаза на застывшие фигуры немцев, глазевших на него, он едва слышно процедил:

— Черт побери, что все это значит?

Один из офицеров холеной рукой указал на сапоги и пистолеты и на чистом сербскохорватском языке ответил:

— Вот! Возьмите!

— Вы немцы? — спросил Чутурило.

— Самые настоящие! — ответил тот. — Франкфурт! Нюрнберг! Карлсруэ!

— А почему же вы не оказываете сопротивления, не стреляете?

— Зачем? В данной обстановке это было бы просто бессмысленно.

Взводный Чутурило выпучил глаза:

— Сдайтесь, значит?

— Абсолютно верно, — ответил немец. — Мы узнали, что вы хорошо обращаетесь с военнопленными, а каждому из нас хочется жить.

Взводный Чутурило бросил презрительный взгляд на портрет Адольфа Гитлера:

— Так вам теперь нет никакого дела ни до вашего дерьмового фюрера, ни до его рейха?

— Конечно, — любезно улыбнулся немец. — Этот сумасшедший все и затеял. Он самый настоящий идиот. Войне скоро конец, и мы хотим ее забыть.

Чутурило покачнулся и чуть не упал. Перед глазами у него все померкло, страшно сдавило в висках. Едва придя в себя, он с трудом проговорил:

— Черт побери, почему же вы не хотите сопротивляться? Хотя бы выстрелили разок!

— Нет уж, мы в ваших руках, зачем нам сопротивляться?! Чего не можем, того не можем.

Уже теряясь в хаосе мыслей, взводный опустил свой автомат и как мешок упал в кресло.

— Нет, я сплю! — сказал он. — Это мне чудится.

Затем он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Таким и застал его Загора. Войдя со своим отделением в этот зал, пулеметчик удивленно посмотрел на разутых немецких офицеров и крикнул, будто не веря себе:

— Что же это такое? Да ведь это немецкий штаб!

— А в нем типичные представители третьего рейха! — добавил солдат, остановившийся около него.

Пулеметчик Загора только сейчас заметил расслабленную фигуру взводного в кресле и опять воскликнул:

— Посмотрите сюда, господин взводный Чутурило спит! Отложил оружие человек и подремывает! В компании врагов!

— Как я страдаю! — едва слышно пробормотал Чутурило, слегка приоткрыв глаза. — Мучаюсь, одним словом!

— Что, и на этот раз ничего не получилось?

— Не везет мне. Просто несчастье какое-то!

Пулеметчик подозрительно посмотрел на него и повернулся к своим:

— Вам не кажется, что он просто воображает? Взял в плен этих выродков, а теперь ломает комедию...

Слушай, — сказал он взводному, — я не хочу сейчас разбираться в твоих балаганных шутках, но ты мне ответь на один вопрос: как ты сумел ворваться сюда и разоружить этих бандитов? Как ты снял с них сапоги?

— Никого я не разоружал, — ответил взводный, — а еще меньше занимался сапогами.

— Не хочешь ли ты сказать, что гитлеровцы добровольно отдали свое оружие и сняли сапоги?

— Именно так, — процедил взводный. — Или мне так показалось.

— Показалось?!

— Да, братец, может, и показалось. Ты думаешь, я сейчас верю, что ты стоишь передо мной и что все это на самом деле происходит? Это мираж, вот что это такое. Только... я что-то спать хочу.

И после этих слов Чутурило вдруг замолчал, голова его склонилась на грудь, руки соскользнули с подлокотников кресла, а лицо залила странная бледность.

Пулеметчика передернуло от страха.

— Ну, это уж слишком! — воскликнул он и повернулся к своим: — Давайте гоните этих офицеров в штаб и скажите, чтобы сюда пришли с носилками! Его давно надо было отправить в госпиталь, а мы тут рассуждаем! Скажите, что ему срочно нужна медицинская помощь: он без сознания!

Солдаты заторопились выполнять приказ, а Загора, полный мрачного предчувствия, упал в соседнее кресло и растерянно уставился на взводного. Сейчас все происходящее ему было еще менее понятно, чем раньше.

В тот же день взводного Чутурило поместили в бригадный медпункт. Вокруг него засуетились медсестры, стараясь поудобнее уложить его на койку. Он не приходил в себя, тяжело дышал и время от времени размахивал руками. Только под вечер он успокоился. Но это длилось недолго. Чутурило открыл вдруг глаза, огляделся, вскочил и зарычал:

— Что это, черт возьми? Где это я нахожусь? Что вы со мной делаете?

Медсестры поспешили объяснить ему, что он болен, что сейчас он должен лежать, но он набросился на них с бранью и криками:

— Я болен? Кто это сказал? Кто продолжает играть на моих нервах?

И напрасно медсестры пытались успокоить его и уложить снова на соломенный тюфяк — ничего не помогло. Он кричал, размахивал руками, перескакивал с кровати на кровать и даже оказал сопротивление солдатам санитарного взвода, пришедшим его успокоить. Только поздно ночью он как будто бы утихомирился и попросил послать кого-нибудь в его отряд за пулеметчиком.

Рано утром верхом на лошади приехал Загора. Он был мрачнее тучи. Увидев застывший взгляд взводного, он без обиняков начал:

— Что ты здесь опять вытворяешь? Ты и дальше продолжаешь ломать комедию?

— Какую комедию, черт возьми?! — крикнул взводный. — Кто меня сюда поместил и зачем, я тебя спрашиваю?

— Мы тебя поместили, — сказал пулеметчик, — ты был явно не в себе. А что нам оставалось делать? Позволить тебе и дальше вытворять глупости? Ведь ты же был без сознания.

— Я — без сознания?!

— Нет, не ты, а моя бабка! А перед этим ты выделывал такие фокусы, что даже я чуть не свихнулся. Страшно вспомнить!.. Болтал о каком-то мираже и о том, что будто бы и меня ты не наяву видишь, а в мыслях, и этих гитлеровцев тоже.

— Да я этому никогда не поверю!

— Ну, значит, так все и есть, значит, ты болен.

— К черту! Не болен я, не болен! — снова с горечью воскликнул взводный. — Чего ты добиваешься? Чтобы я поверил в то, во что и дурак не поверит? Чтобы я поверил, что эсэсовцы добровольно сняли свои пистолеты, сапоги, сдались мне? Ты этого хочешь?

— А почему бы и нет? Ведь так все и получилось. И я не поверил вначале, но потом оказалось, что это истинная правда.

— Какая такая правда?

— Да такая: эсэсовские офицеры действительно добровольно сложили оружие и сняли сапоги. Они это сделали до того, как ты туда вошел. Они ждали, пока ты там объявишься, чтобы сдать тебе! Потом все выяснилось в штабе бригады.

— Как это, в штабе бригады?

— Да так, как это всегда бывает после боя. Когда этих глупых эсэсовцев привели туда и начали допрос, они рассказали невероятную историю о том, как мы на них напали, как они подготовились к обороне, как в конце концов все это провалилось к черту. Но то, что они говорили о тебе, — просто поразительно. Они, то есть их солдаты, по их словам, оказывали бешеное сопротивление, но тут появился ты. Они следили за тобой от начала до конца и имели о тебе точные сведения. Их унтер-офицеры и даже простые солдаты обо всем им докладывали: и как ты возник возле первой их траншеи, и как ловко уничтожил несколько дзотов. Рассказали и о том, как они вели по тебе огонь из всех видов оружия, но тебя даже не задело. Их охватила дикая паника, она передалась и их штабу. А когда ты оказался в центре города, перед зданием штаба, они пришли в ужас. Стреляют они в тебя и видят чудо чудное: пули свистят, а ты как будто за десятью бронями — вперед да вперед. И видно, идиотская мысль пришла в голову этим гитлеровским воякам, подумали они, браток, что ты не какой-то там обычный партизан, а сверхчеловеческое существо, которое ни пуля, ни огонь не берет. Такое могло возникнуть только в их головах, потому что, как мне объяснил комиссар, у них какая-то расистская теория и вера в сверхчеловека. Они поверили, что ты и есть не кто иной, как сверхчеловек, победить которого невозможно, и приняли простейшее решение — сдать, потому что сдать сверхчеловеку и не стыдно и не зазорно. Вот так ты и стал для них чем-то вроде высшего существа. И ничего странного, что они бросили пистолеты и сняли сапоги, меня только удивляет, почему они там же не подошли от страха, если у них появилось такое мнение о тебе. Вот это, братец, мне действительно непонятно. Теперь ты видишь, к чему привело твое бешенство? А ты мне тут рассказываешь, что не веришь этому. Теперь-то тебе ясно?

Все это взводный Чутурило выслушал с напряженным вниманием, а когда пулеметчик довел свой рассказ до конца, он, почти рыдая, закричал:

— Теперь ты понимаешь, как я несчастен?

Пулеметчик взорвался:

— Несчастен?! Что ты мелешь?

— А ты как думаешь? Меня, значит, и враг не может уничтожить. Следовательно, смерть я не найду и здесь. Это же просто проклятие какое-то!

— Не глупи, прошу тебя! — умоляюще застонал пулеметчик. — Не безумствуй!

Но взводный Чутурило смерил его холодным взглядом и продолжал:

— Да не схожу я с ума, а просто размышляю. Все-таки я постараюсь добиться своего. Надо поискать минное поле. Мина не подведет.

После этих слов глаза Чутурило странно заблестели, его даже охватило какое-то веселье.

— Да, да, у мин нет глаз! — воскликнул он. — Вот так мы и закончим это дело!

Пулеметчик смотрел на Чутурило, размахивающего руками, как на чудо и никак не мог поверить — неужели то, что он видит и слышит, правда? И неужели это тот, прежний взводный Чутурило, с которым он делил все радости и горести? Да он же, черт возьми, когда-то был нормальным и разумным человеком! Возможно ли, что этот случай с усами до такой степени выбил его из колеи? «Нет, нет, — к, подумал он, — мне в этом не разобраться. Но с какой стороны тогда подойти, что предпринять? Может быть, нужно немного подождать, пусть время сделает свое. В конце концов, я ему не нянька».

— Слушай, — сказал он, — я очень хорошо тебя понимаю. Конечно, все, что с тобой случилось, может быть очень обидным для тебя. Но я никак не могу понять и объяснить того, что ты задумал. Твое положение не такое уж плохое. Ведь ты теперь, несмотря на все твои глупости, стал легендарным. Я был сегодня в штабе и видел, как о тебе составляли донесение. Почти всю вчерашнюю победу приписывают тебе. Ну, знаешь, приобрести такую славу и думать о том, как быстрее угробить себя... Не могу понять, чего тебе надо? А твои усы, скажем, через месяц снова будут поражать всех красотой! Разве это тебя не вдохновляет и не радует? Ну, скажи!

Взводный вяло улыбнулся в ответ на эту речь пулеметчика, а затем махнул рукой:

— Ты что думаешь, что я снова захочу отрастить усы?

— А разве нет? — поразился пулеметчик.

— Отращивать и лелеять такую красоту только для того, чтобы этот проклятый санитар снова приказал их сбрить?! Нет, братец, он этого не дожидается!

— Опять ты за свое, ненормальный?! Ну давай, трепись дальше! — выдохнул пулеметчик, потеряв всякое желание продолжать беседу.

— Пусть я ненормальный! — бросил Чутурило. — А ты возвращайся в отряд и скажи им, что я сумасшедший, но прошу тебя об одном: скажи Казимиру, чтобы он вытащил меня отсюда, потому что в таком настроении я могу все что угодно и здесь натворить. Скажи, что я хочу вернуться в отряд, причем сегодня же. Я не хочу, чтобы наступление продолжалось без меня, хотя и не доживу до победы. Так ему и передай.

На последние слова взводного Загора ничего не ответил. Он холодно простился с Чутурило и поспешно вышел. Вскочив на лошадь, он галопом погнал ее по каменистым тропинкам. Прискакав в отряд, злой, вспотевший и усталый, он на все вопросы бойцов только отмахивался.

В тот вечер у лагерного костра командир отряда Казимир проводил внеочередное собрание. На повестке дня был всего-навсего один вопрос: Чутурило и его усы. Пулеметчик Загора получил задание подробно сообщить о состоянии взводного Чутурило и рассказать бойцам о его последних выходках.

Нужно сразу признать, что Загора исключительно серьезно отнесся к этому заданию. Он все рассказал партизанам о поведении взводного Чутурило во время последнего боя, очень подробно объяснил им все его странные и никому не понятные выходки и потом высказал свое собственное мнение.

— Мне кажется, — заключил он, — что Чутурило не псих в полном смысле слова. Он откалывает эти номера из упрямства, я уверен. Втемяшилось ему, черт возьми, отомстить начальнику санитарной службы, и не чем-нибудь а своей смертью, и будьте уверены, он не отступит от этого. Вопрос сейчас состоит в том, можно ли ему вообще помочь. Я сделал все, что было в моих силах, и большего сделать не смогу.

Таковыми словами он закончил свое выступление и, устало опустившись на землю у костра, принялся есть похлебку из алюминиевой миски.

После этого еще почти целый час партизаны вели оживленную дискуссию об усах взводного Чутурило. Одни были за то, чтобы задержать взводного в медпункте, другие выступали за строгое наказание, а третьи перечисляли его последние подвиги и просили это учесть. Противоречивые мнения не позволили им прийти к какому-то общему решению. Договорились все же передать это на рассмотрение в штаб бригады.

— Пусть там и решат это дело.

Собрание закончилось только в полночь, но бойцы никак не могли успокоиться.

— Его там накажут так, что он долго будет помнить!

— Могут наказать, а могут и наградить, почему бы нет? Он не совершил никакого криминального поступка. А его героизм куда не денешь, он налицо.

— Как же он надоел со своими глупостями из-за этих усов!

— Это так, но согласитесь, что подобных случаев в истории, насколько мне помнится, еще не было, — проговорил один из бойцов. — Когда это, спрашиваю я вас, кто-то кому-то насильно сбрасывал усы? Слыхали вы или читали о чем-нибудь таком?

— Но ведь это армия, и был приказ...

— Надо было отнестись к нему с большим пониманием и не давить на него так грубо. Человеческое достоинство — это не мелочь. Может быть, взводный именно этим и обижен, откуда ты знаешь?

— Да что ты? Значит, ты не возражаешь против его проделок?

— Я так не говорю. Я сказал только, что это не такие уж мелочи.

Вскоре бойцы улеглись под деревьями, накрылись с головами шинелями и одеялами и замолчали. Лагерь быстро погрузился в сон.

Едва наступило утро и повар Теодосий зажег костры под котлами, как из-под покрытых росой веток бука выскочил пулеметчик Загора и заорал как одержимый:

— Товарищи, придумал! Я нашел решение. Быстрее все сюда!

Повар Теодосий вытаращил на него глаза, отложил половник и машинально перекрестился:

— И этот свихнулся!

Партизаны, лежавшие вблизи опушки, подняли в недоумении головы.

— Ну, это уж слишком! И поспать не дадут спокойно! Эти усы у нас уже поперек горла встали.

— Черт его дернул проснуться так рано! Успокойте его как-нибудь в конце концов!

Но пулеметчика ничто не могло остановить; он продолжал прыгать и кричать, как будто сделал великое открытие:

— Недаром я столько дней и ночей провел без сна! Я знал, что решение где-то близко, но только не мог сразу до него додуматься! Сейчас все в порядке — мы спасены!

Когда партизаны собрались вокруг него, сердитые и сонные, он обратился к ним сразу же по существу дела:

— Вот, значит, что я вам хотел сказать. Усы взводного Чутурило нужно взять под государственную охрану — и вопрос будет решен. Как только это сделают, взводный поймет, что его усы в безопасности, и успокоится. Он не будет больше искать ни минных полей, ни пуль, чтобы отравиться на тот свет. Подумайте только, он опять будет весел и спокоен, а мы освобождены от забот. Вы меня понимаете?

Пока он им это говорил, глаза его горели, как два раскаленных угля. Все его лицо светилось радостью, а голос звучал торжественно. Все говорило о том, что он в особо приподнятом настроении. Но именно это и зародило в них сомнение.

— Вам не кажется, что у него тоже ум за разум зашел? — начали они перешептываться.

— Судя по тому, что он сказал, очень похоже.

— Значит, и он свихнулся! Вот весело-то!

— Слушай, браток, а ты в своем уме? — крикнул вдруг повар Теодосий. — О какой охране ты говоришь?

Где у нас государство?

Но пулеметчик смерил его холодным взглядом и отрезал:

— А ты молчи и занимайся своими котлами. Знаю, о чем говорю. Где мы, там и государство. Разве у нас нет отрядов и батальонов, бригад и дивизий, даже корпусов? А армия и есть основа всякого государства! Разве не ясно?

— А учреждения? — решился вставить повар.

— Плевал я на твои учреждения! — вспыхнул Загора. — Уж не учреждения ли старого государства ты имеешь в виду? Этого, братец, больше не будет! Все решает революция!

После такого ответа повар приутих, но зато очень громко загалдели партизаны:

— Давай умерь свой пыл! Тоже нашелся командир! Говоришь, у нас революционная армия, а значит, есть и государство... Хорошо! Мы согласны! Но скажи нам, как ты собираешься усы Чутурило взять под государственную охрану? По какому такому праву, спрашиваем мы тебя? Насколько мы знаем, никогда ничьи усы так не охранялись, даже королевские! Что, усы взводного — национальное достояние? Издеваешься ты над нами, что ли?

— Да стойте, черт вас возьми! — опять закричал пулеметчик. — Вы что думаете, я не обмозговал это дело? Да я сегодня ночью глаз не сомкнул — все думал. И вот к какому выводу я пришел. Черт с ними, с этими всеми глупостями, забудем о них, сейчас важно закончить это дело. Вот вы говорите, что усы Чутурило никакая не ценность. Ну хорошо. А разве я думаю по-другому? По-моему, эти усы не стоят ни гроша. Но суть не в этом. Что делать со взводным, я вас спрашиваю? Разве наш взводный не ценность, разве его подвиги не важны для всех нас и для всего народа? Об этом вы подумали?

— Но какое это имеет отношение к его усам?

— Очень большое, будьте уверены! Потому что, ежели взводный уже сейчас стал легендой, так разве его усы — что-то другое? Его усы и он — одно целое, и никакому черту их не разделить. Вот потому я и борюсь за его усы. Значит, ежели взводный Чутурило стал почти что гордостью революции, то разве его усы не выигрывают от этого? Выигрывают, и еще как! Ну вот, теперь видите, с какой стороны надо решать проблему?

— Но с кем, черт тебя возьми, с чьей помощью?

— Известное дело с кем! — закончил он. — С высшим командованием.

— Ах вот как?! Ну давай действуй, мы же в отличие от тебя еще не свихнулись.

После этого они снова легли спать, а он направился в штаб отряда.

О чем он говорил с командиром и комиссаром, они не могли точно знать, но когда пулеметчик снова появился у них, он был краснее рака. Он стирал пот с лица и шеи и громко говорил:

— Я знаю, что это будет делом нелегким, но не вижу другого выхода! Я получил, понимаете ли, разрешение пойти с рапортом в штаб бригады. Или выйдет то, что я задумал, или меня выбросят с презрением как последнего дурака! Третьего варианта нет. Ну что ж, я пошел, не поминайте меня лихом!

Он махнул им рукой и вскоре уже снова сидел на своей лошадке. Они видели, как он сорвал веточку бука, слегка хлестнул лошадь и галопом помчался по долине.

Вскоре после обеда до лагеря донесся стук копыт. Бойцы заспешили на пригорок. Они увидели знакомую фигуру пулеметчика и его взмыленную кобылу, спотыкавшуюся от усталости.

— Все в порядке! — весело кричал он еще издали, размахивая какой-то бумагой. — Усы Чутурило взяты под охрану государства! Взводный спасен!

— Он что, совсем спятил? — переглянулись они. — Или издевается над нами?

Но им не пришлось долго ждать, чтобы убедиться в том, что пулеметчик Загора говорит правду. Через несколько секунд он подъехал, спрыгнул с лошади и хвастливо произнес:

— Так я и знал! Комиссар решил это дело как надо. Много было и смеха, и всяких шуток, и насмешек, но в конце концов наша просьба была удовлетворена. Нужно было видеть начальника санитарной службы! Он так и засверкал от злости глазами. Я, говорит, против этого, случай из ряда выходящий. А комиссар ему и резанул: «Вот поэтому-то мы и решаем так. Бери-ка бумагу да напиши решение об том нашем Чутурило, что ему разрешено ношение усов, что они берутся под нашу защиту. А я подпишу». Вот так. Собирайте, значит, делегацию от отряда — и по коням!

— Какую делегацию, ты что, сдурел?

— Комиссар бригады приказал, чтобы все это было сделано торжественно. Чутурило должен почувствовать, что его заслуги высоко оценены. По коням!

После этих слов пулеметчик ринулся в штаб отряда и быстро вернулся в сопровождении командира и комиссара. Все шло так, как он и задумал. С одобрения командира Казимира нескольким бойцам было приказано подготовиться. Повар Теодосий пошел выбирать хороших коней. Делегации надлежало немедленно сообщить взводному Чутурило радостную весть, но торжество по этому случаю отложить до его возвращения в отряд.

— Здесь отметим, — заключил командир.

Бойцы вскочили на коней, и по долине разнесся стук копыт.

Если бы Чутурило мог предположить, что происходило в тот день в штабе бригады, он, вероятно, не провел бы его в таком буйстве и не мучил бы так медперсонал. Четыре раза он пробовал выкрасть свою одежду и оружие из кладовой; трижды он вылезал через окно и его с трудом ловили около ближайших домишек, а в конце концов его поймали в белом докторском халате уже в лесу.

Когда его, пойманного, привели к доктору Сотуру, старику с седой бородкой и пронизательными глазами, тот о большим подозрением осмотрел его и строго сказал:

— Ты что себе позволяешь?! Что все это значит?

— Мне здесь нечего делать! — мрачно отрезал Чутурило. — Кто меня сюда поместил и зачем здесь держат, я вас спрашиваю? Какую такую болезнь у меня нашли?! Я — боец, и мое дело — сражаться, а не валяться здесь здоровым и даже без единой царапины. Я не потерплю издевательства!

— Но тебя сюда свои же привезли, — сказал доктор. — Я-то здесь при чем? Теперь мне нужно тебя обследовать.

— Что нужно обследовать?! — закричал взбешенный взводный. — Видно, они что-то вам сказали, а вы мне не говорите? Может, у меня с головой не в порядке? Может, меня уже считают сумасшедшим? Ну что ж, в таком случае буду беситься и дальше! И прикажите, пожалуйста, солдатам, чтобы в следующий раз они стреляли! Я не хочу жить, понимаете, не хочу жить!

При этом взводный так сильно ударил по широким доскам докторского стола, что бутылочки и жестяные коробочки, стоящие на нем, подпрыгнули, жалобно зазвенев.

Доктор приказал увести его. Затем, озадаченный и расстроенный, он позвал курьера и уже намеревался послать его с запиской в штаб бригады, чтобы сообщить руководству о поведении взводного Чутурило. Но только он успел взять листок бумаги и вытащить из шкафчика обгрызенный карандаш, как ему сообщили, что на территорию медпункта въехала группа бойцов как раз из отряда Чутурило. Доктор тут же поспешил им навстречу.

Разговор о Чутурило и его выходках продолжался недолго. На все сообщения доктора пулеметчик Загора только хихикал и в конце весело сказал:

— Да не беспокойтесь вы, доктор, у нас есть теперь лекарство от всех его болезней! Сейчас вы увидите другого Чутурило. Пошли, товарищи!

Он быстро повел бойцов прямо к тому домику, где, как он знал, находился Чутурило. Доктор приказал пропустить бойцов, а сам пошел за ними, чтобы стать свидетелем этого необычного случая.

Когда пулеметчик оказался в небольшой комнате бревенчатого домика, он застал Чутурило в еще более удрученном состоянии, чем вчера. Взводный сидел на узкой койке, молчаливый и мрачный, и тоскливо смотрел прямо перед собой. Медсестра, стоявшая рядом с ним, с ужасом следила за каждым его движением. Неожиданно взводный выхватил из подмышки термометр и с силой швырнул его в угол.

— Ой, доктор, что же делать? — закричала она. — Я с ним больше не могу!

Опередив доктора, пулеметчик взмахнул своей бумажкой и весело крикнул:

— Отойди, сестра, оставь нас, пожалуйста, наедине с пациентом! Вот лекарство для него! — Он сильно ударил взводного по плечу и ободрил его: — Радуйся, герой, пришел твой день!

Чутурило как будто немного очнулся. Он распрямил спину и огляделся. На секунду глаза его сузились, в них появилось подозрение.

— Вы что, пришли письменно узаконить мое заточение? — хриплым голосом спросил он. — Продолжаете

шутить над взводным?

— Да перестань ты, черт тебя возьми, и взгляни на нас радостнее! — крикнул пулеметчик. — Ты победил! Получай привет от твоего «друга-санитара» и радуйся! Такой почести удостоиться! Читай, тебе говорят, и ликуй!

И он протянул взводному письмо. Послышались веселые возгласы и смех.

Вначале взводный Чутурило с недоверием посмотрел на расшумевшихся бойцов, затем на улыбающееся лицо пулеметчика и только тогда дрожащей рукой взял протянутый ему листок бумаги и углубился в чтение. Постепенно плечи его распрямлялись, выражение лица менялось. Потом он вдруг вскочил с кровати и ликующе воскликнул:

— Ага, вошли все-таки в положение взводного!

Глаза у него горели каким-то странным огнем, губы подрагивали, на скулах ходили желваки. Он окинул всех победным взглядом и весело крикнул:

— Коня мне, черт возьми! Едем сейчас же в отряд!

В тот вечер бойцы восторженно встречали своего взводного. Он больше не был ни привидением, ни тенью человека, ни тряпичной куклой в солдатской форме; он даже не был и тем, хорошо им известным взводным Чутурило, которого некогда украшали прекрасные усы. Сейчас перед ними стоял, гордо развернув плечи, мужчина с острым и смелым взглядом и со щетиной под носом. Правда, этой щетине было далеко до тех красивых и ухоженных усов, какие все они помнили, но сама по себе она была великолепна.

Он с гордостью приветствовал бойцов, оглядел территорию нового лагеря и вдруг, к изумлению всех собравшихся, сказал с улыбкой:

— Зовите сюда парикмахера! Где парикмахер, черт возьми?

Бойцы недоуменно переглянулись, а пулеметчик робко пролепетал:

— О господи, да неужели ты снова за свое?

Но Чутурило тут же успокоил его:

— Не бойся, дружище, в этот раз все будет хорошо. Хочу побриться в свое удовольствие. Пусть этот проклятый начальник санитарной службы знает, что и мы не лыком шиты.

Все бойцы сразу снова ожили. Заморан бросился за бритвенными принадлежностями, повар Теодосий — за полотенцем и теплой водой, а Загора — к своему рюкзаку, лежавшему под буком. Вскоре Чутурило с повязанным вокруг шеи полотенцем сидел на пне, а рядом с ним в торжественной позе стоял парикмахер с засученными рукавами и с новой бритвой в руке.

Повар Теодосий поднял кисточку в мыльной пене, и священнодействие началось.

Когда усы взводного опять были подбриты по старому фасону и Чутурило, улыбаясь, вскочил с пня, к нему подошел Загора.

— Прими вот это, — сердечно сказал он, — и ухаживай за своими усами, черт их побери, только чтобы нас больше не мучил!

На выгнутых руках он держал белую салфетку, на которой лежало множество вещичек, необходимых для ухода за усами. Там были щеточки, зеркальце, флакон одеколона, ножнички, бутылочка с душистым маслом, а кроме всего прочего — какое-то чудо из голубого бархата, о котором пулеметчик сказал, что это специальная повязка для усов на время сна.

— Все это я с трудом достал в освобожденном городе. Живи и будь счастлив, черт ты этакий, только чтобы мы больше не страдали! — закончил он, передавая Чутурило подарок.

Взводный слегка дрожащими руками взял дорогие ему предметы, и лицо его озарилось, глаза засияли, и он залихватски пошевелил усами.

— Именно этого мне и не хватало, — сказал он, — этого, и ничего другого!

Бойцы расхохотались.

До поздней ночи продолжалось веселье в честь новых усов взводного Чутурило. А под утро, когда уже ничто не нарушало тишину и покой в лагере, пришел новый приказ на марш...

...Чутурило совершил еще много подвигов, получил награды, но все в отряде знали, что более всего он гордился своими прославленными усами.

Рыжик

Командир партизанского отряда Половина выглянул из-под ветхой крыши домика, осмотрелся и, не найдя в поле зрения лохматой головы Рыжика, состроил сердитую гримасу.

— Опять этот паршивец исчез, — пробормотал он.

Некоторое время Половина раздумывал, как его наказать, а затем прислушался. Из близлежащей рощи донеслись громкие голоса спорящих, и среди них выделялся звонкий голос Рыжика:

— Товарищи, объясните же вы мне, что потеряет мировая революция, ежели партизан, к примеру, прижмет, когда ему подвернется случай, какую-нибудь бабенку? Признайтесь, что в этом нет ничего страшного.

Лицо командира приобрело свирепое выражение. В горле у него что-то так заклокотало, что жеребенок, мирно пасшийся рядом, испуганно поднял голову и, фыркнув, талоном ускакал в лес. Рука командира стиснула кобуру пистолета.

— Каков мерзавец! — воскликнул он в сердцах. — Я бы всю обойму в его башку выпустил!

Половина быстро пошел к роще. Спрятавшись за кустом, он стал внимательно слушать, что же еще наговорит этот прохвост.

— Я думаю, что ежели и женщина и мужчина классово сознательны, то они могут любить друг друга без ущерба общим интересам. Подходя к вопросу принципиально, товарищи...

— А я думаю, что твои люмпен-пролетарские замашки уже устарели! — неожиданно прервал его оппонент. — Расстреляют тебя как пить дать.

Но в ответ на это вся роща наполнилась крикливым голосом Рыжика, слышались не слишком приятные для второго спорящего замечания:

— А ты помолчи! Какое ты вообще имеешь право вмешиваться в такие серьезные разговоры? Кто ты такой? Обычный мелкобуржуазный элемент! Скажи-ка, ты ведь из кулацкой семьи? Сколько у тебя гектаров? Двенадцать, так ведь? Насколько мне известно, хозяин, имеющий двенадцать гектаров земли, уже использует наемную рабочую силу и живет за счет эксплуатации! Разве ты не использовал полупролетарские элементы в целях обогащения? Так скольких же из них ты довел до нищенства? Скольких ты уморил на тяжелых полевых работах? Скольких убил голодом? Признавайся!

Лицо командира от гнева свела судорога, рука опять потянулась к кобуре. Вытерев капельки холодного пота, выступившие на лбу, он только глубоко вздохнул.

— Товарищи, я не сомневаюсь, вы знаете, — опять раздался громкий голос Рыжика, — что моя личная жизнь абсолютно чиста. А то, что я интересуюсь, как член воинского коллектива, некоторыми вопросами революции, так это право каждого сознательного трудящегося. Разве не так?

Услышав раздавшиеся одновременно возгласы и одобрения и негодования, командир тихонько раздвинул ветки куста. Перед глазами его оказалась полянка, на которой сидели несколько партизан, а над ними возвышалась лохматая голова Рыжика. Он стоял среди них и, как Самсон, рубил противников слева и справа — словами, конечно.

— Слушай, Рыжик, — вскочил с земли огромного роста взводный, — нечего здесь разводить мешанские разговоры да еще требовать, чтобы тебя слушали! Ты, брат, ежели заражен такими предрассудками, которые в корне расходятся с принципами революции, так держи их при себе. Говоришь, что ты безгрешен, а разве это не грех — говорить нам о таких вещах?

— О каких таких вещах? — дернулся Рыжик.

— Болтаешь всякий вздор. Видно, не можешь ты без женщин...

На это Рыжик всплеснул руками и воскликнул в отчаянии:

— До каких же пор мы будем такими отсталыми, товарищи?! Да зачем же нам, классово сознательным бойцам, превращаться в лицемеров? Почему не сказать обо всем коротко и ясно?

— Прежде всего, ты не классово сознательный боец, — сказал взводный.

— А какой же? — вспыхнул Рыжик.

— Напичканный буржуазными предрассудками о жизни, вот какой!

— Значит, так! — выпрямился Рыжик, и глаза у него стали похожи на два раскаленных уголька. — А кто в наступлении первым оказался во вражеской траншее? Кто на горе скосил патруль четников? Кто взял в плен офицера?

— Ну и что? — не сдавался взводный. — Ты думаешь, что храбростью можешь прикрыть гнилое наследие старой жизни, которое накопилось в тебе? Ошибаешься!

— Нет, вы слышали, товарищи? — крикнул Рыжик. — Значит, мы тебе разрешаем во имя пролетарской революции косить вражеских солдат, рисковать жизнью, а когда нужно решить вопрос о взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, тогда ты сразу становишься люмпен-пролетарием с буржуазными предрассудками! А где эти предрассудки, спрашиваю я вас?.. Да он хоть имеет представление о научном коммунизме? Сомневаюсь. В противном случае он так бы не говорил!

И, повернувшись к взводному, Рыжик скорчил такую презрительную гримасу, как будто бы он разбил взводного в пух и прах.

Командир отряда едва сдерживался.

Партизаны прыснули со смеху и стали выкрикивать:

— Тебе бы лучше помолчать, пока не поздно!

— Ты с этой своей философией заваришь такую кашу!

— Люди, этак он в конце концов и против революции повернет!

Но Рыжик никак не прореагировал на эти слова. Весь вспотевший от злости, он медленно двинулся в лес. Сделав несколько шагов, он обернулся и сказал:

— Об этом вы не беспокойтесь. Между мной и революцией вопросы всегда будут решаться мирным путем.

Помрачневший командир отпустил ветки куста и поежился, как от холода.

— Выстрелить бы этому гаду прямо в затылок! — проговорил он тихо и быстро зашагал к своему домику. Подойдя к двери, он крикнул, чтобы к нему позвали Рыжика.

У командира Половины было много неприятностей с партизаном Рыжиком. Все началось в тот день, когда комиссар Метвица решил политически просветить только что прибывшего в отряд партизана. С тех пор голова Рыжика забита разными цитатами, учеными словами, глаза горят как угольки, а уши всегда красные, будто он только что из бани. Он никогда не упускал возможности поговорить о революции и решить какие-нибудь вопросы непременно с классовых позиций. Командир не мог точно знать, что усвоил Рыжик из всего им

прочитанного, но то, что он слышал, приводило его в бешенство, поскольку он считал, что разговоры Рыжика могут подорвать дисциплину в отряде. Надо было все это прекратить.

— Сегодня я ему устрою головомойку, — сказал он сам себе, сжав кулаки.

Через несколько минут Рыжик вошел в комнату и стал равнодушно пересчитывать пуговицы на командирской гимнастерке. Не хватало двух пуговиц. Партизан знал, что это признак плохого настроения командира и что их встреча может очень плачевно для него кончиться. Поэтому он присмирел и приготовился внимательно слушать.

— Ну-ка скажи мне, какие такие теории ты разводишь в отряде? — спросил командир. — О чем это ты разглагольствуешь с солдатами?

Рыжик, переминаясь с ноги на ногу, кротко глянул на него из-под огненного чуба.

— Я обсуждаю с ними принципиальные вопросы, — ответил он.

— Принципиальные, говоришь? А что общего имеют наши принципы с твоим заигрыванием с бабами? Это правда, что ты крутишься около мельничихи и хвастаешься перед бойцами своими успехами?

— Я?

— Ты, кто же еще?

— Это недоразумение, товарищ командир. Я действительно познакомился с мельничихой Варицей, но только затем, чтобы вести с ней политико-воспитательную работу как с полупролетарским элементом.

Лицо командира потемнело.

— Работу вел, говоришь?

— Конечно, а что же еще?

— Слушай, ты, — вскипел командир, — я тебе сейчас покажу работу! Кто тебе разрешил отсутствовать до двенадцати часов ночи?

Рыжик поднял голову и смиренно посмотрел командиру в глаза.

— Я был дежурным, — ответил он, — и хотел использовать время для политической работы.

Несколько секунд командир стоял оторопелый, а затем напустился на него:

— Да ты знаешь, что я с тобой сделаю? Я тебя под суд отдам! И потребую высшей меры наказания!

Рыжик зашатался, но, стараясь сохранить хладнокровие, ответил:

— Моя совесть чиста.

— Я тебе еще больше ее вычищу! — отрезал командир. — Если ты не прекратишь своей болтовни, я выгоню тебя из отряда.

Рыжик опустил голову.

— Моими поступками руководит пролетарское сознание, — тихо прошептал он.

— Знаю, — подхватил командир, скривившись, — знаю! И в этом случае тобой руководило пролетарское сознание? — Командир подошел к столу, взял исписанный клочок бумаги и показал ему. — Ты узнаешь это?

Рыжик посмотрел и смугился.

— Узнаю, — ответил он.

— Значит, поддерживаешь письменную связь с попом Кириллом?

— Да нет, просто я написал ему...

— Что ты ему тут нацарапал?

— Изложил нашу программу и потребовал, чтобы он отрекся от религиозных взглядов. Этот поп, по моему, чуток контрреволюционер.

Лицо командира приобрело цвет незрелого арбуза, глава зло заблестела.

— А тебе известно, что из-за тебя я вынужден был извиниться перед попом? Я бы мог приказать сейчас же выкинуть тебя из отряда, но... Ты меня понимаешь?

— Полностью, — сказал Рыжик.

После такого равнодушного ответа голос командира прозвучал как выстрел:

— Вон отсюда! Убирайся, мошенник! Я еще тебе покажу!

И не успел он договорить, как Рыжик уже выскочил на улицу.

— Вот так сознательные бойцы страдают из-за безграмотности некоторых, — сказал он.

Проговорив это, он поплелся на другой конец лагеря, где, как он знал, комиссар Метвица готовил план агиткампании.

Комиссар сидел на свернутой палатке и старательно записывал в тетрадку названия сел, в которые нужно было направить солдат-агитаторов для работы с местными жителями. Он уже заканчивал писать, когда Рыжик остановился перед ним.

— Ну что, Рыжик, как дела? — спросил Метвица.

— Да вот, товарищ комиссар, — начал жаловаться Рыжик, — как поступают с революционными бойцами! Только наладишь контакт с массами и начнешь их агитировать, как сразу становишься преступником!

— А что случилось?

— Да вы знаете уже... об этом попе и мельничихе.

— А у тебя и впрямь что-то было с этой мельничихой?

— Да вы что?! — удивился Рыжик. — Варица, правда, сердечная женщина, но я же с ней познакомился только в интересах дела. Я хорошо помню о вашем наказе, товарищ комиссар: «Пробуждайте сознание народа, товарищи бойцы!»

При этом Рыжик принял позу революционного трибуна, глаза у него засияли.

Комиссар Метвица отвел взгляд в сторону и закрыл тетрадь.

— Знаешь что, — сказал он, — мой тебе совет — не усердствуй чрезмерно в своих беседах. Дай и другим поговорить. В этот раз я тебя пошлю с агитбригадой, и, если ты проявишь себя хорошо, мы это учтем. Я тебе верю.

Рыжик вытянулся и отдал честь:

— Я оправдаю доверие, товарищ комиссар! Вот увидите!

Комиссар отпустил его и опять открыл свою тетрадь. Спустя некоторое время Рыжик уже сидел в кругу партизан и громко говорил:

— Почему у меня все ладится с комиссаром, а с товарищем командиром — нет? Ясное дело: товарищ командир — солдат, политически не очень образованный человек, а товарищ комиссар — культурно образован, политически подкован. Вот почему с ним я легко нахожу общий язык.

— Опять ты за свое? — пробормотал здоровенный взводный, который только недавно спорил с Рыжиком.

— Смотрите, пожалуйста! — язвительно захихикал Рыжик. — Вот вам образец политически неграмотного человека, что недопустимо для бойца революционной народной армии!

Партизаны вытянули шеи и заулыбались, предвкушая новый спор, но взводный только махнул рукой и шмыгнул в кусты.

Рыжик появился в отряде примерно год назад. На нем были брюки со штанинами разной длины, разорванная на спине рубашка, стоптанные башмаки. Обращали на себя внимание его кудрявый чуб, из-за которого его и прозвали Рыжиком, и живые, сверкающие глаза. Рыжику была свойственна какая-то странная, чересчур развитая любознательность. Всего за три месяца, проведенных в отряде, он узнал биографии всех бойцов, судьбу их родственников, пронюхал, кто чем занимается в свободное время, кто что читает. С редкой проницательностью он изучил характер командира. Он очень привязался к комиссару, так как тот был ему ближе по роду своей деятельности.

Частенько Рыжик рассказывал партизанам, как бродяжничал и попрошайничал, мечтал о революции, беседовал с людьми о загробной жизни и понял, что люди, как это ни странно, часто верят в то, о чем они не имеют понятия. Сам он всегда старался как можно больше узнать о жизни и выяснить для себя такие вопросы, как, например, появилась Земля, а потом и он на ней? Ведь такого могло и не быть.

— Нужна была, — говорил он, — какая-то исключительная причина, чтобы Земля оказалась именно там, где она находится, и чтобы я родился именно в это время. Что, например, было бы, если бы я родился во времена гладиаторов в Древнем Риме? Или в Элладе, когда Одиссей скитался по морям? Конечно, это было бы плохо. А если бы я родился не сейчас, а на двести лет позже, было бы еще хуже. Поразмыслив, я понял, что должен был родиться или сейчас, или никогда!

Партизаны слушали его фантазии и спрашивали, как он все это себе представляет. А Рыжик с готовностью всезнающего человека пространно им все объяснял.

— Если бы я, — говорил он, — родился в те далекие времена, допустим в средневековье, на Земле все сейчас выглядело бы по-другому, это точно, и с историей было бы много всяких недоразумений. В те времена люди верили в существование колдунов и ведьм, считали, что Земля плоская. А так как я не дурак и не верю всяким глупостям, то меня сожгли бы как какого-нибудь еретика. А могло бы быть иначе, — продолжал он. — Раз я умен и храбр, то наверняка возглавил бы какое-нибудь народное восстание. А мир тогда не был готов к социалистической революции, поэтому меня поймали бы инквизиторы и учинили надо мной расправу.

— И ты, значит, решил, что родился вовремя? — подзадоривали его бойцы, которые с интересом слушали болтовню Рыжика.

— Несомненно, — с готовностью подтверждал он. — Я рожден для участия в пролетарской революции.

— А если бы ты родился позднее, лет этак через двести?

— Скажу честно, для этой эпохи я, пожалуй, слишком примитивен.

Выслушав в очередной раз рассказ Рыжика о его предназначении, один из партизан, белобрысый парень, спросил:

— Слушай, Рыжик, а что ты думаешь о завтрашнем агитпоходе? Ты знаешь, что тебе идти в село Поворьян?

— Отлично! Так я и думал! — воскликнул Рыжик. — Прежде всего я сведу счеты с попом Кириллом. Подумайте только, он вздумал на меня жаловаться командиру! Я с ним принципиально обсуждаю некоторые вопросы, а он жалобы взялся писать. Контра он, этот поп. Я так и командиру сказал.

Белобрысый подмигнул бойцам и снова обратился к Рыжику:

— А правда, что ты, разговаривая с попом о боге, поссорился с ним?

— Правда, — ответил Рыжик. — Начал, значит, наш отец Кирилл доказывать, что Иисус был первым революционером и коммунистом. Он, говорит, основатель коммунистической идеологии. Одним словом, ересь несет, и ничего больше! — Тут Рыжик захихикал и ударил руками по коленям. — Да как же, спрашиваю я, отец Кирилл, твой Иисус мог «быть первым революционером, когда он проповедовал: «Если тебя ударят по одной щеке, подставь другую»? Разве это не рабская идеология, узаконивающая всякую эксплуатацию? Разве это не означает: прощай, революция? А поп мне на это отвечает: «Хоть это и правда, сынок, но наш Иисус все равно был первым коммунистом. Он был против крови и насилия». «А-а, вот ты и попался, святой отец! — обрадовался я. — Разве это не значит, что твой Иисус советует пролетариату отказаться от оружия и просить милостыню у буржуазии? Смысл такой политики ясен: товарищи пролетарии, забудьте об оружии и классовом

сознании и несите свое ярмо покорно». Ну, здесь я его и добил. Он часто-часто заморгал и начал лепетать, что в те времена-де пролетариата не было, но никаких серьезных доводов в защиту своего тезиса привести не смог.

Тут Рыжик прервал свою речь, чтобы набрать воздуха, и с довольным видом потер нос. Партизаны опять захохотали. Из рожицы выглянул повар Вилотий, пригладил ладонью усы.

— А правда ли, Рыжик, что попадья уговаривала тебя начать поститься? — спросил он. — Говорят, что ты здорово ей ответил.

— А как же! — живо согласился Рыжик. — Я ей сказал, что пролетариат всю жизнь постился, а теперь ему надо хорошо подкрепиться, чтобы набраться сил для последней битвы.

Повар всплеснул руками, партизаны вновь ответили дружным хохотом и шутками, а Рыжик схватил винтовку и пошел немного прогуляться по лагерю.

На заре бойцы агитбригады были готовы в дорогу. Партизанский отряд получил задание — провести политработу с людьми на только что освобожденной территории и подготовить их к дальнейшей борьбе. Во многих селах еще чувствовалось сильное влияние четников и требовалось ослабить это влияние и привлечь на сторону революции новых людей, обманутых четнической пропагандой. Зная все это, комиссар вышел перед строем партизан-агитаторов и в краткой речи постарался объяснить им ситуацию. Он сказал, что в скором времени ожидаются новые столкновения с четниками и что необходимо открыть народу глаза на их политику.

— Проводите агитработу добросовестно, товарищи, — сказал он с воодушевлением, — гордо держите знамя революции. Пусть каждое ваше слово несет людям правду революции! Пусть поднимается крестьянин на войну за землю и лучшую жизнь!

Слушая комиссара, Рыжик чувствовал, как у него начинают пылать щеки. Ничто не действовало на него так сильно, как слово «революция». «Да, только так надо поступать», — говорил Рыжик про себя.

Комиссар закончил речь. Солдаты-агитаторы разошлись, чтобы взять необходимые вещи, а Рыжик нахлобучил шапку на рыжие кудри и сразу тронулся в путь. Он не стал ждать, когда соберутся все остальные, потому что хотел проверить одно небольшое дельце, знать о котором другим было совсем необязательно.

Он шел около получаса по лесу, пока не оказался на большой поляне. На противоположной стороне ее виднелась крыша водяной мельницы. Лицо его сразу озарилось тем счастливым блаженством, которое знакомо лишь юным, впервые полюбившим парням.

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что никто за ним не наблюдает, он быстро зашагал по ведущей к мельнице тропинке. Дорогу ему перебежал мокрый от росы заяц и прыгнул в кусты. Рыжик не обратил на него внимания, Он спешил, напевая свой любимый «Интернационал»:

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!

Вскоре он оказался возле мельницы и заглянул в приоткрытую дверь.

Варица стояла у жернова, вся в мучной пыли, и засыпала в него пшеницу. Она показалась Рыжику еще более красивой и привлекательной. Сложив руки рупором, он крикнул:

— Привет, подруга по классу!

Девушка уронила мешок и испуганно воскликнула:

— Ой, товарищ Рыжик, неужели это вы? Что же вы меня так пугаете?

Рыжик весело засмеялся, с любовью глядя на подошедшую к нему мельничиху. Лицо ее раздурманилось от волнения, глаза часто моргали, как у перепуганного птенчика.

— Подруга по классу, это я, — сказал он. — Чего ты боишься меня, революционера?

— Что вы, товарищ Рыжик, — смущенно заворковала она, — вас я не боюсь, я боюсь четников.

— Ничего не бойся, милая моя, четники далеко.

Она впустила его внутрь и тихо закрыла за ним дверь, затем придвинула ему табуретку и предложила сесть.

— Нет у меня времени, голубка, — ответил он, — меня ждут большие дела.

— Какие дела, товарищ Рыжик?

— Известно какие, революционные. Сегодня нужно собрать всех жителей села Поворьян и провести с ними политическую беседу.

— И совсем не посидите со мной? — с упреком посмотрела на него мельничиха.

Рыжик заглянул ей в глаза и покраснел, увидев, как они горят.

— Вообще-то, могу немножко побыть здесь, — сказал он, присаживаясь. — Успею еще свои дела сделать.

Она подошла к упавшему мешку, взялась за него и вдруг заговорила с обидой:

— Ой, товарищ Рыжик, как мне страшно! Днем-то еще как-нибудь, а вот ночью вокруг мельницы все что-то шуршит. Мне кажется, что это четники проклятые, и я просто с ума схожу от страха. Ну что я одна сделаю? А когда вы здесь, то мне совсем не страшно. И потом, вы так интересно рассказываете о революционной борьбе... Убьют меня как-нибудь ночью...

— Да что ты такое говоришь, красавица моя?!

— Боюсь я очень, товарищ Рыжик. Вы еще не знаете, какие они, эти четники. Придут, поиздеваются над бедной женщиной да и кинут в омут.

— Эх, милая моя, да я бы к тебе с удовольствием приходил, но не разрешают, — с тоской промолвил

Рыжик и вздохнул. — Знаешь, как мне влетело от командира? Как начал он кричать: «Кто тебе разрешил в двенадцать часов ночи агитировать? Почему отсутствовал в расположении отряда?» Он думает, что мы тут всякими такими вещами занимаемся...

— Ой, несчастная я! — вздрогнула Варица и опять выпустила мешок из рук. — Да разве можно — командир, и вот так?!

— Клянусь, все точь-в-точь так и было!

— Бедные мы, женщины, вечно виноватые! Да разве вы ему не сказали, товарищ Рыжик, что мы с вами как раз ничем таким и не занимались?

— Да сказал, конечно, но разве ему докажешь?

— Ой, бедная я! Уж лучше бы согрешить! Будут теперь понапрасну корить...

Варица опустила глаза и покраснела до корней волос. Дрожаящими пальцами она схватилась за мешок и опять начала его поднимать.

Увидев, что мешок для нее тяжел, Рыжик вскочил, чтобы помочь ей:

— Оставь, Варица, я сам!

— Нет, товарищ Рыжик, не надо ко мне приближаться, раз командир так о нас думает! — воскликнула она.

Но он все-таки взял мешок, сильно стукнул его об пол, чтобы зерно улеглось, и высыпал содержимое в жернов, а затем стал собирать с пола все, что просыпалось.

Варица принялась ему помогать.

— Никак не пойму, чего тут плохого, если между бойцом народной армии и женщиной установились теплые, дружеские отношения? Товарищи боятся глубоко вникнуть в сущность вопроса, как я ни бьюсь... — огорченно говорил он.

Поднимаясь с пола, Рыжик старательно стряхнул прилипшую к одежде пыль, потом взял свою винтовку и пошел к дверям.

— Пора, милая моя, уже надо идти, а ты не волнуйся и не бойся.

— Товарищ Рыжик, — произнесла она тоскливо, — так мне страшно одной в этих стенах! Если сможешь, возвращайся, пожалуйста, побыстрее.

Она открыла ему дверь и долго еще махала вслед.

— Счастливой дороги, товарищ Рыжик! Берегись четников и других злодеев! До свидания!

«Эх, какая красавица в такой глуши живет! — думал Рыжик, идя к ручью. — Жаль, пропадает девица».

Перебежав по бревну через ручей, он быстро пошел по тропинке, ведущей к лесу, и вскоре скрылся в густых зарослях орешника и боярышника.

Рыжик спешил в село Поворьян. Перед его глазами то возникало лицо сердитого командира Половины, то появлялся поп Кирилл с седой бородой и крестом на груди. При воспоминании о Варице, о ее горящих глазах и влажных, сочных губах голова его наполнялась приятной одурью, счастливым дурманом.

— Я должен доказать им свою правоту! — твердо проговорил Рыжик.

Через некоторое время он оказался на лесном косогоре, откуда ясно была видна долина с поселком я речушкой. Он вздохнул полной грудью и уже хотел спускаться вниз, как неожиданно услышал шум и треск веток. Не успел Рыжик снять винтовку, как его со всех сторон окружили бородатые четники. Рыжик был поражен таким оборотом дела и сначала смачно выругался, а потом крикнул изо всех сил:

— Что, предатели народа, чего вам надо?

Четники вырвали из его рук винтовку и завопили почти все одновременно:

— Дождался, паршивый ублюдок! Сейчас ты увидишь, где раки зимуют! Сейчас ножичек покажем, не так закричишь! Пошли, партизанское отродье, кончилось твое время!

И несколько винтовочных стволов уперлось Рыжику под ребра. По лесу разнеслись шутки и хохот четников.

— А ну заткнитесь, бородачи! Не боится вас Рыжик! — воскликнул он, и тут же его крепкие кулаки опустились на головы двух четников. Те тотчас же повалились на траву. Остальные, как стая волков, набросились на него. Его били сильно, громко ругаясь при этом. Потом одноглазый четник попросил веревку, чтобы связать ему руки.

— Давайте заколем его тут же, — предложил бородач с большим носом. — Чего нам с ним возжаться да терять время?

Но одноглазый воспротивился:

— Воевода приказал доставить его живым, чтобы допросить, вдруг чего скажет... Нашим войскам нужны сведения о противнике.

— Каким это вашим войскам, сопляки бородатые?! — закричал Рыжик. — Разве ваш сброд можно называть войском?

— Я бы ему этого не простил! — возмутился носатый. — Вы что, не видите, что он нас оскорбляет?

Но одноглазый снова осадил его:

— Приказ есть приказ! Слово воеводы закон. Может, у коммунистов есть какие секреты, раз они так успешно воюют. Ну-ка поставьте его на ноги!

Четники подняли связанного Рыжика. Носатый не выдержал и сильно ударил его в спину прикладом. Рыжик упал, но тут же быстро встал как ни в чем не бывало и так громко захохотал, что эхо отозвалось со всех сторон.

Одноглазый покосился на него здоровым глазом.

— Чего ты смеешься? — спросил он.

— А как же мне не смеяться?! — весело крикнул Рыжик. — Вы хотите знать наши секреты? Дайте мне автомат и развяжите руки, сразу их узнаете!

Одноглазый четник насупилился и повернулся к своим.

— Вы слышите? — спросил он. — Слышите эту партизанскую сволочь?

— Он над нами издевается! — вспыхнул носатый. — Зарезать его сейчас же! Дайте его мне!

— Ни в коем случае! — заорал в ответ одноглазый. — Отведем его к воеводе, пусть там попробует так поговорить. Там он у нас запоеет, вспомнит и то, чего никогда не знал. Пошли, холера партизанская, к воеводе, там мы тебя тупым ножом будем резать! Быстрей! — И одноглазый замахнулся прикладом.

Рыжик выпрямился, тряхнул головой и зашагал. Все близлежащее пространство огласилось его пением:

Долго в цепях нас держали,
Долго нас голод томил,
Черные дни миновали,
Час искупленья пробил.

Носатый только взмахнул руками и вскрикнул как подстреленный. У него даже слезы выступили на глазах от злости.

— Дайте мне его! — снова крикнул он. — Я перережу ему горло!

Одноглазый оставался непреклонным, хотя и сам скрипел зубами, едва сдерживая гнев. Когда вошли в село, Рыжик еще громче запел:

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов.

Услышав песню, крестьяне поспешили выйти на улицу, дети выскочили на самую дорогу, некоторые женщины открыли окна и испуганно смотрели на это странное шествие. Наконец Рыжика привели к штабу, и одноглазый толкнул его к дверям. Двое часовых подхватили его и потащили внутрь. В ноздри партизана ударил смрадный, прокисший воздух.

— О черт! — воскликнул он. — Что за скотина здесь живет?!

Часовые провели его еще через одни двери, и тут он увидел командира четников. Тот с осоловелым видом сидел за столом и ел, а два денщика пододвигали ему баранину и какое-то вино. Под потолком висело облако табачного дыма. Когда часовые подвели Рыжика к нему почти вплотную, бородач громко икнул и выругался.

— Ты коммунист? — спросил он, посмотрев на Рыжика.

— Да, коммунист, вонючая борода! — крикнул Рыжик. — Борец за свободу и счастье народа!

Рука четника с куском мяса замерла около рта, мутные глаза широко открылись.

— Это меня ты так называешь, коммунистическая собака?! — крикнул он.

— Тебя, конечно, гнилой мешок! И всех вас могу так назвать. Нет у меня к вам никакого уважения!

Командир четников подал знак, и на спину Рыжика обрушились плетки часовых. Некоторое время Рыжик еще мог следить за тем, что происходит, потом все перед ним заколыхалось, как в тумане, и провалилось куда-то. Его окружил мрак. Только перед рассветом, придя в себя от холода, он вспомнил, что с ним случилось.

Когда взошло солнце и его лучи пробились сквозь щели в стенах сарая, куда посадили Рыжика, невдалеке раздалось характерное позванивание — кто-то точил нож об нож. Послышался голос носатого четника, его ругательства, потом звон стаканов.

«Значит, меня казнят, — подумал Рыжик. — Ну что ж, пусть меня убьют. На этот раз от ножа бандита погибнет не какой-нибудь старик или женщина, а настоящий борец и революционер. Я покажу этим гадам, как надо умирать! Узнают об этом и мои товарищи. Они меня никогда не забудут. Милая моя Варица, если бы ты могла быть здесь и видеть, как погибает революционер!»

Рыжик, решив умереть достойно, начал вспоминать то, что он прочитал о парижских коммунарах, о героях Октября, о сыновьях Испании и бойцах интернациональных бригад, об их мужестве и самоотверженности. И такой восторг охватил его, когда он вспомнил это, что он крикнул громко:

— Всех нас все равно не убьете! Пламя революции вам не погасить! — И снова запел свой любимый «Интернационал».

Толпа четников, услышав пение, затихла.

— Братцы, я прирежу его сейчас, как поросенка! — заверещал носатый. — Вытаскивайте его из этого сарая! Только бы мне до его глотки добраться! Чего воевода ждет?

Собравшиеся четники загалдели, требуя выдачи пленного. Открылись двери штаба, и в них показалось огромное тело пьяного воеводы. Он опять икнул и мутным взглядом обвел свою свиту. Затем поднял мясистую руку и хрипло произнес:

— Соберите народ и начинайте казнь. Под нож разбойника!

Несколько человек тут же бросились к сараю, в котором избитый Рыжик провел ночь. Его вывели и

погнали к месту казни. Четники закричали и начали стрелять в воздух.

Воевода качнулся и в сопровождении телохранителей двинулся за своим беснующимся воинством.

Вскоре всех жителей села согнали на площадь. Рыжика вывели на середину. К нему с жуткой улыбкой подошел носатый четник и под смех и завывание бородачей вытащил нож.

И тут произошло невероятное. Невдалеке послышалась пулеметная очередь, раздалась винтовочные выстрелы. Носатый и стоявший поблизости одноглазый упали первыми. Толстый воевода сразу же плюхнулся в пыль. Он что-то кричал, но его никто не слушал. Чья-то меткая пуля заставила его замолчать. Телохранители побежали вверх по горе, причитая и крича, что командир не должен быть таким толстым. Оставшиеся в живых четники разбежались. В селе стало тихо.

Рыжик, стоя со связанными руками посреди площади, не сразу пришел в себя. Заметив валявшийся нож, он решил поднять его и попытаться освободиться от веревок.

— Ой, товарищ Рыжик, да неужели я тебя живого вижу?! — вдруг донесся до него знакомый голос. Из-за ближайшего домика выскочила сияющая Варица. — Вовремя я пришла?

Рыжик от неожиданности вздрогнул, и лицо его засветилось радостью.

— Откуда ты здесь взялась, Варица?

Возбужденная, улыбающаяся, она бросилась ему на грудь и зарыдала:

— Я так бежала, так боялась, что не успею! Чуть сердце не остановилось!

— Послушай, как ты узнала, что со мной приключилось? — спросил ее Рыжик.

— Когда ты ушел, у меня так заныла душа, видно, почувствовала беду. Не выдержала я и побежала за тобой. Да где там, четники тебя уже схватили! Увидела я, как они тебя били, а потом связали и повели. И песню твою слышала. Побежала я тогда в отряд. Все твоим товарищам рассказала: и как тебя четники прикладами били, и что с тобой будет, если не прийти тебе на помощь. Тогда этот ваш командир Половина выругался и приказал отряду готовиться к выступлению. И вот, товарищ Рыжик, успели мы тебя живого застать!

Варица всхлипывала на его груди, а Рыжик целовал ее разметавшиеся волосы.

— Ты хоть развяжи меня, радость моя, чтобы мы могли спокойно поговорить, — попросил он.

Девушка посмотрела на него и только теперь заметила, как он избит. Она всплеснула руками и запричитала:

— Бедненький ты мой, как они тебя изуродовали, проклятые!

Затем она схватила нож и разрешила веревки на его руках.

— Ты ведь поправишься, товарищ Рыжик, правда? — прошептала она.

— Ничего не бойся, я здоров как бык. Эти рубцы от плеток — ерунда. Все пройдет. Вытри слезы, сейчас сюда подойдут бойцы отряда. А то подумают еще...

— Что подумают, товарищ Рыжик?

— Да то, что мы любим друг друга,

— Э, товарищ Рыжик, они уже знают об этом! Я, когда прибежала в отряд, столько шума там наделала, так требовала побыстрее идти тебе на помощь... А потом сказала, что мне без тебя жизни нет.

— Ты так и сказала?! — поразился Рыжик.

— А что скрывать, товарищ Рыжик? Я книг не читаю, но знаю, что говорит мне сердце. — При этих словах Варица посмотрела ему в глаза.

Рыжик растерянно пробормотал:

— Ну, этого можно было бы и не говорить.

В этот момент на краю села появилась группа партизан, гоня перед собой кучку пленных бородачей. Впереди шли взводный и белобрысый партизан.

— Ну, Рыжик, молодец! — крикнул взводный. — Нам эти бородачи все рассказали! Здорово ты держался.

— Я думаю, что лучшей агитации и быть не может, — добавил белобрысый партизан. — Я вижу, и твоя подруга по классу тут! — весело воскликнул он.

— А разве не я тебе говорил о значении политработы среди женщин? — торжествующе заявил Рыжик. — И разве я не был прав? Результат, как видите сами, налицо. Теперь посмотрим, что скажет командир Половина!

— Он уже сказал, братец. Командир отряда капитулировал перед тобой! Знаешь, что он приказал? Если, говорит, застанете Рыжика живым, то передайте его в распоряжение Варицы. Пусть она, говорит, подлечит его, а потом приведет в отряд.

— Так сказал командир? — растерялся Рыжик.

— И комиссар согласился, вот оно как! — добавил белобрысый. — Капитуляция, следовательно, полная и безоговорочная!

Тут белобрысый бросил такой многозначительный взгляд на красивую мельничиху, что она покраснела, потупила глаза.

Рыжик еще больше смутился:

— А вы, случайно, не врете?

— Мы передали тебе слова командира, — ответил взводный и приказал своим бойцам строиться.

Тяжело вздыхая, вытягивая шеи, чтобы увидеть Варицу, проходили мимо партизаны. Вскоре они, гоня перед собой пленных четников, ушли.

Рыжик с Варицей остались одни.

— Ты слышала? — спросил он.

— Слышала, товарищ Рыжик. Пошли, я тебе раны промою и, пока ты в моем распоряжении, поухаживаю за тобой.

Через несколько дней партизанский отряд пополнился местными жителями. Была среди пришедших и хорошенькая мельничиха Варица. Когда весь отряд был построен, комиссар произнес перед бойцами вдохновенную речь о революции и народно-освободительной войне. Варица внимательно слушала его, и ее глаза блестели. Рядом с ней стоял улыбающийся Рыжик...

Пулеметчик и медведь

К командиру партизанского отряда Чаруге пришел старик крестьянин из одного глухого горного села, который хотел говорить с «главным партизанским командиром». Чаруга, всегда любивший побеседовать по душам с крестьянами, радушно встретил старика и предложил рассказать, что его беспокоит. Старик, обрадованный таким вниманием, начал обстоятельно объяснять:

— Беда меня сюда привела, товарищ командир. Говорил я, правда, своей старухе и снохе Милунке: куда с таким делом к командиру? Но с бабами разве договоришься? Навалились: иди да иди, армия, дескать, наша, народная, значит, пособит. Вот и пришлось мне, старому, ковылять к вам. Мучение одно. Одним словом, в медведе все дело. Вконец замордовал нас, проклятуший!

Чаруга несколько растерялся, услышав эти слова, однако виду не подал. Он приказал приготовить для гостя шербет, угостил старика табачком и постарался приободрить:

— Ты, дед, давай излагай мне все подробно и не бойся, партизанская армия простым людям всегда поможет. Ты вот вроде какого-то медведя помянул, так, что ли?

— Точно так, дорогой ты мой товарищ командир, — подхватил старик. — В медведе все дело, в нем, проклятом, и ни в чем другом. Другого такого медведя я, будь уверен, отродясь не видывал. А ведь пришлось мне разных медведей на своем веку повидать. И самых что ни на есть здоровенных встречал, однако такого, как этот, и нарочно не придумаешь... Прямо сказать, это и не медведь вовсе, а чистый дьявол, ей-богу! Тебе порассказать, чего эта сатана в медвежьей шкуре творит, так ты не поверишь! Я тебе, к примеру, только одно расскажу, а ты уж сам суди... Пошли как-то мы со старухой в огород, он у нас сразу за домом, лучку нарвать, а тут этот черт косматый. Повалил плетень — и прямо на грядки. Мы со старухой вскочили и бежать, думали, на нас бросится, а он — нет, остановился посреди огорода, оглянулся, будто искал чего, и напрямик туда, где у нас помидоры растут. Уселся на грядку и давай помидоры жрать! Мы из-за кустов за ним следим и надивиться не можем. И ведь знает, окаянный, какие помидоры есть, самые спелые выбирает! Сорвал было и лук, однако нет, не понравилось, сразу выплюнул и опять за помидоры принялся. Оборвал все спелые помидоры, одни зеленые оставил.

Тут старик замолчал, вытащил табакерку и стал сворачивать сигарку. Потом продолжал:

— Нужно тебе сказать, товарищ командир, что он, подлец, не один раз над нами такое насилие учинял. С того времени стал приходиться каждые три дня. Мы со старухой только диву давались, откуда эта холера знает, когда помидор в самый сок входит, когда его рвать надо, и порешили так: не простой это косолапый и, конечно, не из наших краев, а пригнала его война сюда из какой-то чертовой дали, может, даже из самой Европы, и вот теперь этот паразит ученый у нас в огороде безобразничает. Я тебе, сынок, еще не сказал, что он у нас извел всех кур да к тому же и козочку загубил, что нам дороже всего была. Так что мы со старухой думаем, что этот медведь не иначе как ученый, и теперь он наверняка обдумывает, как бы и нас самих жизни лишить. Видел я, как он на опушке сидит и рассуждает. Вот такая беда меня сюда прийти заставила и помощи у тебя просить. — Старик тяжело вздохнул и грязным лоскутом вытер со лба пот.

Чаруга помолчал некоторое время, раздумывая, потом сказал:

— Да, действительно чудной медведь. Но ты, дед, вроде бы сказал, что он вдобавок ко всему еще и «рассуждает». Это как?

— Да, товарищ командир, конечно, рассуждает, а то как же! Я и говорю! Рассуждает бестия, и все тут! Я за ним, косматым, уже два месяца слежу, с тех самых пор, как он в первый раз появился, и норов его теперь вот как знаю! Каждый день только его новые проделки и подмечаю, о чем-нибудь другом и думать забыл. Я хотел его изучить до самых тонкостей, да только, сказать по правде, это на меня еще больше страху нагнало. Ведь я на него гляжу и думаю: он, сукин сын, раза в четыре хитрее меня будет, да что там я — и профессор какой вряд ли смог бы его перехитрить! Ты вот, сынок, про то, как он рассуждает, спрашиваешь, так это же чудеса, да и только! Выходит он из лесу на опушку, что за моим домом, и ну оглядываться, прямо как человек, сиденье себе ищет. И ведь не сядет на что попало, на кочку там, пучок соломы или еще что. Нет! Ищет, где повыше. Там на лугу пеньков много осталось, так он каждый оглядит со всех сторон и ни за что не сядет, ежели он, скажем, косо спиленный. Выберет самый толстый и ровный и только тогда усядется, что твоя княгиня на троне, прости господи! Тут-то, дорогой ты мой товарищ командир, и начинаются его вражьи рассуждения. Я так понимаю, что он про себя рассуждает, куда бы спервоначала двинуться — в курятник, огород или еще куда. Рассуждает, проклятый, и стратегию свою придумывает. Ну а потом, ясное дело, — грабеж, разорение! Так что, если можешь, помоги... Я, товарищ командир, ничего не прошу, только чтобы пролетарская бригада меня от этой напасти избавила. Спасете меня, сынки, век за вас молиться буду!

На этом старик закончил свой длинный рассказ и только тогда принялся за приготовленный для него шербет.

Тронутый рассказом старика о его несчастьях, Чаруга без долгих раздумий приказал позвать пулеметчика Тарабу, а потом обратился к гостю:

— Ну, дед, радуйся, дам я тебе такого пулеметчика, который на лету в горного орла попадает, не то что в какого-то там медведя. Сейчас сам увидишь.

Не прошло и нескольких минут, как в комнату вошел здоровенный детина — косая сажень в плечах. Был он двухметрового роста, плотно сбитый, с крепкими, мускулистыми руками и ногами. Воротник трофейной немецкой гимнастерки не сходил с его могучей шеи. Из-под соболиных бровей по-мальчишески озорно поблескивали глаза, в уголках полных губ таилась веселая улыбка. Он остановился посреди комнаты и отдал командиру честь:

— Явился по вашему приказанию, товарищ командир!

— Ну и отлично, — сказал Чаруга. — На этот раз даю тебе, Тараба, особое задание. Пойдешь вот с этим стариком к нему домой и освободишь его от одного злодея. Смотри не промахнись да побыстрее возвращайся. — Чаруга обернулся к старику: — Вот тебе, дед, боец, от которого этому мошеннику не уйти. Ты ему только покажи неприятеля, и все будет в порядке.

— Превеликое спасибо тебе, товарищ командир! — обрадованно заговорил старик. — Вижу, пришел конец моим несчастьям... Ну, пойдем, герой, путь дальний, надо трогаться.

Старик, попрощавшись с Чаругой, направился к выходу, и Тараба в крайнем недоумении последовал за ним,

По пути в село старик рассказал пулеметчику, с кем ему предстоит сразиться. Не веря своим ушам, Тараба остановился и вытаращил на старика глаза:

— Так это медведь?! И ты это серьезно?

— Куда серьезнее-то? — ответил старик. — В медведе все дело, и ни в чем другом. Ты мне его изничтожь, и бог тебя вознаградит.

Партизан громко расхохотался:

— Ну дела! Сколько воюю, такого противника у меня еще не было. Бил я и немцев, и усташей, и бородатых четников в горах, и голопузых итальяшек в Герцеговине, но в такого врага еще ни одной пули не довелось выпустить. Чепуха какая-то получается! — Он вдруг замолчал и нахмурился, подумав, что командир, возможно, по какой-то причине недоволен им, вот в наказание и послал его гонять по горам медведей. Хочет дать ему понять, что он в чем-то провинился. Но в чем? Тараба не знал за собой никаких грехов, тем более таких, за которые стоило наказывать. Нет, нет, тут что-то не так. Взволнованный, он испытующе посмотрел на старика:

— Слушай, дед, а ты меня не разыгрываешь? У твоего медведя бороды, случаем, нет? Говори прямо, нечего дурака валять!

— Какая борода, господь с тобой! — замахал руками старик. — С каких это пор у медведя борода растет? Косматый он, это да. Но чтобы у него еще и борода была — боже сохрани и помилуй! Нам бы с бабой тогда уж давно хана пришла. Нет у него ни бороды, ни рогов, но хитрющий он, как сатана. Ты сам увидишь, какой он ученый.

— Ученый?! — снова вытаращил глаза Тараба.

— Ученый, а ты как думал?

И старик поведал Тарабе о своих злоключениях, дополнив то, о чем уже рассказал командиру Чаруге, новыми деталями и подробностями.

— Так что ученый это медведь, дружок, может, поученее самого попа будет!

— Ты еще скажи, что он настоящий философ, — уже не так недоверчиво бросил пулеметчик.

— Вот этого я тебе не скажу, — отвечал старик, — но что хитрющий он, как черт, это точно. Завтра сам поглядишь.

На том их разговор закончился. Они поднялись уже на вершину горы и стали спускаться по противоположному лесистому склону в залитую солнцем долину, в центре которой из густой листвы деревьев выглядывала ветхая крыша дома старика.

Теперь Тараба был спокоен. Рассказ старика о своих несчастьях убедил пулеметчика, что задание, полученное от командира, достаточно серьезное. Народ надо защищать от всяких притеснителей. Тараба даже слегка загордился, что командир именно ему поручил это. Он шагал широко и беззаботно, наслаждаясь видом лежавших перед ним зеленых лугов и рощ. А старик без умолку говорил:

— Сказочная это долина, сынок, и земля тут плодородная, и пастбища богатые... Если бы только не война... да еще зверюга этот проклятый!

— А ты с кем живешь, старик? .

— Да с кем — я, жена да сноха. Сын у меня еще был, да как ушел на войну, так и не вернулся. С тех пор тяжело мне жить... Эх, кабы он был жив, разве стал бы я тревожить партизанскую армию из-за какого-то медведя? А так — ну просто деваться некуда. Ты давай сегодня отдохни, поужинай, выпись, а завтра на заре его, холеру, и порешишь. Большое облегчение всем нам будет,

— Не беспокойся, дед, я из твоего мучителя решето сделаю, — пробасил в ответ Тараба.

Они спустились в долину и, утопая по колена в густой траве, зашагали к дому старика. Легкие сумерки уже легли на землю, луга окутывала голубоватая мгла. Удивительно легко и приятно было идти через поля в этот теплый июньский вечер. Тараба полной грудью вдыхал пахучий вечерний воздух и радостно, безмятежно

улыбался.

Старик торжественно ввел гостя во двор и закричал:

— Ну вот, старуха, привел я партизана, который освободит нас от напасти! Готовь ужин и постель для героя!

Перед домом стояла довольно бодрая старушка. Она была вся в черном, но маленькие живые глазки ее смотрели весело. Она уважительно поздоровалась с пулеметчиком и кликнула сноху. И вот тут-то славный пулеметчик Тараба растерялся. На пороге показалась молодая женщина, в черном платке, с перепачканными мукой и тестом руками. Она была босая, в старом заношенном платье, однако и эта ее убогая одежда, и этот ветхий, покосившийся дом, казалось, не имели к ней никакого отношения. На пороге стояло существо словно из другого мира, не созданное для тяжелой крестьянской жизни. Золотистый блеск густых волос, маленькие нежные уши, озерная синева глаз под красивыми изогнутыми бровями, ямочки на щеках, полные, маняще приоткрытые губы произвели на Тарабу, давно отвыкшего от женской красоты, ошеломляющее впечатление. Молодую женщину эта встреча, видимо, тоже взволновала: Тараба видел, как высоко вздымалась под стареньким ситцем ее полная грудь.

Он как-то обмяк, словно силы оставили его, приклад пулемета тупо ударился о землю.

— Добрый вечер, — с трудом выдавил он из себя.

— Добрый вечер.

Пожимая протянутую ему полную руку, он почувствовал, что земля уходит у него из-под ног. К счастью, в этот момент старик пригласил его войти в дом.

После ужина, лежа в сарае на теплом душистом сене, Тараба вспоминал о том, что с ним произошло. За ужином старики спокойно, ничего не замечая, ели овсяную кашу, а он был словно в жару, у него даже слегка кружилась голова. Снохи за столом не было, она хлопотала возле плиты и подавала, но Тарабе казалось, что в комнате нет никого, кроме нее: он слышал только ее легкие шаги, только ее негромкий грудной голос и тихий смех, когда старик рассказывал о коварстве медведя. Смеясь, она запрокидывала голову, показывая нежной белизны шею, грудь ее волновалась, будто стремясь вырваться из плена узкого платья. Он смотрел на нее как замороженный, но, встретившись с быстрым взглядом ее русалочьих, пьянящих глаз, смущенно отворачивался и пытался заставить себя слушать очередной рассказ старика.

Сейчас он лежал на мягком сене, весь во власти необычных ощущений.

— Да не влюбился ли я в самом деле? — шептал он про себя. — Или меня эта девка приворожила чем? Черт его знает, муторно как-то на душе... Наверное, просто на домашних харчах размяк...

Придя к такому выводу, он тут же вспомнил, зачем его сюда послали, и тряхнул головой. Нет-нет, он боец пролетарской бригады и не имеет права позволять себе ничего подобного. Он должен быть твердым и стойким; неужели первая же юбка заставит его забыть обо всем на свете? Нет, никогда! Он покажет ей, что с ним такие штуки не пройдут. И покажет, а то как же! Завтра, если она опять будет выставлять свои прелести или снова начнет глазницами в его сторону стрелять, уж он ей скажет! А то просто отвернется и даже говорить не станет. А если понадобится, то и прикрикнет. Да, так он и сделает.

Тараба немного успокоился, но, как оказалось, преждевременно. Устраиваясь поудобнее, он отстегнул кобуру с пистолетом и сунул под голову, а рядом с собой положил пулемет. В это время дверь сарая тихонько скрипнула, в проеме возникла фигура женщины. Белая, словно сгусток лунного света, она, чуть изогнувшись, стояла на пороге. Потом тихо прошуршало сено, и она оказалась перед ним. Он услышал ее голос:

— Я пришла, партизан.

Пулеметчик Тараба чуть, приподнялся и замер, уставившись на белую фигуру, все мысли разом вылетели у него из головы. Перед ним стояла она, стройная, в длинной белой рубашке, и, подняв руки, расплетала волосы. Тараба почувствовал, что у него начинает кружиться голова, как недавно за ужином. Его бросило в жар, он вдруг задохнулся и, едва шевеля непослушными губами, прошептал:

— Зачем ты пришла?

— Поговорить с тобой, — ответила она, — сказать тебе...

— Что сказать?.. Что?..

— Чтобы ты не убивал медведя. По крайней мере, не завтра. Хотя бы через несколько дней...

Тараба совсем растерялся:

— Но почему?

Она глубоко вздохнула:

— Когда ты его убьешь, тебе придется уйти, а я этого не хочу.

Так же тихо, как и вошла, она опустилась рядом с ним на сено. Он ощутил на лице ее горячее дыхание.

— Люб ты мне... — прошептала она и протянула ему руки.

И было в этом жесте, в этих протянутых руках столько теплоты и нежности, столько желания и доверия, что у Тарабы по всему телу разлилась сладостная истома. Его, огрубевшего от суровой партизанской жизни бойца, давно отвыкшего от женской ласки, сейчас неудержимо потянуло в эти объятия. Его руки сами обвилились вокруг ее стана, голова легла ей на грудь.

— Люб ты мне, — повторила она.

Тарабе показалось, что сено под ними куда-то исчезло, черные стены сарая раздвинулись, а их тела, слитые воедино и ставшие вдруг необычайно легкими, почти невесомыми, парят над землей, словно в безвоздушном пространстве...

Утром его разбудили крики старика. Он выплянул наружу. Солнце стояло уже высоко. Старик, в одних штанах и рубахе, от нетерпения приплясывал на месте перед сараем.

— Поспешай, голубчик, он, проклятый, уже лезет! Пулемет-то у тебя заряжен?

— Не беспокойся, дед, мой пулемет всегда наготове, — ответил Тараба.

Он подхватил пулемет и выбежал из сарая. Если бы старик пригляделся этим утром к Тарабе повнимательнее, то, наверное, заметил бы в глазах пулеметчика какую-то нерешительность и странную медлительность движений. Но, к счастью, старик был слишком занят медведем и ничего не заметил. Выйдя из сарая, Тараба первым делом бросил взгляд в сторону дома. У порога сноха старика выливалась из ведра воду. Озорно улыбаясь, она украдкой поглядывала на Тарабу. Это его приободрило, он тоже улыбнулся ей и довольно решительно зашагал вслед за стариком, прислушиваясь к его возбужденному голосу.

— Я, сынок, хочу себе из его шкуры шубу сшить, — тараторил старик. — Люди говорят, медвежья шкура дюже теплая и от дурного глаза бережет. Не знаешь, правда это или нет?

— Еще бы не правда! В медвежьей шкуре можно и на снегу спать, — ответил Тараба. — Только ты, дед, учти, я в него из пулемета стрелять буду, и твоя шуба дырявая будет, как решето.

— А ты разве не можешь ему в башку целить? — спросил старик.

— Ну что ж, воля твоя, попробую.

Они шли очень быстро. Вскоре добрались до конца поля и оказались у самой опушки леса. Тараба стал внимательно вглядываться в чащу.

— Так где, говоришь, твой медведь? — спросил он.

Старик взобрался на загородку, отделявшую поле от леса, и, ладонью заслонив глаза от солнца, стал оглядывать опушку. Через некоторое время он выругался и спустился на землю.

— Спрятался, паразит, ей-богу, спрятался! Вот теперь сам видишь, что это за напасть! Говорю тебе, он похитрее самого черта будет! Видать, углядел тебя с твоим пулеметом.

— Да ну, не может этого быть, — стал успокаивать старика Тараба, весьма обрадованный отсутствием косолапого. — Он сейчас, наверное, просто в лесу промышляет, а потом сюда явится. Не бойся, дед, уж если он пристрастился к твоим помидорам, то так просто от них не откажется.

— Дай-то бог, — покачал головой старик. — Ну, я пока пойду управляться по хозяйству, а ты тут гляди в оба.

Раздосадованный старик ушел, а пулеметчик залег на краю поля за загородкой и стал напряженно всматриваться в лесную чащу. Яркие лучи солнца били ему прямо в глаза, и на какое-то мгновение он прикрыл веки. Пережитое этой ночью вновь возникло перед взором Тарабы, сладостные воспоминания захлестнули его. Погружаясь в этот прекрасный мир, он забыл и о медведе, и о старике, и о приказе командира, и о необходимости скорее возвращаться назад, в бригаду. Все то, что еще недавно составляло смысл его жизни, сейчас вдруг показалось далеким и незначительным. Он отдался нахлынувшей на него теплой успокаивающей волне, наполнявшей душу отрадой и покоем.

Так прошел жаркий, с оглушительным стрекотом кузнечиков, полдень, и наступил вечер. Огромная фигура медведя два-три раза в течение дня маячила за деревьями, но Тараба не считал нужным стрелять.

На упреки старика за ужином он отвечал, что сегодня, стрелять не мог, потому что не было подходящего момента.

— Видишь ли, старик, — объяснял он, — ты хочешь, чтобы я ему в голову целил, потому что тебе шкура нужна. Вот в этом и загвоздка. Чтобы попасть в голову, нужна большая точность, а какая тут может быть точность, когда голова у него все время ветками заслонена? Придется ждать, пока он во весь рост поднимется и голову из кустов высунет, а уж тогда — вся шкура твоя. Ясно?

Старик внимательно слушал его и в тяжком раздумье качал головой. Доводы пулеметчика вполне убеждали его, но в то же время он всей душой хотел как можно скорее избавиться от ненавистного зверя. Наконец он произнес:

— Вот что, парень, черт с ней, со шкурой этой, прикончи его, и все тут. Где увидишь его, там и стреляй. Куда ни попадешь, я буду доволен. Вот тебе мое последнее слово.

— Добро, дед, выстрелю, — сказал Тараба. — Как ты говоришь, так и будет сделано, можешь не волноваться.

И Тараба отправился спать в свой сарай. Беспокойные мысли одолевали его. Он понимал, что дальше обманывать старика не стоит, это может плохо кончиться. Да и прав старик: медведь действительно несколько раз был у пулеметчика на мушке. Но и сноха старика была тут! Она жадно обнимала Тарабу, лихорадочно ласкала, шепча:

— Не думай о старике, он давно из ума выжил. Медведь сам по себе, а мы сами по себе. Ну-ка обними меня покрепче!..

Она заражала его своим легкомыслием и беззаботностью, и он забывал обо всем на свете рядом с ласковой вдовушкой.

...Уже несколько дней пулеметчик Тараба охотился за коварным медведем, но все без успеха. То ли ратное счастье отвернулось от него, то ли старик был прав и медведь оказался слишком хитрым... Несколько раз удалось выследить косолапого, но в этих проклятых зарослях Тараба никак не мог поймать его на мушку. Иногда медведь вылезал на опушку, даже валялся немного в траве на лужайке, но, как назло, именно тогда, когда Тараба находился от него далеко и не мог хорошенько прицелиться. Тараба пожаловался старику на

медвежью хитрость, сокрушенно качая головой:

— Ей-богу, дед, твоя правда была, не медведь это, а сам дьявол.

Однако терпению старика уже конец пришел. Он и сам знал, что медведь хитер, но никак не мог понять, чего ждет пулеметчик, почему не порешит его недруга. Тряся бородашкой, старик возмущался:

— Я, дорогой товарищ пулеметчик, не знаю, чего ты от этого медведя хочешь. Разве только, чтобы он у тебя перед самым пулеметом раскорячился. Ведь он же бродит тут поблизости каждый божий день, чтоб ему пусто было, а ты смотришь и чего-то ждешь. Может, ты его испугался?

— Еще чего, испугался! — защищался Тараба. — Я танка не испугался, не то что этого медведя. Только ты, дед, не можешь понять: этот твой медведь — не обычный зверь. Он ведь не только хитер да умен, как ты говоришь, его к тому же и пулей не так-то просто продырявить. У него шерсть, что твоя броня, толстая да упругая, это тебе не волк и не лисица, такой шкуры и у дикого кабана нет. И если пуля попадет туда, где у него шерсть всего гуще растет, считай, напрасно патрон истратил. А вот если выбрать ту часть тела, где у него шерсть помягче, грудь там или брюхо, тогда другое дело. Потому я и жду, чтобы он мне эти части тела подставил. А уж тогда, будь спокоен, спета его песенка.

— А разве он к тебе этими частями не поворачивался? — спросил старик. — Разве ни разу к тебе передом не встал?

— В том-то и дело, что нет, — ответил Тараба. — Прячет он эти места пуще иной барышни. Но не беспокойся, недолго ему гулять осталось.

— Чудеса! — вздохнул старик. Он, видимо, все же что-то заподозрил, потому что сказал: — Не пойму я только одного: ты есть боец пролетарской бригады, герой, а позволяешь какому-то медведю над собой изгаляться. Ладно бы был на твоём месте четник, или какой домобран паршивый, или устащ, но ведь ты-то — настоящий боец-пролетарец, так как же это? Я прямо глазам своим не верю. Не пристало тебе с каким-то медведем в прятки играть.

Услышав эти слова, пулеметчик Тараба покраснел. Это уже не шутки. Так можно и себя, и всю бригаду осрамить. Надо что-то придумать... Тараба посмотрел в ехидно прищуренные глаза старика и вдруг, решившись, проговорил:

— Вот что, дед, не бойся, боец пролетарской бригады не подведет. Завтра твоего медведя не будет. Занимайся своими делами, а я уж с ним справлюсь. Будь спокоен.

— Ох, не могу я быть спокойным, пока его мертвым не увижу! — снова вздохнул старик. — Успокой меня, христом-богом прошу!

— Говорю тебе, не волнуйся, все будет в порядке.

Старик ушел, а Тараба, пригорюнившись, понурил голову и пробормотал едва слышно:

— Да, видать, старик что-то подозревает. Придется его успокоить, никуда не денешься. Кончилась моя лафа. Прощай, красавица!..

Когда в полдень вдовушка принесла ему в поле обед, он, печально глядя на нее, сказал:

— Все, моя милая, пришло нам время расставаться, настал конец нашей с тобой сладкой жизни.

Она всплеснула руками, бледность разлилась по ее лицу.

— Что ты говоришь? — испуганно спросила она, нервно затеребив концы черного платка.

— То, что ты слышала. Должен я возвращаться в бригаду, а то сраму не оберешься. Не может так больше продолжаться.

— Это ты старика испугался, — зло бросила она, — моего мучителя! Так ведь он последние деньки доживает, неужто же еще его слушать?

— Успокойся, пожалуйста, — увещевал ее Тараба, — никого я не слушаю, кроме самого себя. И именно потому я должен идти. Ты не знаешь, что такое армия, а я знаю. Что обо мне подумают, если я не вернусь вовремя?

— Значит, убьешь медведя?

— Убью, будь он неладен, не могу я больше тянуть!

— Ой, что же теперь со мной будет? — вдруг зарыдала она. — Неужто я тебя потеряю? И недели еще не прошло, а ты уже уходишь! Ох я несчастная!..

— Ну не плачь, — стал он утешать ее, осторожно глядя полные, вздрагивающие от рыданий плечи, — мне было так хорошо с тобой. Я так люблю тебя, просто с ума схожу. Разве тебе этого мало?

— А если так, то как ты можешь меня оставить? — продолжала она всхлипывать.

— Говорю, люблю, значит, люблю. И с радостью остался бы здесь. Но нельзя. Сама знаешь — война!

— Останься еще хоть на одну ночь! — Она умоляюще подняла на него заплаканные глаза.

— Ну, хорошо, раз ты так хочешь... Днем раньше, днем позже — не имеет сейчас большого значения. А теперь, вытри слезы и иди скорей домой.

Она послушно вытерла глаза и, глубоко вздохнув, побрела к дому. Тараба лег за пулемет и, глядя сквозь прорезь прицела на опушку леса, яростно пробормотал:

— Нет, любовь и всякие такие штуки в революции только мешают, это точно! Расслабляется человек и не знает, что творит. Черт возьми, еще на целую ночь придется здесь задержаться!

Но уже через минуту, вспомнив нежность и ласку, которые так щедро дарила ему молодая женщина, он улыбнулся и замурлыкал какую-то песенку.

Солнце припекало даже сквозь листву кустов, под которыми лежал Тараба. Над долиной дрожало знойное

мареву. Воздух звенел от неподвижно висящих над кустами туч мелких мошек. Откуда-то издалека донесся похожий на стон жалобный крик болотной птицы, высоко в небе раздался хищный клекот горного орла.

Прошло совсем немного времени, и вдруг пулеметчик Тараба насторожился. Ему показалось, что ветки кустов на опушке шевельнулись и между стволами мелькнула черная тень. Густые ветви раздвинулись, и высунулась косматая голова. Медведь внимательно посмотрел в сторону дома старика и снова скрылся за деревьями. Потом его огромная фигура появилась на фоне ярко-зеленой листвы и не спеша двинулась через луг. Мощные лапы зверя утопали в густой высокой траве.

Тараба крепко прижал приклад пулемета к плечу, поймал в прицел раскачивающуюся на ходу рыжеватую громаду и нажал на спуск. Простучала короткая очередь, и почти одновременно с ней раздалось яростное рычание. Огромный зверь поднялся на задние лапы и зашатался. Его страшный рев резанул Тарабе уши. Он снова припал к пулемету и выпустил в медведя две длинные очереди, чтобы прекратить его мучения. Когда дым от стрельбы рассеялся, он увидел, что медведь, весь в крови, бьется на земле в предсмертной агонии; зверь попытался еще раз подняться, но силы оставили его, и огромная туша тяжело рухнула в траву. В глазах застыло выражение дикой ярости и боли. Это зрелище сильно подействовало на Тарабу. Он передернул плечами, точно ежась от порыва холодного ветра, и пробормотал:

— Дьявольщина, и почему именно я должен был его убить? — Глубоко вздохнув, он добавил: — Вон кровищи-то сколько...

К горлу подкатила тошнота, и Тараба отвернулся. Долго стоял он неподвижно; из оцепенения его вывел крик старика. Тот перелез через ограду и бежал к Тарабе, размахивая руками и радостно крича:

— Благослови тебя господь! Убил, убил проклятого! Крови-то, крови-то! И неудивительно — сколько он, холера, у меня помидоров одних сожрал! Ну, теперь все, конец злодею!

Из дома выбежала бабка.

— Ай да пулеметчик, ай да герой! — кричала она, хлопая в ладоши.

А на пороге дома застыла без движения вдова. Тарабе показалось, что он услышал ее приглушенный стон, и пулеметчик совсем сник.

— Я свое дело сделал, — проговорил он хрипло, — пора, дед, мне идти.

Старик внимательно взглянул на него:

— Что ж, иди, бог тебя наградит. Отужинай с нами и — счастливого пути.

Последнюю ночь Тараба провел в жарких объятиях молодой вдовушки. Она как безумная целовала его, прижимала к груди, снова и снова просила отложить свое возвращение. А он отвечал, что это никак не возможно, что его ждут в бригаде.

Близился рассвет. Прижавшись к нему всем телом, она прошептала:

— Возвращайся ко мне, не забывай меня!

— Если когда-нибудь бригада снова зайдет в ваши края, свидимся. Но ты тогда не подавай виду, что меня знаешь и что у нас с тобой что-то было. Хорошенько это запомни.

— О господи! — Она опять заплакала и принялась с еще большей страстью целовать его...

Чуть рассвело, женщина, плача, ушла, а он стал собираться.

За завтраком старик еще раз поблагодарил пулеметчика:

— Освободил ты меня от напасти, поклон тебе за это до земли. Передай командиру мою благодарность. Так и скажи: старик, мол, благодарит за помощь, а жена его яблочек посылает. Про невестку мою не поминай. Дура она, ревет в три ручья, медведя, видишь, ей жалко. Не зря говорят: у бабы волос долог, а ум короток.

Тараба простился со стариком, старуха сунула ему в сумку узелок с провизией на дорогу и положила яблочко, и он тронулся в путь. Сноха старика, стоя на крыльце, молча проводила его печальным взглядом.

Тараба шел быстро, не оборачиваясь. Лишь поднимаясь на гору, он оглянулся на долину и вздохнул:

— Однако наделал же я дел! И она будет тосковать, и я сам теперь покой потеряю. Вот ведь не было печали!

Он бросил последний взгляд на долину, и ему показалось, что он видит на опушке леса одинокую женскую фигуру. Выругавшись, Тараба отвернулся и быстро зашагал вперед.

Был уже полдень, когда пулеметчик возвратился в свою роту. Он отправился к командиру, чтобы доложить о прибытии. Командир его внимательно выслушал и остался очень доволен. Выйдя от него, Тараба пошел в самый дальний конец лагеря. Настроение у него было мрачное, ему хотелось побыть одному. По дороге товарищи остановили его и стали просить рассказать, как он выполнил задание, но он отказался:

— Нечего мне рассказывать! Не подвиг какой совершил, чтобы хвастаться. Еще одну жизнь загубил, вот и все.

Однако его не оставляли в покое весь день. Наконец он сдался и коротко рассказал, как караулил медведя, как наконец поймал его на мушку и как потом видел мертвым...

— И что здесь интересного? — хмуро спросил он партизан, закончив рассказ.

— Ничего особенного, конечно, нет, — согласились партизаны, — но почему ты, черт возьми, такой невеселый? Неужели же из-за какого-то медведя загрустил?

— Эх, кабы вы знали, что это за медведь был! — пробормотал Тараба еле слышно.

Никто ничего так и не понял. Действительно, недоумевали они, что это был за медведь, из-за которого весельчак Тараба вдруг стал таким мрачным? Партизаны долго искали ответа на этот вопрос, но так и не нашли.

СОДЕРЖАНИЕ

Д. Лабович. Игманский марш (3)
М. Гончин. Площады не будет (157)
М. Реновчевич Невен. Три рассказа о любви (236)

ГРОЗНЫЕ ГОДЫ

Сборник

Редактор *В. А. Стерлигов*
Художник *О. П. Шамро*
Редактор (литературный) *Г. В. Сакович*
Художественный редактор *Т. А. Тихомирова*
Технический редактор *Н. Я. Богданова*
Корректор *Т. И. Козырева*

ИБ № 1808

Сдано в набор 30.03.83. Подписано в печать 22.07.83. Формат 84X108/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарн. обычн. Нов. печать высокая. Печ. л. 9¹/₂. Усл. печ. л. 15,96. Усл. кр.-отг. 16,12. Уч.-изд. л. 18,43. Изд. № 10/6956. Тираж 65 000 экз. Зак. 3-379. Цена 2 р.

Воениздат, 103160, Москва, К-160

Набрано в 1-й типографии Воениздата

103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.

Отпечатано с матриц на книжной ф-ке им. М. В. Фрунзе, 310057,
Харьков-57, ул. Донец-Захаржевского, 6/8.